3 1761 06192852 9

ЧТЕЦЪ ДЕКЛАМАТОРЪ

Presented to the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from

the estate of

MISHA ALLEN

Полный

Чтецъ-Декламаторъ.

ПОЛНЫЙ
ЧТЕЦЪ-ДЕКЛАМАТОРЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ И РАЗСКАЗОВЪ, ПРИГОДНЫХЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ СЪ ЭСТРАДЫ.

ТОМЪ II.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ:

I. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА.
II. ПОЭЗІЯ.
II. ЮМОРИСТИКА.

СЪ ПОРТРЕТАМИ ПИСАТЕЛЕЙ И АРТИСТОВЪ.

СОСТАВИЛЪ И. Д. ШЕМЯКИНЪ.

ТИП. Л. БИЛИНСКАГО и В. МАСЛЯНКЕВИЧА.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА.

LIBRARY
MAR 2 4 2004
UNIVERSITY OF TORONTO

Ѳ. М. Достоевскій.

СЛУЧАЙ СЪ ЧИНОВНИКОМЪ МАКАРОМЪ ДѢВУШКИНЫМЪ*).

Я весь взволнованъ страшнымъ происшествіемъ. Голова моя вертится кругомъ. Я чувствую, что все кругомъ меня вертится. Ахъ, что я разскажу

*) Изъ романа „Бѣдные люди“.

вамъ теперь! Вотъ, мы и не предчувствовали этого. Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы я не предчувствовалъ. Все это заранѣе слышалось моему сердцу. Я даже намедни во снѣ что то видѣлъ подобное.

Вотъ что случилось! — Разскажу безъ слога, а такъ, какъ мнѣ на душу Господь положитъ. Пошелъ я сегодня въ должность. Пришелъ, сижу, пишу. А нужно вамъ знать, что я и вчера писалъ тоже. Ну, такъ вотъ, вчера подходитъ ко мнѣ Тимофей Ивановичъ и лично изволитъ наказывать, что— вотъ, дескать, бумага нужная, спѣшная. Перепишите, говоритъ, Макаръ Алексѣевичъ, почище, поспѣшно и тщательно: сегодня къ подписанію идетъ. – Замѣтить вамъ нужно, что вчерашняго дня я былъ самъ не свой, ни на что и глядѣть не хотѣлось; грусть, тоска такая напала! На сердцѣ холодно, на душѣ темно. Ну, вотъ, я принялся переписывать; переписалъ чисто, хорошо, только ужъ не знаю и какъ точнѣе сказать, самъ ли нечистый меня попуталъ, или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было сдѣлаться:—только пропустилъ я цѣлую строку: смыслъ то и вышелъ, Господь его знаетъ какой, просто, никакого не вышло. Съ бумагой-то вчера опоздали и подали ее на подписаніе его превосходительству только сегодня. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, являюсь сегодня въ обычный часъ и располагаюсь рядкомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Нужно вамъ замѣтить, что я съ недавняго времени сталъ вдвое болѣе прежняго совѣститься и въ стыдъ приходить. Я въ послѣднее время и не глядѣлъ ни на кого. Чуть стулъ заскрипитъ у кого-нибудь, такъ ужъ я и ни живъ, ни мертвъ. Вотъ точно такъ сегодня, приникъ, присмирѣлъ, ежомъ сижу, такъ что Ефимъ Акимовичъ (такой задирала, какого и на свѣтѣ до него не было) сказалъ во всеуслышаніе: что, дескать, вы, Макаръ Алексѣевичъ, сидите, у-у-у? Да тутъ такую гримасу скорчилъ, что всѣ, кто около него и меня ни были, такъ и покатились со смѣху, и ужъ, разумѣется, на мой счетъ И пошли, и пошли! Я и уши прижалъ, и глаза зажмурилъ,

сижу себѣ, не пошевелюсь. Таковъ ужъ обычай мой; они этакъ скорѣе отстаютъ. Вдругъ слышу шумъ, бѣготня, суетня; слышу — не обманываются ли уши мои? Зовутъ меня, требуютъ меня, зовутъ Дѣвушкина. Задрожало у меня сердце въ груди, и ужъ самъ не знаю, чего я испугался: только знаю то, что я такъ испугался, какъ никогда еще въ жизни со мной не было. Я приросъ къ стулу,— и какъ ни въ чемъ не бывало, точно и не я. Но, вотъ, опять начали ближе и ближе. Вотъ, ужъ подъ самымъ ухомъ моимъ: дескать, Дѣвушкина! Гдѣ Дѣвушкинъ? Подымаю глаза, передо мною Евстафій Ивановичъ; говоритъ: „Макаръ Алексѣевичъ, къ его превосходительству, скорѣе! Бѣды вы съ бумагой надѣлали“! Только это одно и сказалъ, да довольно, не правда ли, маточка, довольно сказано было? Я помертвѣлъ, оледенѣлъ, чувствъ лишился, иду—ну, да ужъ, просто, ни живъ, ни мертвъ отправился. Ведутъ меня черезъ одну комнату, черезъ другую комнату, черезъ третью комнату, въ кабинетъ—предсталъ! Положительнаго отчета, объ чемъ я тогда думалъ, я дать не могу. Вижу, стоятъ его превосходительство, вокругъ него всѣ они Я, кажется, не поклонился, позабылъ. Оторопѣлъ такъ, что и губы трясутся, и ноги трясутся. Да и было отъ чего. Во-первыхъ, совѣстно; я взглянулъ направо въ зеркало, такъ, просто, было отъ чего съ ума сойти, отъ того, что я тамъ увидѣлъ. А во-вторыхъ, я всегда дѣлалъ такъ, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было. Такъ что едва ли его превосходительству было извѣстно о существованіи моемъ Можетъ быть, слышали, такъ мелькомъ, что есть у нихъ въ вѣдомствѣ Дѣвушкинъ, но въ крайнихъ сего сношенія никогда не входили.

Начали гнѣвно: „какъ же это вы, сударь! Чего вы смотрите? Нужна бумага, нужна къ спѣху, а вы ее портите. И какъ же вы это“, — тутъ его превосходительство обратились къ Ефстафію Ивановичу. Я только слышу, какъ до меня звуки словъ долетаютъ:—Нерадѣніе! Неосмотрительность! Вводите въ непріятности! — Я раскрылъ было ротъ для

чего то, хотѣлъ было прощенія просить, да не могъ, убѣжать — покуситься не смѣлъ, и тутъ... такое случилось, что я и теперь едва перо держу отъ стыда. — Моя пуговка — ну ее къ бѣсу — пуговка, что висѣла у меня на ниточкѣ—вдругъ сорвалась, отскочила, запрыгала (я, видно, задѣлъ ее нечаянно), зазвенѣла, покатилась и прямо, такъ-таки прямо, проклятая къ стопамъ его превосходительства, и это посреди всеобщаго молчанія! Вотъ и все было мое оправданіе, все извиненіе, весь отвѣтъ, все, что я собирался сказать его превосходительству! Послѣдствія были ужасны Его превосходительство тотчасъ обратили вниманіе на фигуру мою и мой костюмъ. Я вспомнилъ, что я видѣлъ въ зеркалѣ: я бросился ловить пуговку! Нашла на меня дурь! Нагнусь, хочу взять пуговку, — катается, вертится, не могу поймать, словомъ, и въ отношеніи ловкости отличился. Тутъ ужъ я чувствую, что и послѣднія силы меня оставляютъ, что ужъ все, все потеряно! Вся репутація потеряна, весь человѣкъ пропалъ! А тутъ въ обоихъ ушахъ ни съ того, ни съ сего и пошло перезванивать. Наконецъ поймалъ пуговку, приподнялся, вытянулся, да ужъ коли дуракъ, такъ стоялъ бы себѣ смирно, руки по швамъ! Такъ нѣтъ же. Началъ пуговку къ оторваннымъ ниткамъ прилаживать, точно отъ того она и пристанетъ, да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потомъ опять на меня взглянули — слышу, говорятъ Евстафію Ивановичу: „какъ же?.. Посмотрите, въ какомъ онъ видѣ!.. Какъ онъ!.. Что онъ!..“ Ахъ, что ужъ тутъ—„какъ онъ?“ Отличился! Слышу, Евстафій Ивановичъ говоритъ—„не замѣченъ, ни въ чемъ не замѣченъ, поведенія примѣрнаго, жалованья достаточно, по окладу“.. Ну, облегчите его какъ-нибудь, говоритъ его превосходительство.—Выдать ему впередъ“... „Да забралъ говорятъ, забралъ, вотъ за столько-то времени впередъ забралъ. Обстоятельства вѣрно такія, а поведенія хорошаго и не замѣченъ, никогда не замѣченъ“. Я горѣлъ, въ адскомъ огнѣ горѣлъ! Я уми-

ралъ! — „Ну, говорятъ его превосходительство громко — переписать же вновь поскорѣе. Дѣвушкинъ, подойдите сюда, перепишите опять вновь безъ ошибки; да послушайте“... тутъ его превосходительство поспѣшно вынимаютъ книжникъ и изъ него сторублевую. Вотъ, говорятъ они, чѣмъ могу, считайте, какъ хотите, возьмите... да и всунулъ мнѣ въ руку. Я вздрогнулъ, вся душа моя потряслась, не знаю, что было со мною; я было схватить ихъ руку хотѣлъ. А онъ-то весь покраснѣлъ, мой голубчикъ, да — вотъ ужъ тутъ ни на волосокъ отъ правды не отступаю: взялъ мою руку недостойную, да и потрясъ, словно ровнѣ своей, словно такому-же, какъ самъ, генералу. „Ступайте, говоритъ, чѣмъ могу... Ошибокъ не дѣлайте, а теперь грѣхъ пополамъ“.

Ѳ. Достоевскій.

Оскаръ Уайльдъ.

Счастливый принцъ.

Оскара Уайльда.

Надъ городомъ, на высокомъ пьедесталѣ, поднималась статуя счастливаго принца. Она была выложена тонкими листами чистаго золота, двумя драгоцѣнными сапфирами сверкали глаза, большой кровавый рубинъ алѣлъ на рукояткѣ меча.

Всѣ восхищались статуей счастливаго принца.

— Онъ прекрасенъ, какъ птица на флюгерѣ, замѣтилъ членъ городского совѣта, желая обнаружить тонкое художественное пониманіе —Конечно, онъ не приноситъ такой пользы, поспѣшно добавилъ онъ, опасаясь прослыть непрактичнымъ.

— Почему ты не похожъ на счастливаго принца? говорила добрая мать сыну-малюткѣ, когда

онъ съ плачемъ требовалъ луну. — Счастливый принцъ не сталъ бы плакать изъ-за пустяковъ.

— Хорошо, когда на землѣ есть хоть одинъ счастливецъ, прошепталъ, увидѣвъ дивную статую, гонимый судьбой бѣднякъ.

— Онъ совсѣмъ ангелъ, говорили, выходя изъ церкви, пріютскія дѣти, въ красныхъ балахонахъ и бѣлыхъ передникехъ.

— Почему ангелъ? замѣтилъ учитель ариѳметики: - вы видѣли ангеловъ?

— Мы видѣли ангеловъ иногда.. во снѣ... отвѣчали дѣти.

Учитель ариѳметики сурово сдвинулъ брови,— онъ не любилъ дѣтской привычки видѣть сны

Однажды ночью надъ городомъ пролетѣла маленькая ласточка. Шесть недѣль тому назадъ ея подруги умчались въ Египетъ Она все не рѣшалась покинуть прекрасный тростникъ, который плѣнилъ ея сердце. Въ началѣ весны она встрѣтила его, гоняясь за желтой бабочкой, надъ рѣкой; ласточка поражена была стройностью тростника.

— Позвольте любить васъ! вскрикнула она, не подумавши.

Тростникъ въ отвѣтъ изящно склонился.

Ласточка стала рисовать круги надъ тростникомъ, едва касаясь воды легкими крылышками, разбрасывая серебряныя брызги; она выражала восторгъ любви, и это продолжалось цѣлое лѣто.

— Странное увлеченіе, шептали подруги; — за душой у него ни копѣйки и бездна родни...

Дѣйствительно, вся рѣка была покрыта тростниками.

Настала осень. Подруги улетѣли. Ласточка почувствовала одиночество, ея любовь остыла!

— Онъ не умѣетъ говорить! пролепетала она,— и легкомысленъ... флиртуетъ съ вѣтромъ.

Это потому, что на каждый порывъ вѣтра тростникъ отвѣчалъ глубокими поклонами. „Онъ привязанъ къ жилищу“, разсуждала ласточка, а – я люблю путешествовать, моему мужу это должно нравиться.

— Вы согласитесь сопровождать меня наконецъ, спросила она своего возлюбленнаго; тростникъ покачалъ головкой; онъ былъ привязанъ къ мѣсту.

— Вы шутите со мной! воскликнула ласточка...— Прощайте! Я лечу къ пирамидамъ.

И она умчалась.

Весь день провела она въ пути, къ ночи прилетѣла въ городъ.

— Гдѣ мнѣ ночевать! воскликнула она. — Кто мнѣ устроитъ необходимый пріемъ!

Вдругъ, она увидѣла статую на высокомъ пьедесталѣ.

— Здѣсь я устроюсь, рѣшила она: — мѣсто свободное и красивое.

Она опустилась къ ногамъ счастливаго принца.

— У меня спальня золотая! радостно воскликнула она, осматриваясь и устраиваясь.

Она скрыла головку подъ крылышко и вдругъ почувствовала, что упала капля влаги.

— Странно! подумала она: — небо безоблачно, звѣзды ярки, и падаетъ дождь Климатъ на сѣверѣ Европы ужасенъ. Мой тростникъ любилъ дождь, но это было такъ эгоистично съ его стороны...

Упала новая капля.

— Негодная статуя, — неспособна укрыть отъ дождя! негодовала ласточка:—придется искать ночлега въ трубѣ на крышѣ...

Она собралась летѣть. Расправила крылья, и на нихъ упала третья капля. Она невольно подняла головку и увидѣла...

Глаза счастливца принца сверкали слезами, крупныя слезы катились по золоченымъ щекамъ. Въ сіяніи мѣсяца, лицо было необыкновенно красиво, и сердце ласточки дрогнуло отъ жалости.

— Кто ты? спросила она.

— Счастливый принцъ.

— Зачѣмъ же ты плачешь? Я намокла благодаря тебѣ...

— Я жилъ, и у меня было человѣческое серд-

це, отвѣтилъ принцъ, — я не зналъ слезъ. Я жилъ во дворцѣ Sans Souci, и ко мнѣ былъ запрещенъ входъ горю. Днемъ я игралъ съ придворными въ паркѣ, вечеромъ танцовалъ въ большихъ залахъ. Садъ окружала высокая стѣна, я не интересовался, что за нею; кругомъ было такъ красиво! Придворные звали меня счастливымъ принцемъ, и я былъ счастливъ, если счастье въ однихъ наслажденіяхъ. Такъ я прожилъ жизнь, такъ и умеръ. Теперь, послѣ смерти, они поставили меня слишкомъ высоко! Я вижу всю нищету, всѣ страданія моего города и не могу удержать слезъ, хотя сердце у меня свинцовое.

„Оно не золотое?“ удивленно подумала ласточка, но изъ деликатности не сказала этого. Принцъ продолжалъ говорить:

— Тамъ, вдали, на небольшой улицѣ стоитъ бѣдный домикъ. Черезъ открытое окно я вижу женщину, она сидитъ у стола. Утомленное лицо блѣдно, руки грубы отъ труда, пальцы исколоты иглой, она шьетъ золотыми нитками... Къ балу нуженъ уборъ для роскошной одежды прелестнѣйшей изъ фрейлинъ королевы. На кровати — больной мальчикъ. Онъ разметался въ лихорадкѣ и проситъ дать ему апельсинъ. Мать даетъ ему все, что можетъ—немного чистой воды, а онъ не перестаетъ плакать. Ласточка, ласточка, отнеси ему рубинъ отъ моего меча: ноги мои прикованы къ пьедесталу, я не могу двинуться съ мѣста.

— Подруги ждутъ меня.. въ Египтѣ! отвѣтила ласточка:—онѣ летаютъ надъ Ниломъ и шепчутся съ цвѣтами лотоса. Скоро онѣ улетятъ къ гробницѣ великаго фараона. Онъ повитъ желтыми тканями и надушенъ ароматными травами. Длинная цѣпь изъ зеленой яшмы падаетъ съ его шеи, а руки его, какъ пожелтѣвшіе листья.

— Ласточка, ласточка, маленькая ласточка, шепталъ принцъ;—если бы ты одну ночь провела со мной, была бы моимъ гонцомъ! Мальчикъ изнемогъ отъ жажды, мать его страдаетъ!

— Я не очень люблю мальчиковъ, отвѣтила ласточка. Прошлое лѣто я жила у рѣки и знала двухъ мальчиковъ, сыновей мельника. Они всегда бросали въ меня камешками. Имъ не удалось попасть! Мы, ласточки, прекрасно летаемъ, и мои предки славились ловкостью. Все же, это было нѣсколько невѣжливо съ ихъ стороны...

Счастливый принцъ былъ такъ печаленъ; ласточка сжалилась...

— Здѣсь очень холодно, отвѣтила она; — но я останусь съ тобой на ночь, исполню твою просьбу!

— Спасибо тебѣ, милая птичка, отвѣтилъ принцъ.

Ласточка выклевала большой рубинъ изъ меча принца и понеслась надъ домами, съ камнемъ въ клювѣ.

Она пролетѣла мимо башни собора съ ангелами изъ бѣлаго мрамора, мимо дворца съ раскрытыми окнами и волнами бальной музыки. На балконѣ появилась красивая дѣвушка съ своимъ поклонникомъ.

— Какъ прекрасны звѣзды, какъ безпредѣльна власть любви! сказалъ онъ.

— Боюсь, что мое платье не успѣютъ приготовить къ большому балу, отвѣтила она; —эти златошвейки ужасно лѣнивы!

Ласточка пролетѣла надъ рѣкой и замѣтила огни на высокихъ мачтахъ На рынкѣ она видѣла старыхъ мѣнялъ, они клали золото на мѣдныя чашки вѣсовъ... Прилетѣвъ къ бѣдному домику, она заглянула въ окно... мальчикъ метался въ бреду, мать уснула, закрывъ лицо руками, бѣдная, она такъ утомилась...

Ласточка быстро влетѣла и бросила рубинъ на столъ, рядомъ съ наперсткомъ... Пронеслась надъ кроваткой, покружилась, вѣя легкими взмахами крыльевъ, освѣжая пылающее личико ребенка.

— Хорошо!. прохладно!.. прошепталъ маль-

чикъ.. такъ лучше!.. и съ этими словами крѣпко заснулъ.

Ласточка вернулась къ счастливому принцу и доложила объ этомъ.

— Удивительно, закончила она, я совсѣмъ согрѣлась, хотя холодно.

— Ты сдѣлала добро, улыбнулся принцъ.

Маленькая ласточка задумалась, но уснула; размышленіе всегда хорошо усыпляло ее. Утромъ она улетѣла къ рѣкѣ и стала купаться.

— Странный случай! замѣтилъ профессоръ естествовѣдѣнія, проходя по мосту;—ласточка купается зимой!

Онъ посвятилъ ей большую статью въ мѣстной газетѣ, и каждый обыватель ссылался на нее, проникаясь учеными терминами.

— Я улетаю въ Египтъ, рѣшила она, и эта мысль привела ее въ восторгъ.

Весь день она осматривала городъ, долго отдыхала на шпицѣ колокольни. Вездѣ воробьи чирикали другъ другу, косясь на нее: „Какая знатная иностранка". Ей было лестно.

Поднялась луна. Ласточка прилетѣла къ счастливому принцу.

— Не имѣешь ли порученій въ Египтѣ? спросила она. – Я сейчасъ улетаю

— Ласточка, милая ласточка, отвѣтилъ принцъ:— не проведешь ли ты еще одну только ночь?

— Меня ждутъ въ Египтѣ, отвѣчала ласточка;— подруги мои улетаютъ къ порогамъ. У береговъ дремлютъ въ густыхъ камышахъ гиппопотамы, на высокомъ гранитномъ тронѣ красуется Мемнонъ. Цѣлую ночь онъ смотритъ на небо, при появленіи утренней звѣзды привѣтствуетъ ее радостнымъ восклицаніемъ и умолкаетъ. Въ полдень сходятся къ водопою желтые львы. Глаза ихъ сверкаютъ какъ зеленые бериллы, и ревомъ они заглушаютъ паденіе водопада.

— Ласточка, ласточка! молилъ принцъ. Я вижу юношу на чердакѣ, подъ кровлей. Онъ скло-

писал надъ столомъ, заваленнымъ рукописями, и въ большомъ стаканѣ темнѣетъ букетъ фіалокъ. У юноши злые губы, черные кудри и задумчивый взоръ. Онъ спѣшитъ кончить пьесу, заказанную директоромъ театра, но руки коченѣютъ, огонь въ каминѣ давно погасъ, юноша близокъ къ обмороку отъ голода.

— Прекрасно, проведу еще ночь! отвѣтила ласточка;— у нея было, поистинѣ, доброе сердце.— Отнести ему еще рубинъ?

— У меня нѣтъ больше рубина, но глаза мои остались, воскликнулъ принцъ; — въ нихъ вставлены драгоцѣнные сапфиры. Они привезены тысячу лѣтъ тому назадъ изъ Индіи. Выклюй одинъ глазъ, отнеси ему. Онъ продастъ его ювелиру, купитъ пищи и дровъ, окончитъ пьесу...

Ласточка заплакала.

— Милый принцъ, я не сдѣлаю этого!

— Ласточка, ласточка.. сдѣлай, я прошу...

Ласточка выклевала сапфиръ и улетѣла къ дому юноши.

Черезъ отверстіе кровли можно было проникнуть въ комнату. Юноша сидѣлъ, зажавъ голову руками, и не разслышалъ шороха крыльевъ. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ рядомъ съ вазой фіалокъ чудесный сапфиръ.

— Нашлись поклонники моего таланта, воскликнулъ онъ; — это подарокъ одного изъ нихъ. Я закончу пьесу!

Юноша былъ счастливъ.

Утромъ ласточка улетѣла въ гавань. Съ конца корабельной мачты она видѣла, какъ матросы тянули по веревкамъ тяжелые ящики изъ трюма.

— Дружно!. кричали они, какъ только показывался ящикъ въ отверстіи...

— Я улетаю въ Египетъ, щебетала ласточка, но никто не обращалъ на нее вниманія.

Луна взошла, и ласточка снова прилетѣла къ счастливому принцу.

— Я хочу проститься! воскликнула она.

— Ласточка, ласточка, побудь еще со мной ..

— Настала зима, отвѣчала ласточка; — скоро весь городъ покроется холоднымъ снѣгомъ... Въ Египтѣ знойные лучи солнца грѣютъ пальмы, лѣниво колышутся въ тинѣ крокодилы и оглядываются по сторонамъ.. Подруги вьютъ гнѣзда въ Бельбекскомъ храмѣ, розовые и бѣлые голуби воркуютъ имъ. Принцъ, дорогой, я оставлю тебя, но буду всегда помнить... Слѣдующей весной принесу тебѣ два красивыхъ камня взамѣнъ тѣхъ, что ты отдалъ... Мой рубинъ будетъ пурпурнѣе алой розы, сапфиръ лазурнѣе голубого моря...

— Тамъ, у аллеи парка, стоитъ маленькая дѣвочка и продаетъ спички. Она уронила лотокъ въ канаву, всѣ спички испортились. Отецъ прибьетъ ее, если она вернется безъ денегъ, а она стоитъ и плачетъ... Безъ башмаковъ, безъ чулокъ, голова ея не покрыта... Возьми другой мой глазъ, отнеси ей... Ее не будутъ бить...

— Я проведу еще ночь, согласилась ласточка: - но я не возьму твоего сапфира, — ты ослѣпнешь...

— Исполни просьбу, маленькая ласточка, умолялъ принцъ.

Она послушалась и улетѣла внизъ съ драгоцѣннымъ камнемъ. Пролетая надъ дѣвочкой, она бросила въ руку ей камень.

— Ахъ, какое стеклышко! красивое стеклышко! красивое стеклышко! вскрикнула дѣвочка и весело убѣжала домой.

Ласточка вернулась къ принцу и сказала:

— Ты теперь ничего не видишь. Я навѣки останусь съ тобой.

Нѣтъ, маленькая птичка, ты должна летѣть въ Египетъ, отвѣтилъ бѣдный принцъ.

— Я останусь съ тобой навѣки, шепнула ласточка еще разъ и уснула у ногъ его.

Весь слѣдующій день она сидѣла на плечѣ принца и разсказывала о томъ, что видѣла въ дальнихъ странахъ. Она разсказывала о розовыхъ ибисахъ, какъ они, острыми клювами, выстроившись длинными рядами по берегамъ Нила, удятъ

золотую рыбу, о древнемъ, какъ міръ, сфинксѣ — онъ живетъ въ пустынѣ и всевѣдущъ; о купцахъ, медленно идущихъ за караванами верблюдовъ, съ янтарными четками въ рукахъ, о князѣ Лунныхъ Горъ, который черенъ, какъ черное дерево, и молится большому осколку хрусталя; о гигантѣ, темно-зеленомъ удавѣ, онъ спитъ на пальмовомъ деревѣ, — двадцать жрецовъ кормятъ его медовыми лепешками; о карликахъ, которые плаваютъ по большому озеру на широкихъ листьяхъ и вступаютъ въ битву съ бабочками.

— Милая ласточка, отвѣтилъ принцъ, ты говоришь о чудесныхъ вещахъ, но сильнѣе ихъ бѣдствія людскія. Изъ бѣдствій самое грозное—нищета. Полетай по городу, ласточка, передай мнѣ, что ты увидишь.

Ласточка полетѣла. Она видѣла пиры богачей въ роскошныхъ чертогахъ и ѣду нищихъ у воротъ. Она пролетѣла по узкимъ улицамъ, видѣла измученныя лица голодныхъ, они печально смотрѣли въ даль темныхъ улицъ. Подъ арками моста два маленькихъ мальчика, лежа, обнялись, хотѣли согрѣться.

— Мы ѣсть хотимъ! грустно говорили они.

Сторожъ крикнулъ:—Здѣсь нельзя лежать!..

Они тихо пошли подъ дождемъ.

Ласточка вернулась къ принцу и сказала о томъ, что видѣла.

— Я покрытъ тонкими листами золота, отвѣтилъ принцъ;—сорви ихъ одинъ за другимъ и отдай бѣднымъ... Людямъ кажется, что золото даетъ счастье.

Ласточка сорвала съ принца листъ за листомъ; онъ потускнѣлъ, сталъ сѣрымъ. Ласточка разнесла золото бѣднымъ, и много дѣтокъ зацвѣло румянцемъ; весело рѣзвились они теперь по узкимъ улицамъ.—„У насъ—хлѣбъ!“—шумѣли они.

Выпалъ снѣгъ, настали морозы. Улицы сверкали серебромъ и стали красивы. Съ края крышъ висѣли ледяныя сосульки: они походили на хру-

стальные клинки. Люди надѣли шубы, и мальчики шаловливо скользили по льду.

Все холоднѣе, холоднѣе было бѣдной маленькой ласточкѣ,—но она не разлучалась съ принцемъ, такъ полюбила его. Украдкой ловила хлѣбныя крохи у дверей булочной и хлопала крылышками, желая согрѣться. Вдругъ, она почувствовала приближеніе смерти.

Въ послѣдній разъ она сѣла на плечо принца.

— Прощай, милый принцъ, шепнула она. — Позволь поцѣловать твою руку!

— Я радъ, что ты собралась въ Египетъ, маленькая ласточка, сказалъ принцъ, — ты слишкомъ долго была здѣсь; поцѣлуй меня въ губы. Я люблю тебя.

— Не въ Египетъ улечу я, отвѣтила ласточка,—а въ страну Смерти. Вѣдь Смерть и Сонъ — родные братья?..

Она поцѣловала уста принца и упала, мертвая, къ его ногамъ.

Въ этотъ мигъ раздался сильный трескъ: въ груди статуи что-то какъ будто раскололось... Разбилось свинцовое сердце, распалось пополамъ, вѣроятно отъ мороза.

Утромъ мэръ гулялъ съ членомъ управы въ саду счастливаго принца. Проходя мимо статуи, онъ взглянулъ вверхъ.

— Боже! Какой жалкій, истерзанный видъ у нашей статуи! воскликнулъ онъ.

— Дѣйствительно, жалкій видъ, повторилъ членъ управы, вѣрное эхо мэра.

Они поднялись по ступенямъ, осмотрѣть статую.

— Рубинъ выпалъ, глаза исчезли, золото сорвано, сказалъ мэръ. — Онъ безобразнѣе нищаго, мэръ!—Онъ безобразнѣе нищаго! Право!

— Безобразнѣе нищаго, откликнулся членъ управы.

— У ногъ валяется какая-то мертвая птичка, продолжалъ мэръ; надо издать постановленіе о запрещеніи птицамъ здѣсь умирать.

Секретарь приготовилъ постановленіе. Рѣшили также снять статую счастливаго принца.

— Онъ некрасивъ, ergo безполезенъ, сказалъ профессоръ эстетики мѣстнаго университета

Статую бросили въ плавильную печь, и созвано было засѣданіе Совѣта,—обсудить вопросъ объ употребленіи металла

— Мы должны поставить другую статую, заявилъ мэръ;—разумѣется, мой бюстъ.

— Мой! закричалъ каждый членъ Совѣта, и они начали спорить...

Недавно я слышалъ, что ихъ споръ продолжается.

— Удивительно! воскликнулъ главный мастеръ плавильни;—свинцовое сердце не плавится... Выбросить его!.

И сердце бросили въ яму мусора, гдѣ лежало тѣло маленькой ласточки.

— Принеси мнѣ сокровища города... сказалъ Господь Ангелу, и Ангелъ принесъ свинцовое сердце и мертвую птичку.

— Твой выборъ вѣренъ, рѣшилъ Господь: — отнынѣ птичка будетъ пѣть въ нашихъ райскихъ садахъ, а Счастливый Принцъ станетъ возносить вѣчную хвалу небесамъ въ моихъ лучезарныхъ чертогахъ.

Э. Золя.

Кризисъ.

(Перев. съ французскаго)

I.

Придя утромъ на фабрику, рабочіе нашли ее холодной и словно потемнѣвшей отъ печальнаго разоренія. Машина, стоящая въ глубинѣ залы, молчитъ со своими худыми руками и неподвижными колесами! эта машина, дыханіе и движеніе которой обыкновенно одушевляютъ весь домъ біеніемъ гигантскаго сердца, суроваго въ своей работѣ, придаетъ фабрикѣ еще болѣе меланхолическій видъ.

Хозяинъ выходитъ изъ своего маленькаго кабинета и съ печальнымъ видомъ говоритъ рабочимъ:

— Дѣти мои, сегодня больше нѣтъ работы. Заказы не приходятъ. Нужно все прекратить.

Нѣсколько минутъ рабочіе стоятъ и, сжавъ кулаки, смотрятъ на свои ненужные инетрументы. Въ другіе дни, съ самаго разсвѣта здѣсь скрипѣли напильники и отбивали тактъ молотки; и все это кажется уже уснувшимъ и покрытымъ пылью банкротства. Это обозначаетъ, что двадцати или тридцати семействамъ нечего будетъ ѣсть на слѣдующей недѣлѣ. У нѣсколькихъ женщинъ, работающихъ на фабрикѣ, выступаютъ на глазахъ слезы. Мужчины хотятъ казаться болѣе твердыми. Оно храбрятся и говорятъ, что въ Парижѣ не умираютъ съ голоду.

Потомъ, когда хозяинъ простился съ ними, и они проводили его удаляющуся фигуру, сгорбившуюся за одну недѣлю и подавленную, они уходятъ одинъ за другимъ, задыхаясь въ этой залѣ, съ сдавленнымъ горломъ и похолодѣвшимъ сердцемъ, какъ будто выходя изъ комнаты покойника. Покойникъ—это работа, это большая нѣмая машина, скелетъ которой мрачно чернѣетъ въ тѣни.

II.

Рабочій на улицѣ, на мостовой. Цѣлую недѣлю онъ обивалъ троттуары, не находя работы. Онъ ходилъ отъ двери къ двери, предлагая свои мускулы, свои руки, всего себя на какую угодно работу, на самую грязную, на самую тяжелую, на самую убійственную. Всѣ двери заперлись передъ нимъ.

Черезъ недѣлю все кончено. Рабочій сдѣлалъ послѣднюю попытку и медленно возвращается съ пустыми руками, истомленный нуждой. Идетъ дождь; въ этотъ вечеръ Парижъ мраченъ и грязенъ. Онъ идетъ подъ дождемъ, не чувствуя его, испытывая только голодъ и останавливаясь, чтобы придти не такъ скоро Онъ наклонился черезъ перила надъ Сеной; колоссальный потокъ мчится подъ

нимъ, посылая ему ужасный призывъ. Потомъ онъ говоритъ себѣ, что это было бы трусостью и уходитъ.

Такъ какъ его жена и дочь плакали утромъ, онъ обѣщалъ имъ хлѣба къ вечеру. Онъ не смѣлъ до самой ночи придти и сказать имъ, что онъ лгалъ. По дорогѣ онъ спрашивалъ себя, какъ онъ войдетъ и что онъ разскажетъ имъ, чтобы внушить имъ терпѣніе; однако, онѣ не могутъ дольше оставаться безъ пищи. Онъ самъ еще попробовалъ бы, но жена и дочь слишкомъ слабы.

Одну минуту ему приходитъ въ голову мысль попросить милостыню. Но когда мимо него проходитъ дама или господинъ, и когда онъ думаетъ протянуть руку, его рука деревенѣетъ, и горло сжимается. Онъ неподвижно стоитъ на тротуарѣ, а приличные люди отворачиваются, считая его пьянымъ, при видѣ дикаго, голоднаго человѣка.

III.

Жена рабочаго спустилась на порогъ двери, оставивъ наверху уснувшую дѣвочку. Одѣтая въ ситцевое платье, женщина дрожитъ въ ледяномъ воздухѣ улицы.

У ней уже нѣтъ ничего въ квартирѣ; она все отнесла въ ломбардъ. Одной недѣли безъ работы было достаточно, чтобы заставить опустѣть домъ. Вчера она продала старьевщику послѣднюю горсть шерсти изъ своего матраса; такъ ушелъ весь матрасъ; теперь остался только мѣшокъ Она повѣсила его на окно, чтобы не такъ дуло, такъ какъ дѣвочка сильно кашляетъ.

Мужъ не возвращается. Дождь все идетъ. Она укрывается подъ дверью; крупныя капли падаютъ у ея ногъ, водяная пыль проникаетъ сквозь ея тонкое платье. Временами ее охватываетъ терпѣніе, она выходитъ, несмотря на ливень, и идетъ до конца улицы, чтобы посмотрѣть, не идетъ ли вдалекѣ тотъ, кого она ждетъ. Она возвращается, вся промокшая, и проводитъ руками по волосамъ, что-

бы вытереть ихъ; затѣмъ она снова ждетъ, по временамъ вздрагивая отъ лихорадки.

Наконецъ показывается мужъ, робко жмущійся къ домамъ, какъ преступникъ. Она бросается ему навстрѣчу и съ тоскливой тревогой смотритъ на него.

— Ну! бормочетъ она.

Онъ не отвѣчаетъ и опускаетъ голову. Тогда она поднимается наверхъ первой, поблѣднѣвъ, какъ смерть.

IV.

Наверху дѣвочка не спитъ. Она проснулась и думаетъ, глядя на огарокъ, который догараетъ на краю стола. Что-то чудовищное и надрывающее душу выражается въ лицѣ этой семилѣтней дѣвочки, въ ея увядшихъ и серьезныхъ чертахъ взрослой женщины.

Она сидитъ на краю сундука, который служитъ ей постелью. Ея голыя ноги свѣсились и дрожатъ; ея худосочныя, кукольныя ручки прижимаютъ къ груди тряпки, которыми она укрыта. Она чувствуетъ въ груди жаръ, огонь, который она хотѣла бы потушить. Она думаетъ..

Прежде она боялась, когда ее оставляли одну; теперь же ей все равно. Такъ какъ они не ѣли со вчерашняго дня, она думаетъ, что мать пошла за хлѣбомъ. Эта мысль занимаетъ ее. Она разрѣжетъ свой хлѣбъ на самые маленькіе кусочки и будетъ медленно брать ихъ одинъ за другимъ. Она будетъ играть со своимъ хлѣбомъ.

Мать вернулась, отецъ заперъ дверь Дѣвочка смотритъ на руки обоихъ съ большимъ удивленіемъ. Такъ какъ они ничего не говорятъ, то, подождавъ немного, она начинаетъ повторять нараспѣвъ.

— Я голодна!.. я голодна!..

Отецъ въ темномъ углу сжимаетъ голову руками; онъ сидитъ тамъ, подавленный, и его плечи

вздрагиваютъ отъ тяжелыхъ молчаливыхъ рыданій Мать, сдерживая слезы, кладетъ дѣвочку спать. Она укрываетъ ее всѣмъ тряпьемъ, какое есть въ квартирѣ и уговариваетъ ее быть умницей и спать. Но дѣвочка, стуча зубами отъ холода и чувствуя, что огонь въ груди жжетъ еще сильнѣе, становится очень смѣлой. Она обвиваетъ руками шею матери и тихонько спрашиваетъ ее:

— Скажи мама, почему мы голодны?

Э. Золя.

Дѣтство.

Счастливая, счастливая, невозвратная пора дѣтства! Какъ не любить, не лѣлѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Maman говоритъ съ кѣмъ нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая; лицо ея не больше пуговки, но оно мнѣ все такъ же ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня, и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такою крошечною. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ, но я пошевелился — и очарованіе разрушилось; я суживаю глаза, поворачива-

юсь, всячески старяюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, съ ногами забираюсь и грузно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николинька! — говоритъ мнѣ maman: ты бы лучше шелъ наверхъ.

Я не хочу спать, мамаша, — отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, въ просонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя, по одному прикосновенью узнаешь ее, и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; maman сказала, что сама разбудитъ меня; вотъ надъ ухомъ моимъ звучитъ милый, знакомый голосъ:—Вставай, моя душечка: пора идти спать. Ничьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ее: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

— Вставай же, мой ангелъ.

Она другой рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно: нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденьемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своею грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь? — Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ:—смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ

твоей мамаши, ты не забудешь ее? Не забудешь, Николинька?

Она еще нѣжнѣй цѣлуетъ меня.

— Полно! и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя, — вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни. И слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ, слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь передъ иконами, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: „спаси, Господи, папеньку и маменьку!“

Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце; на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія,—но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любви и надеждъ на свѣтлое будущее. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи — единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастнымъ, и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: „дай Богъ ему счастья, дай мнѣ возможность помочь ему облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать“.— Потомъ любимую фарфоровую игрушку — зайчика и собачку—уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолившись о томъ, чтобы Богъ далъ счастья всѣмъ, чтобы всѣ были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели— невинная веселость и безпредѣльная потребность любви — были единственными побужденіями въ жизни?

Гдѣ тѣ горячія молитвы? гдѣ лучшій даръ — тѣ чистыя слезы умиленья? Прилеталъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и на-

вѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію. Неужели остались одни воспоминанія?

Л. Н. Толстой.

При лунномъ свѣтѣ.

Когда засыпаетъ весь міръ, и надъ міромъ сверкаетъ луна, — въ молчаніи рощъ золотистыхъ и темныхъ, и вьется, и льется мольба соловья. Онъ молитъ, онъ плачетъ о грезѣ забытой — о грезѣ забытой, о грезѣ любви...

И льются при свѣтѣ лучей серебристыхъ видѣнья и сны.

И сны раздвигаются свѣтлой толпою надъ темной землей, склоняются тихо они къ изголовью заснувшихъ людей. Слова ихъ скользятъ, какъ мелодія плеска играющихъ волнъ...

Они утѣшаютъ больного въ постели, забывшагося въ полуснѣ, они разгоняютъ мечты молодыя въ сердцахъ...

Вотъ склоняются сны къ одному изголовью, къ головѣ молодой. Лобъ горитъ, и жемчужныя капельки пота стекаютъ по лбу изъ-подъ пряди густой. Рѣсницы дрожатъ, губы раскрыты и тихо лепечутъ слова:

— Никакихъ идеаловъ на свѣтѣ не стало. Состраданье одно... Человѣчество стонетъ, больное человѣчество жалкое дрожитъ... И ему помогать, ему жизнь отдавать?!.. Идеаловъ на свѣтѣ не стало.

И смѣются безшумно волшебные сны, колыхаясь подъ вѣтвью сирени. И чело лучезарное тихо они наклоняютъ надъ сонной постелью. И ихъ шопотъ скользитъ, какъ безшумный полетъ насѣко-

мыхъ ночныхъ, какъ движенье цвѣтка подъ луной,—и скользитъ, и скользитъ, и скользитъ...

— Состраданіе... это мечта, а мечтамъ ты не вѣрь никогда. Поднимай свою голову смѣло—смотри вверхъ. Смотри вверхъ! Бродятъ тамъ идеалы великіе... Ихъ учись понимать, ихъ учись уважать, наполняй ими сердце широко... Идеалы даютъ людямъ жизнь, поднимаютъ высоко.

— И все тверже шаги, все сильнѣй голова, все могучѣй и жизненнѣй сердце у людей, поднимающихъ головы вверхъ, у людей, не боящихся солнца...

— Состраданіе... это мечта, а мечтамъ ты не вѣрь никогда.

Мирэ.

* * *

Если-бъ я былъ духомъ свободнымъ и властнымъ, я ночью леталъ бы надъ темной землей: ночью скорбь тяжелѣе; я силой могучей и знаньемъ великимъ измѣнялъ бы весь міръ земной. Я больнымъ далъ бы сонъ, огорченнымъ—покой, я порвалъ бы всѣ узы неволи, я раскрылъ бы темницы, и все прошлое зло и вражду я бы свѣтлымъ забвеніемъ смылъ. Я бы далъ молодымъ радость, смѣхъ и любовь, и сердце горячее, гнѣвное, и страстную жажду стремленья—впередъ! А уставшимъ и слабымъ я далъ бы желанье — уснуть. Я, носясь надъ землей въ дождь, сушилъ бы поля, и грозою ночной освѣжалъ бы ихъ въ зной, чтобы весь въ урожай золотой и цвѣтущій садъ міръ обратился, чтобъ у всѣхъ былъ бы хлѣбъ, солнце, свѣтъ и вода, для дыханія чистый воздухъ. Я-бъ поднялъ духъ людей надъ жизнью земной, ихъ раскрылъ бы духовныя очи, чтобы поняли всѣ, что всѣ люди равны передъ жизнью, предъ смертью, предъ солнцемъ. И пусть шла-бъ наша жизнь могучей, широкой и вольной, какъ въ половодье рѣка!..

Н. Телешовъ.

Кольцо.

Кнута Гамсуна.

Я видѣлъ разъ въ одномъ обществѣ влюбленную молодую женщину Ея глаза отъ того еще больше поголубѣли, и еще болѣе было въ нихъ блеска, и она никакъ не могла скрывать своихъ чувствъ. Кого она любила? Вонъ того молодого господина, что у окна, хозяйскаго сына, человѣка въ мундирѣ и съ львинымъ голосомъ. И, Боже мой, съ какою любовью ея глаза смотрѣли на молодого человѣка, и какъ неспокойно она сидѣла!

Я зналъ ее очень хорошо, и когда мы возвращались ночью домой, я сказалъ ей:

— Какая ясная и великолѣпная погода! Веселилась ты нынче вечеромъ? — И чтобы идти навстрѣчу ея желанію, я снялъ свое обручальное кольцо и продолжалъ:

— Посмотри, твое кольцо сдѣлалось мнѣ слишкомъ узко, оно жметъ мнѣ. Что, если бы ты отдала его сдѣлать пошире?

Она протянула руку и прошептала:

— Дай мнѣ его, я велю сдѣлать его пошире.

И я отдалъ ей кольцо.

Мѣсяцъ спустя и встрѣчаю ее опять. Я хотѣлъ спросить о кольцѣ, но не сдѣлалъ этого. Не къ спѣху, подумалъ я, пусть пройдетъ побольше мѣсяца.

И вотъ она смотритъ вдоль по улицѣ и говоритъ:

— Ахъ, да, относительно кольца! Какое-то несчастье мнѣ съ нимъ: я положила его куда-то, я его потеряла. — И ждетъ моего отвѣта. — Ты не сердишься?—спрашиваетъ она съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

И, Боже мой, съ какимъ легкимъ сердцемъ ушла она, такъ какъ я не сердился на нее за это!

И вотъ прошелъ цѣлый годъ. Я снова былъ на старомъ пепелищѣ и бродилъ какъ-то вечеромъ по знакомой, знакомой дорогѣ.

Вдругъ она идетъ ко мнѣ навстрѣчу, и у ней глаза еще и еще больше поголубѣли и еще, еще болѣе было въ нихъ блеска, но ея ротъ какъ-то увеличился, и губы ея поблѣднѣли.

— Вотъ твое кольцо,—воскликнула она!—твое обручальное кольцо. Я нашла его снова, мой милый, и отдала его сдѣлать пошире. Теперь оно не будетъ жать тебѣ.

Я посмотрѣлъ на покинутую женщину и на ея большой ротъ и блѣдныя губы. Посмотрѣлъ также и на кольцо.

— Ахъ!—сказалъ я и поклонился низко-пренизко:—что за несчастье у насъ съ кольцомъ. Теперь оно стало мнѣ слишкомъ просторно.

Перев. С. Поляковъ.

ПОЭТЪ.

Оскара Уайльда.

Жилъ крестьянинъ; его любили въ деревнѣ за то, что онъ умѣлъ разсказывать сказки. Утромъ уходилъ онъ изъ деревни, вечеромъ возвращался Крестьяне, усталые отъ труда, садились кругомъ и спрашивали:

— Разскажи, что ты видѣлъ?

И онъ разсказывалъ имъ:

— Я видѣлъ фавна въ лѣсу, онъ игралъ на флейтѣ, и кружились рядомъ юныя сильфы.

— Разскажи еще! требовали крестьяне.

— Я видѣлъ на взморьѣ трехъ сиренъ—ихъ

поднималъ прибой, онѣ расчесывали зеленые волосы золотыми гребнями.

И люди любили человѣка за сказки.

Однажды, рано, онъ вышелъ изъ деревни... онъ подошелъ къ морю и вдругъ увидѣлъ трехъ сиренъ. Они качались на коронахъ прибоя и расчесывали зеленые волосы золотыми гребнями... Онъ пошелъ далѣе, въ лѣсъ, и увидѣлъ фавна; фавнъ игралъ на флейтѣ, хороводомъ плясали юныя сильфы...

Вечеромъ онъ вернулся, крестьяне, какъ всегда, просили сказокъ...

— Разскажи, что ты видѣлъ сегодня?

Онъ отвѣтилъ имъ:

— Сегодня я ничего не видѣлъ.

Демиръ-Кая.

Восточная легенда.

Звали его Демиръ-Кая. По вашему это значитъ—Желѣзная Скала. Такъ называли его за то, что этотъ человѣкъ не вѣдалъ ни жалости, ни стыда, ни страха.

Онъ разбойничалъ со своей шайкой въ окрестностяхъ Стамбула, и въ благословенной Ѳессаліи, и въ гористой Македоніи, и на тучныхъ пастбищахъ болгарскихъ. Девяносто девять человѣкъ погибло отъ его руки, и въ числѣ томъ были женщины, старики и дѣти.

Но вотъ однажды въ горахъ его окружило сильное войско падишаха — да продлитъ Аллахъ дни его! — Три дня отбивался Демиръ-Кая, точно волкъ отъ стаи собакъ. На утро четвертаго дня онъ прорвался, но — одинъ. Часть его товарищей

погибла во время яростной погони, остальные же приняли смерть отъ руки палача въ Стамбулѣ на круглой площади.

Израненный, истекающій кровью лежалъ Демиръ-Кая у костра въ неприступной пещерѣ, гдѣ его пріютили дикіе горные пастухи. И вотъ среди ночи явился къ нему свѣтлый ангелъ съ пылающимъ мечемъ. Узналъ Демиръ-Кая вѣстника смерти, посланника неба Азраила, и сказалъ:

– Да будетъ воля Аллаха! Я готовъ.

Но ангелъ сказалъ:

— Нѣтъ, Демиръ-Кая, часъ твой еще не пришелъ. Слушай волю Божію. Когда ты встанешь отъ одра смерти, пойди, вырой изъ земли твои сокровища и обрати ихъ въ золото. Потомъ ты пойдешь прямо на востокъ и будешь итти до тѣхъ поръ, пока не дойдешь до мѣста, гдѣ сходятся семь дорогъ. Тамъ построишь ты домъ съ прохладными комнатами, съ широкими диванами, съ чистой водой въ фонтанахъ для омовеній, съ ѣдой и питьемъ для странниковъ, съ ароматнымъ кофе и благовоннымъ наргиле для усталыхъ. Зови къ себѣ всѣхъ, кто идетъ и ѣдетъ мимо, и служи имъ, какъ послѣдній рабъ. Пусть твой домъ — будетъ ихъ домомъ, твое золото — ихъ золотомъ, твой трудъ—ихъ отдохновеніемъ. И знай, что настанетъ время, когда Аллахъ забудетъ твои тяжкіе грѣхи и проститъ тебѣ кровь дѣтей Его.

Но Демиръ-Кая спросилъ:

— Какое же знаменіе дастъ мнѣ Господь, что грѣхи мои прощены?

И ангелъ отвѣтилъ:

— Изъ костра, что тлѣетъ возлѣ тебя, возьми обгорѣлую головню, покрытую пепломъ, и посади въ землю. И когда мертвое дерево одѣнется корой, пуститъ ростки и зацвѣтетъ, — то знай, — насталъ часъ твоего искупленія.

Прошло съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ. По всей странѣ падишаха—да продлитъ Аллахъ дни его! — шла слава о гостинницѣ у семи дорогъ на пути изъ Джедды въ Смирну. Нищій уходитъ оттуда съ

рупіями въ дорожной сумѣ, голодный — сытымъ, усталый—бодрымъ, раненый - исцѣленнымъ.

Двадцать лѣтъ, двадцать долгихъ лѣтъ глядѣлъ каждый вечеръ Демиръ-Кая на чудесный обрубокъ дерева, вкопанный во дворѣ, но онъ оставался черенъ и мертвъ. Потускнѣли у Демиръ-Кая орлиные глаза, согнулся его могучій станъ, и волосы на головѣ его стали бѣлы, какъ крылья ангела.

Но вотъ однажды раннимъ утромъ услышалъ онъ конскій топотъ, и выбѣжалъ на дорогу, и увидѣлъ всадника, который мчался на измыленной лошади. Кинулся къ нему Демиръ-Кая, схватилъ коня подъ уздцы и молилъ всадника:

— О, братъ мой, зайди въ домъ ко мнѣ. Освѣжи лицо свое водою, подкрѣпи себя пищей и питьемъ, услади уста твои сладкимъ благоуханіемъ кальяна.

Но путникъ крикнулъ въ злобѣ:

— Пусти меня, старикъ! Пусти!

И плюнулъ онъ въ лицо Демиръ-Кая и ударилъ его рукоятью бича по головѣ и поскакалъ дальше.

Загорѣлась въ Демиръ-Кая гордая разбойничья кровь! Поднялъ онъ съ земли тяжелый камень и бросилъ его вслѣдъ обидчику и разбилъ ему черепъ. Покачался всадникъ на сѣдлѣ, схватился за голову, упалъ на дорожную пыль.

Съ ужасомъ въ сердцѣ побѣжалъ къ нему Демиръ-Кая и сказалъ скорбно:

— Братъ мой, я убилъ тебя!

Но умирающій отвѣтилъ:

— Не ты убилъ меня, а рука Аллаха Слушай. Паша нашего вилайета—жестокій, алчный, несправедливый человѣкъ. Мои друзья затѣяли противъ него заговоръ. Но я прельстился богатой денежной наградой. Я хотѣлъ ихъ выдать. И, вотъ, когда я торопился съ моимъ доносомъ, меня остановилъ камень, брошенный тобою. Такъ хочетъ Богъ. Прощай.

Удрученный горемъ вернулся Демиръ-Кая въ

свой дворъ. Лѣстница добродѣтели и раскаянія по которой онъ такъ терпѣливо всходилъ вверхъ цѣлыя двадцать лѣтъ, подломилась подъ нимъ и рухнула въ одинъ короткій мигъ лѣтняго утра.

Въ отчаяніи поглядѣлъ онъ туда, гдѣ взоръ его привыкъ ежедневно останавливаться на черной обугленной головнѣ. И вдругъ – о, чудо! – онъ видитъ, что на его глазахъ умершее дерево пускаетъ ростки, покрывается почками, одѣвается благоуханной зеленью и расцвѣтаетъ нѣжными желтыми цвѣтами.

Тогда упалъ на колѣни Демиръ-Кая и радостно заплакалъ. Ибо онъ понялъ, что великій и всемилостивый Аллахъ въ неизреченной премудрости своей простилъ ему девяносто девять загубленныхъ жизней за смерть одного предателя.

А. И. Купринъ.

КОНЯГА*).

(Сказка).

Коняга лежитъ при дорогѣ и тяжко дремлетъ. Мужичекъ только-что выпрягъ его и пустилъ покормиться. Но Конягѣ не до корма. Полоса выбралась трудная, съ камешкомъ: въ великую силу они ее съ мужичкомъ одолѣли.

Коняга—обыкновенный мужичій животъ: замученный, побитый, узкогрудый, съ выпяченными ребрами и обожженными ногами. Голову Коняга держитъ понуро; грива на шеѣ у него свалялась; изъ глазъ и ноздрей сочится слизь; верхняя губа отвисла, какъ блинъ. Немного на такой животинѣ

*) Въ сокращенномъ видѣ.

наработаешь, а работать надо. День-деньской Коняга изъ хомута не выходитъ. Лѣтомъ съ утра до вечера землю работаетъ; зимой, вплоть до растопели, „произведенія“ возитъ.

А силы Конягѣ набраться неоткуда! Такой ему кормъ, что отъ него только зубы нахлопаешь. Лѣтомъ, покуда въ ночную гоняютъ, хоть травкой мяконькой поживится, а зимой перевозитъ на базаръ „произведенія“ и ѣсть дома рѣзку изъ прѣлой соломы. Весной, какъ въ поле скотину выгонять, его жердями на ноги подымаютъ; а въ полѣ ни травинки нѣтъ; кой-гдѣ только торчитъ махрами сопрѣлая ветошь, которую прошлой осенью скотскій зубъ ненарокомъ обошелъ.

Худое Конягино житье. Хорошо еще, что мужикъ попался добрый и даромъ его не калѣчитъ. Выѣдутъ оба съ сохой въ поле.—„Ну, милый, упирайся“! услышитъ Коняга знакомый окрикъ и понимаетъ. Всѣмъ своимъ жалкимъ остовомъ вытянется, передними ногами упирается, задними — забираетъ, морду къ груди пригнетъ.

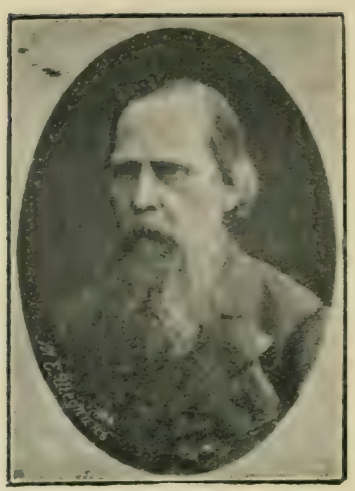
„Ну, каторжный, вывози“. А за сохой самъ мужичекъ грудью напираетъ, руками, словно клещами, въ соху впился, ногами въ комьяхъ земли грузнетъ, глазами слѣдитъ, какъ-бы соха не слукавила, огрѣха-бы не дала. Пройдутъ борозду изъ конца въ конецъ и оба дрожатъ: вотъ она, смерть, пришла. Обоимъ смерть — и Конягѣ, и мужику; каждый день смерть.

Нѣтъ конца полю, не уйдешь отъ него никуда! Исходилъ его Коняга съ сохой вдоль и поперекъ, и все-таки ему конца-краю нѣтъ. И обнаженное, и цвѣтущее, и цѣпенѣющее подъ бѣлымъ саваномъ—оно влажно раскинулось вглубь и вширь, и не на борьбу съ собой вызываетъ, а прямо беретъ въ кабалу. Ни разгадать его, ни покорить, ни истощить нельзя: сейчасъ оно помертвѣло, сейчасъ — опять народилось. Не поймешь, что тутъ смерть и что жизнь. Но и въ смерти, и въ жизни первый и неизмѣнный свидѣтель — Коняга. Для всѣхъ поле—раздолье, поэзія, просторъ; для Коня-

ги оно—кабала. Поле давитъ его, отнимаетъ у него послѣднія силы и все-таки не признаетъ себя сытымъ.

Нѣтъ конца работѣ! Работой исчерпывается весь смыслъ его существованія; для нея онъ зачатъ и рожденъ, и внѣ ея онъ не только никому не нуженъ, но, какъ говорятъ разсчетливые хозяева, ущербъ. Вся обстановка, въ которой онъ живетъ, направлена единственно къ тому, чтобы не дать замереть въ немъ той мускульной силѣ, которая источаетъ изъ себя возможность физическаго труда. И корма, и отдыха отмѣривается ему именно столько, чтобы онъ былъ способенъ выполнить свой урокъ. А затѣмъ пускай поле и стихіи калѣчатъ его—никому нѣтъ дѣла до того, сколько новыхъ ранъ прибавилось у него на ногахъ, на плечахъ и на спинѣ. Не благополучіе его нужно, а жизнь, способная выносить иго работы. Сколько вѣковъ онъ несетъ это иго—онъ не знаетъ; сколько вѣковъ предстоитъ нести его вперсди—не разсчитываетъ. Онъ живетъ, точно въ темную бездну погружается, и изъ всѣхъ ощущеній, доступныхъ живому организму, знаетъ только ноющую боль, которую даетъ работа.

М. Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ).



М. Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ).

Вѣрный Трезоръ.

Служилъ Трезорка сторожемъ при лабазѣ московскаго 2-й гильдіи купца Воротилова и недреманнымъ окомъ хозяйское добро сторожилъ. Никогда отъ конуры не отличался, даже Живодерки, на которой лабазъ стоялъ, настоящимъ образомъ не видалъ; съ утра до вечера такъ на цѣпи и скачетъ, такъ и заливается!

И премудрый былъ, никогда на своихъ не лаялъ, а все на чужихъ. Пройдетъ, бывало, хозяйскій кучеръ овесъ воровать — Трезорка хвостомъ машетъ, думаетъ: много ли кучеру нужно! А случится прохожему по своему дѣлу мимо двора ид-

ти — Трезорка гдѣ еще заслышитъ: ахъ, батюшки воры!

Видѣлъ купецъ Воротиловъ Трезоркину услугу и говоритъ: „цѣны этому псу нѣтъ!“ И ежели, случалось въ лабазъ мимо собачьей конуры проходить, непремѣнно скажетъ: „Дайте Трезоркѣ помоевъ“! А Трезорка изъ кожи отъ восторга лѣзетъ: рады стараться, ваше степенство!.. хамъ... амъ... амъ... амъ!

Однажды даже такой случай былъ: самъ частный приставъ къ купцу Воротилову на дворъ пожаловалъ—такъ и на него Трезорка воззрился. Такой содомъ поднялъ, что и хозяинъ, и хозяйка, и дѣти — всѣ выбѣжали. Думали, грабятъ; смотрятъ— анъ гость дорогой!

— Вашескородіе! милости просимъ! Цыцъ, Трезорка. Ты это что, мерзавецъ? не узналъ? а? Вашескородіе! водочки! закусить-съ!

— Благодарю. Прекраснѣйшій у васъ песикъ, Никаноръ Семенычъ! благонамѣренный!

— Такой песъ! такой песъ! Другому человѣку такъ не понять, какъ онъ понимаетъ!

— Собственность, значитъ, признаетъ; а это, по нынѣшнему времени, ахъ, какъ пріятно!

И затѣмъ, обернувшись къ Трезоркѣ, присовокупилъ:

— Лай, мой другъ, лай! Нынче и человѣкъ, ежели который съ отличной стороны себя зарекомендовать хочетъ, — и тотъ по песьему лаять обязывается!

Три раза Воротиловъ Трезорку искушалъ, прежде чѣмъ вполнѣ свое имущество довѣрилъ ему. Нарядился воромъ (удивительно, какъ къ нему этотъ костюмъ шелъ!), выбралъ ночь потемнѣе и пошелъ въ амбаръ воровать. Въ первый разъ корочку хлѣбца съ собой взялъ, — думалъ этимъ его соблазнить,—а Трезорка корочку обнюхалъ, да какъ вцѣпится ему въ икру! Во второй разъ цѣлую колбасу Трезоркѣ бросилъ: „пиль, Трезорушка, пиль“! — а Трезорка ему фалду оторвалъ. Въ третій разъ взялъ съ собою рублевую бумажку за-

масленную — думалъ, на деньги песъ пойдетъ; а Трезорка, не будь простъ, такого трезвону поднялъ, что со всего квартала собаки сбѣжались: стоятъ да дивуются, съ чего это хозяйскій песъ на хозяина заливается?

Тогда купецъ Воротиловъ собралъ домочадцевъ и при всѣхъ сказалъ Трезоркѣ:

— Препоручаю тебя, Трезорка, всѣ мои потроха: и жену, и дѣтей, и имущество—стереги! Принесите Трезоркѣ помоевъ!

Понялъ ли Трезорка хозяйскую похвалу, или ужъ, самъ собой, въ силу собачьей природы, лай изъ него словно изъ пустой бочки валилъ—только совсѣмъ онъ съ тѣхъ поръ изсобачился. Однимъ глазомъ спитъ, а другимъ глядитъ, не лѣзетъ ли кто въ подворотню; скакать устанетъ—ляжетъ, а цѣпью все-таки погромыхиваетъ: вотъ-онъ я! Накормить его позабудутъ — онъ даже очень радъ: ежели, дескать, каждый-то день пса кормить, такъ онъ, чего добраго, въ одну недѣлю разопсѣетъ! Пинками его челядинцы надѣлятъ—онъ и въ этомъ полезное предостереженіе видитъ; потому что, ежели пса не бить, онъ и хозяина, того гляди, позабудетъ.

Надо съ нами, со псами, сурьезно поступать,—разсуждалъ онъ:—и за дѣло бей, и безъ дѣла бей — впередъ наука! Тогда только мы, псы, настоящими псами будемъ...

...Но что было особенно въ Трезоркѣ дорого, такъ это совершенное отсутствіе честолюбія. Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ даже понятіе о праздникахъ и о томъ, что къ праздникамъ купцы имѣютъ обыкновеніе дарить вѣрныхъ своихъ слугъ. Никанора ли („самъ“—именинникъ), Анфисы ли („сама“—именинница) на дворѣ—онъ, все равно, что въ будни, на цѣпи скачетъ!

Да замолчи ты, постылый! — крикнетъ на него Анфиса Карповна, — знаешь ли, какой сегодня день!

— Ничего, пусть ластъ!—пошутитъ въ отвѣтъ

Никаноръ Семенычъ: — это онъ съ ангеломъ поздравляетъ! Лай, Трезорушка, лай!

Только разъ въ немъ проснулось что-то въ родѣ честолюбія — это когда бодливой хозяйской коровѣ Рохлѣ, по требованію городского пастуха, колоколъ на шею привѣсили. Признаться сказать, позавидовалъ-таки онъ, когда она пошла по двору звонить.

— Вотъ тебѣ счастье какое, а за что? — сказалъ онъ Рохлѣ съ горечью: — только твоей и заслуги, что молока полъ-ведра въ день изъ тебя надоятъ, а по настоящему какая же это заслуга? Молоко у тебя даровое, отъ тебя независящее: хорошо тебя кормятъ—ты много молока даешь! Плохо кормятъ—и молока перестанешь давать. Копыта объ копыто ты не ударишь, чтобъ хозяину заслужить, а вотъ тебя какъ награждаютъ! А я вотъ самъ отъ себя день и ночь маюсь, не доѣмъ, не досплю, индо осипъ отъ безпокойства, а мнѣ хоть бы гремушку кинули! Вотъ, дескать, Трезорка, знай, что услугу твою видятъ!

— А цѣпь то?—нашлась Рохля въ отвѣтъ.

— Цѣпь?!

Тутъ только онъ понялъ. До тѣхъ поръ онъ думалъ, что цѣпь есть цѣпь, а оказалось, что онъ, стало быть, награжденъ уже изначала, награжденъ еще въ то время, когда ничего не заслужилъ. И что отнынѣ ему слѣдуетъ только объ одномъ мечтать: чтобъ старую, поржавленную цѣпь (онъ ее однажды уже порвалъ) сняли и купили бы новую, крѣпкую.

А купецъ Воротиловъ точно подслушалъ его скромно-честолюбивое вожделѣніе: подъ самый Трезоркинъ праздникъ купилъ совсѣмъ новую, на диво выкованную цѣпь и приклепалъ ее къ Трезоркину ошейнику: Лай, Трезорка, лай!

И залился онъ такимъ добродушнымъ, заливистымъ лаемъ, какимъ лаютъ псы, не отдѣляющіе своего собачьяго благополучія отъ неприкосновенности амбара, къ которому опредѣлила ихъ хозяйская рука.

Въ общемъ, Трезоркѣ жилось отлично, хотя,

конечно, отъ времени до времени не обходилось и безъ огорченій. Въ мірѣ псовъ, точно такъже, какъ и въ мірѣ людей, лесть, притворство и зависть нерѣдко играютъ роль, вовсе имъ по праву не принадлежащую. Не разъ приходилось и Трезоркѣ испытывать уколы зависти; но онъ былъ силенъ со знаніемъ исполненнаго долга и ничего не боялся... Нерѣдко онъ даже съ тревогою подумывалъ о томъ, кто заступитъ его мѣсто въ ту минуту, когда старость или смерть положитъ предѣлъ его неистомчивости... Но увы! Во всей громадной стаѣ измельчавшихъ и излаявшихся псовъ, населявшихъ Живодерку, онъ, по совѣсти, не находилъ ни одного, на котораго могъ бы съ увѣренностью указать:

— Вотъ мой преемникъ!

Не разъ завистливые Барбосы, и въ одиночку, и небольшими стайками, собирались во дворѣ купца Воротилова, садились поодаль и вызывали Трезорку на состязаніе. Поднимался невообразимый собачій стонъ, который наводилъ ужасъ на всѣхъ домочадцевъ, но къ которому хозяинъ дома прислушивался съ любопытствомъ, потому что понималъ, что близко время, когда и Трезору понадобится подручный.

Въ этомъ неистовомъ хорѣ выдавались голоса недурные; но такого, отъ котораго внезапно заболѣлъ бы животъ со страху, не было и въ поминѣ. Иной Барбосъ выказывалъ недюжинныя способности, но непремѣнно или перелаетъ, или не доластъ. Во время такихъ состязаній Трезорка обыкновенно умолкалъ, какъ бы давая противникамъ возможность высказаться, но подъ-конецъ не выдерживалъ, и къ общему стону присоединялъ свой собственный свободный, трезвый лай. Заслышавъ его, кухарка выбѣгала изъ стряпущей и ошпаривала коноводовъ интриги кипяткомъ. А Трезоркѣ приносила помоевъ.

Тѣмъ не менѣе купецъ Воротиловъ былъ правъ, утверждая, что ничто подъ луною не вѣчно. Однажды утромъ Воротиловскій приказчикъ, проходя мимо собачьей конуры въ амбаръ, засталъ Трезор-

ку спящимъ. Никогда этого съ нимъ не бывало. Спалъ ли онъ когда-нибудь — вѣроятно, спалъ — никто этого не зналъ, и во всякомъ случаѣ никто его спящимъ не заставалъ Разумѣется, приказчикъ не замедлилъ доложить объ этомъ хозяину.

Купецъ Воротиловъ самъ вышелъ къ Трезоркѣ, взглянулъ на него, и, видя, что онъ повинно шевелитъ хвостомъ, какъ бы говоря: и самъ не понимаю, какъ со мной грѣхъ случился! — безъ гнѣва, полнымъ участія голосомъ сказалъ:—Что, старикъ, на кухню собрался? Стара стала, слаба стала? Ну, ладно! ты и на кухнѣ службу сослужить можешь.

На первый разъ, однако-жъ, рѣшились ограничиться пріисканіемъ Трезоркѣ подручнаго, Арапки.

Арабка первый призналъ авторитетъ Трезорки и безпрекословно ему подчинился; оба они подружились, и Трезорку, съ теченіемъ времени, окончательно перевели въ кухню; несмотря на это, онъ бѣгалъ къ Арапкѣ и безкорыстно обучалъ его пріемамъ подлиннаго купеческаго пса.

Время однако-жъ шло, и Трезорка все болѣше и больше старѣлся. На шеѣ у него образовался зобъ, который пригибалъ его голову къ землѣ, такъ что онъ съ трудомъ вставалъ на ноги; глаза почти не видѣли; уши висѣли неподвижно; шерсть свалялась и линяла клочьями, аппетитъ исчезъ, а постоянно ощущаемый холодъ заставлялъ бѣднаго пса жаться къ печкѣ.

— Воля ваша, Никаноръ Семенычъ, а Трезорка началъ паршивѣть, — доложила однажды купцу Воротилову кухарка.

На этотъ разъ, однако, купецъ Воротиловъ не сказалъ ни слова. Тѣмъ не менѣе кухарка не унялась и черезъ недѣлю опять доложила!

— Какъ бы дѣти около Трезорки не испортились... Опаршивѣлъ онъ вовсе.

Но и на этотъ разъ Воротиловъ промолчалъ. Тогда кухарка, черезъ два дня, вбѣжала уже совсѣмъ обозленная и объявила, что она ни на минуту не останется, ежели Трезорку изъ кухни не уберутъ. И такъ какъ кухарка мастерски готовила

поросенка съ кашей, а Воротиловъ безумно это блюдо любилъ, то участь Трезоркина была рѣшена.

— Не къ тому я Трезорку готовилъ,— сказалъ купецъ Воротиловъ съ чувствомъ: —да, видно, правду пословица говоритъ: собакѣ—собачья и смерть... Утопить Трезорку.

И вотъ вывели Трезорку во дворъ. Вся челядь высыпала, чтобъ посмотрѣть на предсмертную агонію вѣрнаго пса; даже хозяйскія дѣти окно обсыпали. Арабка былъ тутъ же и, увидѣвъ стараго учителя, привѣтливо замахалъ хвостомъ. Трезорка отъ старости еле передвигалъ ногами и повидимому не понималъ; но когда начали приближаться къ воротомъ, то силы оставили его, и надо было его тащить волокомъ за загривокъ.

Что затѣмъ произошло — объ этомъ исторія умалчиваетъ, но назадъ Трезорка уже не возвратился.

А вскорѣ Арапка и совсѣмъ изгналъ Трезоркинъ образъ изъ сердца купца Воротилова.

М. Е. Салтыковъ (*Н. Щедринъ*).

СИГРИДЪ СТОРРЕДА.

(Легенда).

Была прекрасная весна, и какъ разъ на эту весну была назначена встрѣча шведской королевы Сигридъ Сторреды съ норвежскимъ королемъ Олафомъ Трихвазономъ.

Въ прекрасной Кунхагеллѣ должны они были встрѣтиться, чтобы рѣшить вопросъ о своей свадьбѣ.

Не странно-ли было со стороны короля Олафа вздумать жениться на королевѣ Сигридъ? Правда, она была богата, прекрасна и умна, но она была язычницей, а король Олафъ былъ крещенъ, и всѣ мысли его были заняты постройкой храмовъ и крещеніемъ своихъ подданыхъ. Но можетъ быть онъ надѣялся, что Богъ поможетъ ему обратить ее?

Впрочемъ, тутъ все было странно.

Едва Сигридъ Сторреда сообщила посламъ короля о своемъ намѣреніи отплыть въ Кунхагеллу, какъ море сейчасъ-же освободилось отъ льда, хотя весна еще только начиналась. А снѣга и морозы прекратились какъ разъ тогда, когда обычно царила еще зима.

Когда-же Сторреда заговорила о томъ, что пора готовить суда, исчезъ ледъ и въ фіордахъ. Поля покрылись зеленой муравой, и уже задолго до Благовѣщенія домашній скотъ лакомился на лугахъ свѣжей травой.

Когда корабли королевы плыли между Готландскими островами, на утесахъ сидѣли кукушки и куковали ей вслѣдъ, хотя было еще такъ рано, что едва наступила пора прилетѣть жаворонкамъ.

Всюду, гдѣ появлялась королева, воцарялась весна, веселье и радость.

Великаны, которые въ царствованіе короля Олафа бѣжали изъ Норвегіи, такъ какъ не могли переносить звона церковныхъ колоколовъ, выходили на вершину горъ и, завидя королеву, вырывали съ корнями молодыя деревья и, размахивая ими, посылали королевѣ свой привѣтъ. Когда-же корабли скрывались изъ вида, они возвращались въ свои сложенныя изъ огромныхъ каменныхъ плитъ хижины, гдѣ жены ихъ изнывали въ тоскѣ по родинѣ, и говорили имъ съ радостнымъ смѣхомъ:

— Нечего больше горевать. Сигридъ Сторреда ѣдетъ къ королю Олафу. Теперь уже скоро вернемся мы въ Норвегію.

Горный духъ Кулламанъ вышелъ изъ своей пещеры на Куллабергѣ и велѣлъ горѣ разступить-

ся, чтобы почтить королеву видомъ своихъ золотыхъ и серебряныхъ жилъ, запрятанныхъ въ нѣдрахъ земли. И королева восхищалась его богатствомъ.

Въ Нидингенскихъ шхерахъ навстрѣчу королевѣ приплыли морскія дѣвы. Онѣ съ силой дули въ свои раковины, и высоко поднималась морская вода, и ярко блестѣли струи ея въ честь королевы Сторреды.

Когда-же королева Сторреда поровнялась съ рѣкой Галланда, водяной Некъ спустился со своихъ водопадовъ и быстринъ къ устью и заигралъ на своей арфѣ такъ, что корабли заплясали на волнахъ.

Противный вѣтеръ пробовалъ преградить ей путь, но на помощь изъ глубинъ моря цѣлымъ роемъ явились маленькіе тролли. Одни изъ нихъ повисли на рулѣ и подталкивали корабли, другіе — запрятались въ нихъ и потащили ихъ впередъ, какъ быстроногіе кони, держа въ зубахъ канаты изъ морской травы.

А изгнанные королемъ Олафомъ за кровожадность хищные викинги, которые съ распущенными парусами, вполнѣ готовые къ бою, гнались за королевой, узнавъ ее, пропускали мимо ея суда и кричали ей вслѣдъ.

— Мы пьемъ за твое счастье, Сторреда!

На всемъ пути по берегамъ горѣли яркіе огни это дымились каменные жертвенники, на которыхъ, въ честь старыхъ боговъ, пламя пожирало овецъ и козъ, а язычники молились о благополучномъ исходѣ путешествія Сигридъ Сторреды къ норвежскому королю.

Когда-же королева поплыла вверхъ по Нордре-Эльфу, къ ея кораблю приплыла морская дѣва и, протянувъ изъ воды бѣлоснѣжную руку, поднесла королевѣ огромную, свѣтлую, какъ слеза, жемчужину.

— Надѣнь ее на себя, Сторреда, — сказала она, и пустью на поможетъ тебѣ очаровать короля

Олафа такъ, чтобы онъ никогда не могъ позабыть тебя.

Кунхагелла была еще впереди, далеко, когда королева услышала необыкновенный шумъ и грохотъ.

— Это водопадъ,—подумала она.

И чѣмъ дальше подвигались корабли королевы, тѣмъ громче становился шумъ, и королевѣ казалось уже, что это не водопадъ, а шумъ на полѣ грозной битвы.

Но вотъ корабли обогнули островъ Гулли, завернули въ широкій заливъ, — и предъ ними развернулась великая Кунхагелла.

Сторреда приказала своимъ гребцамъ грести потише, а сама, гордо выпрямившись, стала на корму, любуясь прекрасной Кунхагеллой.

Теперь только королева поняла, что громкій шумъ, долетавшій до нея раньше, былъ шумъ работы, кипѣвшей на пристаняхъ Кунхагеллы весной, когда корабли собирались въ далекіе края. Громко звучали тяжелые топоры плотниковъ, стучали молоты кузнецовъ, громадныя бревна и доски съ грохотомъ падали на тяжелые паромы. И тутъ-же, рядомъ, парни сдирали кору со стволовъ гигантскихъ сосенъ и стругали изъ нихъ широкія весла.

Въ одномъ мѣстѣ плотники сколачивали новыя суда, въ другомъ—старыя суда украшались вновь расписанными драконами. Мимо королевы, вверхъ и внизъ по рѣкѣ, тяжело скользили почти до мачтъ нагруженныя суда, и тѣ, что шли вверхъ, уносили съ собой сельдей и соль, а внизъ шли тѣ, которыя везли драгоцѣнный дубъ, кожи и дорогіе мѣха.

Съ радостью смотрѣла на все это Сторреда и рѣшила непремѣнно стать супругой короля Олафа, чтобы царствовать въ этомъ прекрасномъ, богатомъ городѣ.

Корабли причалили къ королевской пристани. Тамъ стоялъ уже король Олафъ. И, когда онъ увидѣлъ королеву Сторреду, она показалась ему прекраснѣе всѣхъ женщинъ въ мірѣ.

Рука объ руку пошли они въ королевскій дворецъ и въ полномъ согласіи сѣли за столъ. Епископъ сталъ громко читать предъобѣденную молитву, но Сторреда громко смѣялась и шутила съ королемъ, и король Олафъ смѣялся такъ-же весело, какъ и она, чтобы понравиться Сторредѣ.

По окончаніи-же пира, когда всѣ благоговѣйно сложили руки, выслушивая молитву епископа, Сторреда начала разсказывать королю о своемъ богатствѣ. И все время молитвы не умолкали ея сладкія рѣчи, и король слушалъ Сторреду, а не епископа.

Потомъ онъ усадилъ ее на высокое кресло, а самъ сѣлъ у ея ногъ, и Сторреда разсказывала ему, какъ она заперла въ темницу и сожгла въ ней двухъ незначительныхъ князей, осмѣлившихся посвататься къ ней.

И король радовался и думалъ про себя, что такова должна быть участь и всѣхъ другихъ, которые осмѣлятся посвататься къ такой женщинѣ, какъ Сторреда.

Прозвонили къ вечернѣ, и король поднялся, чтобъ по обыкновенію направиться въ церковь св. Маріи. Тогда Сторреда позвала своего скальфа.

Тотъ затянулъ пѣсню о гордой Брунхильдѣ и Стридѣ,—и король забылъ о церкви. Онъ сидѣлъ у ногъ Сторреды, заглядывалъ въ ея гордые глаза и смотрѣлъ на ея густыя, черныя брови. И казалось ему, что это не Сторреда, а сама Брунхильда, готовая убить его въ случаѣ измѣны и также сжечь себя на кострѣ вмѣстѣ съ нимъ, въ случаѣ его смерти.

Въ церкви св. Маріи въ Кунхагеллѣ священники читали вечернія молитвы, а король Олафъ думалъ о томъ, какъ хорошо было-бы въѣхать въ Влохаллу, держа передъ собой на сѣдлѣ Сторреду.

Настала ночь.

Перевозчикъ, переправлявшій путниковъ чрезъ Гета-эльфъ, имѣлъ работы больше, чѣмъ всегда! Его безпрерывно вызывали то съ одного, то съ

другого берега, но когда онъ подплывалъ къ берегу, тамъ никого не видно было. Слышались только шаги, и лодка становилась такъ тяжела, что погружалась въ воду почти до бортовъ.

Всю ночь ѣздилъ онъ съ одного берега на другой и не зналъ, что это значитъ.

Но на утро весь прибрежный песокъ былъ усѣянъ слѣдами маленькихъ ножекъ, и въ каждомъ изъ слѣдовъ — виднѣлся маленькій желтый листочекъ. Эти листочки были изъ чистаго золота, и, увидавъ это, старый перевозчикъ понялъ, что это кобольды и лѣсные человѣчки, которые бѣжали изъ Норвегіи изъ-за новагоБога и вернулись теперь обратно.

Въ эту ночь великанъ, жившій на Фонтинсбергѣ къ востоку отъ Кунхагеллы, сталъ отрывать отъ своей скалы тяжелые утесы и бросать ихъ на церковь св. Маріи. Но великанъ былъ такъ силенъ, что утесы перелетали за рѣку и усѣяли далекую равнину Гизинга.

Король каждое утро слушалъ обѣдню въ церкви св. Маріи, но теперь, едва наступило утро, онъ поспѣшилъ внизъ, къ рѣкѣ, гдѣ Сторреда провела ночь на своемъ кораблѣ.

Онъ спѣшилъ спросить ее, не согласится-ли она въ тотъ-же вечеръ отпраздновать свое обрученіе съ нимъ.

Все утро, по приказу епископа, звонили на колокольнѣ церкви св. Маріи, и когда Олафъ вышелъ изъ королевскаго дворца на площадь, двери церкви распахнулись и оттуда послышалось стройное пѣніе гимновъ. Но король прошелъ мимо и епископъ велѣлъ прекратить колокольный звонъ.

Пѣніе утихло и свѣчи погасли.

Тогда король остановился и, обернувшись, сталъ смотрѣть на церковь.

Какой некрасивой показалась она ему теперь. Ниже всѣхъ домовъ города. Торфяная крыша тяжело придавила глухія—безъ оконъ—стѣны, а ворота, съ маленькимъ навѣсомъ изъ еловой коры, были низки и мрачны.

Вдругъ изъ темнаго и низкаго входа показалась молодая женщина, съ яснымъ, кроткимъ лицомъ. На ней было красное платье и синій плащъ, а на рукахъ сидѣлъ бѣлокурый младенецъ. Нарядъ ея былъ очень бѣденъ, но король сейчасъ-же увидѣлъ, что передъ нимъ благородная госпожа. Ея величественный и вмѣстѣ полный неизъяснимой кротости видъ поразилъ его,—такой женщины онъ еще не видѣлъ. Съ такой трогательной нѣжностью прижимала она къ себѣ свое дитя! Это тронуло короля, и онъ не сводилъ съ нея глазъ.

Она дошла до воротъ, но тотчасъ-же обернулась и съ тоской во взглядѣ посмотрѣла назадъ, въ сумрачную, темную церковь. Потомъ опять взглянула на площадь, и въ глазахъ ея засверкали слезы.

Казалось, у нея не хватило силъ переступить черезъ порогъ. Она оперлась о дверь и съ тоской посмотрѣла на младенца, точно спрашивая его:— Гдѣ-же, въ цѣломъ мірѣ, найдемъ мы теперь убѣжище?

А король не двигался съ мѣста и все смотрѣлъ на нее.

— Кто эта женщина? — подумалъ король. — Кажется, я гдѣ-то видѣлъ ее.

Безъ сомнѣнія, это знатная госпожа, попавшая въ нужду.

Какъ ни спѣшилъ король къ Сторредѣ, онъ не могъ уйти отъ этой женщины и все думалъ о томъ, гдѣ онъ могъ видѣть эти кроткіе глаза и это милое, нѣжное лицо.

Женщина все еще стояла въ дверяхъ церкви, точно не желая разстаться съ ней. Тогда король Олафъ подошелъ къ ней и спросилъ:

— Отчего ты такъ печальна, женщина?

— Я изгнана изъ своего дома, — сказала она, указывая на маленькую, темную церковь.

Король подумалъ, что она укрылась въ церкви за неимѣніемъ другого убѣжища, и онъ продолжалъ разспрашивать ее:

— Кто-же изгналъ тебя?

— Развѣ ты не знаешь этого? — произнесла она въ отвѣтъ съ неизъяснимымъ горемъ во взглядѣ.

Но король уже повернулъ къ берегу, — у него не было времени долго стоять съ ней и разгадывать загадки.

Все это имѣло такой видъ, будто онъ былъ виноватъ въ томъ, что ее изгнали изъ ея дома. Онъ не понималъ ея намековъ.

Король Олафъ быстро пошелъ къ рѣкѣ. Онъ спустился къ королевской пристани, гдѣ стояли на якорѣ корабли Сторреды, и навстрѣчу ему вышли ея слуги, въ украшенныхъ золотомъ одеждахъ. Шлемы ихъ были изъ чистаго серебра.

Сама Сторреда стояла на своемъ высокомъ кораблѣ. Гордо выпрямившись, она осматривала городъ и пристани, радовалась его могуществу, и въ мысляхъ своихъ уже видѣла себя повелительницей великой Кунхагеллы.

Но, при взглядѣ на нее, король вспомнилъ про благородную женщину, одиноко и сиротливо стоявшую въ дверяхъ церкви.

— Что это? — подумалъ онъ про себя, — мнѣ теперь кажется, что она прекраснѣе и Сторреды?!.

Когда-же Сторреда привѣтствовала его счастливой и гордой улыбкой, онъ вспомнилъ о томъ, какъ сверкали крупныя слезы въ кроткихъ очахъ грустной женщины.

Лицо ея носилось предъ его глазами, и внезапно—вся красота гордой королевы померкла передъ нимъ. Онъ увидѣлъ, что ея глаза полны жестокости, а губы—сладострастія, и въ каждой чертѣ ея лица таился грѣхъ.

А между тѣмъ, она была прекрасна по-прежнему, но видъ ея уже не привлекалъ его больше. Внезапно онъ ее возненавидѣлъ, какъ ядовитую змѣю.

Но она по-прежнему улыбалась своей гордой улыбкой,—улыбкой побѣдительницы.

— Я не ожидала тебя такъ рано, король Олафъ, — сказала она. — Я думала, что ты еще у обѣдни.

Король ощутилъ потребность подразнить ее, сдѣлать ей непріятное, и онъ отвѣтилъ ей:

— Обѣдня еще не начиналась, и я пришелъ за тобой, Сторреда, просить, чтобы ты сопровождала меня въ храмъ моего Бога.

Король увидѣлъ, что при его словахъ глаза Сторреды загорѣлись зловѣщимъ блескомъ, но она сдержала себя и продолжала улыбаться.

— Поднимись лучше ко мнѣ, король Олафъ,— сказала она, я покажу тебѣ подарокъ, который я привезла для тебя.

Она взяла въ руки золотой мечъ и поманила имъ короля, но онъ все еще видѣлъ предъ собой ту женщину. И опять Сторреда показалась ему чудовищнымъ дракономъ, охраняющимъ свои сокровища.

— Скажи раньше, пойдешь-ли ты со мной въ церковь? — переспросилъ онъ.

— Что мнѣ до твоей церкви! — воскликнула Сторреда съ насмѣшкой.

Но, видя, какъ грозно нахмурились брови короля, Сторреда поняла, что у него на умѣ уже не то, что вчера И, перемѣнивъ свое обращеніе, она сдѣлалась кроткой и уступчивой.

— Иди въ церковь, если тебя тянетъ туда. Иди безъ меня; изъ-за этого мы не должны ссориться,—сказала она.

Она спустилась на пристань и приблизилась къ королю, держа въ одной рукѣ золотой мечъ, а въ другой обшитый мѣхомъ плащъ, привезенные ему въ подарокъ.

Но въ эту минуту король случайно посмотрѣлъ на берегъ и увидѣлъ вдали прежнюю незнакомку. Опустивъ голову, она медленными, усталыми шагами шла по площади, по-прежнему держа на рукахъ младенца.

— Куда смотришь ты такъ внимательно, король Олафъ?—спросила Сторреда.

Въ это мгновенье король Олафъ замѣтилъ, что блѣдная женщина посмотрѣла на него, и что надъ ея головой и головой младенца загорѣлись

яркимъ блескомъ золота два лучистыхъ круга, прекраснѣе, чѣмъ вѣнцы всѣхъ королей и королевъ. Потомъ женщина повернула къ городу и исчезла.

— На что смотришь ты такъ внимательно? — переспросила сигридъ.

Король пристально посмотрѣлъ на нее, — какъ старо и некрасиво было теперь ея лицо. Злоба и грѣхи всего міра чудились ему теперь въ ея глазахъ, и онъ съ ужасомъ подумалъ о томъ, что чуть не попалъ въ ея сѣти.

Онъ готовился раньше протянуть королевѣ руку и уже снялъ свою перчатку, но теперь, поднявъ руку, онъ сильно оттолкнулъ королеву Сторреду и возмущенно вскрикнулъ:

— Что тебѣ нужно отъ меня, старая вѣдьма-язычница?!

Она гнѣвно отступила назадъ, но, овладѣвъ тотчасъ собой, промолвила:

— Этотъ ударъ станетъ твоимъ проклятіемъ, Олафъ Трихвазолъ!

И блѣдная, какъ смерть, она поднялась на свой корабль...

Сельма Лагерлефъ.

Юбиляръ.

(Эскизъ).

Онъ вернулся съ юбилейнаго обѣда.

Пятьдесятъ лѣтъ... Онъ писалъ полъ-вѣка Лирическія стихотворенія, драмы, новеллы, повѣсти, эпосъ – вотъ плоды его полувѣковой творческой дѣятельности. Себѣ во славу, народу во славу работалъ онъ — и народъ умѣлъ его цѣнить. Онъ

далъ ему все, что могъ: далъ почести, состояніе, почетъ. Лавровые вѣнки — старые, засохшіе, и — свѣжіе, юбилейные, висѣли на стѣнахъ,—книги, принесенныя въ подарокъ, лежали на столахъ; наконецъ ему устроили великолѣпный обѣдъ,—весь народъ собрался въ лицѣ своихъ представителей за столомъ, чтобы сказать ему: ты изъ числа заслуженныхъ и великихъ!

Довольный, но немного утомленный овaціями семидесятилѣтній старикъ сидѣлъ въ уютномъ креслѣ въ своей гостиной и, глядя на огонь въ старомодномъ каминѣ, думалъ: я жилъ не напрасно.

Была уже поздняя ночь, и было очень тихо. Вдругъ старикъ вздрогнулъ: слуха его коснулся точно какой-то стонъ... Показалось, что ли? Но вскорѣ стонъ повторился, потомъ раздался пронзительный крикъ и вой. Что-то случилось въ домѣ, внизу.

Онъ позвонилъ—никто не приходилъ. Должно быть, прислуга, разбуженная шумомъ, сбѣжала внизъ.

Старикъ встревожился и сталъ ходить по комнатѣ.

Стоны и вой прекратились, но вмѣсто нихъ послышался шумъ голосовъ мужскихъ и женскихъ. Что случилось, онъ не могъ разобрать. Онъ сталъ раздражаться и сердиться; наконецъ, вышелъ изъ квартиры. На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ своего лакея,—тотъ остановился, едва переводя духъ и, повидимому, очень взволнованный:

— Что тамъ случилось, баринъ!!

— Что же? Говори! Я туда и иду...

Лакей поднялъ руку, точно хотѣлъ удержать его, и воскликнулъ:

— Не ходите туда, баринъ! Тамъ страсть, что случилось. Тамъ трупъ!

— Трупъ?!

— Да. У столяра, что жилъ въ подвалѣ, была дочь. Дѣвушкѣ было лѣтъ пятнадцать, и она была страшная пьяница. Крала у отца деньги на водку, всѣ это знали – и онъ ее не разъ билъ. Сего-

дня онъ ее опять сталъ бить, да только ужъ слишкомъ — столярша заступилась. А онъ, разсвирѣпѣвъ, схватилъ топоръ, ударилъ жену обухомъ въ темя и — убилъ. Его ужъ взяли. Вы не ходите туда, баринъ, тамъ масса всякаго сброду — и полиція, и трупъ столярши. Она еще не старая была, сорока лѣтъ не было. И надо жъ было этому случиться именно сегодня, въ день вашего юбилея, баринъ...

Старикъ-поэтъ вернулся къ себѣ.

— Раздѣть васъ, баринъ?

— Нѣтъ, иди. Я хочу остаться одинъ.

Лакей вышелъ.

* *

Усѣвшись въ кресло, какъ раньше, онъ снова сталъ смотрѣть на огонь камина. Полъ-вѣка работы.. состояніе... почести... Онъ вспомнилъ слова одного изъ ораторовъ, которыми тотъ привѣтствовалъ его: почтенный юбиляръ и лауреатъ полъ вѣка самоотверженно трудился на благо общества...

Два часа тому назадъ, не больше, слова эти пріятно ласкали тщеславіе и самолюбіе старика, но теперь, вспомнивъ ихъ, онъ чуть не крикнулъ: это неправда! это ложь! Я работалъ только для себя, для своей пользы, въ угожденіе тому классу, который называютъ привилегированнымъ.

Влюбленные студенты учили наизусть его стихи, истерички плакали надъ его романами и падали въ обморокъ въ ложахъ на его драмахъ, старые профессора и нѣсколько образованныхъ дилетантовъ наслаждались его эпосомъ, онъ зналъ это, — за это ему устроили юбилей, за это его назвали гордостью страны, столпомъ и фундаментомъ общества.

А онъ туда, внизъ, къ фундаментамъ, въ подвалы, не спускался никогда. Аристократъ по духу, онъ блестѣлъ въ будуарахъ и салонахъ, думая только о славѣ и удобствахъ жизни. И это называется полувѣковой работой на благо общества, самоотверженнымъ трудомъ. Поистинѣ, это справедливо!

Да, природа дала ему необычайный талантъ, быть можетъ даже геніальность; онъ могъ бы сдѣлать Богъ вѣсть что, а что онъ сдѣлалъ? Сыгралъ на нервахъ нѣсколькихъ, или, быть можетъ, нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. А милліоны, эти огромные милліоны?

Имъ ничего не дали его труды, или вѣрнѣе— дары, которыми одѣлила его природа. Со свѣточемъ своей мысли и своего слова онъ никогда не сходилъ туда, внизъ, въ подвалы.

Его назвали „апостоломъ духа". — Поистинѣ, и это справедливо...

Туда нужно было итти, толпѣ нести слово Христово, разъ онъ былъ апостоломъ духа.

У него подъ ногами, тамъ, внизу, происходидило что-то, чего ему не угодно было знать: для этого онъ былъ слишкомъ великъ, слишкомъ почтененъ. Да, это такъ: онъ говорилъ для тѣхъ, которые угощали его шампанскимъ и сажали на первое мѣсто; онъ писалъ прежде всего для богатыхъ баръ и выскочекъ .. Да, да—такъ и есть! Не разъ уже онъ отгонялъ мысли, которыя приходили ему въ голову, бросалъ въ корзину страницы, которыя у него невольно вырывались изъ-подъ пера—лишь для того, чтобы не раздражать сферъ, съ которыми онъ жилъ. Да, онъ былъ апостоломъ, но—собственной выгоды...

Пока тамъ, внизу, въ подвалахъ, нищета поѣдомъ ѣла людей, а преступленіе, ея неотступный товарищъ, справляло дикія оргіи, онъ спокойно скандировалъ свой александрійскій стихъ въ изящномъ кабинетѣ, курилъ хорошія сигары въ изящной гостиной, или ждалъ, сидя въ своей ложѣ, апплодисментовъ театральной публики. Вотъ исторія его апостольскаго служенія, вотъ его право на этотъ титулъ!

Когда-то, когда онъ еще былъ молодымъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, его другъ, давно умершій художникъ, нарисовалъ Іисуса, который, изгибаясь подъ тяжестью креста, по пути на Голгоѳу, нашелъ еще въ себѣ столько силы, чтобы

подать свободную руку старику въ толпѣ, котораго толкнулъ римскій воинъ, и поддержать его. Объ этой картинѣ въ то время много говорили. Художникъ старался придать лицу Христа выраженіе величайшаго самозабвенія, величайшаго состраданія. Благодаря странной ассоціаціи впечатлѣній, картина эта, о которой поэтъ не думалъ уже, быть можетъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ живая, встала у него передъ глазами.

Онъ закрылъ руками лицо и склонилъ голову на грудь. Ему казалось, что Христосъ съ картины его друга, протянувшій руку упавшему старику, смотритъ на него съ упрекомъ... Вѣдь онъ ничего не несъ на своихъ плечахъ — и все же никому не подалъ руки! Онъ не зналъ никакихъ заботъ, помнилъ только о себѣ...

И вся его жизнь, всѣ пятьдесятъ лѣтъ его работы и тріумфовъ показались ему такими пустыми, такими безплодными, такими безвозвратно погибшими.

И неужели нужно было случиться такому строгому факту, чтобы онъ проснулся отъ своего ашэистическаго сна? И отчего же онъ проснулся такъ поздно, такъ поздно...

Онъ почувствовалъ отвращеніе къ своей натурѣ, къ своей собственной душѣ. Вся его философія, основанная на законѣ необходимости, исключающемъ вину и заслугу,—рухнула. Онъ чувствовалъ себя виновнымъ.

Ему захотѣлось выбросить за окно всѣ вѣнки, всѣ альбомы и драгоцѣнные подарки,—онъ насильно старался выкинуть изъ головы всѣхъ, кто былъ на его полувѣковомъ юбилеѣ и окружалъ тамъ его почестями.

— Отчего же,—повторялъ онъ,—отчего въ сегодняшній вечеръ за моимъ собственнымъ столомъ не сѣла семья этого столяра, чтобы прочесть книгу, которую я написалъ для нихъ, и которая несла бы имъ слово Христово.

И онъ чувствовалъ такое отвращеніе къ своей

природѣ, чувствовалъ себя такимъ виноватымъ вся его жизнь показалась ему такой ничтожной. Но начинать новую было поздно..

К. Тетмайеръ.

ЖИЗНЬ.

Бѣдному сыну пустыни снился сонъ:

Лежитъ и разстилается великое Средиземное море, и съ трехъ разныхъ сторонъ глядятъ въ него палящіе берега Африки съ тонкими пальмами, сирійскія голыя пустыни и многолюдный, весь изрытый моремъ, берегъ Европы.

Стоитъ въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамида надъ пирамидою; граниты глядятъ сѣрыми очами, обтесанные въ сфинксовъ; идутъ безчисленныя ступени. Стоитъ онъ величавый, питаемый великимъ Ниломъ, весь убранный таинственными знаками и священными звѣрями. Стоитъ неподвиженъ, какъ очарованный, какъ мумія, несокрушаемая тлѣніемъ.

Раскинула вольныя колоніи веселая Грецiя. Кишатъ на Средиземномъ морѣ острова, потопленные зелеными рощами; кинамонъ, виноградныя лозы, смоковницы помаваютъ облитыми медомъ вѣтвями; колонны, бѣлыя, какъ перси дѣвы, круглятся въ роскошномъ мракѣ древесномъ, мраморъ страстный дышитъ, зажженный чуднымъ рѣзцомъ, и стыдливо любуется своею прекрасною наготою; увитый гроздіями, съ тирсами и чашами въ рукахъ, народъ остановился въ шумной пляскѣ. Жрицы, молодыя, и стройныя, съ разметанными кудрями, вдохновенно вонзили свои черныя очи. Тростникъ, связанный въ цвѣтницу, тимпаны, мусикій-

скія орудія мелькаютъ, перевитыя плюшемъ. Корабли, какъ мухи, толпятся близъ Родоса и Корциры, подставляя сладострастно выгибающійся флагъ дыханію вѣтра. И все стоитъ неподвижно, какъ бы въ окаменѣломъ величіи.

Стоитъ и распростирается желѣзный Римъ, устремляя лѣсъ копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ во все завистливыя очи и протянувши свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется львиными членами.

Весь воздухъ небеснаго океана висѣлъ сжатый и душный. Великое Средиземное море не шелохнется, — какъ будто бы царства предстали всѣ на страшный судъ передъ кончиною міра.

И говоритъ Египетъ, помавая тонкими пальмами, жилицами его равнинъ, и устремляя иглы своихъ обелисковъ: „Народы, слушайте! Я одинъ постигъ и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тлѣнъ. Низки искусства, жалки наслажденія, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ міромъ и человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живетъ для смерти. Далеко, далеко до воскресенья! Да и будетъ ли когда воскресеніе? Прочь желанія и наслажденія! Выше строй пирамиду, бѣдный человѣкъ, чтобы хоть столько-нибудь продлить свое бѣдное существованіе".

И говоритъ ясный, какъ небо, какъ утро, какъ юность, свѣтлый міръ грековъ, и, казалось, вмѣсто словъ, слышалось дыханіе цѣвницы: „Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденіе. Все неси ему. Гляди, какъ выпукло и прекрасно все въ природѣ, какъ дышитъ все согласіемъ. Все въ мірѣ, все, чѣмъ ни владѣютъ боги, все въ немъ; умѣй находить его. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра, вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое! Мчись на колесницѣ, искусно правя конями, на блистательныхъ играхъ! Далѣе корысть и жадность отъ вольной и гордой души! Рѣзецъ, палитра и цѣвница созданы быть властителями міра, а властительницею ихъ—красота. Уви-

вай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги! Жизнь создана для жизни, для наслажденія — умѣй быть достойнымъ наслажденія!"

И говоритъ покрытый желѣзомъ Римъ, потрясая блестящимъ лѣсомъ копій: „Я постигнулъ тайну жизни человѣка Низко спокойствіе для человѣка: оно уничтожаетъ его въ самомъ себѣ. Малъ для души размѣръ искусствъ и наслажденій. Наслажденіе — въ гигантскомъ желаніи. Презрѣнна жизнь народовъ и человѣка безъ громкихъ подвиговъ. Славы, славы жаждай, человѣкъ! Въ порывѣ неразсказаннаго веселія, оглушенный звукомъ желѣза, несись на сомкнутыхъ щитахъ бранноносныхъ легіоновъ! Слышишь ли, какъ у ногъ собрался весь міръ и, потрясая копьями, слился въ одно восклицаніе? Слышишь ли, какъ твое имя замираетъ страхомъ на устахъ племенъ, живущихъ на краяхъ міра? Все, что ни объемлетъ взоръ твой, наполняй своимъ именемъ. Стремись вѣчно; нѣтъ границъ міру—нѣтъ границъ и желанію! Дикій и суровый, далѣе и далѣе захватывай міръ — ты завоюешь наконецъ небо!"...

Но остановился Римъ и вперилъ орлиныя очи свои на востокъ. Къ востоку обратила и Грецiя свои влажныя отъ наслажденія, прекрасныя очи; къ востоку обратилъ Египетъ свои мутныя, безцвѣтныя очи.

Камениста земля; презрѣненъ народъ; немноголюдная весь прислонилась къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно оттѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградою стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ младенецъ; надъ нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на него исполненными слезъ очами; надъ нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ.

Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула прекрасная Грецiя; опустилъ очи Римъ на

желѣзныя свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами-пастырями; нагнулся Араратъ, древній прапращуръ земли...

Н. В. Гоголь.

ГОРЕ.

Токарь Григорій Петровъ, издавна извѣстный за великолѣпнаго мастера и въ то же время за самаго непутеваго мужика во всей Галчинской волости, везетъ свою больную старуху въ земскую больницу. Нужно ему проѣхать верстъ тридцать, а между тѣмъ дорога́ ужасная, съ которой не справиться казенному почтарю, а не то, что такому лежебокѣ, какъ токарь Григорій. Прямо навстрѣчу бьетъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Въ воздухѣ, куда ни взглянешь, кружатся цѣлыя облака снѣжинокъ, такъ что не разберешь, идетъ ли снѣгъ съ неба, или съ земли. За снѣжнымъ туманомъ не видно ни поля, ни телеграфныхъ столбовъ, ни лѣса, а когда на Григорія налетаетъ особенно сильный порывъ вѣтра, тогда не бываетъ видно даже дуги. Дряхлая, слабосильная кобылка плетется еле-еле. Вся энергія ея ушла на вытаскиваніе ногъ изъ глубокаго снѣга и подергиванье головой. Токарь торопится. Онъ безпокойно прыгаетъ на облучкѣ и то и дѣло хлещетъ по лошадиной спинѣ.

— Ты, Матрена, не плачь ..—бормочетъ онъ.—Потерпи малость. Въ больницу, Богъ дастъ, пріѣдемъ, и мигомъ у тебя, это самое... Дастъ тебѣ Павелъ Ивановичъ капелекъ, или кровь пустить прикажетъ, или, можетъ, милости его угодно будетъ спирткомъ какимъ тебя растереть, оно и того... оттянетъ отъ бока. Павелъ Ивановичъ поста-

рается... Покричитъ, ногами потопчетъ, а ужъ по старается... Славный господинъ, обходительный, дай Богъ ему здоровья... Сейчасъ, какъ пріѣдемъ перво наперво выскочитъ изъ своей фатеры и начнетъ чертей перебирать... Какъ? Почему такое? — закричитъ.—Почему не во-время пріѣхалъ? Нешто я собака какая, чтобъ цѣльный день съ вами, чертями, возиться? Почему утромъ не пріѣхалъ? Вонъ! Чтобъ и духу твоего не было. Завтра пріѣзжай!"... А я и скажу:

„Господинъ докторъ! Павелъ Ивановичъ! Ваше высокоблагородіе!" Да поѣзжай же ты, чтобъ тебѣ пусто было, чортъ! Но!

Токарь хлещетъ по лошаденкѣ и, не глядя на старуху, продолжаетъ бормотать себѣ подъ носъ:

— „Ваше высокоблагородіе! Истинно, какъ передъ Богомъ... вотъ вамъ крестъ, выѣхалъ я чуть свѣтъ. Гдѣ жъ тутъ къ сроку поспѣть, ежели Господь... Матерь Божія... прогнѣвался и метель такую послалъ? Сами изволите видѣть... Какая лошадь поблагороднѣе, и та не выѣдетъ а у меня, сами изволите видѣть, не лошадь, а срамота!" А Павелъ Ивановичъ нахмурится и закричитъ: „Знаемъ васъ! Завсегда оправданіе найдете! Особливо ты, Гришка! Давно тебя знаю! Небось, разъ пять въ кабакъ заѣзжалъ!" А я ему: „Ваше высокоблагородіе! Да нешто я злодѣй какой, или нехристь? Старуха душу Богу отдаетъ, помираетъ, а я стану по кабакамъ бѣгать! Что вы, помилуйте! Чтобъ имъ пусто было, кабакамъ этимъ!" Тогда Павелъ Ивановичъ прикажетъ тебя въ больницу снесть. А я въ ноги.. Павелъ Ивановичъ! Ваше высокоблагородіе! Благодаримъ васъ всепокорно! Простите насъ, мужиковъ! Насъ бы въ три шеи нало, а вы изволите безпокоиться, ножки свои въ снѣгъ марать! А Павелъ Ивановичъ взглянетъ этакъ, словно ударить захочетъ, и скажетъ: „Чѣмъ въ ноги-то бухать, ты бы лучше, дуракъ, водки не лопалъ, да старуху жалѣлъ. Пороть тебя надо!"

— „Истинно пороть, Павелъ Иванычъ, побей меня Богъ, пороть! А какъ же намъ въ ноги не

кланяться, ежели благодѣтели вы наши, отцы родные? Ваше высокоблагородіе! Вѣрно слово... вотъ какъ передъ Богомъ... плюньте тогда въ глаза, ежели обману: какъ только моя Матрена, это самое, выздоровѣетъ, станетъ на свою настоящую точку, то все, что соизволите приказать, все для вашей милости сдѣлаю! Портсигарчикъ, ежели желаете, изъ корельской березы... шары для крокета, кегли могу выточить самыя заграничныя... все для васъ сдѣлаю! Ни копейки съ васъ не возьму! Въ Москвѣ бы съ васъ за такой портсигарчикъ четыре рубля взяли, а я ни копѣйки! Докторъ засмѣется и скажетъ: „Ну, ладно, ладно... Чувствую! Только жалко, что ты пьяница“... Я, братъ старуха, понимаю, какъ съ господами надо. Нѣтъ того господина, чтобъ я съ нимъ не сумѣлъ поговорить. Только привелъ бы Богъ съ дороги не сбиться. Ишь мететъ! Всѣ глаза запорошило.

И токарь бормочетъ безъ конца. Болтаетъ онъ языкомъ машинально, чтобъ хоть немного заглушить свое чувство. Словъ на языкѣ много, но мыслей и вопросовъ въ головѣ еще больше. Горе застало токаря врасплохъ, нежданно — негаданно, и теперь онъ никакъ не можетъ очнуться, придти въ себя, сообразить. Жилъ доселѣ безмятежно, ровно, въ пьяномъ полузабытьи, не зная ни горя, ни радостей, и вдругъ чувствуетъ теперь въ душѣ ужасную боль. Безпечный лежебока и пьянчужка очутился ни съ того ни съ сего въ положеніи человѣка занятаго, озабоченнаго, спѣшащаго и даже борющагося съ природой.

Токарь помнитъ, что горе началось со вчерашняго вечера. Когда вчера вечеромъ воротился онъ домой, по обыкновенію пьяненькимъ, и по застарѣлой привычкѣ началъ браниться и махать кулаками, старуха взглянула на своего буяна такъ, какъ раньше никогда не глядѣла. Обыкновенно, выраженіе ея старческихъ глазъ было мученическое, кроткое, какъ у собакъ, которыхъ много бьютъ и плохо кормятъ, теперь же она глядѣла сурово и неподвижно, какъ глядятъ святые на ико-

нахъ или умирающіе. Съ этихъ странныхъ, нехорошихъ глазъ и началось горе. Ошалѣвшій токарь выпросилъ у сосѣда лошаденку и теперь везетъ старуху въ больницу, въ надеждѣ, что Павелъ Иванычъ порошками и мазями возвратитъ старухѣ ея прежній взглядъ.

— Ты же, Матрена, тово...—бормочетъ онъ.— Ежели Павелъ Иванычъ спроситъ, билъ я тебя или нѣтъ, говори: никакъ нѣтъ! А я тебя не буду больше бить. Вотъ те крестъ. Да нешто я билъ тебя по злобѣ? Билъ такъ, зря. Я тебя жалѣю. Другому бы и горя мало, а я вотъ везу... стараюсь. А мететъ-то, мететъ! Господи, твоя воля! Привелъ бы только Богъ съ дороги не сбиться... Что, болитъ бокъ? Матрена, что-жъ ты молчишь? Я тебя спрашиваю: болитъ бокъ?

Странно ему кажется, что на лицѣ у старухи не таетъ снѣгъ, странно, что самое лицо какъ-то особенно вытянулось, приняло блѣдно-сѣрый, грязно-восковой цвѣтъ и стало строгимъ, серьезнымъ.

— Ну, и дура! — бормочетъ токарь. Я тебя по совѣсти, какъ передъ Богомъ... а ты тово... Ну, и дура! Возьму вотъ и не повезу къ Павлу Иванычу.

Токарь опускаетъ вожжи и задумывается. Оглянуться на старуху онъ не рѣшается: страшно! Задать ей вопросъ и не получить отвѣта—тоже страшно!

Наконецъ, чтобъ покончить съ неизвѣстностью, онъ, не оглядываясь на старуху, нащупываетъ ея холодную руку. Поднятая рука падаетъ, какъ плеть.

— Померла, стало-быть. Комиссія!

И токарь плачетъ. Ему не такъ жалко, какъ досадно. Онъ думаетъ: какъ на этомъ свѣтѣ все быстро дѣлается! Не успѣло еще начаться его горе, какъ уже готова развязка. Не успѣлъ онъ пожить со старухой, высказать ей, пожалѣть ее, какъ она уже умерла. Жилъ онъ съ нею сорокъ лѣтъ, но вѣдь эти сорокъ лѣтъ прошли, словно въ туманѣ. За пьянствомъ, драками и нуждой не чувство-

валась жизнь. И какъ на зло старуха умерла какъ разъ въ то самое время, когда онъ почувствовалъ, что жалѣетъ ее, жить безъ нея не можетъ, страшно виноватъ передъ нею.

— А вѣдь она по міру ходила! — вспоминаетъ онъ.—Самъ я посылалъ ее хлѣба у людей просить, комиссія! Ей бы, дурѣ, еще лѣтъ десятокъ прожить, а то, небось, думаетъ, что я и взаправду такой. Мать Пресвятая, да куда же къ лѣшему я это ѣду? Теперь не лѣчить надо, а хоронить. Поворачивай!

Токарь поворачиваетъ назадъ и изо всей силы бьетъ по лашадкѣ. Путь съ каждымъ часомъ становится все хуже и хуже. Теперь уже дуги совсѣмъ не видно. Изрѣдка сани наѣдутъ на молодую елку, темный предметъ оцарапаетъ руки токаря, мелькнетъ передъ его глазами, и поле зрѣнія опять становится бѣлымъ, кружащимся.

„Жить бы сызнова"... думаетъ токарь.

Вспоминаетъ онъ, что Матрена лѣтъ сорокъ тому назадъ была молодой, красивой, веселой, изъ богатаго двора. Выдали ее за него замужъ потому, что польстились на его мастерство. Всѣ данныя были для хорошаго житья, но бѣда въ томъ, что онъ какъ напился послѣ свадьбы, завалился на печку, такъ словно и до сихъ поръ не просыпался. Свадьбу онъ помнитъ, а что было послѣ свадьбы— хоть убей, ничего не помнитъ, кромѣ развѣ того, что пилъ, лежалъ, дрался. Такъ и пропали сорокъ лѣтъ.

Бѣлыя снѣжныя облака начинаютъ мало-помалу сѣрѣть. Наступаютъ сумерки.

— Куда-жъ я ѣду? — спохватывается вдругъ токарь.—Хоронить надо, а я въ больницу... Ошалѣлъ словно!

Токарь опять поворачиваетъ назадъ и опять бьетъ по лошади. Кобылка напрягаетъ всѣ свои силы и, фыркая, бѣжитъ мелкой рысцой. Токарь разъ за разомъ хлещетъ ее по спинѣ... Сзади слышится какой-то стукъ, и онъ, хоть не оглядывается, знаетъ, что это стучитъ голова покойницы о са-

ни. А воздухъ все темнѣетъ и темнѣетъ, вѣтеръ становится холоднѣе и рѣзче...

„Сызнова бы жить... — думаетъ токарь.—Инструментъ бы новый завесть, заказы брать... деньги бы старухѣ отдавать... да!"

И вотъ онъ роняетъ вожжи. Ищетъ ихъ, хочетъ поднять и никакъ не поднимаетъ; руки не дѣйствуютъ...

„Все равно... — думаетъ онъ: — сама лошадь пойдетъ, знаетъ дорогу. Поспать бы теперь... Покеда тамъ похороны или панихида, прилечь бы".

Токарь закрываетъ глаза и дремлетъ. Немного погодя, онъ слышитъ, что лошадь остановилась. Онъ открываетъ глаза и видитъ передъ собой что-то темное, похожее на избу или скирду... Ему бы вылѣзти изъ саней и узнать, въ чемъ дѣло, но во всѣмъ тѣлѣ стоитъ такая лѣнь, что лучше замерзнуть, чѣмъ двинуться съ мѣста... И онъ безмятежно засыпаетъ.

Просыпается онъ въ большой комнатѣ съ крашеными стѣнами. Изъ оконъ льетъ яркій солнечный свѣтъ. Токарь видитъ передъ собой людей и первымъ дѣломъ хочетъ показать себя степеннымъ, съ понятіемъ.

— Панихидку бы, братцы, по старухѣ!—говоритъ онъ.—Батюшкѣ бы сказать...

– Ну, ладно, ладно! Лежи ужъ! — обрываетъ его чей-то голосъ.

— Батюшка! Павелъ Иванычъ! — удивляется токарь, видя передъ собой доктора. — Вашескородіе! Благодѣтель!

Хочетъ онъ вскочить и бухнуть передъ медициной въ ноги, но чувствуетъ, что руки и ноги его не слушаются.

— Ваше высокородіе! Ноги же мои гдѣ? Гдѣ руки?

— Прощайся съ руками и ногами... Отморозилъ! Ну, ну... чего-жъ ты плачешь? Пожилъ, и слава Богу! Небось, шесть десятковъ прожилъ — будетъ съ тебя!

— Горе!.. Вашескородіе, горе вѣдь! Простите великодушно! Еще бы годочковъ пять, шесть...

— Лошадь-то чужая, отдать надо... Старуху хоронить... И какъ на этомъ свѣтѣ все скоро дѣлается! Ваше высокородіе! Павелъ Иванычъ! Портсигарчикъ изъ корельской березы наилучшій! Крокетикъ выточу..

Докторъ машетъ рукой и выходитъ изъ палаты.

Токарю—аминь!

А. П. Чеховъ.

Альфонсъ Додэ.

ЛЕГЕНДА О ЧЕЛОВѢКѢ СЪ ЗОЛОТЫМЪ МОЗГОМЪ.

Дамѣ, которая проситъ веселыхъ разсказовъ.

Читая ваше письмо, madame, я почувствовалъ что-то въ родѣ угрызенія совѣсти. Я сталъ упрекать себя за излишне мрачный тонъ моихъ разсказовъ и сегодня далъ себѣ слово написать для васъ что-нибудь веселое, безумно веселое.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, быть мнѣ грустнымъ? Я живу за тысячу верстъ отъ парижскихъ тумановъ, на залитомъ солнцемъ холмѣ, въ странѣ тамбуриновъ и мускатнаго вина. Вкругъ моего жилища—только солнце, музыка: оркестры малиновокъ, орфеоны синичекъ. Утромъ кулики тянутъ свое „курели! курело!", въ полдень кузнечики, а за-

тѣмъ—пастухи со свирѣлями и красивыя, смуглыя дѣвушки, смѣхъ которыхъ доносится изъ виноградниковъ... Правда, мѣсто совсѣмъ не подходящее для черныхъ мыслей, и мнѣ скорѣе слѣдовало бы преподносить дамамъ розовыя поэмы и вороха веселыхъ сказокъ

Но нѣтъ, я все еще слишкомъ близокъ къ Парижу. Каждый день доноситъ онъ до моихъ сосенъ эхо своихъ печалей... И вотъ сейчасъ, когда я пишу эти строки, предо мной лежитъ извѣстіе о печальной кончинѣ бѣднаго Шарля Барбара. И оттого вся моя мельница облеклась въ трауръ. Прощайте, кулики, кузнечики. Уже нѣтъ въ моей душѣ веселья... Вотъ почему, madame, вмѣсто хорошенькой, забавной сказки, которую я обѣщалъ разсказать, я и сегодня дамъ вамъ лишь грустную легенду.

* * *

Жилъ нѣкогда человѣкъ, у котораго былъ золотой мозгъ. Да, madame, мозгъ изъ чистаго золота. Когда ребенокъ родился, врачи думали, что онъ не выживетъ: такая тяжелая была у него голова, такъ чрезмѣрно великъ черепъ. Однако онъ выжилъ и выросъ подъ солнцемъ, какъ прекрасное оливковое дерево. Только голова его грузно свѣшивалась то на ту, то на другую сторону, увлекая за собой все туловище, и жалко было смотрѣть, какъ онъ на ходу стукался о мебель. Часто падалъ. Разъ онъ скатился съ лѣстницы и ударился лбомъ о мраморную ступеньку. Раздался металлическій звонъ. Думали, что онъ разбился насмерть. Его подняли, но нашли на головѣ лишь неглубокую ранку и на бѣлокурыхъ волосахъ были двѣ-три капельки золота. Вотъ какимъ образомъ родители узнали, что у ихъ ребенка мозгъ былъ изъ золота. Они держали это въ секретѣ. Ничего не подозрѣвалъ и бѣдный мальчикъ. Только иногда спрашивалъ, почему его не пускаютъ побѣгать съ мальчиками на улицѣ.

— Тебя украдутъ, сокровище мое! — отвѣчала ему мать.

Ребенокъ сталъ бояться, что его украдутъ, и игралъ одинъ, съ самимъ собой, тяжело передвигаясь изъ комнаты въ комнату.

Только когда ему минуло восемнадцать лѣтъ, родители открыли ему тотъ чудовищный даръ, который дала ему судьба. И такъ какъ они воспитали мальчика, кормили его до сихъ поръ, то въ вознагражденіе потребовали себѣ немного золота. Мальчикъ не сталъ раздумывать, тутъ же (какъ онъ это сдѣлалъ,—легенда объ этомъ умалчиваетъ) отломилъ изъ-подъ черепа кусокъ массивнаго золота, величиною въ орѣхъ, и гордо бросилъ его на колѣни матери... Затѣмъ, весь ослѣпленный тѣмъ богатствомъ, которое онъ носилъ у себя въ головѣ, обезумѣвъ отъ желаній, опьяненный своимъ могуществомъ, онъ оставилъ родительскій домъ и пошелъ бродить по бѣлу-свѣту, расточая все свое богатство.

* * *

Судя по роскошному образу жизни, по тому, что безъ счета сѣялъ онъ золото, можно было подумать, что мозгъ его неистощимъ.. Но понемногу мозгъ сталъ истощаться, и глаза юноши начали гаснуть, щеки ввалились. Наконецъ, разъ утромъ, проснувшись одинъ среди остатковъ пиршества, среди блѣднѣющаго пламени догоравшихъ свѣчей, онъ ужаснулся той огромной бреши, какую сдѣлалъ въ своемъ богатствѣ. Пришла пора остановиться.

Съ тѣхъ поръ пошла иная жизнь. Человѣкъ съ мозгомъ изъ золота жилъ въ уединеніи, трудомъ своихъ рукъ, подозрительный и недовѣрчивый, какъ скупецъ; онъ избѣгалъ всякихъ искушеній, старался самъ позабыть о томъ роковомъ богатствѣ, котораго уже не желалъ болѣе касаться... Къ несчастью, въ его одиночество за нимъ послѣдовалъ одинъ изъ друзей. И этотъ другъ зналъ его тайну.

Разъ ночью бѣдный человѣкъ вскочилъ отъ боли, отъ нестерпимой боли въ головѣ; онъ поднялся и увидалъ, какъ среди ночной тьмы, освѣщаемый луной, бѣжалъ его другъ, пряча что-то подъ одеждой ..

Еще частицу мозга отняли у него...

Прошло нѣкоторое время, и человѣкъ съ мозгомъ изъ золота влюбился. На этотъ разъ всему пришелъ конецъ... Всѣмъ, что было лучшаго въ его душѣ, любилъ онъ маленькую, бѣлокурую женщину... Любила и она его, но еще болѣе любила разныя украшенія, бездѣлушки, бѣлыя перья и красивыя, темно-краснаго цвѣта, блестящія кисточки на своихъ туфелькахъ.

Золото прямо таяло въ рукахъ этого крошечнаго созданія—полу-птички, полу-куколки. Были у нея всѣ прихоти и всѣ капризы, а онъ никогда не могъ сказать ей „нѣтъ“. Боясь огорчить ее, онъ скрывалъ печальную тайну своего богатства.

— Вѣдь мы очень богаты? — спрашивала она.

— О, да!.. очень богаты.

И онъ съ любовью улыбался маленькой голубенькой птичкѣ, которая въ невинномъ невѣдѣніи съѣдала его мозгъ. Временами его охватывалъ ужасъ, въ немъ снова пробуждалось желаніе быть скупымъ. Но тогда появлялась маленькая женщина и говорила ему:

— О, супругъ мой! Вы такъ богаты... Купите мнѣ что-нибудь, но только очень, очень дорогое.

И онъ покупалъ ей что-нибудь очень дорогое.

Такъ тянулось два года.

Потомъ разъ утромъ маленькая женщина умерла, и никто не зналъ, отчего она умерла. Какъ птичка... Богатство приходило къ концу. На то золото, что еще оставалось, несчастный вдовецъ устроилъ своей дорогой покойницѣ пышныя похороны. На всемъ пути звонили колокола; массивный катафалкъ былъ въ попонахъ; лежавшій на гробу бархатный покровъ былъ усѣянъ серебряными слезами... Но все это казалось ему еще не-

достаточно великолѣпнымъ... На что ему теперь его золото? Онъ раздавалъ его всюду и всѣмъ: въ церкви, носильщикамъ, продавщицамъ иммортелей... И когда онъ возвратился съ кладбища, отъ его волшебнаго мозга не осталось уже почти ничего. Какія-то жалкія крупицы у стѣнокъ черепа...

Онъ бродилъ по улицѣ съ блуждающими глазами, выставивъ впередъ руки, спотыкаясь, какъ пьяный. Вечеромъ, когда уже стали зажигать въ выставкахъ магазиновъ огни, онъ остановился у огромной, залитой свѣтомъ витрины. Долго стоялъ онъ, вперивъ глаза въ пару туфелекъ изъ голубого атласа, отороченныхъ лебяжьимъ пухомъ.

— Я знаю, кому эти туфельки могли бы доставить большое удовольствіе, — сказалъ онъ съ улыбкой. Онъ совсѣмъ забылъ, что маленькая женщина умерла, и вошелъ въ магазинъ.

Сидѣвшая въ глубинѣ хозяйка вдругъ услышала страшный крикъ. Она подбѣжала къ вошедшему и въ страхѣ отшатнулась назадъ. Передъ ней стоялъ, прислонившись къ прилавку, человѣкъ и смотрѣлъ на нее безумными, полными скорби глазами. Въ одной рукѣ онъ держалъ голубыя туфельки, отороченныя лебяжьимъ пухомъ, другую, всю въ крови, съ частицами золотами на концахъ ногтей, онъ протягивалъ ей.

Такова, madame, легенда о человѣкѣ съ золотымъ мозгомъ.

* * *

Несмотря на то, что она похожа на фантастическій вымыселъ, легенда эта правдива отъ начала до конца. Есть несчастные люди, которые обречены жить своимъ мозгомъ и расплачиваться, какъ чистымъ золотомъ, лучшимъ своимъ существомъ за все въ жизни. Оттого каждый день полонъ для нихъ горя; а потомъ, когда они уже устанутъ страдать...

А. Додэ.

Старый звонарь.

(Весенняя идиллія)

Стемнѣло.

Надъ черною, зубчатою линіей густого лѣса стояла полная луна: стояла, но не свѣтила. Небольше селеніе, пріютившееся надъ дальней рѣчкой, въ бору, тонуло въ томъ особенномъ сумракѣ, которымъ полны весеннія ночи, когда луна задумчиво стоитъ надъ горизонтомъ, задернутая дымкой; туманъ, подымаясь съ земли, сгущаетъ длинныя тѣни лѣсовъ и застилаетъ открытыя пространства серебристо-лазурнымъ сумракомъ... Все тихо, задумчиво грустно.

Село тихо дремлетъ.

Убогія хаты чуть выдѣляются темными очертаніями; кое-гдѣ мерцаютъ огни; изрѣдка скрипнутъ ворота, залаетъ чуткая собака и смолкнетъ; порой изъ темной массы тихо шумящаго лѣса выдѣляются фигуры пѣшеходовъ, проѣдетъ всадникъ, проскрипитъ телѣга. То жители одинокихъ лѣсныхъ поселковъ собираются въ свою церковь встрѣчать весенній праздникъ.

Скрипятъ ступени лѣстницы... Старый звонарь Михеичъ подымается на колокольню, и скоро его фонарикъ, точно взлетѣвшая въ воздухѣ звѣзда, повиснетъ въ пространствѣ.

Тяжело старику взбираться по крутой лѣстницѣ. Не служатъ уже старыя ноги, поизносился онъ самъ, плохо видятъ глаза... Пора уже, пора старику на покой, да Богъ не шлетъ смерти. Хоронилъ сыновей, хоронилъ внуковъ, провожалъ въ домовину старыхъ, провожалъ молодыхъ, а самъ все еще живъ. Тяжело... Много ужъ разъ встрѣчалъ онъ весенній праздникъ, потерялъ счетъ и тому, сколько разъ ждалъ урочнаго часа на этой самой колокольнѣ. И вотъ, привелъ Богъ опять...

Старикъ подошелъ къ пролету колокольни и облокотился на перила. Внизу, вокругъ церкви маячили въ темнотѣ могилы сельскаго кладбища; старые кресты какъ будто охраняли ихъ распростертыми руками. Кое-гдѣ склонялись надъ ними березы, еще не покрытыя листьями... Оттуда, снизу, несся къ Михеичу ароматный запахъ молодыхъ почекъ, и вѣяло грустнымъ спокойствіемъ вѣчнаго сна...

Что-то будетъ съ нимъ черезъ годъ? Взберется ли онъ опять сюда, на вышку, подъ мѣдный колоколъ, чтобы гулкимъ ударомъ раабудить чутко дремлющую ночь, или будетъ лежать... вонъ тамъ, въ темномъ уголкѣ кладбища, подъ крестомъ? Богъ знаетъ... Онъ готовъ; а пока привелъ Богъ еще разъ встрѣтить праздникъ. „Слава-те Господи"! — шепчутъ старческія уста привычную формулу, и Михеичъ смотритъ вверхъ, на горящее милліонами огней звѣздное небо, и крестится.

— Михеичъ, а Михеичъ! — зоветъ его снизу дребезжащій, тоже старческій голосъ. Древній годами дьячокъ смотритъ вверхъ на колокольню, даже приставляетъ ладонь къ моргающимъ и слезящимся глазамъ, но все же не видитъ Михеича.

— Что тебѣ? Здѣсь я! — отвѣчаетъ звонарь, склоняясь съ своей колокольни.—Аль не видишь?

— Не вижу .. А не пора ли и вдарить?

— По твоему какъ?

Оба смотрятъ на звѣзды. Тысяча Божьихъ огней мигаютъ на нихъ съ высоты. — Пламенный „Возъ" поднялся уже высоко... Михеичъ соображаетъ.

— Нѣтъ еще, погоди мало .. Знаю вѣдь .

Онъ знаетъ. Ему не нужно часовъ: Божьи звѣзды скажутъ ему, когда придетъ время... Земля и небо, и бѣлое облако, тихо плывущее въ лазури, и темный боръ, невнятно шепчущій внизу, и плескъ невидимой во мракѣ рѣчки,—все это ему родное... Не даромъ здѣсь прожита цѣлая жизнь... Передъ нимъ оживаетъ далекое прошлое. . Онъ вспомина-

етъ, какъ въ первый разъ съ тятькой взобрался на эту колокольню. Господи Боже, какъ это давно... и какъ недавно!.. Онъ видитъ себя бѣлокурымъ мальчонкой! глаза его разгорѣлись! вѣтеръ,— но не тотъ, что подымаетъ уличную пыль, а какой-то особенный, высоко надъ землею машущій своими безшумными крыльями, — развѣваетъ его волосенки.. Внизу, далеко-далеко, ходятъ какіе-то маленькіе люди, и домишки деревни тоже маленькіе, и лѣсъ отодвинулся вдаль; и круглая поляна, на которой стоитъ поселокъ, кажется такою громадной, почти безграничной...

— Анъ вотъ она, вся тутъ!—улыбнулся сѣдой старикъ, взглянувъ на небольшую палочку. Такъ вотъ и жизнь... Смолоду конца ей не видишь и краю... Анъ вотъ она вся, какъ на ладони, съ начала и до самой вонъ той могилки, что облюбовалъ онъ себѣ въ углу кладбища.. И что жъ, слава-те Господи! — пора на покой. Тяжелая дорога пройдена честно, а сырая земля — ему мать... Скоро, ужъ скоро!..

— —

Однако, пора! Взглянувъ еще разъ на звѣзды, Михеичъ поднялся, снялъ шапку, перекрестился и сталъ подбирать веревки отъ колоколовъ... Черезъ минуту ночной воздухъ дрогнулъ отъ гулкаго удара... Другой, третій, четвертый... одинъ за другимъ, наполняя чутко дремавшую предпраздничную ночь, полились властные, тягучіе, звенящіе и поющіе тоны...

———

Звонъ смолкъ. Въ церкви началась служба. Въ прежніе годы Михеичъ всегда спускался по лѣстницѣ внизъ и становился въ углу, у дверей, чтобы молиться и слушать пѣніе. Но теперь онъ остался на своей вышкѣ. Трудно ему; притомъ же онъ чувствовалъ какую-то истому. Онъ присѣлъ на скамейку и, слушая стихающій гулъ расколыхавшейся мѣди, глубоко задумался. О чемъ? Онъ самъ едва ли могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ... Колокольная вышка слабо освѣщалась его фонаремъ.

Глухо гудящіе колокола тонули во мракѣ; снизу, изъ церкви, по временамъ слабымъ рокотомъ доносилось пѣніе, и ночной вѣтеръ шевелилъ веревки, привязанныя къ желѣзнымъ колокольнымъ сердцамъ...

Старикъ опустилъ на грудь свою сѣдую голову, въ которой роились безсвязныя представленія. „Тропарь поютъ!“ — думаетъ онъ и видитъ себя тоже въ церкви. На клиросѣ заливаются десятки дѣтскихъ голосовъ, старенькій священникъ, покойникъ отецъ Наумъ возглашаетъ дрожащимъ голосомъ возгласы, сотни мужичьихъ головъ, какъ спѣлые колосья отъ вѣтру, нагибаются и вновь поднимаются... Мужики крестятся .. Все знакомыя лица и все-то покойники... Вотъ строгій обликъ отца; вотъ старшій братъ истово крестится и вздыхаетъ, стоя рядомъ съ отцомъ. Вотъ и онъ самъ, цвѣтущій здоровьемъ и силой, полный безсознательной надежды на счастье, на радости жизни... Гдѣ оно, это счастье? Старческая мысль вспыхиваетъ, какъ угасающее пламя, скользя яркимъ, быстрымъ лучомъ, освѣщающимъ всѣ закоулки прожитой жизни... Непосильный трудъ, горе, заботы... Гдѣ оно, это счастье? Тяжелая доля проведетъ морщины по молодому лицу, согнетъ могучую спину, научитъ вздыхать, какъ и старшаго брата...

Но вотъ, налѣво, среди деревенскихъ бабъ, смиренно склоняя голову, стоитъ его молодица. „Добрая была баба, царствіе небесное! И много уже приняла муки, сердешная... Нужда да работа, да неисходное бабье горе изсушатъ красивую бабу! потускнѣютъ глаза, и выраженіе вѣчнаго тупого испуга передъ неожиданными ударами жизни замѣнитъ величавую красоту молодицы... Да, гдѣ ея счастье?.. Одинъ остался у нихъ сынъ, надежда и радость, и того осилила людская неправда...

А вотъ и онъ—богатый ворогъ—бьетъ земные поклоны, замаливая кровавыя сиротскія слезы; торопливо взмахиваетъ онъ на себя крестное знаменіе и падаетъ на колѣни и стукаетъ лбомъ... И кипитъ—разгорается у Михеича сердце, а темные

лики иконъ сурово глядятъ со стѣнъ на людское горе и на людскую неправду...

Все это прошло, все это тамъ, назади... А теперь весь міръ для него - эта темная вышка, гдѣ вѣтеръ гудитъ въ темнотѣ, шевеля колокольными веревками... „Богъ насъ суди, Богъ суди!“ — шепчетъ старикъ и поникаетъ сѣдою головою, и слезы тихо льются по старымъ щекамъ звонаря...

Михеичъ, а Михеичъ! Что жъ ты, али заснулъ?—кричатъ ему снизу.

- Ась?—откликнулся старикъ и быстро вскочилъ на ноги. — Господи. Неужто и вправду заснулъ? Не было еще этого сраму ..

И Михеичъ быстро, привычною рукой, хватаетъ веревки. Внизу, точно муравейникъ, движется мужичья толпа; хоругви бьются въ воздухѣ, поблескивая золотистой парчей. . Вотъ обошли крестнымъ ходомъ вкругъ церкви, и до Михеича доносится кличъ:

— „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!“

И отдается этотъ кличъ волною въ старческомъ сердцѣ... И кажется Михеичу, что ярче вспыхнули въ темнотѣ огни восковыхъ свѣчей, и сильнѣй заволновалась толпа, и забились хоругви, и проснувшійся вѣтеръ подхватилъ волны звуковъ и широкими взмахами понесъ ихъ въ высь, сливая съ громкимъ, торжественнымъ звономъ...

Никогда еще такъ не звонилъ старый Михеичъ. Казалось, его переполненное старческое сердце перешло въ мертвую мѣдь, и звуки точно пѣли и трепетали, смѣялись и плакали и, сплетаясь чудною вереницей, неслись вверхъ, къ самому звѣздному небу. И звѣзды вспыхивали ярче, разгорались, а звуки дрожали и лились, и вновь припадали къ землѣ съ любовною лаской... Большой басъ громко вскрикивалъ и кидалъ властные, могучіе тоны, оглашавшіе небо и землю: „Христосъ воскресе!“

И два тенора вздрагивая отъ поочередныхъ

ударовъ желѣзныхъ сердецъ, подпѣвали ему радостно и звонко: „Христосъ воскресе!“

А два самые маленькіе дисканта, точно торопясь, чтобы не отстать, вплетались между большими и радостно, точно малые ребята, пѣли вперегонку: „Христосъ воскресе“!

И казалось, старая колокольня дрожитъ и колеблется, и вѣтеръ, обвѣвающій лицо звонаря, трепещетъ могучими крыльями и вторитъ: „Христосъ воскресе“!

И старое сердце забыло про жизнь, полную заботъ и обиды... Забылъ старый звонарь, что жизнь для него замкнулась въ угрюмую и тѣсную вышку, что онъ въ мірѣ одинъ, какъ старый пень, разбитый злою непогодой... Онъ слушаетъ эти звуки, поющіе и плачущіе, летящіе къ горнему небу и припадающіе къ бѣдной землѣ, и кажется ему, что онъ окруженъ сыновьями и внуками, что это ихъ радостные голоса, голоса большихъ и малыхъ, сливаются въ одинъ хоръ и поютъ ему про счастье и радость, которыхъ онъ не видалъ въ свой жизни... И дергаетъ веревки старый звонарь, и слезы бѣгутъ по лицу, и сердце усиленно бьется иллюзіей счастья...

А внизу люди слушали и говорили другъ другу, что никогда еще не звонилъ такъ чудно старый Михеичъ. Но вдругъ большой колоколъ неувѣренно дрогнулъ и смолкъ... Смущенные подголоски прозвенѣли неоконченною трелью и тоже оборвали ее, какъ будто вслушиваясь въ печальногудящую долгую ноту, которая дрожитъ и плачетъ, постепенно стихая въ воздухѣ...

Старый звонарь изнеможенно опустился на скамейку, и двѣ послѣднихъ слезы тихо катятся по блѣднымъ щекамъ...

Эй, посылайте на смѣну! Старый звонарь отзвонилъ...

Вл. Г. Короленко.

Глѣбъ Успенскій.

Прошлое Ивана Босыхъ.

(Разсказъ крестьянина).

„Босыми“ насъ прозвали потому, что когда пошло въ моду сапоги носить, такъ дѣдушка мой покойникъ — царство ему небесное! — никакъ не могъ сапоги надѣть на ногу. Первое, что нога у него какъ столбъ какой, прости Господи, или вотъ какъ тумба какая; а второй, какъ надѣлъ сапогъ — ступить не можетъ: неловко, ноги горятъ отъ жара. А вотъ босикомъ, такъ въ трескучій морозъ десять верстъ пройдетъ, только дымъ отъ ногъ идетъ. Вотъ отчего намъ названіе такое Босыхъ!..

Отборное, первыхъ кровей изъ всей округи было наше семейство!.. Вотъ за это-то самое, за

нашу породу, наше семейство и было у барина на примѣтѣ; въ солдаты изъ нашей семьи баринъ никого не отдавалъ, и все отсаживалъ въ другія свои деревни на разводъ племя... Такъ и растыкалъ всѣхъ по-одиночкѣ. Остался я одинъ съ бабой. А тутъ скоро и освобожденіе пришло. Пришлось мнѣ новые порядки узнавать... А новые-то порядки нашему брату трудноваты. Первое, что при баринѣ мы знали одно — работу; что скажутъ, то и дѣлали: навалимъ ему хлѣба, свеземъ въ городъ, деньги онъ возьметъ и ужъ какъ самъ знаетъ, такъ и путается съ начальствомъ — а тутъ то тотъ, то другой тормошитъ... Да, деньги... Онѣ хоть и не велики, да добывать-то мы ихъ непривычны... Н-ну, а тутъ изволь, доставай. А кромѣ того земельки мало — гораздо меньше супротивъ прежняго стало — и выгонъ ушелъ отъ насъ — пришлось нанимать у чужихъ людей, платить опять деньги. Вотъ и пришлось въ люди идти поклониться. Глядишь, тотъ тормошитъ, рублевку теребитъ, другой; кой-какъ собьемся, отдашь съ прибавочкой. Тамъ прибавочка, тутъ прибавочка — анъ и самому то тамъ не хватитъ, то тутъ не натянешь...

Долго-ли, коротко-ли идетъ время, подошла сибирская язва, стала валить скотъ.

Валитъ скотину—на, поди!..

Остался и я безъ всего. Повалило у меня двухъ коровъ, да къ штрафу присудили за шкуры.

Кабы мы жили крѣпостные — ну, пошелъ къ барину, поклонился-бы, онъ-бы и далъ мнѣ лошадь, потому какой-же я буду мужикъ безъ лошади?.. Ну, а въ нынѣшнее время поди къ сосѣду, плачь... Ей-ей, иной плачетъ! Смѣху достойно сказать: эдакой верзило и—плачетъ; а вѣдь сущая правда... Просишь, просишь ковригу-то, зальешься.

Я однова самъ удивился: запилалъ даже съ огорченія, словно заяцъ несчастный, не то что заплакалъ — а вѣдь во мнѣ безъ малаго шесть пудовъ вѣсу.

Вотъ нужда-то до чего доводитъ!. Вотъ въ

эдакое-то время толкался, толкался я вокругъ нашихъ, свойскихъ мужиковъ, которые хозяйствомъ покрѣпче: кое самому нужно, кое не даетъ — задолжалъ я ему раньше. Нѣтъ ничего мнѣ справки!.. А время идетъ, и пора стоитъ рабочая. Хоть волкомъ вой безъ лошади-то... Вотъ я и надумалъ иттить къ сестрѣ за сорокъ верстъ отъ насъ сестра была выдана моя... Мужъ то ея по дровяному дѣлу служилъ, жалованье получалъ — значитъ, при заготовкахъ былъ—ну и деньжишки кой-какія водились.

Вотъ я къ нему: „дай, молъ, лошадь"... А крутъ былъ парень, и ужъ онъ мужицкое рыло сталъ воротить. Ломался, ломался—ну тутъ сестра подвыла за меня—далъ Поставилъ цѣну въ тридцать пять рублей — отдать весной... А по совѣсти сказать, далъ онъ мнѣ одра; не то што тридцати, а и двадцати — какое! пятнадцать рублей и то напросишься... Ну, что будешь дѣлать? Взялъ, еще въ ножки поклонился.

„Продай, говоритъ, сѣно — куда оно тебѣ? Оставь на одну лошадь, а остальное мнѣ отдай. А свалишь въ нашемъ мѣстѣ" (у такого-то). Назвалъ мужика, тоже къ нему подъ кадриль подходитъ: сѣно тюкаетъ, и часы, и все... А деньженки-то требуются; коровъ нѣтъ; все купи, ребятишкамъ молока... Отдалъ ему сѣно по десять копѣекъ и приставить обязался къ тому мужику, которому онъ наказывалъ. Вижу, пріѣхалъ въ нашу деревню, поговорилъ съ мужикомъ этимъ, Парѳеновъ прозывается. Потомъ оба зашли ко мнѣ; зять и говоритъ: „Приставляй сѣно Парѳенову, а за разсчетомъ ко мнѣ ходи".

Вотъ я сталъ приставлять ..

Еще я забылъ сказать вотъ что: какъ пріѣзжалъ этотъ зять-то, зашелъ онъ ко мнѣ на дворъ, увидалъ теленка: отдай, говоритъ, мнѣ, на что онъ тебѣ безъ матки-то?.. Отдалъ я ему теленка за пять цѣлковыхъ.

Староста тутъ подскочилъ: они, дьяволы за двадцать верстъ носомъ слышатъ, коли покупщикъ

на дворъ зашелъ и деньги изъ кармана вынимаетъ — два цѣлковыхъ отмоталъ отъ пятишной въ подати...

Ну, несъ съ нимъ!. А недоимки на мнѣ дѣйствительно ужъ эво сколько!.. Вотъ ладно, сталъ я сѣно приставлять...

„Приставилъ" четыре воза къ Парѳенову, а Парѳеновъ тюкаетъ да въ сарай кладетъ. Натюковалъ онъ пятьдесятъ пудовъ. Ѣду я къ зятю за деньгами — стало быть, приходится мнѣ получить пять рублей... Пріѣхалъ я къ зятю, а его дома нѣту. Сидитъ сестра .. Ну поздоровкались, поговорили, представилъ я записку, выдала она мнѣ пять рублей... Представилъ я еще пятьдесятъ пудовъ, опять поѣхалъ и опять зятя нѣту; сестра только дома... Сидитъ сестра и говоритъ: „А мы твоего теленка продали. Вчерась телятники были, за двадцать пять рублей купили" .. Вздохнулъ я отъ этихъ словъ, потому и поили-то они его всего двѣ недѣли; кабы у меня корова была, такъ вотъ они двадцать пять рубликовъ, въ моемъ-бы карманѣ были...

Вздохнулъ я и промолчалъ. Разговорились и про сѣно: сказываетъ она мнѣ, что и сѣно ейный мужъ въ Питеръ „приставляетъ" въ казармы, по сорока копѣкъ, а за прессовку Парѳеновъ, по четыре копѣйки получаетъ... „А перевозка почемъ"? „А перевозка, говоритъ, тоже по четыре обходится до Питера".

И опять я вздохнулъ... Я-то вотъ за сто-то пудовъ всего десять цѣлковыхъ получилъ, а зятю то восемьдесятъ цѣлковыхъ пришлось... Ну прессовка восемь—анъ все же моихъ денегъ у него шестьдесятъ рублей...

А труды-то мои, косьба-то моя, и сушка, и гребли мы тоже съ бабой, а все десять цѣлковыхъ... За что такъ?—думаю.. Пошелъ я къ Парѳенову и говорю: „Такъ и такъ... Вѣдь это, братецъ мой, убытокъ; давай мнѣ хоть пятнадцать копѣекъ, я тебѣ приставлять буду"... Парѳеновъ говоритъ:

„Я бы и радъ, я бы и двадцать далъ, коли бы

у меня въ Петербургѣ мѣста были знакомы. А то мѣстовъ-то нѣтъ". Пошелъ я, думаю: ужъ разыщуже я себѣ другого покупателя.

Пришелъ на вокзалъ, толкался тамъ двое сутокъ, нашелъ.

„Вози по двугривенному, сколь хошь"! Ну тутъ я вышелъ да съ радости и объявилъ Парѳенову-то. А Парѳеновъ-то — въ обиду: „Ты, говоритъ, отъ меня хлѣбъ отнимаешь... Я бы прессовкой-то все попользовался сколько-нибудь, а ты чужимъ"... —да и объяви зятю... А зять не въ себѣ сталъ. „Какъ, обманывать"? Прибегъ ко мнѣ.

„Подавай лошадь"! Это, чтобы мнѣ возить не на чемъ было.

Ну, я уперся, говорю: „лошадь куплена, деньги жди до весны... Бумаги у насъ, молъ, съ тобой нѣтъ, а сдѣлано дѣло на совѣсть, по безсловесному договору—ну, и жди".. „Давай сейчасъ!.. Эй, Парѳеновъ, бери лошадь! Зови работника"!

Я вижу, идетъ дѣло на сурьезъ, загородилъ ворота въ скотникъ, сталъ спиной къ двери, и признаться, осердился я... А былъ я немного выпивши, потому получилъ я съ новаго-то пріятеля задатку, Вижу я, хотятъ ломиться въ дверь, осерчалъ ..

Да ты что, говорю, тутъ орешь - то? Какая тебѣ лошадь? Да я, говорю, и весной-то денегъ тебѣ не отдамъ, потому ты и такъ на моемъ сѣнѣ да на теленкѣ получилъ...

— По Божьи-то съ тебя еще надо больше тридцати рублей мнѣ получить, а нежели ты съ меня... Чуть не сто цѣлковыхъ на мнѣ нажилъ, да отдай я ему лошадь, а самъ иди по міру...

На-ко! Тутъ пошла брань, свара: что онъ злѣй, то и я.. Приступаютъ всѣ они —Парѳеновъ, работникъ—прямо къ горлу, я и ткни, отпихнись!.. „Чего, молъ, грабить лѣзете, пошли прочь"!. „А, коли такъ—въ судъ". И подалъ зять на меня въ волостной судъ по оскорбленію его личнаго мордобою и по взысканію за лошадь: либо 35 рублей, либо лошадь назадъ. А Парѳеновъ то—судья... Ну и прочіе судьи у зятя были присоглашены. Пивцо, вин-

цо и все прочее... Приговорили такъ: за оскорбленіе личности двадцать ударовъ, а лошадь отобрать. Я на судъ не пошелъ. Приходитъ ко мнѣ десятскій и говоритъ:

„Иди въ волость!“ — „Зачѣмъ“? — „Драть будутъ!“ — „Ну, я не пойду“. — „Не пойдешь?“ — „Нѣтъ, говорю, не пойду. Скажи имъ, чтобы кого-нибудь другого выдрали, коли есть охота“.

Тутъ меня взяло зло. Какъ такъ! Это что-жъ такое? Меня теперича можетъ драть свой же братъ мужикъ?

Такъ меня это разсердило, пошелъ я въ кабакъ, царапнулъ косушку и думаю, что творится. Сидитъ солдатъ—разговорились. Разсказалъ я. Посовѣтовалъ: „не давайся“. Потомъ спрашиваетъ: „А много-ль за тобой недоимки?“ А на мнѣ недоимки накипѣло вотъ какъ: надъ головой на три аршина, съ боковъ по два аршина, да въ землю сажени на четыре слишкомъ. Сказалъ я ему это, онъ обрадовался. „Ничего, говоритъ, не бойся“. Недоимка—это наше спасеніе. Съ насъ ее потому и не снимаютъ, что жалѣютъ насъ: снять ее — все равно до гола раздѣть; тогда эти канальи насъ голыми руками брать будутъ. А какъ окруженъ ты недоимкой со всѣхъ сторонъ—и вверхъ, и внизъ, и съ боковъ, то и сиди ты спокойно, какъ бы въ неприступной крѣпости, потому что продать ежели у тебя скотину, такъ деньги должны идти въ казну, а не имъ, живорѣзамъ, а живорѣзу — что казна?

Ты вотъ какъ, я тебѣ скажу: ничего имъ, живорѣзамъ, не отдавай, а продавать тебя для казны они сами пожадничаютъ. Сиди, братецъ ты мой, въ этой самой глубинѣ; недоимка — твоя защита. Все одно какъ въ шубѣ сиди. Казна матушка потому насъ покуда и не раздѣваетъ.. А то бы мы всѣ, какъ тараканы, померзли“. Такъ мнѣ стало весело отъ этихъ словъ! Выпили мы еще, и стало мнѣ хорошо. Думаю, коли казна ждетъ, такъ живорѣзы и подавно должны повременить. Да опять я и не долженъ за лошадь — и по совѣсти, и по-

божьи, и всячески. Я ему представилъ на сто рублей моего собственнаго трудового—будетъ съ него. А то еще драть .. За что? — за то, что подороже хочу сѣно продать? Вѣдь вотъ анаѳема! Какъ вспомню, что меня драть хотятъ за мое же добро, такъ хоть что хошь—гянетъ въ кабакъ да и на.

Однако прошло дня два, опомнился, очувствовалъ, думаю—примусь за хозяйство: лошадь—моя, теперь сѣно по двугривенному — стало быть и коровенку куплю. И все въ той состою надеждѣ, что защититъ меня недоимка. Солдатъ сказалъ: „сиди въ недоимкѣ, какъ во дворцѣ, никто не посмѣетъ!“ и присовѣтовалъ: „а въ случаѣ чего, запирайся кругомъ — нѣтъ закона, чтобы силомъ брать Отвѣтятъ“. Вотъ я сижу во дворцѣ-то. На третій день глядь—тройка: старшина, зять, десятскій .. къ Парѳенову. Я сейчасъ на запоръ: ворота, сарай, конюшню, домъ—все заперъ. Сижу съ женой, ребятами, подъ окномъ, смотрю, что будетъ. Потолковали они у Парѳенова — вижу, идутъ ко мнѣ всей гурьбой. Парѳеновъ съ ними и еще человѣка четыре мужиковъ. Подошли; старшина и говоритъ: „Отпирай!“ Я не отпираю. — „Ты думаешь, мы судовъ на тебя будемъ дожидаться? Ну, нѣтъ, братецъ! У насъ противъ васъ, каналіевъ, и свои средствія найдутся. Отпирай ворота добромъ! Лучше будетъ“! Я не отперъ. Сижу, гляжу, что будетъ. Знаю, что противъ закону нельзя имъ идти. .

„А коли не хочешь добромъ, такъ мы и сами справимся. Ребята,—сказалъ старшина — принесите дубину хорошую Побѣжали мужичонки къ Парѳенову, выволокли четверо еловое дерево, аршинъ шесть долины, да вершковъ двѣнадцать въ корню, въ отрубѣ. „Дуй“!.. Подхватили всѣ, размахнулись, разъ-два-три—ворота въ дребезги такъ и разлетѣлись. Тутъ я вижу, что уже безъ совѣсти пошло дѣло. Вышелъ на дворъ: что вамъ будетъ угодно?? — „Подавай лошадь!“—„Она въ полѣ!“—„А!—сказалъ старшина—въ полѣ... Ну-тко, ребята, возьмите дубину“!

Опять подхватили, раскачали—хлопъ въ скотникъ. Такъ дверь и вбухали въ нутро.

Лошадь тамъ. „Возьми"! Зять взялъ лошадь и увелъ къ Парѳенову, а старшина говоритъ: „Не хотѣлъ добромъ, хочешь нахрапомъ, такъ мы также можемъ. Ты думалъ своимъ средствіемъ отвернешься—ну а мы своимъ средствіемъ. И помни. А выдрать—выдеру... А ежели хочешь жаловаться въ вышнюю инстанцію, такъ сдѣлай милость: теперь тебѣ двадцать опредѣлили, а тогда сто двадцать всыплю"... Съ тѣмъ и ушли. Остался я безъ лошади, и такое меня взяло зло, такая лютость, точно бѣсъ мена осѣнилъ.

Жена — было заголосила, а я ее бить. Передъ Богомъ, самъ не помню, какъ рука поднялась.

Теперь я безъ лошади, и безъ коровы, и сѣно не на чемъ возить, и драть грозятся—кипитъ у меня все нутро, огнемъ палитъ... Завыла она. Я—разъ ее въ грудь, а брюхатая была; и это, что брюхается-то она не во-время, тоже меня озлило,—я ее и .. Стала она кричать, я злѣй, да злѣй; побѣлѣло у меня въ глазахъ отъ злости... Прр-ямо въ кабакъ! Жралъ, жралъ, сѣно кабатчику обѣщался отдать за пятачекъ пудъ, только давай вина. Допился до безчувствія, вышелъ, упалъ въ канаву, мордой въ лужу и лежу... Долго ли, коротко-ли лежалъ, стало мнѣ холодно. Открылъ глаза—мѣсяцъ на небѣ. Дѣвки поютъ на деревнѣ... Всталъ, пошелъ къ кабатчику, вымолилъ стаканчикъ и пошелъ домой Иду, гляжу, у Парѳенова огонь. И зять, и старшина, и компанія. Вино въ бутылкѣ—угощаются. Не могу сказать, что такое случилось со мной, а только какъ увидалъ я это, прямо и повернулъ къ Парѳенову. Ввалилъ я къ нимъ въ грязи, безъ сапогъ—пропилъ ихъ—и прямо къ старшинѣ: разъ его по рожѣ—да къ Парѳенову—да къ зятю... Далъ имъ всѣмъ по хорошему лещу и сѣлъ... Тутъ - было поднялось... и-и, Боже милостивый, что! Но я ужъ былъ въ азартѣ. „Убью, говорю, анаѳемы! Вина давайте и только!" Проснулась въ ту пору во мнѣ паша Босовская сила: кажется,

убилъ-бы съ одного маху. Но только они догадались, что опасно меня теперь трогать, отступились, погнали за старостой, за понятыми... А я прямо къ столу, вынилъ изъ бутылокъ, да пустой бутылкой въ зеркало, да чайную посуду на полъ.. Сбѣжался народъ: повалили и въ холодный амбаръ. Подали на меня всѣ трое. Старшина — тотъ къ мировому подалъ. Зовутъ къ отвѣту; не пошелъ, сталъ пьянствовать. Выходитъ резолюція — драть. Зовутъ. Не пошелъ. Три раза приходили. Плюнулъ въ морду десятскому, а не пощелъ. Насудили, анаѳемы, съ трехъ-то мордъ — до ста ударовъ съ прежними... Я все не иду. Спасибо, еще народъ есть добрый — не выдаютъ...

Вотъ я и промаялся кое-какъ до Покрова и все больше пилъ.... Тутъ ужъ и новый мой знакомый, съ котораго я задатокъ подъ сѣно получилъ, и тотъ сталъ грозиться судомъ. А на чемъ я повезу сѣно, коли лошади нѣтъ?.. И кабатчикъ требуетъ то-же самое сѣно — я его пропилъ ему...

Не глядѣли-бы глаза на свѣтъ бѣлый. Послѣ Покрова слышу — колокольчики... Заливаются соловьями. Вкатываютъ въ деревню на трехъ тройкахъ: старшина, приставъ, судъ... Екнуло мое ретивое! Прямо ко мнѣ на дворъ, вошли въ избу, собрали народъ. „Подати"!..

Такъ меня притиснули, не выскочишь изъ избы-то... Тутъ стали носить подати, а старшина говоритъ: „Вотъ, ваше сіятельство, этотъ крестьянинъ (я) четыре раза присуждался къ наказанію, во-первыхъ, за оскорбленіе зятя, потомъ меня, потомъ Парѳенова и опять же зятя. Двадцатъ разъ его звали — сопротивляется, не идетъ. Позвольте привести рѣшеніе въ исполненіе... Да и податей къ тому же не платитъ". Вотъ тутъ меня и растянули!.. Тутъ я и потерялъ свой смыслъ, и стыдъ, и совѣсть... Лежу и вѣрите-ли, с е б я б о ю с ь. Передъ Богомъ, себя боюсь!..

Боюсь подняться, боюсь пошевелиться, потому убилъ-бы кого-нибудь, на смерть бы размозжилъ, кто подвернулся-бы въ ту пору. Наконецъ, того,

вижу, что живорѣзы въ лакомство вошли, говорю „будетъ"! И такъ это сказалъ, что перестали же анаѳемы... Ну вотъ съ этого времени я и потерялъ себя. Всего себя потерялъ! Все мнѣ тоска, свѣтъ не милъ, дворъ пустой... Только и есть кабакъ. И воровать даже сталъ. Сѣно продалъ въ двадцать мѣстъ, а все прахомъ, прахомъ.

Слабѣй, слабѣй, такъ и пошелъ ко дну. До того дошло, что и жена стала жаловаться на меня суду... За это мнѣ рѣшеніе выходило — 20 ударовъ, а я ее за жалобу опять трепалъ... Такимъ родомъ и исподлѣлъ я и развратился. Ужъ какъ я обрадовался, когда баринъ одинъ, на дачѣ по близости жилъ, помогъ мнѣ немного работишкой, далъ прочухаться, а потомъ и на станцію опредѣлилъ...

Коли-бъ мнѣ опять такое мѣсто, я-бъ ужъ зналъ, какъ справиться,—ну а теперь...

Глѣбъ Успенскій.

В. Гомулицкій.

Поцѣлуй.

— Кароль, будьте добры, прочтите мнѣ отрывокъ изъ „Дѣдовъ".

— Что именно вамъ угодно?

— Начните оттуда, гдѣ у меня заложено вѣткой жасмина.

— „Поцѣлуй ея"... Оттуда?

— Да, отсюда.

Поцѣлуй ея—нектаръ небесный;
Какъ двухъ огней единый жаръ,
Какъ двухъ звенящихъ струнъ созвучье...

— Какъ вы отвратительно читаете! безъ малѣйшаго выраженія!

— Читаю, какъ умѣю.

— А скажите, сколько вамъ лѣтъ?

— Семнадцать.

— И вы до сихъ поръ не цѣловали ни одной женщины?

— Ну, вотъ еще! Конечно цѣловалъ: маму, тетю, всѣхъ сестеръ.

— Подайте мнѣ шерсть и идите въ садъ, здѣсь, какъ я вижу, вамъ жарко.

Кароль не замедлилъ воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ, такъ какъ не зналъ еще хорошо мѣстности гдѣ ему придется провести каникулы; притомъ же его тянуло къ зелени, къ цвѣтамъ, къ солнцу. Въ дорожномъ чемоданѣ онъ привезъ аттестатъ зрѣлости, и поэтому не считалъ нужнымъ чѣмъ бы то ни было стѣсняться. Онъ старался также убѣдить себя, что онъ мужчина - послѣднее, впрочемъ, удавалось ему съ трудомъ.

Садъ былъ великолѣпный, съ массою цвѣточныхъ клумбъ и тѣнистыхъ уголковъ. Іюльское утро развернуло вѣнчики всѣхъ цвѣтовъ и извлекло ароматныя испаренія изъ разогрѣтой земли. Жужжали пчелы, осы и блестящія мушки. Надъ клумбами золотистымъ облачкомъ носилась оплодотворяющая пыль. Неровное дыханіе огромнаго, пышущаго зноемъ страсти пространства ударяло ему въ лицо то сухими волнами зноя, то прохладою, вѣющею со стороны озера.

Кароль долженъ былъ разстегнуть тужурку и развязать галстукъ. Грудь его странно расширялась, мышцы наполнялись кровью и вздувались. Порою кружилась голова и темнѣло въ глазахъ.

Садъ прилегалъ къ парку. Чтобы добраться поскорѣе до него, Кароль ускорилъ шаги. Но дорогу ему преградила темнозеленая трепещущая стѣна, созданная изъ переплетенныхъ и перепутанныхъ стеблей плюща, повоя и дикаго винограда. Маленькое, едва замѣтное отверстіе вело внутрь. Кароль зашелъ туда. Это была просторная бесѣдка, въ которой царили слабыя зеленоватыя сумерки. Въ ней находились двѣ каменныя статуи и двѣ такихъ же скамьи. Тотчасъ же при входѣ

его охватила прохладная сырость, вмѣстѣ съ тѣмъ имъ овладѣла какая-то страшная истома. Онъ бросился на одну изъ скамеекъ и закрылъ глаза...

— Поцѣлуй ея... поцѣлуй... поцѣлуй... — шепталъ онъ про себя.

Какъ она хочетъ, чтобы я читалъ это? Странная женщина. Потому только, что она на нѣсколько лѣтъ старше меня и была уже замужемъ, она воображаетъ, что можетъ третировать меня тономъ профессора. Я ненавижу ее!

Потомъ онъ снова началъ повторять въ сонномъ забытьи.

— Ахъ, это нектаръ небесный.. нектаръ небесный... нектаръ небесный...

Вдругъ онъ широко открылъ глаза и вздрогнулъ.

Прямо передъ нимъ бѣлѣла мраморная статуя Евы и пристально всматривалась въ него безжизненными глазами. Всю ея одежду составлялъ плащъ роскошныхъ, распущенныхъ по плечамъ, волосъ. Зеленовато-желтый отблескъ листьевъ придавалъ необыкновенную нѣжность ея дѣвственнымъ, мягко очерченнымъ формамъ.

Она всматривалась въ него, онъ въ нее. Длилось это долго. За это время рой мыслей пронесся въ головѣ юноши. Припомнилъ онъ Овидія и Виргилія, съ которыми разстался такъ недавно. Вспомнились ему продѣлки Юпитера, похожденія нимфъ и фавновъ.

Минутами имъ овладѣвала сонливость, и ему казалось, что передъ нимъ живая женщина..

Въ тихомъ и чуткомъ воздухѣ прозвучалъ колоколъ—призывъ къ обѣду.

Кароль вышелъ изъ бесѣдки, шатающейся походкой.

— Ну, что, понравился садъ? — спросила его за жаркимъ преслѣдующая его вдовушка.

— Очень.

— А были въ нашемъ Раю.

Юноша покраснѣлъ.

— Раемъ — пояснила она—мы называемъ бесѣдку, въ которой стоятъ изваянія Адама и Евы. Это чудный уголокъ для чтенія. Я часто заглядываю туда съ книгой. И вы бы могли въ ней также... повторять свои уроки.

Кароль вышелъ изъ-за стола въ самомъ отвратительномъ настроеніи и направился прямо въ свою комнату.

Раздѣвшись до рубашки, онъ бросился на кровать. Но заснуть не могъ. Мѣшало ему жужжаніе мухъ и рой нахлынувшихъ мыслей Онъ вертѣлся на кровати, вздыхая и бормоча непонятныя слова.

Когда заходящее солнце залило пурпуромъ выбѣленныя стѣны домика, онъ успокоился. Онъ принялъ какое-то твердое рѣшеніе. Пролежавъ спокойно нѣсколько секундъ, онъ всталъ, одѣлся и вышелъ въ садъ.

Вечерѣло. Съ озера тянулся серебристый туманъ и разстилался надъ садомъ. Трава выпрямлялась, развертывались вѣнчики повоевъ. Ласточки носились надъ самой землей, описывая огромные круги-эллипсисы.

Парило.

Кароль направился въ сторону Рая.

Пройти нужно было всего нѣсколько шаговъ, но ему казалось, что онъ идетъ туда цѣлую вѣчность. Онъ чувствовалъ страшную усталость. Голова была точно налита свинцомъ, ноги окаменѣли. Что-то тянуло его къ землѣ, удерживало...

Садъ былъ полонъ таинственнаго шопота. Всѣ деревья и кусты что-то говорили ему и о немъ.

Старая груша, качая переплетенными въ видѣ поднятыхъ къ нему рукъ вѣтвями, шептала съ угрозой: „Что онъ дѣлаетъ! Что онъ дѣластъ"!

Кусть жасмину трясся въ злобной радости и сыпалъ ему подъ ноги бѣлые цвѣты, запахъ которыхъ кружилъ голову. Розы указывали на него другъ другу вѣтками и хихикали, какъ пансіонерки, перешептываясь: „Какой онъ глупый!.. хи, хи,

Лиліи стыдливо скрывали свои бѣлые вѣнчики, молясь и шепча: „Не вводи насъ во искушеніе“...

А высохшая акація протягивала вслѣдъ черные костлявые пальцы, цѣпляясь за его руки и волосы, и звала скрипящимъ голосомъ: „Вернись, безумецъ, Вернись, ребенокъ“!..

Когда онъ взглянулъ вверхъ, онъ увидѣлъ несущіяся тучи, отъ которыхъ падалъ грозный, зловѣщій мракъ; когда же онъ взглянулъ внизъ, его поразили пристально всматривающіеся въ него большіе глаза астръ и маргаритокъ.

Запыхавшійся, перепутанный, съ пересохшимъ языкомъ, трепещущій, онъ спѣшилъ добраться до бесѣдки.

Дрожащей рукой отстранилъ онъ плющъ и, напряженный застывшій, какъ лунатикъ, онъ направился прямо къ бѣлѣющей въ полумракѣ Евѣ.

Ставъ на низкій пьедесталъ, онъ обвилъ руками шею изваянія, прильнулъ къ нему грудь къ груди, лицомъ къ лицу, устами къ устамъ.

Въ ту же минуту, какъ струя холодной воды, обдалъ его взрывъ громкаго, насмѣшливаго хохота.

Изъ глубины бесѣдки появилась его мучительница съ книгою въ рукѣ и платкомъ у губъ.

— Превосходно!—воскликнула она—превосходно, Кароль! Этого то именно вамъ и не доставало.

И она хохотала до слезъ, до истерики.

Кароль оставилъ статую — и окаменѣлъ самъ.

Она же, взявъ его за руку, проговорила съ лукавою усмѣшкой:

— Идите теперь читать мнѣ „Дѣдовъ“: я увѣрена, что теперь это удастся вамъ лучше, чѣмъ утромъ.

Но въ это мгновенье грянулъ громъ и хлынули потоки проливного дождя, поэтому волей неволей они должны были остаться въ бесѣдкѣ — она, смѣясь все тише и тише, — онъ, постепенно собираясь съ силами и приходя въ себя...

В. Гомулицкій.

Судъ.

Молчаніе воцарилось въ Судѣ, и нагой человѣкъ предсталъ предъ Господомъ.

Господь раскрылъ книгу жизни человѣческой.

И сказалъ Господь человѣку:

— Жизнь твоя была исполнена зла. Ты былъ жестокъ къ тѣмъ, кто просиль о помощи, съ бездомными ты былъ грубъ и неумолимъ. Нищіе просили тебя, ты не слушалъ и закрывалъ уши отъ стона угнетенныхъ.

Ты отнималъ наслѣдство сиротъ, травилъ лисицами виноградники сосѣдей. Съ дороги гналъ Моихъ прокаженныхъ, а они мирно жили въ пустынѣ и славили Меня... У дѣтей ты отнималъ хлѣбъ и бросалъ его псамъ. Ты обагрялъ кровью невинныхъ землю Мою, а изъ земли Я сотворилъ тебя.

— Такъ я жилъ, отвѣтилъ человѣкъ.

Господь раскрылъ снова книгу жизни человѣческой и сказалъ Господь человѣку:

— Безобразна была жизнь твоя. Ты возставалъ на красоту, которую Я далъ тебѣ, ты не замѣчалъ дарованнаго добра. Ты покрывалъ стѣны жилища позорными изображеніями и съ ложа грѣховъ вставалъ по утрамъ подъ звуки флейтъ. Ты воздвигъ семь алтарей грѣхамъ міра, а Я за нихъ муки принялъ... Ты вкушалъ отъ запрещеннаго, тройное клеймо позора расшито на пунцовой одеждѣ твоей. Ты создалъ идолы не изъ долговѣчнаго металла, а изъ бреннаго праха. Ты сурьмой покрывалъ ихъ волосы, гранаты вкладывалъ въ ихъ руки, красилъ ноги шафраномъ и раскладывалъ ковры передъ ними. Ты подвелъ ихъ рѣсницы киноварью, мурой умаслилъ ихъ члены... Ты преклонялся передъ ними, передъ солнцемъ ставилъ ихъ троны. Ты солнцу раскрывалъ свой позоръ, лунѣ показывалъ свое безуміе.

— Да! Такъ я жилъ, отвѣтилъ человѣкъ.

Господь раскрылъ въ третій разъ книгу жизни человѣческой и сказалъ человѣку:

— Ужасна была жизнь твоя. Ты зломъ платилъ за добро, несправедливостью за благодѣяніе. Ты ранами покрывалъ руки, поднявшія тебя, ты осквернилъ презрѣніемъ грудь, вскормившую тебя. Жаждущимъ ты не давалъ пить и пріютившихъ тебя въ шатрѣ своемъ ты на разсвѣтѣ предавалъ. Ты завлекъ въ западню простившаго тебя врага; ты продалъ довѣрчиваго друга .. Низменной страстью отвѣчалъ ты тѣмъ, кто давалъ тебѣ любовь.

— Да. Такъ я жилъ... отвѣтилъ человѣкъ.

Господь закрылъ книгу жизни человѣческой и сказалъ:

— Воистину. Я пошлю тебя въ адъ; въ глубины ада низвергну тебя...

Человѣкъ воскликнулъ:

— Ты не сдѣлаешь этого!

– Почему? вопросилъ Господь.

— Въ аду я жилъ... тихо отвѣтилъ человѣкъ...

И молчаніе воцарилось на Судѣ Неба.

Черезъ мгновеніе, Господь сказалъ человѣку:

— Если не въ адъ, то въ рай пошлю Я тебя... Въ рай отправлю тебя...

— Ты не сдѣлаешь этого! воскликнулъ человѣкъ...

— Почему? спросилъ Господь.

— Никогда, нигдѣ не могъ я представить себѣ рая...

И молчаніе водворилось на Судѣ.

О. Уайльдъ.

Александръ Амфитеатровъ.

Покаяніе Филиберта,

ИЛИ КАКЪ И ПОЧЕМУ РЫЦАРЬ СДѢЛАЛСЯ ПОРТНЫМЪ.

Храбрый рыцарь, сиръ Филибертъ громко застучалъ въ двери рая золоченою рукояткой боевого меча.

— Апостолъ Петръ! Небесный ключарь! Отвори мнѣ, потому что проклятый сарацинъ подъ Акрою распоролъ мнѣ животъ, и выпали мои внутренности, и улетѣла моя душа.

Апостолъ Петръ высунулъ голову въ слуховое оконце, что сбоку райскихъ воротъ, посмотрѣлъ въ свои круглые очки, кто зоветъ, и сказалъ:

— Ага! Вотъ умеръ и ты, бѣдняга Филибертъ? Ну, что же. Не тужи. Всякому человѣку надо

умереть, отъ этого не уйдешь. Но зачѣмъ ты такъ громко стучишь?

Филибертъ обидѣтся и возразилъ:

— Слѣдовало бы еще громче стучать. Я думалъ, что вы всѣ тамъ въ раю заснули. Уже и то странно, что мнѣ пришлось стучать. Когда приходитъ почтенный и знатный покойникъ, подобный мнѣ, надлежало бы заранѣе открывать для него ворота настежъ.

Апостолъ Петръ смиренно отвѣчалъ:

— Ужъ извини, что такъ случилось, братъ Филибертъ. Если ты умрешь когда-нибудь въ другой разъ, я непремѣнно открою передъ тобою ворота настежь. Но сейчасъ, видишь-ли, какое недоразумѣніе: твоего имени нѣтъ у меня въ спискѣ.

— А какой у тебя списокъ? изумился Филибертъ.

— Списокъ праведныхъ усопшихъ, для кого я долженъ снимать засовы съ дверей, ведущихъ къ обителямъ блаженства. Только предъ тѣми, кто стоитъ въ спискѣ, размыкаются мои желѣзные замки. А кого въ спискѣ нѣтъ, того допустить въ рай я не имѣю права.

— И я въ твоемъ спискѣ не значусь?

— Ни единою буквою.

— Удивительно! — воскликнулъ Филибертъ. — И даже обидно! Позабыть внести въ списокъ этакого выдающагося мертвеца! Куда же еще, если не въ рай, могу быть назначенъ я, Филибертъ, прозванный отъ враговъ Христовыхъ Филибертомъ Свирѣпымъ, Филибертомъ Кровавою Рукой?

Апостолъ Петръ отвѣчалъ:

— Обыкновенно тѣ, кого нѣтъ въ моемъ спискѣ, должны идти искать пріюта въ аду. Если же и тамъ ихъ не примутъ, имъ остается еще возможность постучаться въ чистилище.

— Что-о о?..—заревѣлъ Филибертъ—въ чистилище? Меня? Ты осмѣлился? Несчастный! Да понимаешь ли ты, съ кѣмъ говоришь? Да знаешь-ли ты, что вотъ тою самою рукою я убилъ въ бою сто двадцать девять сарациновъ, а сто тридцатаго не убилъ только потому, что онъ меня убилъ?

Знаешь-ли ты, что въ языческомъ предмѣстьи въ Селевкіи антіохійской отрядъ мой не оставилъ камня на камнѣ, не пощадилъ ни столѣтнихъ стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей? Мы рубили, какъ бѣшеные, брызги крови летѣли выше домовъ..

— Какъ, же, какъ же, — сказалъ апостолъ Петръ.—Очень помню. Брызги взлетали еще выше, Филибертъ: онѣ поднимались къ намъ въ рай и осѣдали красною росою на крылья ангеловъ, на бѣлыя одежды святыхъ. И всѣ мы въ раю отряхались отъ этихъ капель, плача и сокрушаясь: опять какой-то несчастный безумецъ, во имя вѣры, неистовствуетъ на землѣ надъ ближними своими и льетъ неповинную кровь, воображая угодить тѣмъ Богу. А это былъ ты, Филибертъ!

— Въ родномъ моемъ городѣ Лиллѣ, — продолжалъ рыцарь, — я, наущаемый своимъ мудрымъ капелланомъ, велѣлъ арестовать всѣхъ еретиковъ, всѣхъ, на кого падало хоть малѣйшее подозрѣніе въ волшебствѣ, алхимиковъ, предсказателей, астрологовъ, ученыхъ, книговѣдовъ, философовъ, старыхъ бабъ и слишкомъ зажившихся стариковъ. Я взялъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ семьями, собралъ ихъ книги, утварь и сосуды, и сложилъ среди соборной площади великій костеръ, и всѣхъ ихъ спалилъ на кострѣ и по вѣтру разсѣялъ пепелъ.

— Охъ, ужъ лучше и не вспоминай! — вздохнулъ апостолъ Петръ. — Всѣмъ намъ здѣсь ты запорошилъ тогда глаза этимъ пепломъ. А дымъ? Отвратительный чадъ жаренаго человѣчьяго мяса? Мы ходили, закопченные, какъ эѳіопы, и демоны изъ ада смѣялись надъ нами: „гдѣ же ваша святая бѣлизна“? Вотъ какъ ты угостилъ насъ своимъ ужаснымъ дымомъ!..

Филибертъ, недоумѣвая, пожалъ плечами, откашлялся и началъ:

— Что касается моего усердія противъ проклятыхъ обрѣзанныхъ жидовъ...

— Послушай, Филибертъ, — обиженно прервалъ его апостолъ Петръ.—На твоемъ мѣстѣ я не проклиналъ бы ихъ такъ грубо, говоря съ чело-

вѣкомъ, котораго отецъ, дѣдъ и прадѣдъ были добрые іудеи и который самъ носилъ обрѣзаніе, и до конца земныхъ дней своихъ очень строго соблюдалъ весь іудейскій обрядъ.

— Гм... Вотъ о чемъ я, признаться, никогда ни думалъ!—воскликнулъ пораженный Филибертъ.

— Да, ваши братія, забіяки съ горячею кровью и крѣпкимъ кулакомъ, къ сожалѣнію, слишкомъ забывчива насчетъ того, изъ какой страны и города пошла наша вѣра.

— Въ такомъ случаѣ извини меня, пожалуйста, добрый Петръ, я совсѣмъ не хотѣлъ тебя обидѣть!

— Богъ проститъ, Филибертъ. Ну, такъ что же ты заговорилъ объ евреяхъ?

— Видишь-ли... засмѣялся Филибертъ, — я не ожидалъ... Ты такъ принялъ мои слова, что я предпочитаю лучше ужъ и не разсказывать.

— Да, — согласился апостолъ Петръ,—лучше не разсказывай Тѣмъ болѣе, что оно и не нужно: вѣдь, я т в о и х ъ евреевъ всѣхъ знаю.

— Откуда тебѣ знать ихъ? — Удивился Филибертъ.

— Кому же и знать ихъ, какъ не мнѣ? — засмѣялся апостолъ.—Вѣдь, никто другой, а я открывалъ для нихъ эти ворота.

— Ты пропустилъ ихъ въ рай? — вскричалъ Филибертъ, тяжело всплеснувъ руками, закованными въ кольчужныя перчатки.—Возможно-ли? Что ты сдѣлалъ? Это ужасно, небесный ключарь! Жиды, которыхъ я гналъ, въ раю?!

— Всѣ, Филибертъ! И тѣ, которыхъ ты въ Палестинѣ лишалъ убогихъ жилищъ и послѣдняго имущества, сжигая ихѣ дома, выгоняя ихъ, нагихъ, больныхъ, трепещущихъ умирать отъ голода, средь знойныхъ дней и холодныхъ ночей, въ дышащую лихорадками безплодную каменную пустыню. И тѣ, которыхъ ты сожигалъ на кострахъ въ Лиллѣ, Отенѣ и Верденѣ. И прекрасная Ревекка, дочь золотыхъ дѣлъ мастера, которая убила себя, когда ты ее изнасиловалъ, а ты приказалъ выбросить ея

теплый трупъ собакамъ. И еврейскія дѣти, которыхъ твои латники, ради пьяной забавы, бросаали изъ башенъ на каменныя плиты. И горемычный оружейникъ Іосель, котораго, когда онъ осмѣлился напомнить тебѣ о старомъ долгѣ за починку панцыря, ты приказалъ повѣсить на дерево вверхъ ногами и бить палками по спинѣ, покуда не обнажатся кости. И толстый, старый мѣняла Мендель, котораго ты пекъ на медленномъ огнѣ, смѣясь, что вытопишь изъ него либо сало, либо червонцы. Всѣ!

— Я всегда полагалъ, что умертвить или оскорбить невѣрнаго значитъ, угодить Богу и порадовать святыхъ. Такъ меня учили съ дѣтства.

— Дурно тебя учили, Филибертъ. Не за что тебѣ благодарить своихъ наставниковъ. Завѣтъ Божій людямъ былъ: „не дѣлай другому, того, чего не желаешь себѣ". А ты, Филибертъ, какъ разъ то и дѣлалъ другимъ, чего не желалъ себѣ. Знай, Филибертъ, что кто хочетъ доказать свою любовь къ Христу муками и казнями не признающихъ Его, тотъ съ ними и Его снова распинаетъ. Каждое насиліе вопіетъ объ отмщеніи въ раю, и блаженство святыхъ нарушается дѣяніями земной злобы. Дымъ костровъ, на которыхъ ты сожигалъ еретиковъ, ѣстъ наши глаза; человѣческая кровь, въ которой по щиколку ступалъ твой конь на сирійскихъ площадяхъ, пятнаетъ наши одежды и помутила воды райскихъ рѣкъ; слезы твоихъ жертвъ сдѣлали солеными наши источники, наши птицы научились повторять ихъ предсмертные вопли, ихъ боль — наша боль, ихъ ужасъ — нашъ ужасъ... Потому что, знай, Филибертъ, Богъ отъ вѣка послалъ на землю, въ даръ людямъ, отраженіе свое — свободную совѣсь, и лишь чрезъ свободную совѣсть можетъ человѣкъ узнать Бога, любить Бога и придти къ Богу. Всякій, кто гонитъ человѣка другой вѣры за вѣру его,—совѣсть гонитъ. И кто совѣсть гонитъ—Бога гонитъ!

Такъ сказалъ райскій ключарь и захлопнулъ окно. Смущенный Филибертъ остался за воротами рая въ большомъ недоумѣніи. И такъ-какъ на-

крапывалъ дождь, притомъ пренепріятный, изъ хлопковъ горящей сѣры, — то рыцарь рѣшился укрыться хоть въ аду, и сталъ стучать въ двери, чтобы его впустили.

— Съ превеликимъ бы удовольствіемъ,—оскаливъ ротъ улыбкою, отвѣчалъ ему царь Иродъ, исполняющій должность привратника въ аду. — Люблю хорошее общество. Съ удовольствіемъ бы... Но на твоемъ рыцарскомъ плащѣ красуется крестъ символъ искупленія; съ этимъ священнымъ знакомъ къ намъ можно попасть только по особому приказанію, а о тебѣ его не было. Притомъ лицо твое говоритъ мнѣ, что хотя ты ужасно много нагрѣшилъ на землѣ, и слѣдовало бы тебя малость прокипятить въ нашихъ котлахъ, но, къ счастью своему, ты былъ больше глупъ, чѣмъ золъ, и самъ не понималъ мерзостей, которыя творилъ. А у насъ въ аду—притонъ только для совершенно нераскаянныхъ грѣшниковъ, словомъ, тебя въ моемъ спискѣ нѣтъ, и мнѣ очень достанется, если я отворю чужому, да еще, — вонъ, вѣдь, ты какая особа! — крестоносному рыцарю! Нѣтъ тебѣ мѣста въ аду. Попытай счастья въ чистилищѣ.

— Да ужъ теперь все равно: только оно одно мнѣ и осталось,—вздохнулъ Филибертъ, и зашагалъ къ чистилищу, подъ сѣрнымъ дождемъ.

Въ чистилищѣ ворота сами широко распахнулись передъ рыцаремъ, и серьезный, не улыбающійся человѣкъ Виргилій, древній языческій поэтъ, поклономъ встрѣтилъ его на порогѣ.

— Добро пожаловать. У меня въ спискѣ стоитъ твое имя, Филибертъ. Я давно ожидаю тебя.

— Брр.. — поморщился Филибертъ. — Не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, живалъ я въ лучшихъ усадьбахъ. Здѣсь-то значитъ, и суждено мнѣ вѣковать свой вѣкъ? Очень уже не весело у тебя въ гостяхъ Ты, сдается мнѣ, человѣкъ разумный и добрый. Будь другомъ, скажи; нѣтъ-ли у васъ тутъ какой-нибудь лазейки—проюркнуть въ рай? Мнѣ, сказать по правдѣ, туда гораздо больше хочется..

Виргилій покачалъ головою.

— Зачѣмъ тебѣ лазейки? Ты можешь перейдти отсюда въ рай и большими воротами; только это надо заслужить, а чтобы заслужить, нужно время.

— А когда это можетъ быть?

— Когда изгладится и забудется зло, которое ты совершилъ на землѣ, и смоются пятна, которыми ты осквернилъ свою совѣсть.

И отвелъ Виргилій рыцаря на высокую гору, и показалъ ему глубокую долину, а въ ней множество людей, больныхъ, избитыхъ, окровавленныхъ, босыхъ и нагихъ.

— Узнаешь-ли ты этихъ людей, лишенныхъ даже одежды?

— Мнѣ кажется... пробормоталъ Филибертъ — Да, это, несомнѣнно, такъ... Между ними я вижу кое-кого изъ тѣхъ, которыхъ я жегъ на кострахъ, лишалъ крова и выгонялъ околѣвать въ пустыню...

— Ты не ошибаешься, строго сказалъ Виргилій.—Это—призраки бѣдняковъ которыхъ братья ихъ,—и ты въ томъ числѣ Филибертъ,—преслѣдовали за ихъ вѣру. По насилію и безумной жестокости твоей и подобныхъ тебѣ, они наги и дрожатъ отъ холода. Ты закрывалъ глаза на бѣдствія ихъ при жизни. Теперь они всегда останутся съ тобою, и ты будешь видѣть ихъ всюду и всегда, куда бы ни обратилъ свои очи. Такъ рѣшилъ о тебѣ Господь, и я исполняю Его повелѣніе.

— Брр...—повторилъ, нахмурясь, Филибертъ.— Чѣмъ вѣчно любоваться этими тощими скелетами, мнѣ больше нравится кипѣть въ смолѣ. Ужъ хоть бы они сколько нибудь пріодѣлись!

— Одѣнь ихъ,—ласково молвилъ Виргилій, — одѣнь ихъ собственными своими руками, Филибертъ, и, быть можетъ, тогда и тебѣ улыбнется милосердіе Господа.

— Что? Мнѣ? Рыцарю сдѣлаться портнымъ и работать на невѣрныхъ, еретическихъ мертвецовъ?!

Страшно вскипѣлъ Филибертъ, обругалъ Виргилія, хуже чего нельзя, и пошелъ прочь. Обошелъ все чистилище, разъискивая по стѣнамъ ла-

зейку въ рай, не нашелъ ничего и вернулся къ языческому поэту.

— Стало быть, такъ мнѣ и сидѣть здѣсь у тебя покуда не отпустишь?

— Я уже говорилъ тебѣ.

— Да... говорилъ... Помню я, помню... И отъ мертвецовъ этихъ тоже никакъ нельзя меня освободить?

— Нельзя, Филибертъ, если ты самъ имъ не поможешь.

— Ужасно они мнѣ надоѣли, Виргилій. Воютъ, дрожатъ, зубами стучатъ, синіе... Нагота ихъ мнѣ душу переворачиваетъ... И страшно, и жалко..

— Одѣнь ихъ, и ты не будешь видѣть ихъ наготы.

— Да я, братъ любезный, пожалуй, ужъ и готовъ бы, но, вѣдь, надо шить, а шить я не умѣю...

— Выучись,—сказалъ Виргилій.

— Притомъ, такое множество людей.. Эхъ, кабы я зналъ, что придется мнѣ на нихъ въ чистилищѣ портняжить, убивалъ бы ихъ много меньше!.. Откуда я теперь возьму матеріи, чтобы всѣхъ одѣть?

— Я вижу на тебѣ рыцарскій плащъ. Онъ имѣетъ чудесное свойство. Сколько бы ни отрѣзалъ ты отъ него матеріи для бѣдняка, она будетъ возрождаться, пока ты не одѣнешь послѣдняго изъ этихъ несчастныхъ.

— Вотъ хитрая штука! — сказалъ рыцарь, снимая съ себя плащъ.—Не зналъ! А нитки?

— Развѣ нѣтъ на тебѣ кафтана, рубахи и шароваръ? Преврати ихъ въ нитки, и тебѣ достанетъ ихъ на весь твой долгій трудъ.

— Но мнѣ нуженъ огромнѣйшій запасъ иголокъ.

— Ты настругаешь ихъ изъ своего меча и кинжала.

— Гм.. все это очень находчиво съ твоей стороны.. но, послушай, Виргилій. Вѣдь, если я все съ себя сниму, то самъ останусь голый...

Виргилій строго посмотрѣлъ ему въ глаза и сказалъ:

— А они развѣ одѣты?

Рыцарь потупился, покраснѣлъ и махнулъ рукою.

— Будь по твоему... Шить, такъ шить, только бы не мучили эти... Сажусь!.. Давай!..

— А чтобы ты не скучалъ за работою. —говоритъ Виргилій,—вотъ тебѣ товарищъ!

И подводитъ того самаго сарацина, который подъ Акрою распоролъ Филиберту животъ.

Филибертъ обрадовался сарацину, сарацинъ — Филиберту: хоть и были врагами, а всетаки знакомые уже люди и боевые товарищи. Оба удивились, что видятъ другъ друга и очутились въ одномъ мѣстѣ.

— Ты за что здѣсь? — воскликнулъ сарацинъ.

Филибертъ вздохнулъ, и говоритъ:

— За то, что пролилъ много крови невѣрныхъ. А ты?

Сарацинъ вздохнулъ:

— За то, что пролилъ многв крови христіанъ.

Но Виргилій сказалъ имъ:

— За то, что вы оба пролили много человѣческой крови, не позволяли людямъ славить Бога по ихъ совѣсти и какъ они хотятъ.

И сидятъ Филибертъ съ сарацином на горѣ въ чистилищѣ, и шьютъ. Когда у нихъ готова одежда, они бросаютъ ее съ горы въ толпу нагихъ призраковъ, что въ долинѣ. И, когда видятъ, что еще одинъ изъ призраковъ получилъ одежду, въ этотъ день имъ легче терпѣть тоску чистилища, и сумерки его для нихъ свѣтлѣе, и они уповаютъ, что когда-нибудь Богъ проститъ ихъ и откроетъ имъ рай. Филибертъ поглядитъ на сарацина, сарацинъ — на Филиберта, оба улыбнутся, — и, опять, и отмѣривъ матеріи еще на одежду, сгибаются надъ работою и шьютъ, шьютъ, шьютъ...

Александръ Амфитеатровъ.

Кнутъ-Гамсунъ.

Александръ и Леонарда.

Была у насъ рѣка, впадающая въ море, и называлась она Глимма. И былъ въ све время молодой цыганъ, и звали его Александръ. Съ этимъ Александромъ у меня однажды былъ розговоръ въ крѣпости Акерхусъ, гдѣ онъ былъ заключенъ за совершенное преступленіе. Теперь я прочелъ, что опасный преступникъ умеръ; его убилъ тюремный воздухъ. Мнѣ онъ разсказывалъ, что онъ однажды убилъ дѣвушку... Сегодня я немогу не думать о его разсказѣ, но по своей безпорядочности, я начинаю съ середины. Начну съ начала.

Есть крупные и есть мелкіе рыбаки въ Нордландѣ. И крупный рыбакъ съ неводомъ, съ амбаромъ, полнымъ запасами, могущественный чело-

вѣкъ. Онъ носитъ преувеличенно широкое и плотное платье, чтобы казаться толще, въ знакъ того, что онъ можетъ позволить себѣ хорошо питаться. Онъ никогда не бываетъ долженъ ни пастору, ни начальству; на Рождество онъ беретъ себѣ въ домъ цѣлый боченокъ водки. Сейчасъ увидишь, гдѣ живетъ такой рыбакъ, потому что онъ обшиваетъ свой домъ деревомъ, красить его въ красную краску, а окна и дверй въ бѣлую. А сыновей и дочерей его, когда они идутъ въ церковь, всегда узнаешь по дорогимъ вещамъ, что на нихъ.

Однажды къ пристани такого крупнаго рыбака Іенса Олайя причалилъ большой цыганскій таборъ. Это было раннею весною Цыгане пріѣхали въ своей собственной большой семейной лодкѣ, ими предводительствовалъ старикъ Александръ, — „Щепа", великанъ—ростомъ въ три аршина. Одинъ молодой красавецъ, лѣтъ двадцати, вышелъ на берегъ и пошелъ въ домъ Іенса Олайя просить милостыни. Это былъ молодой Александръ. Происходило это во времена моего дѣтства. Мы, дѣти, тотчасъ же узнали Александра, онъ игралъ съ нами, когда былъ моложе, менялся съ нами свѣтлыми пуговицами и разными металлическими кусочками.

Іенсъ Олай, этотъ гордый представительный мужчина, который ни у кого не былъ въ долгу, приказалъ цыганамъ отчаливать, отказавъ имъ дать что-нибудь; но Александръ былъ наглъ и безстрашенъ, онъ продолжалъ стоять, гдѣ стоялъ, и его прогоняли три раза.

„Ты можешь работу получить", сказалъ Іенсъ Олай.

„Какую работу"?

„Будешь котлы и горшки чинить. И помагать женѣ и дочери моей, когда мы, мужчины, поѣдемъ на рыбную ловлю".

Молодой Александръ повернулся и пошелъ внизъ къ мѣсту, гдѣ стояла лодка, и сталъ совѣщаться со своими. Когда онъ вернулся, онъ заявилъ величественному Іенсу Олайю: Да, онъ согласенъ поступить къ нему на службу. Вѣрно онъ

со своимъ отцомъ сговорился на мѣстѣ обокрасть хорошенько крупнаго рыбака.

Черезъ нѣкоторое время Іенсъ Олай съ сыновьями уѣхалъ на рыбную ловлю и дома остались только его жена и дочь. Дочь звали Леонардой. И ей не было еще двадцати лѣтъ.

Молодой Александръ хорошо приспособился къ работѣ. Онъ понималъ болѣзни скота и лѣчилъ, и у него была дѣйствительно особенная ловкость въ рукахъ, чтобы чинить всякую посуду. Хозяйка стала скоро выказывать ему чувство особаго рода, хотя ей было безъ малаго сорокъ; но цыганъ совралъ и сказалъ, что его возлюбленная осталась въ отцовской лодкѣ, и что онъ ни о комъ, кромѣ нея, не думаетъ. Это причинило женѣ рыбака горькую обиду, и она стала усиленно оберегать свою дочь отъ цыгана. Да, не успѣла даже оттаять земля, какъ она поставила молодого Александра копать торфъ, и удалила его такимъ образомъ изъ дому. Тамъ Александръ пѣлъ непонятныя пѣсни и за день успѣшно справлялся со своей работой въ торфяномъ болотѣ. Былъ онъ большимъ и веселымъ язычникомъ. Леонарда не часто говорила съ нимъ.

Да; не часто говорила съ нимъ Леонарда. И вообще у нея съ нимъ не было никакихъ дѣлъ, она не забывала, что она дочь Іенса Олайя. Но весна такое опасное время, и когда воздухъ серьезно потеплѣлъ, глаза Александра стали какъ звѣзды, и онъ иногда проходилъ ненужно близко около Леонарды, если ему надо было пройти мимо нея. Совсѣмъ непонятнымъ образомъ стали у нея изъ сундука исчезать вещь за вещью, несмотря на то, что замокъ оставался совершенно въ порядкѣ. Оказалось, что дно въ сундукѣ было вскрыто, и Леонарда обвинила Александра въ воровствѣ.

„Нѣтъ, я не кралъ“, отвѣтилъ онъ. „Но я могу тебѣ, быть можетъ, достать твои вещи, если ты оставишь открытой дверь къ себѣ на чердакъ“.

Она посмотрѣла на него.

„Ты что же, непремѣнно хочешь вылетѣть завтра же отъ насъ?“

Но цыганъ ужъ умѣетъ попросить и знаетъ толкъ во всѣхъ сладостныхъ искусствахъ, этотъ, съ краснымъ ртомъ своимъ, темной кожей и своими глазами. Да притомъ онъ ужасный мастеръ въ любви.

День спустя Леонарда сидѣла со своимъ вязаньемъ въ рукахъ на дворѣ, къ ней подошелъ Александръ. Онъ сказалъ:

„Позволь мнѣ все же здѣсь остаться, потерпи чтобы я былъ на торфяномъ б лотѣ. И никогда, я больше не скажу ничего подобнаго“.

Она бросила на него взглядъ, такъ подѣйствовали на нее его немногія слова. Онъ снялъ при этомъ шапку, его волосы такъ жалостно висѣли надъ глазами, и все же его красный ротъ былъ красивъ. Леонарда отвѣтила:

„Да, да, попробуемъ“.

Она нагнулась надъ своей работой; она покраснѣла. Но цыганъ хорошо зналъ, что дѣлалъ, когда онъ такъ возвышалъ молодую дѣвушку и просилъ позволить ему работать на торфяномъ болотѣ. Онъ хотѣлъ къ ней подольститься, хотя отлично зналъ, что власть не ей принадлежитъ, а ея матери.

Дни проходили.

Сынъ столяра, Конрадъ, былъ въ отлучкѣ и теперь самъ сталъ столяромъ. Онъ выучился ремеслу у городскихъ мастеровъ и быстро вошелъ въ славу. Онъ жилъ по другую сторону рѣки Глиммы, и къ нему отправлялись люди, если имъ нужна была вещь тонкой работы. Однажды этой же дорогой отправилась къ нему и Леонарда, и повезъ ее черезъ рѣку Александръ.

Она до удивительности долго пробыла у молодого Конрада, уговариваясь съ нимъ относительно новаго сундука и относительно многаго другого, потому что оба знали другъ друга съ дѣтства. Прождавъ довольно долго внизу у лодки, Александръ, наконецъ, пошелъ къ дому столяра за-

глянулъ въ окно къ нему. Въ то же мгновеніе онъ отшатнулся отъ окна и вбѣжалъ въ домъ, разгоряченный, въ бѣшенствѣ.

Всѣ трое неподвижно смотрѣли другъ на друга. Но цыганъ былъ похожъ на скаковую лошадь съ висящей гривой и дрожащими ноздрями.

„Ну, теперь я иду“, сказала Леонарда, чтобы успокоить его.

Мужчины смѣрили другъ друга съ головы до ногъ, оба были молоды. Пальцы Александра нащупывали ножъ на боку, но у него не было ножа, и глаза его стали опять смиренными. Цыганъ безпомощенъ безъ оружія, но съ ножомъ въ рукѣ онъ дерзокъ до убійства.

Это была первая встрѣча.

По прошествіи недѣли столяръ Конрадъ явился съ сундукомъ въ домъ къ рыбаку. Сундукъ былъ сдѣланъ и склеенъ съ величайшей тщательностью, и замокъ былъ новый и весьма искусно устроенъ. Но вышло такъ, что, когда Леонарда стала пользоваться своимъ сундукомъ, всѣ ея утраченныя вещи лежали на своихъ мѣстахъ. Такъ мирно покоились они въ старомъ сундукѣ, какъ будто ихъ никогда не трогали.

„Это ты опять сдѣлалъ?“ сказала Леонарда цыгану.

„Нѣтъ, я этого не дѣлалъ“, отвѣтилъ онъ, и вѣрно опять совралъ, хотя это было ему ни къ чему.

Столяръ Конрадъ долго оставался въ домѣ съ Леонардой, и она сварила кофе для него и угощала Но до тѣхъ поръ цыганъ изловчился сказать „тьфу“, и плюнулъ въ котелъ. Онъ поджидалъ столяра, когда тотъ вышелъ.

Опять эти два человѣка смѣрили другъ друга, и у Александра былъ ножъ.

„Ни къ чему это, „цыганъ“, сказалъ Конрадъ. „Она мнѣ сегодня дала слово“.

Тутъ вспыхнули глаза Александра, какъ огонь, и онъ выхватилъ ножъ. Но столяръ прыгнулъ въ свою лодку и отчалилъ, и когда онъ отдалился на

нѣсколько саженей, онъ закричалъ, что онъ подастъ въ судъ на бродягу.

Дни проходили.

Старикъ Александръ „Щепа", вернулся на своей лодкѣ, и хотѣлъ увезти съ собой сына; но молодой Александръ уклонился и потребовалъ дать ему отслужить свой срокъ. И вѣрно онъ наговорилъ отцу, что ему много чего есть украсть во дворѣ, потому что лодка цыгана уѣхала безъ молодчика.

А молодой Александръ сказалъ Леонардѣ:

„Ласточки прилетѣли. Не время ли спуститься тебѣ со мной въ амбаръ, и показать мнѣ, какіе бочки и чаны сбить къ лѣтнему рыбному улову?"

Она, видно, все еще не знала, съ кѣмъ она имѣла дѣло. Она сдѣлала насмѣшливое лицо и отвѣтила:

„Ужъ такъ и быть рѣшусь".

Но насмѣшливое лицо она сдѣлала не очень-то серьезно. И его двусмысленныя слова не такъ не понравилились ей, какъ раньше. Она видѣла, что любовь его изо дня въ день становится горячѣй.

Какъ только они пришли въ амбаръ, Александръ тотчасъ же схватилъ ее, и держалъ ее, и цѣловалъ ея ротъ много, много разъ.

„Ты совсѣмъ съ ума сошелъ", сказала она, и вырвалась изъ его объятій, красная и задыхающаяся.

„Что же мнѣ, опять уѣзжать завтра?" спросилъ онъ.

И совсѣмъ, совсѣмъ усмиренная Леонатда отвѣтила на этотъ разъ:

„Это зависитъ отъ того, какъ ты себя поведешь".

„Я никогда больше не буду этого дѣлать", сказалъ онъ.

Онъ не сдержалъ слова. Онъ лгалъ непрестанно, и не давалъ ей прохода своими ласками.

И долженъ былъ наступить день, когда сердце Леонарды начало склоняться къ темнокожему язычнику. Онъ рѣшительно ничего не добился въ пер-

выя недѣли; но на четвертой недѣлѣ глаза ея сдѣлались томными и нѣжными. И это было какъ разъ, когда распускались почки на деревьяхъ, во время безумныхъ свѣтлыхъ ночей въ Норландѣ. Въ концѣ концовъ она стала ходить на торфяное болото и спускалась къ нему съ обѣдомъ въ яму, хотя бы отлично могла остаться на краю ея, какъ дѣлала это прежде. Но она хотѣла быть возможно ближе къ нему.

Мать погибала отъ ревности и дѣлала все возможное, чтобъ преимущество осталось за столяромъ. И Леонарда отвѣтила, что такъ оно и будетъ. Но сама она ходила въ единственномъ сладкомъ опьяненіи и знала про себя что-то другое. Этотъ бродяга Александръ стоялъ въ болотѣ и копалъ торфъ, и она опускалась къ нему, и для нея были его молодость, его красота. Бывали дни, когда у нея совершенно изъ головы вонъ выходилъ столяръ Конрадъ, и это далеко были не самые печальные дни.

Позже, лѣтомъ, съ рыбной ловли вернулся домой хозяинъ съ сыновьями, начались посѣвы, и Александръ помогалъ въ работѣ. А къ Иванову дню онъ долженъ былъ уѣхать. Становилось все трудрѣе встрѣчаться съ Леонардой тайкомъ, такъ какъ и братья ея оберегали ее, а столяра Конрада поощряли всѣ. И такъ прихотлива къ тому же любовь, что она пресыщается, когда ей слишкомъ хорошо; молодой цыганъ начиналъ надоѣдать Леонардѣ. Она приготовлялась къ свадьбѣ съ Конрадомъ.

Александръ сказалъ:

„Въ первый разъ, когда столяръ покажется здѣсь въ домѣ, я убью его“.

Но Леонардѣ онъ надоѣлъ, и она отвѣтила ему опять насмѣшливо:

„Такъ, такъ. А что ты сдѣлаешь во второй?“

Въ Ивановъ день въ домѣ столяра собирались танцевать, и Леонарда должна была ѣхать туда, и танцевать. Въ тотъ же вечеръ и Александръ кончалъ свою службу.

Леонарда сказала Александру:

„Перевези меня на ту сторону, передъ тѣмъ какъ уѣдешь".

„А ты куда?" спросилъ онъ.

„Это не твое дѣло", возразила она.

Александръ собралъ свои вещи. Сложилъ ихъ въ узелокъ и сказалъ:

„Я готовъ".

Они сошли къ рѣкѣ и сѣли въ лодку. Вода въ Глиммѣ сильно прибыла съ тѣхъ поръ, какъ тронулся ледъ, и переправляться черезъ нее было опасно.

Александръ гребъ и сказалъ ей:

„Значитъ, ты хочешь за него замужъ выйти?"

„Да", отвѣтила она.

„Это не я твои вещи укралъ", сказалъ онъ опять. „Это твоя мать ихъ украла".

Она неподвижно смотрѣла ва него въ продолженіе цѣлой минуты, и потомъ вскрикнула:

„Что ты говоришь?"

„Она хотѣла поссорить насъ. Но я догадался, куда она запрятала всѣ твои вещи, и выкралъ ихъ для тебя".

„Ты лжешь, и лжешь", отвѣтила Леонарда и не повѣрила ему.

Цыганъ гребъ все невнимательнѣе и не видѣлъ, куда онъ гребъ.

„Я тебѣ не сдѣлалъ никакого зла", сказалъ онъ, наконецъ. „Я бы могъ сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ, если бъ ты захотѣла".

„А мнѣ до этого какое дѣло", возразила она, и въ душѣ у нея было одно желаніе ссоры. „Куда ты гребешь? Мы наѣдемъ на камень".

Но онъ предоставилъ лодку теченію.

Тогда она громко закричала тѣ же самыя слова.

Онъ сильно взмахнулъ веслами, какъ бы для того, чтобы исполнить ея волю, и сломалъ одно весло.

Имъ не было спасенія.

„Ты это нарочно сдѣлалъ", сказала она, въ первый разъ почувствовавъ страхъ.

Онъ возразилъ:

„Да. Ты живой не выйдешь на берегъ".

Черезъ мгновеніе раздался низжащій крикъ, лодка налетѣла на скалу, и конецъ ея разбился вдребезги. Въ то же мгновеніе цыганъ выскочилъ на камень. Онъ видѣлъ, какъ закружилась нѣсколько разъ Леонарда, затѣмъ ее приподняло и перевернуло головой впередъ. И она полетѣла внизъ, въ водоворотъ.

Съ берега ихъ увидали, и цыгана спасли.

И никто не могъ ни въ чемъ упрекнуть Александра. Его весло сломалось, никакой вины его не было; несчастье стерегло.

Эту исторію разсказалъ мнѣ самъ Александръ въ крѣпости Акерхусъ, куда онъ былъ заключенъ за совершенное преступленіе.

Кнутъ Гамсунъ.

А. Серафимовичъ.

Сцѣпщикъ.

I.

Макаръ высунулъ голову изъ своего вагона, въ которомъ жилъ съ семьей.

Солнце еще не успѣло подняться и стояло низко надъ вагонами и землянками. Начиналось весеннее утро, свѣжее и ясное.

Макаръ опять спряталъ въ вагонъ голову, на четвереньках перелѣзъ черезъ спящихъ дѣтей, вытащилъ изъ-подъ изголовья свои сапоги и портянки и сталъ обуваться. Какъ разъ впору идти на дежурство.

Жена Макарова тоже поднялась съ заспаннымъ, измятымъ, покрытымъ рубцами и красными полосами отъ жестокой подушки, лицомъ, вышла

и стала возиться около печки, разводя огонь. Макаръ плеснулъ себѣ водицы въ лицо, вытерся подоломъ рубахи, перекрестился, торопливо кланяясь, на рдѣвшійся востокъ и, захвативъ флажокъ, свистокъ и краюху хлѣба за пазуху, отправился на станцію.

Началась обычная, ежедневная работа: стрѣлки, буфера, крюки, цѣпи, звонъ металлическихъ частей вагоновъ, свистки, нестерпимое шипѣніе и тяжелое дыханіе паровозовъ, песокъ, которымъ усыпано полотно и изъ котораго съ трудомъ вытаскиваешь ноги, и къ концу дежурства усталость, усталость нечеловѣческая, одуряющая,—вотъ все, что будетъ заполнять собою его 24-часовое дежурство. И это тянется уже десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ служитъ на желѣзной дорогѣ.

Для посторонняго свѣжаго человѣка эта непревывная безъ отдыха 24-часовая работа кажется чѣмъ-то чудовищнымъ, противоестественнымъ. Вѣдь создалъ же Богъ день и ночь—день работать, ночь для отдыха—строго карая отнятіемъ силы, здоровья, преждевременной старостью тѣхъ, кто нарушаетъ основную заповѣдь объ отдыхѣ и работѣ.

Впрочемъ, Макаръ объ этомъ не думалъ, не задавался такими вопросами; онъ просто въ шесть часовъ становился на дежурство, потомъ къ концу 24 часовъ дѣлался идіотомъ, потомъ, дотащившись до своего смраднаго, тѣснаго, темнаго, а зимою холоднаго вагона, падалъ, какъ снопъ, и засыпалъ тяжелымъ сномъ, потомъ просыпался и, если были деньги, напивался пьянъ, если же ихъ не было, садился чинить себѣ сапоги, ребятишкамъ и женѣ башмаки. Все это онъ продѣлывалъ потому, что у него было пятеро ребятишекъ, жена, отецъ и теща, и всѣ они, къ его глубокому прискорбію, ѣли аккуратно каждый день.

Свою семью, ребятишекъ онъ любилъ по-своему.

Пилъ Макаръ потому, что это было его единственная услада. Кругомъ была степь, на много верстъ безлюдная, и изрѣдка лишь попадались ка-

зачьи хутора. Но онъ дальше своего желѣзнодожнаго полотна нигдѣ не бывалъ. Возлѣ раскинулся небольшой поселокъ. Въ концѣ его стояла покривившаяся землянка, гдѣ Семенычъ тайно торговалъ водкой и принималъ въ закладъ носильное платье, и куда Макаръ нерѣдко заглядывалъ.

II.

Служащіе на железной дорогѣ распадаются на бѣлую кость и черную. Къ первымъ принадлежатъ машинисты, помощники ихъ, механики, вообще искусные рабочіе, ко вторымъ—стрѣлочники, сцѣпщики, сторожа, составители. Первые зарабатываютъ шестьдесятъ, восемьдесятъ и даже до ста рублей въ мѣсяцъ, вторые получаютъ отъ 8 до 25 руб. Съ первыми начальники станцій и всякое другое желѣзнодорожное начальство обращаются не то что по-человѣчески, но все же терпимо, вторыхъ всячески заушаютъ, не считая за людей. И Макаръ по отношенію ко всѣмъ чувствовалъ себя такъ, какъ вообще чувствуютъ себя „макары", на которыхъ валятся всѣ шишки.

Съ машинистами, съ которыми приходилось работать, Макаръ обращался заискивающе, они же, всегда угрюмые, смотрѣли на него свысока. Вотъ и теперь онъ подошелъ къ неистово шипѣвшему номеръ семьсотъ тринадцатому и проговорилъ заискивающе:

— Скоро, Карла Иванычъ, воду брать пойдете?

Дѣло-то въ томъ, что, когда дежурный паровозъ бралъ воду, сцѣпщикъ могъ эти нѣсколько минутъ отдохнуть, и Макаръ давно ждалъ этого момента. Но Карлъ Ивановичъ сердито побурчалъ:

— Когда пойдемъ, тогда и будемъ брать.

И опять сталъ бѣгать Макаръ отъ вагона къ вагону.

Карлъ Ивановичъ, наконецъ, пошелъ брать

воду. Макаръ влѣзъ на площадку вагона, досталъ краюху хлѣба, ржавую „душистую“ тарань и сталъ закусывать, обгладывая все до послѣдней косточки.

Вдали засвистѣлъ паровозъ.

— Ну, напился жеребецъ.

Макаръ подобралъ крошки, вытеръ усы, покрестился нѣсколько разъ, надѣлъ шапку и побѣжалъ къ паровозу. Тяжело было бѣжать, впереди еще двѣнадцать часовъ.

Стало смеркаться. Видитъ Макаръ, изъ депо вышелъ одинъ паровозъ, за нимъ, немного погодя другой, остановились. Машетъ на переднемъ паровозѣ чтото Макару машинистъ, но Макаръ не обращаетъ вниманія, со своимъ дѣломъ еле управляется.

Смотритъ, опять машетъ машинистъ и кричитъ:

— Ты что же, оглохъ, что ли! докудова дожидать-то будемъ.

— Чего надыть?

— А того надыть — паровозы сцѣпи, просить тебя...

— Чего пристали, старшій стрѣлочникъ-то на что? Мнѣ что ль за этимъ смотрѣть, своего дѣла не оберешься, а тутъ еше чужое суютъ.

Макаръ уцѣпился за тронувшійся свой паровозъ: надо было „больные“ вагоны изъ поѣзда выключать.

А машинистъ все ругается, грозитъ жаловаться начальнику. Видно, какъ онъ слѣзъ съ паровоза и пошелъ къ станціи, на платформѣ подошелъ къ дежурному по станціи помощнику начальника и сталъ говорить ему что-то. Минуты черезъ двѣ кликнули Макара. Макаръ торопливо пошелъ на платформу къ дежурному по станціи и снялъ шляпу.

— Ты что же это паровозы не сцѣпилъ?

— У меня свое дѣло было, выключаемъ больные вагоны, а изъ депо завсегда старшій стрѣлочникъ выводитъ, онъ и сцѣпку дѣлаетъ. Вы ничего не изволили приказать, я и не зналъ...

— А-а, не зналъ!

Помощникъ начальника размахнулся и... банъ. Кулакъ у него былъ большой, костлявый и волосатый, голова Макара сильно мотнулась въ сторону, лицо смертельно поблѣднѣло и обезобразилось, подъ глазомъ разбитое мѣсто налилось кровью и посинѣло. Дежурный круто повернулся и ушелъ: По платформѣ ходили жандармы, кондуктора. Всѣ дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ.

Макаръ мялъ шапку, растерянно глядя кругомъ себя помутнѣвшимъ взоромъ, постоялъ и потомъ тихонько пошелъ, забывая надѣть шапку, къ своему паровозу: дѣло не ждало.

Приходили и уходили поѣзда, станціонная платформа оживлялась и пустѣла, наступила ночь. Въ темнотѣ труднѣе и опаснѣе работать; раза два Макара едва не защемило между сдвинувшимися буферами. Часамъ къ двѣнадцати сталъ размаривать сонъ. И борется съ дремотой, дѣло вѣдь не шуточное, жить каждому хочется. Но чѣмъ ближе подходитъ разсвѣтъ, тѣмъ мучительнѣе становилось работать; предутренній конецъ дежурства — самое тяжелое время.

Видитъ Макаръ, не совладать ему съ собой, все равно упадетъ гдѣ-набудь или повалитъ его вагономъ и зарѣжаетъ. Чтобъ дотянуть нѣсколько часовъ до конца дежурства, неизбѣжно приходилось прибѣгать къ возбудителю, и Макаръ, улучивъ минуту, поплелся въ буфетъ. Плеская водку дрожащей рукой, онъ опрокинулъ одну рюмку, другую. И тогда разомъ кругомъ посвѣтлѣло, предметы стали выпуклѣе и рѣзче бросались въ глаза.

— Никакъ нонѣ съѣлъ, Макаръ?—проговорилъ, прожевывая, одинъ изъ кондукторовъ.

И вдругъ гдѣ-то сидѣвшая въ глубинѣ горечь, ѣдкое чувство обиды и попраннаго человѣческаго достоинства, задѣтыя неосторожнымъ вопросомъ, прорвались нестерпимой болью.

— Да што-жъ ты думаешь, онъ имѣетъ полное право бить, значитъ, по мордѣ? Кто такія права ему давалъ? Такихъ правовъ нѣтъ. А ежели

я да не стреплю? а? нѣтъ, ты скажи, ежели не стерплю я, а? ежели я да протоколъ стоставлю, да въ судъ подамъ, а?

— Не подашь, — спокойно догрызая рыбій хвостъ, проговорилъ кондукторъ.

Это подлило масла въ огонь. Макаръ вспыхнулъ.

— Не подамъ, не подамъ? нѣтъ, подамъ! потомъ правовъ такихъ нѣтъ, чтобы морду бить людямъ. Что-жъ я не человѣкъ, скотина што ли? Собаку ткнулъ сапогомъ, и та визжитъ, а почему я долженъ молчать? Жандаръ, прошу составить протоколъ. Протоколъ прошу составить, насчетъ бою, т. е., значитъ, въ морду далъ дежурный по станціи и разбилъ глазъ.

— Ну, будетъ? Макаръ,—проговорилъ старшій жандармъ, подходя къ нему и фамильярно кладя руку на плечно.—Ну, что толку, составишь протоколъ, тебя же заразъ и выгонятъ. Полинялъ что ли ты отъ этого, а что насчетъ глазу, такъ это одинъ пустякъ: возьми свинцовой примочки на пятачокъ, завтра къ обѣду ничего не будетъ. Да я и протоколъ составлять не буду.

Макаръ было уже согласился съ доводами жандарма, но послѣднія слова взорвали его.

— Какъ! протокола не составите! Что это за порядки! господа, будьте свидѣтели, господинъ жандармъ не хочъ протокола составитъ, что мнѣ морду избили.

Жандармъ поморщился.

— Ну, ступай въ дежурную. На свою голову составляешь!

Протоколъ былъ составленъ.

Уже посѣрѣло небо, уже въ рѣдѣвшемъ сумракѣ стали выступать невидные дотолѣ дальные вагоны, станціонныя зданія, депо, столбы телеграфные, водокачка.

— Ма-ка-а-аръ.. — пронеслось въ утреннемъ воздухѣ.

Макаръ пріостановился:

— Никакъ кличутъ?

— Ма-ка-а-аръ!...—донеслось опять съ платформы и потерялось между станціонными зданіями между вагонами, которые были теперь всѣ видны, какъ на ладони.

Макаръ бѣгомъ направился къ станціи.

— Иди, начальникъ кличетъ.

Держа шапку въ рукахъ, онъ робко вошелъ въ комнату начальника. Тутъ же былъ и дежурный по станціи.

— Ты протоколъ составилъ?

— Я, ваше благор... это я, значитъ, такъ... для примѣру только... я его сейчасъ же порву, ваше благородіе... — проговорилъ Макаръ, заикаясь, блѣдный, какъ полотно.

— Вонъ! Завтра получишь расчетъ.

Макаръ стоялъ, какъ громомъ пораженный.

— Тебѣ говорятъ, сейчасъ же вонъ!

И начальникъ взялъ его за плечи, повернулъ и вытолкнулъ изъ комнаты.

Макаръ ничего не видѣлъ, не слышалъ, не соображалъ. Онъ механически перешелъ черезъ полотно и оглядѣлся помутившимся взоромъ.

Солнышко взошло и стояло невысоко надъ землей, утреннія тѣни тянулись отъ вагоновъ, столбовъ, землянокъ, станціонныхъ зданій.

Надъ депо бѣлой струей вырвался паръ, и гудокъ далеко зазвучалъ по степи. Это теперь Макаръ покончилъ бы дежурство и отправился бы къ себѣ домой.

А развѣ теперь онъ идетъ не домой?

Макаръ постоялъ съ минуту на одномъ мѣстѣ и пошелъ... къ Семенычу...

III.

Черезъ полчаса онъ вышелъ оттуда, качаясь во всѣ стороны, точно на палубѣ во время шторма: прорванныхъ сапогъ на ногахъ у него уже не было. И онъ направился къ своему вагону, разсуждая самъ съ собой пьянымъ голосомъ:

— Почему? въ какомъсмыслѣ? морда, напримѣрыча... значитъ, чтобъ быть ее... Ты што такое? Сопля, тьфу, растеръ — и нѣтъ ничего. И прррравильно!... на то ничальники, а ты слухай его, и производи какія распоряженія отъ него есть, и не думай о себѣ много. Што такое, съѣздилъ разъ? это даже за честь почитай, потому что они начальники тебѣ, т. е. замѣстъ отца, стало быть. Тебя въ морду, а ты кланяйся ниже, благодари, потому для тебя же, дурака, для твоей же пользы..

Хозяйка увидѣла издали Макара.

— Пьяный! головушка ты моя бѣдная! Ребятишки, бѣгите отсюда, вишь, руками размахиваетъ, кабы драться не сталъ.

Къ удивленію, Макаръ не только не бросился на нее, а заплетающимся, коснѣющимъ языкомъ подозвалъ оробѣвшихъ дѣтишекъ и, обдавая ихъ запахомъ перегорѣлой сивухи, сталъ гладитъ по бѣлокурымъ головкамъ закорузлой, грязной въ нефти рукой:

— Соколятки мои, поросяточки... и... ничего, привыкайте, набалованы, каждый день ѣли... теперя привыкайте, штобъ, значитъ, съ передышкой... потому каждый день намъ исть никакъ нельзя, не полагается, не туда рыломъ вышли... и...: ничего, попостите, анъ привыкнете, до всего можно дойтить, значитъ, своимъ умомъ... ежели человѣкъ умный, то онъ можетъ исть черизъ день тамъ, скажемъ, али черезъ два, потому человѣкъ созданіе Божіе, все онъ превзошелъ... Милые! мои соколяточки... глазеночки-то лупаютъ, ничего не понимаютъ, — и Макаръ ронялъ пьяныя слезы на лица притихшихъ ребятишекъ.

Хозяйка стояла, какъ онѣмѣлая; она не знала, что случилось, но въ словахъ мужа слышалось что-то грозное и неумолимое.

А. Серафимовичъ.

О. Дымовъ.

Поэтъ и Она.

Она поднялась по лѣстницѣ, по той лѣстницѣ, рядъ ступеней которой пересчитанъ столькими ногами.

Поэтъ ждалъ ее.

Она краснѣла отъ каждаго движенія, глаза ея были опущены, и въ тѣни подъ рѣсницами молчаливымъ укоромъ пряталась дѣвичья стыдливость.

Поэтъ сказалъ:

— Ваши письма давали мнѣ радость. Когда письмо прибывало вечеромъ, я перечитывалъ его въ постели, и вы мнѣ снились.

— Развѣ вы видѣли меня когда-нибудь?

— Нѣтъ, никогда. Но все-таки вы мнѣ снились.

Часъ спустя тѣни подъ ея рѣсницами погустѣ-

ли, стали тяжелыми. Чувствовалось, что вечеръ близокъ; уже, царапнувъ проволоку электрическаго трамвая, сорвалась блѣдная незрѣлая искра.

У нея ярко горѣли щеки и, прикоснувшись къ нимъ губами, поэтъ чувствовалъ забытый какъ бы соленый румянецъ стыдливости.

Онъ смотрѣлъ на нее жесткими умными глазами и, волнуясь, говорилъ:

— Вы не поняли ни одного слова изъ того что я пишу. Зачѣмъ мы вмѣстѣ? Что намъ дѣлать? Я говорю, я пою о красивомъ свободномъ тѣлѣ, о вольныхъ движеніяхъ, о вдохновеніи позъ и жестовъ. Какъ слова и мысли - такъ должны быть свободны и горды наши движенія, походка, улыбки. Тѣло наше цвѣтетъ, какъ цвѣтокъ, не боится солнца, свѣта и... Но вы нечего, ничего не понимаете.

— Я понимаю.

— Зачѣмъ мы вмѣстѣ? Мы говоримъ на разныхъ языкахъ. Я знаю и чувствую радость плоти, и мудрость вашей бабушки для меня скучна и невыносима. Что жъ, оставайтесь вы у бабушки. Въ концѣ концовъ тамъ уютно и спокойно.

Она ушла, глотая соленыя слезы, спустившись по лѣстницѣ и перебравъ ступени тѣми же нѣжными робкими и молчаливыми ногами... А на этой лѣстницѣ—здѣсь гостинница — подобное случалось рѣдко.

* * *

Черезъ два года они снова встрѣтились. У поэта, несмотря на молодость, голова была въ сѣдыхъ волосахъ, и это его красило. Жилъ онъ также въ гостиницѣ, но въ болѣе дорогомъ номерѣ, и потому подниматься къ нему надо было уже невысоко.

И она поднялась, перебирая ступени, и ноги ея, двигаясь въ шелковой, громко шуршащей юбкѣ, какъ бы разсказывали о какой-то нарушенной тайнѣ.

— Боже мой, вы измѣнились,— сказалъ поэтъ. И ваши волосы — у васъ были прекрасные темные волосы.

— Я ихъ выкрасила. Развѣ такъ не лучше?

Поэтъ поцѣловалъ ея выкрашенные волосы и грустно сказалъ:

— Я помню ваши прежніе волосы. Развѣ ихъ нельзя вернуть?

— Вы хотите? Вы помните?

Было утро, лѣто, сіяло душное, уже надоѣвшее солнце, вѣроятно отъ этого подъ рѣсницами не прятались густыя милыя тѣни. Поэтъ не понималъ въ чемъ дѣло, но все таки замѣтилъ:

— И глаза замѣнились.

Часъ спустя онъ пристально смотрѣлъ на нее жесткими умными глазами и говорилъ:

— Мнѣ страшно дотрогиваться до васъ, ваши щеки холодны, безтрепетны, знаютъ много. Ваше тѣло узнало свободу, потеряло жажду исканія, оно привыкло къ извѣстнымъ движеніямъ, извѣстнымъ позамъ, почти заучило технику вдохновенія, не боится свѣта, не благоговѣетъ стыдливо передъ солнцемъ. Нѣтъ, вы не понимаете этого ..

— Я понимаю, — сказала она и опустила рѣсницы, подъ которыми уже не тяжелѣли тѣни.

— Что намъ дѣлать вмѣстѣ? Зачѣм? Вы не чувствуете, не знанте радости тихой тайны, скромнаго аромата жизни, прячущихся, интимныхъ ощущеній. Для чего вы около меня?

И она ушла, очень быстро опустившись по лѣстницѣ. Потому что поэтъ жилъ невысоко.

Но все-таки она продолжала любить его — какъ и прежде.

Осипъ Дымовъ.

ВАЯТЕЛЬ.

Оскара Уайльда.

Однажды вечеромъ въ душу его снизошло желаніе создать изображеніе „Наслажденія, которое длится одно мгновеніе". И онъ пошелъ въ міръ за бронзой. Онъ могъ думать только о бронзѣ. Но вся бронза исчезла и нигдѣ во всемъ свѣтѣ не находилось бронзы, кромѣ той, что изображала „Печаль, длящуюся вѣчно". Это изображеніе онъ самъ, собственными руками, создалъ и поставилъ на могилѣ единственнаго существа, которое онъ любилъ въ своей жизни. На могилѣ умершей, бывшей ему дороже всего, поставилъ онъ это произведеніе своихъ рукъ, чтобы оно служило знакомъ человѣческой любви, которая не умираетъ, и символомъ человѣческаго горя, которое длится вѣчно. И въ цѣломъ мірѣ не было другой бронзы, кромѣ бронзы этого изваянія.

И, взявъ воплощенное имъ, онъ бросилъ его въ большую печь и предалъ пламени.

И изъ бронзы „Печали, длящейся вѣчно", онъ создалъ изображеніе „Наслажденія, которое длится одно мгновеніе".

Перев. N. N

Роза.

Однажды въ Ниццѣ я стоялъ на морскомъ берегу, держа въ рукѣ алую розу.

Передо мною разстилалось золотисто-голубое, фіолетово-серебристое, тихое, залитое полуденнымъ солнцемъ море...

Плескались жемчугъ, смарагды и опалы прибрежныхъ волнъ, однообразно подбѣгавшихъ къ моимъ ногамъ съ монотонно-ритмическимъ шумомъ, напоминающимъ звукъ одинокой струны арфы, дребезжащей подъ ударами пальца.

На безоблачномъ лазурно-золотистомъ небѣ стояло огромное сверкающее солнце. Была весна.

Нѣсколько бѣлыхъ чаекъ кружилось надъ водою, то задѣвая грудью ея поверхность, то уносясь въ вышину: такъ летаютъ мотыльки надъ лугами.

Вдали то къ воску, шелъ пароходъ, оставляя за собою полосу сѣраго дыма и медленно исчезая въ морской дали.

Я бросилъ розу въ воду.

Отхлынувшая волна подхватила и унесла ее.

Я видѣлъ какъ она удалялась, сначала алѣя на жемчужной пѣнѣ, блѣднѣя потомъ на фонѣ морскихъ смарагдовъ.

Но черезъ нѣсколько мгновеній обратная волна прибила ее снова къ моимъ ногамъ.

Я замѣтилъ только, что нѣсколько лепестковъ, оторванныхъ теченіемъ отъ вѣнчика, приплыли отдѣльно.

И снова отхлынула волна и снова унесла розу; но съ возвращеніемъ волны, цвѣтокъ опять вернулася къ моимъ ногамъ.

Только еще болѣе оторванныхъ лепестковъ приплыло отдѣльно.

Я долго стоялъ у моря — волна подбѣгала ко мнѣ, отбѣгала снова, принося къ моимъ ногамъ

розу и все больше и больше отдѣльныхъ оторванныхъ лепестковъ.

Наконецъ отъ розы не осталось ничего кромѣ горсти брошенныхъ въ воду лепестковъ.

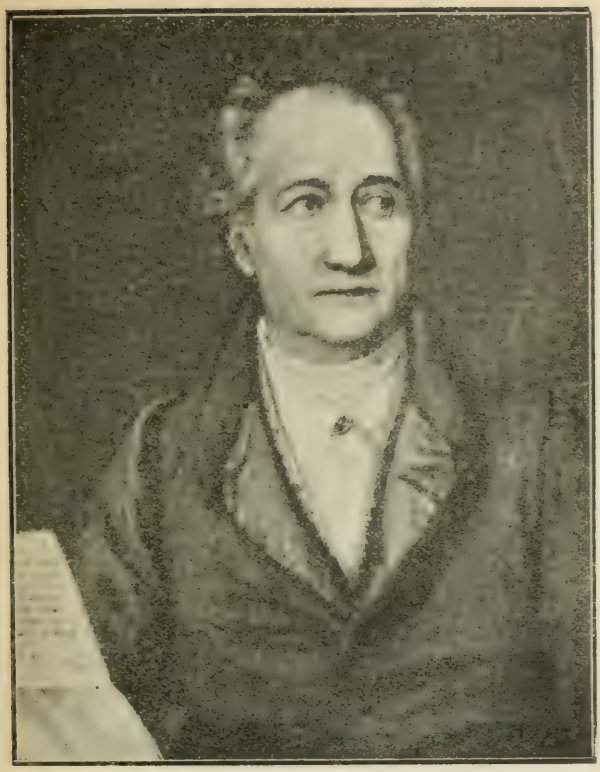
И море все приносило и приносило ихъ ко мнѣ.

Не то-ли самое бываетъ и съ сердцемъ? Вѣдь въ концѣ концовъ приплываетъ оно къ пристани, разрозненное на множество лепестковъ.

К. Тетмайеръ.

ЧАСТЬ II

ПОЭЗІЯ



В. Гете.

Баядерка.

(Индійская легенда).

Съ небесъ Магадева, владыка земной,
Незримо на грѣшную землю спустился
И образъ принять человѣка рѣшился,
Чтобъ жить вмѣстѣ съ смертными жизнью одной.
Людей предоставивъ ихъ собственной волѣ,

Онъ ходитъ въ народѣ, желая узнать,
Достоинъ ли лучшей, счастливой онъ доли,
Иль въ міръ нужно новыя кары послать.
Идетъ Магадева, какъ странникъ смиренный,
По улицамъ города, зорко слѣдитъ
За жизнью въ палатахъ, въ избушкѣ согбенной,
А къ въ вечеру снова въ дорогу спѣшитъ.

Въ предмѣстьи глухомъ, гдѣ души онъ не встрѣтилъ,
У крайняго дома, на шаткомъ крыльцѣ
Онъ падшую женщину скоро замѣтилъ
Съ поддѣльнымъ румянцемъ на дивномъ лицѣ.
—„Привѣтъ мой красавицѣ!“—„Путникъ прекрасный.
Ты добръ и привѣтливъ, войди въ мой пріютъ...“
—„Но кто ты?“—„Меня баядеркой зовутъ;
Мой домъ предъ тобой — домъ любви сладострастной“.
И въ бубенъ рукой ударяя, плыветъ,
Кружится она въ соблазнительной пляскѣ,
Змѣей извиваясь и, полная ласки,
Пришельцу душистый букетъ подаетъ.

И странника нѣжно обвивши руками,
Она увлекаетъ его за порогъ.
—„О, гость мой желанный! Весь домъ свой огнями
Сейчасъ освѣщу я, какъ пышный чертогъ.
Усталъ ты, мой милый,—я стану въ молчаньи
На ложѣ прохладномъ твой сонъ охранять,
Я дамъ тебѣ все, что я дать въ состояньи:
Веселье, покой и любви благодать“.
И богъ просвѣтленный, растроганъ глубоко,
Слова чудной грѣшницы слушалъ въ тиши,
Довольный, что встрѣтилъ подъ грязью порока
Порывы прекрасной и чистой души.

Предъ нимъ баядерка стоитъ, какъ рабыня,
И дѣтскою радостью свѣтится взглядъ:
Въ душѣ молодой сквозь наружный развратъ
Природнаго чувства сказалась святыня.
Роскошный цвѣтокъ обращается въ плодъ;

Надежда смѣнила удѣлъ безнадежный.
Для сердца отъ рабства одинъ переходъ –
Къ любви беззавѣтной и пламенно-нѣжной.
Но тотъ, кто извѣдалъ всѣ тайны судьбы,
Не кончилъ еще своего испытанья,
Готовя всѣ ужасы мукъ и страданья
Для сердца прекрасной, но падшей рабы.

Къ щекамъ размалеваннымъ льнетъ онъ губами,
Она же, въ томленьи любви, въ первый разъ
Трепещетъ, не выразитъ чувства словами,
И первыя слезы струятся изъ глазъ.
Въ избыткѣ еще незнакомаго счастья
Къ ногамъ его падаетъ молча она...
Теперь въ ней горитъ не огонь сладострастья,
Ей плата за ласки теперь не нужна...
А тѣни ночныя все гуще ложились
И, словно ихъ они желая смежить,
Надъ ложемъ любовниковъ тихо спустились,
Чтобъ тайну любви ихъ ревниво хранить.

Впервые уснула она въ упоеньѣ,
Ласкаясь, смѣясь съ дорогимъ пришлецомъ,
Но было ужасно ея пробужденье:
Гость милый лежалъ передъ ней мертвецомъ...
И, бросившись съ воплемъ, напрасно хотѣла
Усопшаго друга она разбудить:
Онъ мертвъ.. Понесли охладѣвшее тѣло
Къ костру, чтобъ послѣдній обрядъ совершить.
Жрецы назади, погребальное пѣнье...
Безумьемъ сверкнулъ блѣдной грѣшницы взоръ;
Толпу разсѣкаетъ она въ изступленьи,
Бѣжитъ... Но зачѣмъ ты бѣжишь на костеръ?

Она у носилокъ упала, рыдая,
И слышенъ далеко былъ женщины стонъ:
—„Отдайте мнѣ мужа, иль съ мужемъ туда я
„Пойду, гдѣ сгоритъ надъ могилою онъ.
„Ужели въ ничтожество, въ прахъ обратится,
„Исчезнетъ божественныхъ формъ красота?
„Ужель не раскроются эти уста?
„Одну только ночь дайте мнѣ насладиться!..“

Но хоромъ жрецы ей пропѣли въ отвѣтъ:
„Равно мы хоронимъ всѣхъ въ мірѣ отжившихъ—
„И старцевъ, для свѣта сномъ вѣчнымъ почивших,
„И юношей, рано покинувшихъ свѣтъ.

„Внимай же ученью жрецовъ: Ни минуты
„Тотъ юноша не былъ супругомъ тебѣ;
„Ты жизнь баядерки ведешь,—потому ты
„Не можешь сгорѣть съ нимъ! Угодно судьбѣ,—
„Слезами напрасно боговъ ты печалишь,—
„Чтобъ въ тихое царство могильнаго сна
„Послѣдовать вслѣдъ за супругомъ должна лишь
„Жена его только,—никто, какъ жена!...
„Сливайтесь же трубы въ унылые звуки!
„Пусть пламя костра заблеститъ въ вышинѣ,
„И тѣло красавца, сложившаго руки,
„Вы, боги, примите въ священномъ огнѣ!..“
Такъ пѣли жрецы. Освященный вѣками,
Законъ осуждалъ всѣхъ блудницъ на позоръ...
Тогда баядерка всплеснула руками
И бросилась въ пламя на самый костеръ.
Вдругъ чудо свершилось, незримое въ мірѣ:
Божественный юноша вспрянулъ съ одра
И вмѣстѣ съ подругой, поднявшись съ костра,
Исчезъ въ голубомъ, безпредѣльномъ эфирѣ.
Такъ боги, по благости вѣчной своей,
Всѣмъ людямъ умѣютъ прощать заблужденья
И къ дальнему небу въ огнѣ очищенья
Возносятъ съ собою заблудшихъ дѣтей

В. Гете (пер. Д. Д. Минаева).

* *
*

Изъ Фр. Коппе.

Я голубю сказалъ: Утѣшь меня въ печали,—
Мнѣ талисманъ-цвѣтокъ въ чужомъ краю добудь,
Чтобъ сердца моего любви не отвергали"...
И голубь отвѣчалъ: „То слишкомъ дальній
путь!"

Орла я сталъ просить: „Молю тебя, какъ друга,
Огонь небесъ помогъ бы мнѣ легко, —
О, взвейся, полети, не велика услуга"...
И отвѣчалъ орелъ: „То слишкомъ высоко!"

Я къ ястребу тогда: „Спаси, насыться кровью,
И вырви сердце мнѣ, усталое отъ мукъ,
Оставь въ немъ только то, что не взято любовью"...
И ястребъ отвѣчалъ: „Увы, ужъ, поздно, другъ!"

Е. М. Миличъ.

* *
*

(Изъ П. Верлэна).

За окномъ, словно въ рамкѣ картины,
Убѣгаютъ холмы и равнины,
Мчатся рѣки, поля и лѣса
И лазурь небесъ полоса...
Все кружится, гремитъ, исчезаетъ,
Въ шумномъ вихрѣ назадъ улетаетъ;
Словно росчеркъ мудреный въ окнѣ,
Телеграфъ извился въ сторонѣ...
Запахъ угля, пары водяные;
Потрясая оковы стальныя,

Гдѣ-то сонмъ великановъ гремитъ,
Гдѣ-то филинъ зловѣще свиститъ!..
Но спокоенъ я въ это мгновенье,—
Предо мной тихо рѣетъ видѣнье,
Слышу шопотъ я ласковыхъ словъ,
Снова полонъ я радужныхъ сновъ...
Пусть же мимо вихрь бурный несется,
Сердце радостью тихою бьется!

Перев. Эллисъ.

* *
*

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя;
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.
И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя—
И распѣли ихъ вѣтры мятежные
Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.
И земля, подъ весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу безумно влюбленную.
И теперь, въ эти дни многотрудные,
Въ эти темныя ночи ненастныя,
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво чудныя!

К. Фофановъ.

Судьба.

(изъ Ады Негри).

Полночною порой вчера къ моей постели
Явилась гостья въ грезахъ сна.
Въ туманѣ гнѣвныхъ слезъ глаза ея горѣли
И прямо въ душу мнѣ настойчиво смотрѣли.
— „Я скорбь!“—сказала мнѣ она.
— „Къ тебѣ явилась я! Ты робкая! Отнынѣ
Для насъ разлуки больше нѣтъ!
Я поведу тебя по жизненной пустынѣ
Неровною стезей къ невѣдомой кончинѣ!“—
— „Уйди!“—сказала я въ отвѣтъ.
Но не ушла она. Съ неотразимой силой
Она сказала вновь:—„Судьба рѣшила такъ:
Ты будешь, какъ цвѣтокъ, растущій надъ могилой,
И будетъ пѣснь твоя, какъ вопль тоски унылой,
И голосъ твой разбудитъ мракъ!..“
— „Мнѣ только двадцать лѣтъ! — сказала я, рыдая.
Мнѣ рѣчь твоя страшна. Я жить хочу, играя,
И чашу радости всю осушить до края.
Оставь, зловѣщая, меня!..“
— „Мужайся“ — былъ отвѣтъ. — „Безсмертіемъ и славой
Вѣнчается лишь тотъ, кто отдается весь
Суровому труду и мукою кровавой
Рѣшается купить побѣду мысли правой!“
Тогда, покорена мечтою величавой,
Сказала я:—„Останься здѣсь!“—

В. Г. Танъ.

Гитана.

Сонетъ.

По платью - нищая, красой движеній — жрица,
Въ толпѣ цыганъ она плясала для меня:
То, быстрая, какъ вихрь, чаруя и дразня,
Кружилась бѣшено; то гордо, какъ царица
Ступала по ковру, таинственно маня;
То вздрагивала вся, какъ раненная птица...
И взоръ ея тускнѣлъ отъ скрытаго огня,
И вспыхивала въ немъ безумная зарница:
Ей было весело отъ пѣсенъ и вина.
Ее несла волна, ее пьянила пляска
И ритмы кастаньетъ, и пристальная ласка
Монахъ влюбленныхъ глазъ. И вся была она
Призывна, какъ мечта, и, какъ любовь, грозна -
Гитана и дитя, и женщина, и сказка!

Сергѣй Маковскій.

ГРЯДУЩЕЕ.

(Пророкъ Исаія).

Когда подъ гнетомъ смуты злобной
Въ когтяхъ вражды междоусобной
Лежала, гибели полна,
Обѣтованная страна;
Когда богатство, слава, сила,
Плоды великихъ дѣлъ и думъ,
Что мощь народная взростила,
Вспоилъ, вскормилъ народный умъ,
Все гибло въ буряхъ смуты дикой,—
Тогда возсталъ пророкъ великій,

Въ устахъ Господень громъ храня,
И слово, полное огня,
И слово, острое, какъ жало,
Свободно, громко зазвучало
Надъ изступленной и слѣпой,
Во тьмѣ коснѣвшею толпой...

И если смолкла рѣчь пророка,
Исчезъ и слѣдъ великихъ дѣлъ
И въ тьмѣ могилы одиноко
Священный прахъ его истлѣлъ;
И если горы и равнины
Обѣтованной Палестины,
Мѣста, гдѣ жилъ онъ, гдѣ страдалъ,
Гдѣ мощный гласъ его звучалъ,
Давно пустыней мрачной стали,—
Народной памяти скрижали
Слова завѣтныя хранятъ...
Внемлите, смертные! Изъ гроба,
Гдѣ кости бренныя лежатъ,
Слова безсмертныя звучатъ:

— „Придетъ пора — исчезнетъ злоба;
Одной ликующей семьей,
Подъ знамя свѣта и свободы,
Стекутся мирные народы,
И надъ воскресшею землей
Утихнетъ гулъ борьбы кровавой.
Угаснетъ пылъ вражды навѣкъ,
Иною доблестью и славой
Гордиться будетъ человѣкъ:
То будетъ доблесть думъ высокихъ,
То будетъ слава добрыхъ дѣлъ,
И тамъ, гдѣ въ мракѣ смутъ жестокихъ
Сверкала сталь и щитъ звенѣлъ,—
На тучныхъ нивахъ въ чистомъ полѣ
Высокій колосъ зашумитъ,
И пѣсня пахаря на волѣ
Отрадой свѣтлой зазвучитъ!..“

С. Фругъ

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

Изъ М. Конопницкой.

Какъ тихо трепещетъ верхушка осины,—
Задѣтая птичьимъ крыломъ,—
Такъ пѣсня моя—дочь нужды и кручины—
Въ тиши раздается кругомъ,—
Тяжелая пѣсня про горькую долю
Несется по нашему полю...
По н а ш е м у!.. Что же здѣсь наше съ тобой,
Скажи, мнѣ, подруга сѣдая?!
Здѣсь слезы сверкаютъ алмазной росой,
Здѣсь гаснетъ заря молодая
Забытаго счастья, какъ пѣсни неволи
О волѣ, о сладостной волѣ...
Здѣсь наши родныя могилки въ лѣсу,
Заросшія густо травою;
Сюда же я кости свои принесу,
Подъ глыбой сложу дерновою...
Лети жъ, пѣсня горя, отъ поля до поля:
Ой, доля! Ой, долюшка-доля!...

А. Коринфскій.

Тина ди-Лоренцо.

КЪ ИТАЛІИ.

Изъ Д. Леопарди.

О, родина моя! Я вижу
Твои колонны, арки и бойницы,
Обломки стѣнъ и статуи героевъ,
Но славы ихъ не вижу больше я.
Гдѣ лавры ихъ? гдѣ крѣпкіе доспѣхи?
Ты безоружна; грудь и голова
Обнажены—и кровь на нихъ я вижу!
О, сколько ранъ! Красавица, царица,
Такъ вотъ какой увидѣлъ я тебя?
Міръ! Небеса! кто смѣлъ ее измучить?
Но ты—въ цѣпяхъ! въ тоскѣ полубезумной,
Съ распущенной косой, безъ покрывала,
Ты на землѣ поникшая сидишь
И, спрятавши лицо свое въ колѣняхъ,

Ты плачешь... Плачь, Италія моя!
Ты рождена, чтобъ покорять народы
И славою и царственной печалью,
И все теперь оплакать ты должна!

О, если бъ въ два весенніе ручья
Твои глаза внезапно превратились,
То и тогда бъ слезами не залить
Тебѣ всей бездны скорби и позора!
Италія! царица—и раба!
Кто, о твоемъ величьи вспоминая,
Не прошепталъ бы: „страшная судьба!
Но почему ей все вдругъ измѣнило?"
Гдѣ честь твоя? гдѣ гордая отвага,
Гдѣ мужество, Италія, твое?
Кто вырвалъ мечъ изъ рукъ
Кто могъ тебя предать?
Насиліемъ иль хитростью былъ сорванъ
Твой пышный плащъ,—твой золотой уборъ?
Съ былыхъ высотъ—упасть въ такую бездну!
Но гдѣ жъ твои защитники? гдѣ ревность
Твоихъ дѣтей?
— Оружье дайте мнѣ!
О, я одинъ, одинъ пойду на битву;
Пусть лягу тамъ, но кровь моя зажжетъ
Былымъ огнемъ отвагу итальянцевъ!

Сыны отчизны—гдѣ они? Я слышу
Трескъ барабановъ, трубы, стукъ колесъ —
Въ странѣ далекой бьются итальянцы.
Смотри, смотри, Италія! въ дыму,
Въ живомъ потокѣ конницы крылатой,
Блестятъ мечи, какъ молніи во мглѣ.
Но что съ тобой? въ мучительной тревогѣ
Не смѣешь глазъ поднять ты на дѣтей?
Боишься ты ихъ бѣгства, пораженья?
Ахъ, нѣтъ,—о, небо!—тамъ не за тебя,
За край чужой сражаются... Безумцы!
Не за дѣтей и женъ страны родной,—
Они погибнутъ за чужую славу,
И не шепнуть имъ сладко, умирая:

„Ты жизнь дала мнѣ, родина святая,
Я отдаю тебѣ ее — возьми!"

Благословенна доблестная древность:
Тогда на смерть за родину свою
Кидались всѣ! Благословенны вы,
Ѳессаліи угрюмыя ущелья,
Гдѣ оказались Персія и Рокъ
Слабѣе горсти эллинскихъ героевъ.
Донынѣ тамъ и горы, и ручьи,
Кусты, и камни, все твердитъ пришельцу
Невнятной рѣчью повѣсть о быломъ:
Какъ полегла дружина храбрыхъ грековъ,
До одного, въ тѣснинѣ Ѳермопилъ —
И Ксеркъсъ бѣжалъ! покрывъ себя позоромъ,
Свирѣпый трусъ бѣжалъ за Геллеспонтъ.
А на холмѣ Антелы, гдѣ герои
Безсмертіе свое купили кровью,
Всталъ Симонидъ; печально онъ обвелъ
Очами небо, море и долину;
Взволнованный, шатаясь, весь въ слезахъ,
Онъ лиру взялъ дрожащею рукою, —
И пѣснь звучала:
„Счастливы бойцы!
Вы грудью встали за родную землю.
Вамъ рукоплещетъ изумленный міръ
И молится спасенная Эллада!
Но что влекло васъ на жестокій бой?
Зачѣмъ искали вы кровавой смерти?
Какимъ огнемъ сіялъ послѣдній часъ
Для юныхъ душъ? Къ зловѣщей переправѣ
Вы шли безъ страха, съ радостнымъ лицомъ!
Казалось, вы спѣшили въ свѣтлый край,
Куда васъ звали пиршества и пляски...
А ждалъ васъ дикій Тартаръ
И мертвая волна!
И не было при васъ ни вашихъ женъ,
Ни сыновей; легли на полѣ битвы
Безъ поцѣлуевъ вы, безъ слезъ.
„Но за себя вы персамъ отомстили!
Какъ дикій левъ, прыжкомъ нагнавшій стадо

Степныхъ быковъ, на спины къ нимъ взлетитъ
И—въ ключья рветъ ихъ, душитъ и терзаетъ,
Такъ эллины, врываясь въ строй персидскій,
Несли имъ гнѣвъ и гибель. Люди, кони,
Разбитые повозки и шатры,
Все сбилось въ кучу въ бѣгствѣ изступленномъ
И первымъ, блѣденъ, перепуганъ на-смерть,
Бѣжалъ тиранъ. Скользя въ крови враговъ,
Ихъ безпощадно истребляли греки,
И гибли сами, раненые.

— Слава,
О, слава вамъ, счастливые герои,
Пока есть рѣчь живая на землѣ!

„Скорѣй сорвутся звѣзды съ высоты
И, зашипѣвъ, погаснутъ въ синемъ морѣ,
Чѣмъ ваша память свѣтлая замретъ,
Иль къ ней любовь въ потомкахъ ослабѣетъ.
Могила ваша—доблести алтарь.
Къ ней приведутъ дѣтей молиться жены
И скажутъ имъ: такъ умирали встарь!
Я падаю предъ вами на колѣни,
Я здѣсь цѣлую каждую былинку
И каждый камень,—изъ конца въ конецъ
По всей землѣ прославленный навѣки.

Зачѣмъ не могъ я вмѣстѣ съ вами пасть
И напоить родную землю кровью!
Судьба не такъ рѣшила; за Элладу
Я не сомкнулъ въ бою усталыхъ глазъ...
Но если бъ имя вашего пѣвца
Могло въ вѣкахъ сродниться съ вашей славой,
И только съ ней, какъ тѣнь, и умереть!“

Ив. Тхоржевскій.

Искатель.

О, прекрасная пустыня!
Пріими мя въ свою густыню.

Народный стихъ.

Пришелъ я въ крайнія пустыни,
Брожу въ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ путей,
И долго мнѣ не быть отнынѣ
Среди ликующихъ людей!

За мной послѣдняя просѣка,
Въ грозящей чащѣ нѣтъ слѣда.
Въ напѣвы птицъ зовъ человѣка
Здѣсь не врывался никогда.

Что я увижу? Что узнаю?
Какъ примутъ тишину мечты?
Какъ будутъ радоваться маю,
Встрѣчая странные цвѣты?

Быть можетъ, на тропахъ звѣриныхъ,
Въ зеленыхъ тайнахъ одичавъ,
Навѣкъ останусь я въ лощинахъ
Впивать дыханье жгучихъ травъ.

Быть можетъ, заблудясь, устану,
Умру въ травѣ подъ шелестъ змѣй,
И долго черезъ ту поляну
Не перевьется слѣдъ ничей.

А, можетъ, вѣренъ путь, и вскорѣ
Настанетъ невозможный часъ,
И минетъ лѣсъ—и глянетъ море
Въ глаза мнѣ милліономъ глазъ.

Валерій Брюсовъ.

СМЕРТЬ.

Изъ П. Шелли.

Смерть всюду, всегда, неизмѣнно. Неразлучна съ
ней жизнь золотая.
Смертью дышетъ небесная твердь,
И все, что живетъ, что трепещетъ, на зарѣ рас-
цвѣтая.
И въ насъ пріютилася смерть.

Сперва умираютъ восторги, а потомъ опасенья,
надежды,—
И ужъ не на что больше смотрѣть;
И прахъ наклоняется къ праху, закрываются
вѣжды,
И мы, мы должны умереть.

Все гибнетъ, надъ чѣмъ наше сердце беззавѣтной
любовью горѣло,
Разростается смертная тьма,—
И если бы то, что мы любимъ, умереть не хо-
тѣло,
Любовь умерла бы сама.

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Вечерняя звѣзда, звѣзда моей печали,
Зажглася и горитъ межъ дымныхъ облаковъ, —
Навстрѣчу ей огни земные заблистали, —
Огни труда, моленій и пировъ.
Но не для нихъ мучительно и властно
Въ моей душѣ мечта пробуждена;
Земная ложь съ мечтами не согласна
И пѣснями не тѣшится она.

Меня влечетъ звѣзда моей печали,
И пѣсни ей пою я въ полуснѣ,
Ея лучи мнѣ тайну нашептали
Иныхъ огней въ волшебной сторонѣ, —
Иныхъ огней—на алтарѣ небесномъ
Пылающихъ измученнымъ очамъ
Земныхъ борцовъ сіяньемъ неизвѣстнымъ,
Лишь въ смутныхъ снахъ являющимся намъ...

К. М. Фофановъ.

Розы.

Розы, роскошныя бѣлыя розы,
Смяты безжалостно-грубой рукой;
На лепесткахъ, окропленныхъ росой,
Точно бриліанты, играя порой,
Ярко блестятъ серебристыя слезы.
Васъ пощадили весеннія грозы,
Вамъ не страшны были даже морозы:
Въ свѣтлой теплицѣ, подъ солнца лучемъ,
Вы расцвѣтали, какъ юныя грезы
Въ сердцѣ порою цвѣтутъ молодомъ.
Если природа васъ долго щадила,—
Не пощадила васъ прихоть людей;
Тамъ, гдѣ не ждали, тамъ ваша могила...
Брошены кѣмъ-то, лежите уныло
Вы на дорожкахъ душистыхъ аллей...
Такъ, зачастую, за наши стремленья
Мы не боимся тревогъ и борьбы,
Чужды боязни и чужды сомнѣнья...
Годы идутъ... Но довольно мгновенья,
Чтобы васъ смяло капризомъ судьбы.

Ниркомскій.

М. И. Жвирблисъ.

„НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА“.

Ты помнишь скамейку на дальней дорожкѣ,
Гдѣ липовый сводъ былъ такъ густъ и высокъ,
Гдѣ какъ-то случайно съ споткнувшейся ножки
Упалъ на траву башмачекъ?
Ты помнишь ли трепетъ любви и смущенья,
И сладость блаженства въ минуту забвенья,—
Взаимнаго чувства невольный порывъ?
Волшебные сны!.. Ты забудешь ли ихъ?
О, вѣрь мнѣ, безумно захочешь ты снова
Вернуть на мгновенье хоть призракъ былого —
Не вырвать изъ памяти счастья года, —
Не забыть никогда, не забыть никогда!

Ты помнишь, какъ чары весенней природы
Сводили насъ дивною властью своей,

Дразнили возможностью тайной свободы,
Мерцаніемъ свѣтлыхъ ночей?
Ты помнишь ли наши вечернія встрѣчи,
Горячія ласки, завѣтныя рѣчи?
Весны золотой невозвратные дни,
Какъ пѣсни любви отзвучали они!
О, вѣрь мнѣ, нигдѣ не найдемъ мы забвенья, —
Минувшаго счастья возстанутъ видѣнья,
Отъ нихъ намъ всю жизнь не уйти никуда ..
Не забыть никогда, не забыть никогда!

Ты помнишь, какъ нѣжилъ насъ вѣтеръ душистый,
На мысль навѣвая истому и лѣнь,
Какъ долго искали мы чащи тѣнистой
Въ іюньскій томительный день?
А солнце палящими жгло насъ лучами,
И мучило насъ, и смѣялось надъ нами,
Стараясь сквозь вѣтви деревьевъ взглянуть
На русыя косы, на бѣлую грудь.
О, вѣрь мнѣ, напрасно, отдавшись надеждѣ,
Захочешь ты жизнью упиться, какъ прежде,—
Минувшіе дни отошли безъ слѣда...
Не вернуть никогда, не вернуть никогда!

Ты помнишь, какъ въ сумракѣ темнаго парка
Мы часто бродили въ полуночный часъ,
И звѣзды сіяли такъ чудно, такъ ярко,
Съ любовью взирая на насъ?
А старыя сосны, въ безмолвной печали,
Вершинами хвойными грустно качали,
Да съ вѣтки черемухи пѣсней своей
Влюбленную пару встрѣчалъ соловей...
О, вѣрь мнѣ, безсмертны такія мгновенья,
Въ нихъ рая блаженство, въ нихъ ада мученья,
Ихъ сердце съ тоской сохранитъ навсегда...
Не забыть никогда, не забыть никогда!

Ты помнишь, какъ жарко тебя я любила,
Какъ страсть разгоралась сильнѣй и сильнѣй?
Казалось, ни время, ни жизнь, ни могила
Любви не измѣнятъ моей.

Съ тобой я готова была на изгнанье,
На горе и муки, на смерть и страданье, —
Но съ первымъ дыханьемъ холодной зимы
Спокойно и гордо разстались мы.
О, вѣрь мнѣ, разлука не можетъ быть вѣчна,
Затѣмъ, что люблю я тебя безконечно!
Пусть прежняго счастья померкла звѣзда, —
Мнѣ тебя не забыть, не забыть никогда!

М. А. Лохвицкая.

* * *

Въ глухую ночь моей печали,
Въ туманъ холодный темныхъ думъ
Цвѣты весенніе упали,
Ворвался сосенъ свѣжій шумъ.
И прозвенѣлъ весенней лаской
Въ зеленомъ шопотѣ вѣтвей
Далекою, забытой сказкой
Твой звонкій смѣхъ въ душѣ моей.
Зеленыхъ сосенъ гулъ надъ нами,
Въ моей душѣ твой милый взглядъ,
Вдаль облака за облаками
Мечтами свѣтлыми скользятъ
И таютъ въ морѣ синей дали...
И падаютъ любви твоей
Цвѣты въ туманъ моей печали,
Въ глухую ночь души моей.

Леонидъ Андрусонъ.

Тѣни на стѣнѣ.

Вотъ прошелъ король съ зубчатымъ,
Пляшущимъ вѣнцомъ,
Шутъ прошелъ въ плащѣ крылатомъ
Съ круглымъ бубенцомъ.

Дамы съ шлейфами, пажами
Въ розовыхъ тѣняхъ,
Рыцарь съ темными цѣпями
На стальныхъ рукахъ.

Ахъ, къ походкѣ вашей, рыцарь,
Шелъ бы длинный мечъ.

Подъ забраломъ вашимъ, рыцарь,
Нѣжный взоръ желанныхъ встрѣчъ.

Ахъ, пѣтушій гребень, рыцарь,
Вашъ украсилъ шлемъ!

Ахъ, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачѣмъ?

Къ нашимъ сказкамъ, милый рыцарь,
Приклоните слухъ.

Эти розы, милый рыцарь,
Подарилъ мнѣ другъ.

Эти розаны мнѣ, рыцарь,
Милый другъ принесъ.

Ахъ! Вы сами въ сказкѣ, рыцарь,
Вамъ не надо розъ.

Александръ Блокъ.

СОНЕТЪ.

Изъ Ф. Петрарки.

Когда порой меня томитъ страданье,
Въ безмолвный часъ передъ закатомъ дня.
Я вспоминаю кроткое сіянье
Лучей любви, сіявшей для меня.
Когда разсвѣтъ льстъ блѣдное мерцанье,
И колоколъ зарю привѣтствуетъ звеня,
Ласкаютъ душу мнѣ любви воспоминанья,
Докучныя заботы прочь гоня.
И сердцу, сладкое дыханье ощущая,
Я слышу рѣчи, вижу я черты
Подобной небу, чистой красоты.
И мнится мнѣ, что я блаженствомъ рая
Живу въ тотъ мигъ и радостный покой
Вдыхаю я усталою душой.

В. П. Буренинъ.

Доброй ночи.

Изъ П. Б. Шелли.

Доброй ночи?—О, нѣтъ дорогая! Она
Не добра, если гонитъ любовь мою прочь;
Проведемъ ее вмѣстѣ съ тобою безъ сна,
И тогда будетъ добрая ночь!

Развѣ можетъ быть добрая ночь безъ тебя?
Развѣ въ силахъ я грусть о тебѣ превозмочь?
Нѣтъ, весь міръ позабыть, трепеща и любя,—
Это добрая ночь!

Ночь лишь тѣмъ хороша, что мы ночью нѣжнѣй,
Отъ влюбленныхъ сердецъ скорбь уносится прочь,
Но не будемъ совсѣмъ говорить мы о ней,—
И тогда будетъ добрая ночь!

К. Д. Бальмонтъ.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА.

Въ брилліантовой коронѣ,
Въ пышномъ гротѣ ледяномъ
Царь-Морозъ сидитъ на тронѣ,
Крытымъ чистымъ серебромъ.
Борода его сѣдая
Вся алмазами горитъ;
Синій плащъ, какъ жаръ, сіяя,
Съ богатырскихъ плечъ виситъ.
Но старикъ одинъ. Угрюмо
Предался своимъ мечтамъ,
И упалъ, скользнувъ безъ шума,
Скипетръ къ царственнымъ ногамъ.

Что за притча! Вѣкъ не снилось —
Снится вотъ ужъ третій день:
Будто съ трескомъ откатилась
Трона верхняя ступень,
Будто перстень драгоцѣнный
У него съ руки пропалъ,
Будто витязь дерзновенный
Дочь-красу его укралъ...

Встать онъ хочетъ; въ нетерпѣньи
Хочетъ кликнуть вѣрныхъ слугъ...
Вдругъ онъ вздрогнулъ: въ изумленьи
Непонятный слышитъ звукъ.
Точно въ бурный часъ прибоя
Валъ морской пророкоталъ,
Точно въ жаркой схваткѣ боя
Стукъ оружья прозвучалъ.
Вотъ опять... И задрожали
Стѣнъ хрустальные столпы:
Налетѣли, застонали
Сѣдовласыхъ вьюгъ толпы.
Съ искаженными чертами,
Съ воплемъ ужаса въ груди:
„Царь, спасайся! Врагъ за нами

Съ царь-Дѣвицей впереди...
Сосчитать нѣтъ силы-мочи
Свѣтлыхъ витязей Весны—
Шлемы, копья... Наши очи
Блескомъ ихъ ослѣплены...
И не робкій бы отпрянулъ,
Только-бъ издали взглянулъ..

То не громъ ли съ неба грянулъ,
Не перунъ ли проблеснулъ!
Всталъ старикъ, могучій, смѣлый,
Снова юнъ, отваги полнъ;
Взоръ горитъ и сыплетъ стрѣлы,
Ходитъ грудь, какъ въ бурю челнъ.
Топнулъ съ окрикомъ ногою!
Въ гнѣвѣ машетъ бородой
И надъ робкою толпою
Тяжкой движетъ булавой.
Вихрь поднялся съ шумомъ, свистомъ,
Въ страхѣ весь чертогъ дрожитъ...
И далече въ полѣ чистомъ
Богатырь уже летитъ.
Гдѣ тряхнетъ онъ бородою—
Темный боръ посеребритъ,
Гдѣ взмахнетъ лишь булавою—
Воды рѣкъ окостенитъ.
Дунетъ—небо одѣваетъ
Въ бѣлый саванъ облаковъ,
Снѣгъ и иней вытряхаетъ
Изъ косматыхъ рукавовъ.
А узоры ткетъ—царевнамъ
Не шивать такихъ!—Но вдругъ
Онъ застылъ въ движеньи гнѣвномъ,
Смотритъ пристально вокругъ.

Тишину полей безбрежныхъ
Звукъ невѣдомый прервалъ:
Точно крыльевъ плавныхъ, нѣжныхъ
Шелестъ мягкій пробѣжалъ...
И вдали, во тьмѣ неясной,
Промелькнулъ и скрылся вмигъ

Чей-то царственно прекрасный,
Улыбающійся ликъ.

И кругомъ все просвѣтлѣло,
Порвались оковы сна:
Дрогнулъ лѣсъ оцѣпенѣлый,
Всколыхнулася волна...
Первый жаворонокъ грянулъ
Пѣсню первую любви,
И подснѣжникъ первый глянулъ,
И запѣли ручейки,—
Зазвенѣли, покатились
Огнеструйнымъ серебромъ;
Муравьи закопошились
Въ сонномъ городѣ своемъ;
И изъ келейки подпольной,
Прерывая долгій сонъ,
На просторъ степной раздольный
Пчелка вылетѣла вонъ.
Все покорно властнымъ чарамъ!
Кто жъ онъ, тайный лиходѣй?..
И стоитъ въ безсильи яромъ
Изумленный чародѣй.
— „Гей вы, слуги!"—Гдѣ же слуги?
Вотъ ихъ вѣрность какова!
А въ глазахъ пестрѣютъ круги,
Тяжелѣетъ голова.
Гнутся гордыя колѣни...
Полонъ вѣщихъ сновъ и грезъ
И томящей сладкой лѣни,
Таетъ, таетъ царь-Морозъ.
Солнце красное неслышно
Льетъ тепла живой потокъ,
И Весна-царица пышно
Входитъ въ свѣтлый свой чертогъ.

П. Я.

В. Брюсовъ.

Одиночество.

Проходятъ дни, проходятъ сроки,
Свободы тщетно жаждемъ мы,
Мы безпощадно одиноки
На днѣ своей души—тюрьмы!
Присуждены мы къ вѣчной кельѣ,
И въ наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Такъ дьявольски искажено.
Напрасно жизнь проходитъ рядомъ
За днями день, за годомъ годъ.
Мы лжемъ любовью, словомъ, взглядомъ,—
Вся сущность человѣка лжетъ!
Нѣтъ силъ сказать, нѣтъ силъ услышать,
Невластно ухо, мертвъ языкъ.

Лишь время знастъ, чѣмъ утишить
Безумно вопіющій крикъ.
Срывай послѣднія одежды
И грудью всей на грудь прильни, —
Порывъ безсиленъ! нѣтъ надежды!
И въ самой страсти мы одни!
Нѣтъ единенья, нѣтъ сліянья—
Есть только смутная алчба,
Да согласованность желанья,
Да равнодушіе раба.
Напрасно духъ о сводъ желѣзный
Стучится крыльями, скользя.
Онъ вѣчно здѣсь, надъ той же бездной:
Упасть въ сосѣднюю—нельзя!
И путникъ, по срединѣ луга,
Кругомъ бросаетъ тщетный взоръ:
Мы вѣчно, вѣчно въ центрѣ круга,
И вѣчно замкнутъ кругозоръ!

В. Брюсовъ.

КЪ ЕЛЕНѢ.

Изъ Эдгара Поэ.

Я видѣлъ разъ тебя—и только разъ—
Давнымъ давно, іюльской ясной ночью.
Съ луны, которая, какъ и твоя душа,
По небу смѣло путь свой пролагала
На крыльяхъ сна, струился тихій свѣтъ
И серебристой дымкою ложился
На лепестки и чаши спящихъ розъ,
Красавицъ заколдованнаго сада,
Гдѣ даже вѣтръ едва скользилъ украдкой;
Лился на розы онъ, и дремлющія розы,
Признательны за свѣтъ и за любовь,
Благоуханіемъ ночнымъ курились;—

Лился на лики спящихъ розъ, и розы,
Обвороженныя твоимъ привѣтомъ,
Подъ ласкою твоей съ улыбкой умирали...

Вся въ бѣломъ, ты лежала на холмѣ,
Увѣнчанномъ фіалками; а мѣсяцъ
Свой кроткій свѣтъ на розы проливалъ
И ярко озарялъ твой ликъ прекрасный
И озабоченно на небо устремленный...
То не судьба ль съ сестрой своей заботой—
То не судьба ль іюльской чуткой ночью
Меня остановила передъ садомъ,
Дыханьемъ розъ полуночныхъ упиться?..

Спалъ злобный міръ въ беззвучной тишинѣ,
Лишь мы одни не спали—я да ты,—
Лишь я да ты!.. Какъ оба эти слова
Волнуютъ сердце мнѣ!.. Стоялъ я и глядѣлъ,—
И вдругъ передо мною все исчезло—
(Я ужъ сказалъ, что садъ былъ заколдованъ):
Дрожа, угасъ жемчужный блескъ луны,
Изгладились садовыя дорожки,—
Холмъ и цвѣты, смолкъ тихій шелестъ листьевъ
И даже разъ благоуханныхъ запахъ
Въ объятьяхъ воздуха ночного замеръ...

Все, все вокругъ исчезло—но не ты,
Не яркій свѣтъ божественныхъ очей,
Твоей душой небесной озаренныхъ!
Я видѣлъ только ихъ, — въ нихъ былъ весь міръ мой,—
Я видѣлъ только ихъ—но ахъ! недолго,
Недолго лишь—пока не скрылся мѣсяцъ...
Какія письмена сердечныхъ мукъ
Я прочиталъ въ сіяньи звѣздъ небесныхъ,
Какую скорбь, высокую надежду,
При мужествѣ глубокую любовь
И непонятное сердечное влеченье!

Но вотъ совсѣмъ Діаны свѣтлый ликъ
На западѣ за тучами сокрылся,
И ты скользнула предо мной, какъ духъ,

И межъ деревьями исчезла. Только
Твои глаза навѣкъ со мной остались
И, озаряя путь унылый мой,
Они одни изъ всѣхъ моихъ надеждъ
Не меркнутъ и не ведутъ меня по жизни,
Какъ властелины своего раба.
Ихъ свѣтъ еще не гаснулъ предо мной,
И я всецѣло отдаюсь ихъ власти,
Чтобъ въ ихъ огнѣ волшебномъ очищаться
И душу освящать въ небесномъ блескѣ ихъ.
Они мнѣ въ душу красоту вливаютъ,
Которая надеждою зовется;
Они мои немеркнущія звѣзды,
Которымъ я средь ночи поклоняюсь;
И даже въ блескѣ знойнаго полудня
Я вижу ихъ, какъ два вѣнца лучистыхъ,
Двѣ утреннихъ звѣзды, блестящихъ ярче солнца...

Ф. В. Чернигoвецъ.

* *
*

Изъ П. Туріана.

Если бъ розы вешней
Цвѣтъ не могъ напомнить
Щечку дѣвы нѣжной,—
Кто любилъ бы розу?

Если бъ съ синимъ небомъ
Не могли поспорить
Голубые глазки,—
Кто-бъ взглянулъ на небо?

Не была бы дѣва
Такъ чиста, прекрасна,—
Гдѣ прочло бы сердце
О небесномъ Богѣ?..

Ю. Веселовскій.

SEMPER IDEM.

Изъ А. Асныка.

Безсмѣнна, какъ всегда, волна живыхъ явленій,
Обыденной чредой мѣняющихъ свой видъ—
И нынче, какъ вчера, вся въ дымкѣ сновидѣній,
Готовя солнцу тронъ, заря огнемъ горитъ.
Намъ новая весна несетъ былыя чары:
И зелень, и цвѣты, и блескъ, и ароматъ,
И тѣ же хоры птицъ въ тѣни лѣсовъ звенятъ...
Слетаютъ грезы къ намъ, но грезы эти—стары!
Знакомый рядъ утѣхъ плѣняетъ намъ сердца,
Какъ будто ту же нить все тянешь изъ кудели —
И жалобы людей, и вздохи безъ конца
Среди пучины бѣдъ—всегда они не тѣ ли?
Но блескъ зари межъ тѣмъ, но чудный гимнъ весны,
И море, и земля, и неба сводъ лазурный,
Стремленье къ лучшему, жизнь молодости бурной,
Сомнѣнье и тоска, и розовые сны
И призрачной любви пріятныя оковы
Всегда такъ дороги, такъ новы!

Мих. Гербановскій.

ГИМНЪ ЮНОСТИ.

Да здравствуетъ юность, мятежная юность!
Какъ майское утро—ясна,
Какъ ясное солнце—свѣтла и прекрасна,
Да здравствуетъ вѣчно она..

Изъ свѣтлаго рая, далекаго рая,
На крыльяхъ мечты золотой,

Слетѣла на землю посланница Бога
Съ улыбкой своей неземной.
Увѣнчана яркой, безсмертною славой,
Съ лавровымъ вѣнкомъ на челѣ,
Съ восторженнымъ гимномъ любви и свободѣ,
Предстала она на землѣ...
И все улыбнулось посланницѣ рая...
Года и вѣка протекли:
Счастливая юность, мятежная юность,
Какъ прежде, царица земли.
Какъ прежде, богата надеждой и вѣрой,
И гордою волей сильна,
Къ лазурному небу, къ великому солнцу
Стремится и рвется она ..
И въ этомъ порывѣ, свободномъ и властномъ,
Слабѣющихъ силъ не щадитъ:
Незыблемый свѣточъ познанья и правды
Такъ чудно предъ нею горитъ,
Горитъ онъ и манитъ, зоветъ онъ къ побѣдѣ...
И юность покорно идетъ,
На жертвенникъ правды и волю, и вѣру,
И счастье свое отдаетъ...
Да здравствуетъ юность, мятежная юность!
Какъ майское утро—ясна,
Какъ ясное солнце—свѣтла и прекрасна,
Да здравствуетъ вѣчно она!...

Г. Вяткинъ.

Пржибылко-Потоцкая.

* *
*

Изъ М. Конопницкой.

Легкій сумракъ мягкой дымкой
Заслонилъ закатъ.
Мгла несетъ мнѣ невидимкой
Пѣсню нивъ и хатъ.
Слышу, слышу откликъ дальній
Всѣхъ земныхъ сторонъ...
Полно плакать, міръ печальный!
Близокъ мирный сонъ.

Въ вѣщихъ грезахъ смутно блещетъ
Новый лучшій день,
Въ чащахъ линій свѣтъ трепещетъ
Сквозь слѣпую тѣнь.
Смолкни, смолкни, міръ мятежный!

Пусть замретъ твой стонъ...
Сумракъ вьется дымкой нѣжной,
Близокъ мирный сонъ.

Скорбныхъ жалобъ рой туманный
Отлетаетъ прочь,
Вотъ свой пологъ въ звѣзды тканный
Развернула ночь.
Гдѣ-то слышенъ запоздалый
Колокольный звонъ.
Смолкни, смолкни, міръ усталый!
Близокъ мирный сонъ...

Танъ.

ЖРЕЦЪ БОГИНИ ГЕРТЫ.

Поэма Р. Гамерлинга.

На сѣверномъ прибрежьѣ, у свинцовыхъ
Шумящихъ волнъ, въ тѣни вѣтвей сосновыхъ
Богини жрецъ задумчиво сидѣлъ.
И странныхъ думъ кружилась вереница
Въ его мозгу, и взоръ его горѣлъ...
Невдалекѣ богини колесница
Виднѣлася, передъ которой всѣ
Склонялися, хотя никто доселѣ—
И самые жрецы—не лицезрѣли
Богини ликъ во всей его красѣ:
Алтарь ея, скрываемъ темной тканью,
Былъ недоступенъ смертныхъ созерцанью.

Но юнаго жреца все существо
Безуміе желанья охватило,
Оно росло съ неудержимой силой:
Онъ хочетъ знать и видѣть божество!

Онъ поднялся, и къ алтарю богини,
Не трепетнымъ хранителемъ святыни
Приблизился,—но, блѣденъ и суровъ,
Какъ дерзкій воръ, сорвалъ съ нея покровъ.
И что же?.. Тамъ, гдѣ, тайну нарушая,
Не стаивалъ досель еще никто—
Лишь пустота зіяла роковая,
Зіяло грозное н и ч т о.

Но взоръ его все ярче разгорался
И въ пустоту проникнуть онъ старался,
А тьма кругомъ зіяла все мрачнѣй,
Зловѣщѣе; какъ хлопья снѣговыя,
Передъ глазами искры огневыя
Кружилися и вихрилися въ ней...
А онъ глядѣлъ. Предъ нимъ—безумно-дики
Являлися чудовищные лики
И странныя видѣнья безъ числа,
Дышавшія презрѣніемъ и гнѣвомъ...
И ширилася бездна и росла
У ногъ его, готовясь страшнымъ зѣвомъ
Пожрать его и цѣлый міръ...
И онъ
Отпрянулъ вдругъ, и, страхомъ ослѣпленъ,
Онъ ринулся въ бушующее море.

Тогда жрецы воскликнули:—О, горе!
Онъ палъ, огнемъ священнымъ опаленъ,
Приблизившись къ своей богинѣ Гертѣ!
Никто не зналъ, что самъ на встрѣчу смерти
Онъ кинулся безумно съ высоты—
Испуганъ, ослѣпленъ зіяньемъ пустоты.

О. Михайлова.

* *
*

Далекіе міры, какъ огненныя зерна,
Мерцаютъ надъ землей спокойно по ночамъ,
И мы на нихъ глядимъ и страстно и упорно,
И тайнамъ ихъ дивясь, мы учимся мечтамъ.
Мнѣ говорятъ они: „воздушною стезею
Безъ цѣли мы плывемъ, какъ грезы божества.
Ты—слабый человѣкъ, ты—скованный землею,
Но и тебѣ, какъ намъ, даны свои права!"
Волшебная мечта, таинственная дума—
Не тѣ же ли міры? Твой духъ, какъ небеса,
Въ нихъ тайны вѣчныхъ сновъ текутъ, какъ мы, безъ шума
И тихія свои свершаютъ чудеса.
Мы смотримся въ тебя, какъ ты въ эфиръ надзвѣздный,
Мы проникаемъ въ глубь и сердца и ума...
И вѣчность насъ страшитъ загадочною бездной
И мнится намъ: въ тебѣ не вѣчность ли сама?

К. Фофановъ.

ПЕРВЫЯ ВСТРѢЧИ.

Какъ любилъ я, какъ люблю я эту робость первыхъ встрѣчъ,
Эту бѣглость поцѣлуя и прерывистую рѣчь!

Какъ люблю я, какъ люблю я эти милыя слова, —
Ихъ напѣвъ не позабылъ я, ихъ душа во мнѣ жива.

Я отъ ласковыхъ признаній, я отъ нѣжныхъ просьбъ отвыкъ,
Сталъ мнѣ близокъ крикъ желаній, страсти яростный языкъ,

Всѣ слова, какія мучатъ воспаленныя уста
Въ часъ, когда безстыдству учатъ темнота и нагота!

Изъ восторговъ и уныній я влекусь на голосъ твой,
Какъ изгнанникъ, на чужбинѣ услыхавшій зовъ родной.

Здѣсь въ саду, гдѣ дышатъ тѣни, здѣсь, гдѣ въ сумракѣ свѣтло,
Быстрой поступью мгновеній вновь былое подошло.

Вижу губы въ легкой сѣти ускользающихъ тѣней.
Мы вѣдь дѣти! всѣ мы дѣти, мотыльки вокругъ огней!

Ты укрыла, уклонила въ темноту смущенный взглядъ...
Это было! все, что было, возвратилъ вечерній садъ.

Страсти сны намъ только снятся, но душа проснется вновь,
Вѣчнымъ свѣтомъ загорятся—лишь влюбленность, лишь любовь!

Валерій Брюсовъ.

Старыя мысли.

Хожу, брожу понурый,
Одинъ въ своей норѣ.
Придетъ шарманщикъ хмурый,
Заплачетъ на дворѣ.

О той свободной долѣ,
Что мнѣ не суждена,
О томъ, что вѣтеръ въ полѣ,
А на дворѣ—весна.

А мнѣ—какое дѣло?
Брожу одинъ, забытъ.
И свѣчка догорѣла,
И маятникъ стучитъ.

Одна, одна надежда
Вонъ тамъ—въ ея окнѣ.
Свѣтла ея одежда,
Она придетъ ко мнѣ.

А я, нахмуривъ брови,
Ей въ сотый передамъ, —
Какъ много портилъ крови
Знакомымъ и друзьямъ...

И снова будетъ сладко,
И тихо, и тепло.
Въ углу горитъ лампадка,
На сердцѣ отлегло...

Зачѣмъ она приходитъ
Со мною говорить?
Зачѣмъ въ иглу проводитъ
Веселенькую нитъ?

Зачѣмъ она роняетъ
Веселыя слова?
Зачѣмъ лицо склоняетъ
И прячетъ въ кружева?

Какъ холодно и тѣсно,
Когда ея здѣсь нѣтъ!
Какъ долго неизвѣстно,
Блеснетъ ли въ окнахъ свѣтъ!

Лицо мое блѣднѣе,
Чѣмъ бѣлая стѣна...
Опять, опять сробѣю,
Когда придетъ она...

Вѣдь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказаться?..
Но можно ли сказать?..

И что ей молвить—нѣжной?
Что сердце расцвѣло?
Что вѣтеръ вѣетъ снѣжный?
Что въ комнатѣ свѣтло?

Александръ Блокъ.

А. Вишневскій.

Змѣй Тугаринъ.

БЫЛИНА.

1.

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ,
Близь стольнаго Кіева — града,
Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

2.

И молвитъ Владиміръ: Что-жъ нѣту пѣвцовъ?
Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада!
И вотъ незнакомый изъ дальнихъ рядовъ
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ —
Ой, ладо, ой, ладушко ладо!

3.

Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ:
— Ай, рожа, ай, страшная рожа!

4.

И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ
— Владычество смѣлымъ награда!
Ты, княже, могучъ и казною богатъ.
И помнитъ ладьи твои дальній Царьградъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

5.

Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ,
Настанетъ тяжелое время,
Обнимутъ твой Кіевъ и пламя, и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
Держать золоченое стремя!

6.

И вспыхнулъ Владиміръ при словѣ такомъ,
Въ очахъ загорѣлась досада,
Но вдругъ засмѣялся, и хохотъ кругомъ
Въ рядахъ прокатился, какъ по-небу громъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

7.

Смѣется Владиміръ и съ нимъ сыновья,
Смѣется, потупясь, княгиня,
Смѣются бояре, смѣются князья,
Удалый Поповичъ, и старый Илья,
И смѣлый Никитичъ Добрыня.

8.

Пѣвецъ продолжаетъ: — Смѣшна моя вѣсть,
И вашему уху обидна?

Кто могъ бы изъ васъ оскорбленіе снесть!
Безцѣнное русскимъ сокровище честь,
Ихъ клятва: Да будетъ мнѣ стыдно!

9.

На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ,
Обиды смываетъ съ нихъ цоле —
Но дни, погодите, иные придутъ,
И честь, государи, замѣнитъ вамъ кнутъ,
А вѣче—казанская воля!

10.

— Стой, молвитъ Илья, твой хоть голосъ и чистъ
Да пѣсня твоя непригожа!
Былъ воръ Соловей, какъ и ты, голосистъ,
Да я пятерней приглушилъ его свистъ —
Съ тобой не случилось бы то же!

11.

Пѣвецъ продолжаетъ: — И время придетъ:
Уступитъ нашъ ханъ христіанамъ,
И снова подымется русскій народъ,
И землю единый изъ васъ соберетъ
Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.

12.

И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своемъ,
Подобенъ кумиру средь храма,
И будетъ онъ спины вамъ бить батожьемъ,
А вы ему стукать да стукать челомъ —
Ой, срама, ой, горькаго срама!

13.

— Стой, молвитъ Поповичъ, хоть дюжій твой ростъ,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла разъ корова къ отцу на погостъ,
Махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ —
Тебѣ не было бы того же!

14.

Но тотъ продолжаетъ, осклабивши пасть:
— Обычай вы нашъ переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вотъ, наглотавши татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!

15.

— Стой! молвилъ, поднявшись, Добрыня, не смѣй
Пророчить такого намъ горя!
Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей:
Ты—старый Тугаринъ, поганый тотъ змѣй,
Приплывшій отъ Чернаго моря!

16.

И началъ Добрыня натягивать лукъ,
И вотъ, на потѣху народу,
Струны богатырской послышавши звукъ,
Во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ
И съ шипомъ бросается въ воду.

17.

Смѣется Владиміръ: — Вишь выдумалъ намъ
Какимъ угрожать онъ позоромъ!
Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!
Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
Чтобъ мы повернулись къ Обдорамъ!

18.

Нѣтъ, шутишь! Живетъ наша русская Русь,
Татарской намъ Руси на надо!
Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь,
За честь нашей родины я не боюсь—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

19.

А если-бъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!
Бываетъ, промолвилъ свѣтъ-солнышко князь,

Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
Купаться въ ней—свиньи лишь могутъ!

20.

Подайте-жъ мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ сѣчѣ,
Добытую съ ханомъ хазарскимъ въ бою —
За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!

21.

За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новограда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ, —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

А. Толстой.

СОНЕТЪ.

Изъ Ф. Петрарки.

Теперь, какъ все молчитъ на всемъ земномъ просторѣ,
И сонъ, ліясь съ небесъ, смыкаетъ всѣмъ зеницы,
И ночь нисходитъ въ міръ со свѣздной колесницы,
И на одрѣ своемъ, безъ волнъ, почіетъ море, —
Я бодрствую, горю и плачу въ вѣчномъ спорѣ
Съ тѣмъ милымъ существомъ, кто стражъ моей темницы;
Кипитъ война во мнѣ, и лишь своей царицы
Припоминая ликъ, я утоляю горе.
Такъ вѣчно льетъ одинъ и тотъ же токъ прозрачный
И сладкій медъ, и желчь, и ими я питаюсь:

Одна и та жъ рука разитъ меня и лѣчитъ.
И чтобъ бороться вѣкъ съ моей любовью мрачной,
Сто разъ во дню я мру и столько жъ возрождаюсь:
Такъ все одно съ другимъ во мнѣ противорѣчитъ.

Д. И. Минъ.

Сумерки боговъ.

Изъ Г. Гейне.

Май наступилъ съ своимъ блестящимъ солнцемъ,
И пряными дыханьями цвѣтовъ,
И воздухомъ шелковымъ, и манитъ
Привѣтливо деревьевъ бѣлымъ цвѣтомъ.
И ласковое „здравствуй" говоритъ
Изъ тысячъ глазъ фіалокъ голубыхъ
И широко раскидываетъ пышный,
Весь протканый росой и блескомъ солнца,
Разубранный цвѣточками коверъ,
И на него зоветъ людское племя.
Тупой народъ зву первому послушенъ:
Мужчины надѣваютъ сюртуки
Воскресные и нанковые брюки,
Прекрасный полъ облекся въ бѣлый цвѣтъ
Невинности; поэты запаслись
Карандашемъ, бумагой и лорнеткой —
И за городъ идетъ толпа, ликуя,
Ложится тамъ на мягкой муравѣ,
Дивится, какъ кусты растутъ прилежно,
И пестрыми цвѣточками играетъ,
И слушаетъ веселыхъ птичекъ пѣнье,
И своего веселья громкій крикъ
Шлетъ въ вышину, до голубого неба.
Май и ко мнѣ пришелъ. Три раза стукнулъ
Онъ въ дверь мою и крикнулъ мнѣ: „Я май!
Поди ко мнѣ, поди, мечтатель блѣдный,

Я и тебя хочу поцѣловать".
Не отомкнулъ я двери и отвѣтилъ:
Напрасно ты, злой гость, меня манишь!
Насквозь тебя я понялъ, я проникнулъ
Строеніе вселенной всей насквозь;
И много я, и глубоко я видѣлъ,
И нѣтъ теперь ужъ радости въ душѣ,
И муки вѣчныя терзаютъ сердце.
Я вижу все сквозь каменныя стѣны
Людскихъ построекъ и людскихъ сердецъ;
Въ тѣхъ и другихъ я вижу ложь и горе;
На лицахъ всѣхъ читаю злыя мысли:
Въ румянцѣ цѣломудрія у дѣвы
Желаній страстныхъ трепетъ вижу я,
На вдохновенно гордой головѣ
У юноши колпакъ дурацкій вижу —
И ничего я, кромѣ рожъ какихъ-то
И испитыхъ тѣней, на всей землѣ
Не нахожу, и что она—не знаю:
Больница ли, иль, сумасшедшій домъ...
Сквозь старую кору земли проникнулъ
Я взорами, какъ будто бы она
Изъ хрусталя—и вижу я тотъ ужасъ,
Который май напрасно хочетъ скрыть
Подъ зеленью веселой. Вижу мертвыхъ:
Тамъ, подъ землей, лежатъ они въ гробахъ,
Раскрывъ глаза, скрестивши руки. Бѣлы
Ихъ саваны и бѣлы лица ихъ,
И по губамъ ползутъ большіе черви.
Я вижу—сынъ на гробъ отца пришелъ
Съ любовницей своею посмѣяться:
Хоръ соловьевъ насмѣшливыя пѣсни
Кругомъ поетъ; цвѣточки полевые
Язвительно смѣются; всталъ въ гробу
Старикъ-отецъ, и вздрагиваетъ грустно,
Болѣзненно мать старая земля.

О, бѣдная земля! Я знаю, знаю
Всю боль твою, всѣ муки: вижу я
Кипучій жаръ въ груди твоей, я вижу,
Какъ льется кровь изъ тысячъ жилъ твоихъ

И какъ изъ ранъ, раскрывшихся широко,
Бьютъ съ силой вверхъ огонь, и дымъ, и кровь.
И вижу я сыновъ твоихъ-гигантовъ,
То племя древнее; изъ темныхъ безднъ
Встаютъ они, исполненные гнѣва,
Идутъ впередъ, и факелами машутъ
И лѣстницы желѣзныя несутъ,
И бѣшено по нимъ взлѣзаютъ къ небу...
За ними вслѣдъ свирѣпыхъ, черныхъ карлъ
Ползутъ толпы... Всѣ звѣзды золотыя
Ломаются и внизъ валятся съ трескомъ..
Съ небеснаго шатра рукою дерзкой
Рвутъ пришлецы завѣсы золотыя
И съ ревомъ внизъ кидаютъ свѣтлыхъ духовъ —
И на престолѣ сидя, блѣдный богъ
Срываетъ съ головы своей корону
И въ ужасѣ рветъ волосъ на себѣ.
И ближе все, и ближе подступаетъ
Свирѣпая и дикая толпа.
Въ широкую небесную обитель
Гиганты факелы свои кидаютъ,
А карлики бичами изъ огня
Бьютъ ангеловъ, за волосы хватаютъ,
И ангелы, отъ боли изгибаясь,
Летятъ стремглавъ отъ бѣшеныхъ толчковъ...
И собственный мой ангелъ тоже здѣсь,
Съ кудрями милыми, лицомъ прелестнымъ
И вѣчною любовью на устахъ,
И благостью въ лазурно-свѣтломъ взорѣ.
И вижу я, какъ черный, гадкій кобольдъ
Хватаетъ вдругъ тебя, мой бѣдный ангелъ,
На члены благородные твои
Любуется, оскаливъ страстно зубы,
И въ пылкія объятья заключаетъ...
И крикъ, пронзительный, ужасный крикъ,
Несется по вселенной. Съ страшнымъ трескомъ...
Все рушится—и небо и земля,
И царствуетъ ночь старая повсюду.

П. И. Вейнбергъ.

* * *

Люблю блуждать я надъ трясиною
Дрожащимъ огонькомъ,
Люблю за липкой паутиною
Таиться паукомъ,
Люблю летать я въ полѣ оводомъ
И жалить лошадей.
Люблю быть явнымъ, тайнымъ поводомъ
Къ мученію людей.
Я злой, больной, безумно-мстительный,
За то томлюсь и самъ.
Мой тихій стонъ, мой вопль медлительный, —
Упреки небесамъ.
Судьба дала мнѣ плоть растлѣнную,
Отравленную кровь.
Я возлюбилъ мечтою плѣнною
Безумную любовь.
Мои порочныя томленія,
Все то, чѣмъ я прельщенъ, —
Въ могучихъ чарахъ навожденія
Многообразный сонъ.
Но онъ томитъ больной обидою.
Идти путемъ однимъ
Мнѣ тѣсно. Всѣмъ во всемъ завидую,
И стать хочу инымъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

Сынъ часовщика.

(Колыбельная).

Тикъ... такъ... тикъ... такъ...
Мѣрно непрерывный шагъ,
Словно стражъ, сѣдое время, —
Облегчивъ безмолвья бремя, —

Отбиваетъ,
Отмѣряетъ,
И подъ стукъ часовъ пою —
Баю-баюшки-баю...

Тикъ... такъ... тикъ .. такъ...
Сквозь молчащій, сонный мракъ, —
Распростерши тѣни-крылья, —
Сномъ изъ рога изобилья —
Фея ночи,
Смеживъ очи,
Нѣжитъ дѣточку мою..
Баю-баюшки-баю...

Тикъ... тикъ. . тикъ... тикъ...
Тамъ отецъ твой—часовщикъ,
Повседневной полнъ заботой,
Засидѣлся за работой...
Спи, сыночекъ,
Молоточекъ
Не спугнетъ мечту твою...
Баю-баюшки-баю...

Такъ... такъ... такъ... такъ...
Трудовой отца верстакъ
Силы, зрѣнье отнимаетъ,
Но отъ голода спасаетъ,
Защищая,
Охраняя
Нашу бѣдную семью..
Баю-баюшки-баю. .

Тикъ... такъ... тикъ... такъ...
Стало тихо, тихо такъ...
Сквозь прозрачное молчанье
Слышно ровное дыханье...
Черпай силы,
Мальчикъ милый,
Въ сонномъ, сказочномъ краю...
Баю-баюшки-баю.

Михаилъ Гальперинъ.

Я ЗНАЛЪ.

Я зналъ весну; она въ румяномъ блескѣ
Про свѣтъ и жизнь тепло шептала мнѣ;
Откинувъ ткань кисейной занавѣски,
Какъ свѣтлый сонъ бѣлѣлася въ окнѣ!
Она порой при гаснущей лампадѣ
Внимала мнѣ, свой чуткій слухъ склоня...
Она любовь сулила въ каждомъ взглядѣ,—
Но та весна далеко отъ меня...

Я призракъ зналъ; не яркимъ одѣяньемъ,
Не красотой къ себѣ онъ привлекалъ,
Его черты дышали состраданьемъ,
Онъ все любилъ и все благословлялъ..
Въ дни первыхъ грезъ, смиряя гнѣвъ и ропотъ,
Внушалъ онъ стихъ невинный и простой...
Но только въ дверь лукаво стукнулъ опытъ,—
Онъ улетѣлъ—и нѣтъ его со мной!

Я зналъ любовь и жажду наслажденья,
И зналъ мечты возвышенный восторгъ...
И все ушло... но жадный мракъ забвенья
Угасшихъ лѣтъ изъ сердца не исторгъ.
Они живутъ, какъ сонъ воспоминанья;
Я ихъ не разъ въ созвучья облекалъ...
Въ нихъ радости и первыя страданья...
Я ихъ люблю, я ихъ когда-то зналъ.

К. Фофановъ.

Потоцкая.

ИЗЪ ЖЕНСКИХЪ ПИСЕМЪ.

— Мнѣ позабыть тебя? Нѣтъ, никогда! Ты слышишь?
— Да можно позабыть скорѣй
То сердце, что стучитъ въ груди твоей,
И воздухъ тотъ, которымъ дышишь.
Ну, да! Старалась я, за дѣломъ и въ толпѣ,
Гнать прочь мечту мою. Но вотъ опять случайно
Въ лиловомъ сумракѣ заснувшаго купэ
Осталась я одна; и вкрадчиво и тайно
Прекрасный образъ твой, какъ нѣжный, вѣрный духъ
Пришелъ и сталъ сюда, такъ близко къ изголовью,
Что имя милое шепчу я чуть не вслухъ,
Съ мучительной тоской, съ мучительной любовью.
Подъ мѣрный шумъ колесъ пустая болтовня

Моихъ сосѣдокъ по вагону,
Какъ будто бы по телефону
Заглушена, доходитъ до меня.
...„Любовь... Зубная боль... Прислуга... Мода...
Дѣти“...
Не слыша, слушаю слова чужія эти;
Мнѣ больно!.. Нѣту слезъ у воспаленныхъ глазъ,
Но плакать я, рыдать хотѣла бы сейчасъ!
Воспоминанія толпятся вереницей.
Расплавленнымъ свинцомъ они мнѣ сердце жгутъ.
Картины прошлаго страница за страницей
Подъ ровный шумъ колесъ передо мной встаютъ.
На станціи глухой, волнуясь и блѣднѣя,
Дрожа, какъ дѣвочка, тебя ждала я, другъ.
Осенней свѣжестью дышало все вокругъ
Блестѣла золотомъ кленовая аллея.
Въ саду еще цвѣли послѣдніе кусты
Пунцовыхъ георгинъ; поспѣвшая рябина
Краснѣла гроздьями; бѣлѣясь, паутина
Летала въ воздухѣ, а желтые листы,
На землю падая, кружились съ легкимъ шумомъ.
Прислушивалась я къ своимъ мятежнымъ думамъ,
Ко мнѣ монахиня со сборомъ подошла.
Она въ моихъ глазахъ навѣрное прочла
Своимъ пытливымъ, умнымъ взглядомъ
Тоску и страсть тревожную мою.
Со мною опустившись рядомъ
На деревянную скамью,
Она сказала мнѣ:—„Вотъ... вы бы къ намъ, въ обитель,
Такъ, просто погостить... А тамъ, пошлетъ Спаситель,
Совсѣмъ остались бы у насъ.
Великъ въ міру соблазнъ, а горя-то какъ много!..“
Я только голову склонила... Я отъ Бога
И отъ молитвъ была далеко въ этотъ часъ!..
— Два красныхъ фонаря блеснули въ отдаленьи.
Прижала руки я къ груди!..
Въ глазахъ монахини мелькнуло сожалѣнье.
Мнѣ было все равно!.. Тамъ, близко, впереди
Ждала я счастія съ дымкомъ локомотива.

О Боже, Боже мой! Какъ все я помню живо:
Улыбку милую твою, твой гордый ротъ,
Блестящіе глаза и шопотъ твой тревожный:
— „За нами здѣсь слѣдятъ... Будь очень осторожной".
Звонокъ, потомъ свистокъ, еще свистокъ—и вотъ
Мы вмѣстѣ! Мы съ тобой!..
— Ты помнишь тѣ мгновенья?
Ты помнишь, какъ, полны блаженнаго волненья,
Другъ друга за руки держали мы съ тобой?...
А первый поцѣлуй сквозь легкій тюль вуали,
А взгляды страшные, что грозно намъ кидали
Двѣ дамы старыя,—ты помнишь? Боже мой?..
Какъ мы прозвали ихъ, два старые дракона
Потомъ уснули сладкимъ сномъ.
А мы не спали!.. Нѣтъ!.. Въ молчаніи ночномъ,
Въ лиловомъ сумракѣ вагона
Я голову къ тебѣ склонила на плечо,
Тебѣ слова любви шептала безъ завѣта,
Твоимъ рѣчамъ внимала горячо...
— Мы были счастливы... Мы платимся за это!.
Такъ ночь прошла, какъ сонъ.
На утро мы вдвоемъ
Съ тобою въ городѣ затеряны чужомъ:
Ни любопытныхъ лицъ! Ни клеветы досужной!.
Ты!.. *ты* и я!.. Стоимъ у нашего окна
И мягкой осенью любуемся мы южной.
Какъ синевы небесъ прозрачна глубина!..
Какъ пестрая толпа внизу оживлена!
Ей дѣла нѣтъ до насъ и до того, что съ нами
Здѣсь счастье спряталось за этими стѣнами!..
— Какъ-будто вырвавшись на волю изъ тюрьмы,
Какъ дѣти счастливы, смѣемся, шутимъ мы.
Насъ забавляетъ все: и номеръ нашъ уютный.
И взгляды горничной, и стукъ ежеминутный,
Невольно насъ пугающій слегка
Во время нашего обѣда.
А потомъ... тамъ долгая, душевная бесѣда.
Въ твоей рукѣ лежитъ моя рука...
Смеркается. Огни ужъ въ окнахъ замелькали.
Все рѣже стукъ колесъ: шумъ городской утихъ.

Откуда-то летитъ пѣвучій звукъ рояли.
Ты съ ласкою волосъ касаешься моихъ,
Цѣлуешь мнѣ глаза... — Чуть слышно ночь подходитъ,
Истому сладкую, лукавую наводитъ.
Не зажигаемъ мы ненужнаго огня.
Молчу, но и безъ словъ ты слушаешь меня.
Мы околдованы, внимаемъ старой сказкѣ...
Какъ звѣзды въ темнотѣ, блестятъ глаза твои,
И тихо поддаюсь я въ дивномъ забытьи
Твоей туманящей и молчаливой ласкѣ...
И чудный сонъ прошелъ. Три дня!.. Всего три дня!..
Когда онъ наступилъ, тяжелый часъ разлуки,
Я думала, что грудь не выдержитъ отъ муки...
Но плакать не могла я, счастье хороня.
— Долгъ! Честь! Обязанность!..—О, фразы, фразы, фразы!..
Я не избѣгнула губительной заразы
Пустыхъ и жалкихъ словъ, что съ дѣтства наизусть
Велятъ намъ затвердить ханжи и лицемѣры.
Долгъ? Честь? Обязанность?.. Безуміе! Химеры!..
Нарушила я долгъ, что мнѣ за дѣло? Пусть!
Мой долгъ—любить тебя, честь—на тебя молиться,
Обязанность—душой съ твоей душою слиться,
Ловить твой каждый взглядъ, повсюду за тобой
Покорно слѣдовать счастливою рабой!..
— Зачѣмъ же смѣлости тогда мнѣ не хватило?
Зачѣмъ на твой нѣмой, но понятный вопросъ
Я только полные невыплаканныхъ слезъ
Глаза тоскливо опустила.
И вотъ разстались мы. Ты — на родной твой югъ,
Гдѣ ждалъ тебя твой трудъ и слава, и искусство;
Я,—я домой, на сѣверъ, о мой другъ—
Учиться покорять разсудку, волѣ—чувство.
Но только поѣздъ твой совсѣмъ исчезъ вдали,
Мнѣ слезы страстныя всю душу обожгли.
На бархатный диванъ упала я, рыдая...
„Вернись: Вернись ко мнѣ! Тебѣ я все отдамъ,
Жизнь, волю!..“ Поздно ужъ. Увы!.. Моимъ слезамъ

Отвѣта не было!
— Я помню, какъ тогда я
Схватила съ нервною поспѣшностью перо:
Слова: „Jo t'améró!.. Sempre t'adorerо!.“
Я телеграммою послала за тобою...
О, буквы мертвыя!.. Вѣдь ими не открою,
Не выскажу всего!..
— Три дня!.. всего три дня.
Простишь-ли ты, скажи, простишь-ли ты меня,
Что послѣ этихъ дней разсталась я съ тобою?
Что счастіе тебѣ такъ полно я дала,
И отъ тебя взяла съ такою полнотою
И такъ безжалостно, такъ больно прервала.
— Такое счастіе пройти не можетъ даромъ;
Теперь все кажется ненужнымъ, скучнымъ, старымъ;
Такъ послѣ пламенной Италіи чудесъ
На сѣверѣ родномъ намъ блѣденъ сводъ небесъ.
А для меня теперь, другъ милый, поблѣднѣли
И звуки Вагнера, и краски Ботичелли;
Надъ мрачнымъ Байрономъ ужъ не мечтаю я
И полка съ книгами запылена моя.
Въ умѣ одна лишь мысль, въ душѣ одно желанье,
Одна, одна любовь—но даже права нѣтъ
Открыть кому-нибудь завѣтное мечтанье,
Цѣлуя, сохранять твой дорогой портретъ!..
Всегда молчаніе, молчаніе—и тайна;
Бояться за себя, за взглядъ, за краску щекъ,
Бояться имя вдругъ во снѣ назвать случайно,
Дрожать за брошенный нечаянно намекъ...
Жить съ постоянною, гнетущею боязнью
Не за себя, о нѣтъ! Но за другихъ, повѣрь.
А, нѣтъ! Молчаніе мнѣ было худшей казнью
И способъ я нашла заговорить теперь:
Мое рѣшеніе всѣ муки успокоитъ,
Да... Монастырь меня въ своихъ стѣнахъ укроетъ.
— Твоей любви тогда я не взяла,
Подумай, жизнь разбить боялась я чужую.
Но эта жертва слишкомъ тяжела.
Я умираю!.. Я тоскую!..

Моя монахиня была тогда права.
Теперь пророчески сбылись ея слова
Да, вотъ онъ, вотъ исходъ послѣдній, неизмѣнный.
Я буду счастлива въ обители священной:
Молиться за тебя не запретитъ никто,
Молитва за другихъ не можетъ быть преступна?
Такъ имя милое, съ молитвою слито,
Теперь становится устамъ моимъ доступно!..
Но прежде чѣмъ уйду—послѣдняя мольба:
Дай мнѣ еще тебя увидѣть на прощанье!..
Сказать, что я люблю, что я твоя раба,
Что съ твердостью свое исполню обѣщанье.
О! если не простишь—вѣрь, я не упрекну:
Виновна только я, и мнѣ нести вину.
Но, можетъ быть, найдетъ мой другъ великодушный
Въ душѣ, недавнему волненію послушной,
Довольно силъ простить?.. Въ послѣдній разъ склонюсь,
Съ благоговѣйнымъ обожаньемъ,
Съ умершимъ счастіемъ моимъ навѣкъ прощусь.
Упьюсь я счастія безумнаго страданьемъ...
А!.. Дай мнѣ этотъ сонъ увидѣть на яву
Передъ послѣднею, тяжелой, вѣчной драмой! .“

Отвѣтъ всего шесть словъ, но срочной телеграммой:
„О, милая, люблю, прощаю—и зову!..“

Т. Щепкина-Куперникъ.

НА РУБЕЖѢ.

Стараясь выбирать тѣнистыя мѣста,
Я ѣхалъ по лѣсу, и эта красота
Деревьевъ, дремлющихъ въ полуденномъ покоѣ,
Какъ бы недвижимо купающихся въ зноѣ,

Меня баюкала, и въ душу мнѣ проникъ
Дремотныхъ помысловъ мерцающій родникъ.

Я вспомнилъ молодость... Обычныя мгновенья
Надеждъ, наивности, влюбленности, забвенья,
Что свѣтитъ пламенемъ воздушно-голубымъ,
И превращается внезапно въ черный дымъ.
Зачѣмъ такъ памятно, нѣмою пеленою,
Видѣнья юности, вы стали предо мною?
Уйдите. Мнѣ нельзя вернуться къ чистотѣ,
И я уже не тотъ, и вы уже не тѣ.
Вы только призраки, вы горькіе упреки,
Терзанья совѣсти, просроченные сроки.
А я двойникъ себя, я всадникъ на конѣ,
Безцѣльно ѣдущій — куда? Кто скажетъ мнѣ!
Все помню... Старый садъ... Цвѣты... Чуть дышатъ вѣтки...
Тамъ счастье плакало въ заброшенной бесѣдкѣ,
Тамъ кто-то былъ съ лицомъ, въ которомъ боли нѣтъ,
Съ лицомъ моимъ — увы — моимъ въ шестнадцать лѣтъ.

Неподражаемо-стыдливыя свиданья,
Любви несознанной огонь и трепетанья,
Слова, поющія въ душѣ лишь въ тѣ года,
„Люблю", „Я твой", „Твоя", „Мой милый", „Навсегда".
Какъ сладко вмѣстѣ быть! Какъ страшно сѣсть съ ней рядомъ!
Какъ можно выразить всю душу быстрымъ взглядомъ!
О, сказкой ставшая, поблекнувшая быль!
О, крылья бабочки, съ которыхъ стерлась пыль!

Темнѣй ложится тѣнь, сокрытъ густымъ навѣсомъ
Мой старый бѣдный садъ, смѣненный дикимъ лѣсомъ.
Невинный шопотъ сновъ, ты сердцемъ позабытъ,
Я слышу грубый звукъ, я слышу стукъ копытъ.
То голосъ города, то гулъ глухихъ страданій,
Рожденныхъ сумракомъ нѣмыхъ и тяжкихъ зданій.

То голосъ призраковъ, замученныхъ тобой,
Кошмаръ, исполненный уродливой борьбой,
Живое кладбище блуждающихъ скелетовъ
Съ гнилымъ роскошествомъ заученныхъ отвѣтовъ,
Очагъ, въ чью пасть идутъ хлѣба съ кровавыхъ нивъ,
Гдѣ слабымъ мѣста нѣтъ, гдѣ сиденъ тотъ, кто лживъ.
Но тамъ есть счастіе – уйти безповоротно,
Душой своей души, къ тому, что мимолётно,
Что свѣтитъ радостью иного бытія,
Мечтать, искать и ждать, какъ сдѣлалъ это я.
Мнѣ грезились міры, рожденные мечтою,
Я землю осѣнялъ своею красотою,
Я всѣхъ любилъ, на все склонялъ свой жадный взоръ,
Но мракъ ужъ двинулся и шелъ ко мнѣ, какъ воръ.

Мнѣ стыдно плоскости печальныхъ приключеній,
Вселенной жаждалъ я, а мой вампирный геній
Былъ просто женщиной, познавшей лишь одно.
Красивой женщиной, привыкшей пить вино.
Она такъ медленно раскидывала сѣти,
Мы веселились съ ней, мы были съ ней, какъ дѣти,
Пронизанъ солнцемъ былъ ласкающій туманъ,
И я на шеѣ вдругъ почувствовалъ арканъ.
И пьянство дикое, чумной порокъ Россіи,
Съ непобѣдимостью властительной стихіи,
Меня низринуло съ лазурной высоты
Въ провалы низости, тоски и нищеты.

Иди, иди, мой конь. Страшатъ воспоминанья
Хочу забыть себя, убить самосознанье.
Что пользы вспоминать теперь, передъ концомъ,
Что я случайно былъ и мужемъ, и отцомъ,
Что хоронилъ дѣтей, что иногда, случайно...
О, нѣтъ, молчи, молчи! Пусть лучше эта тайна
Умретъ въ тебѣ самомъ, какъ умерло давно,
Что было такъ свѣтло судьбой тебѣ дано.
Но гдѣ я? Что со мной? Вокругъ меня завѣса
Непроницаемо-запутаннаго лѣса,

Повсюду—острые и цѣпкіе концы
Вѣтвей, изогнутыхъ и сжатыхъ, какъ щипцы,
Они назойливо царапаютъ и ранятъ,
Дорогу застятъ мнѣ, глаза мои туманятъ,
Встаютъ преградою смутившемуся дню,
Ложатся подъ ноги взыгравшему коню.
Я вижу чудища за ветхими стволами,
Они слѣдятъ за мной, мигаютъ мнѣ глазами,
Съ кривой улыбкою.—Послѣдній лучъ исчезъ.
Враждебнымъ ропотомъ и смѣхомъ полонъ лѣсъ.
Вершины шорохомъ окутались ростущимъ,
Какъ бы предчувствіемъ предъ сумрачнымъ грядущимъ.
И тучи зыбкія, на небѣ голубомъ,
Съ змѣистой молніей рождаютъ гулъ и громъ.
Ударъ, еще ударъ, и вотъ вблизи, налѣво,
Исполненъ ярости и мстительнаго гнѣва,
Взметнулся огненный пылающій языкъ.
Въ сухомъ валежникѣ какъ будто чей-то крикъ,
Глухой и сдавленный, раздался на мгновенье,
И замеръ. И кругомъ, вездѣ—огонь, шипѣнье,
Деревьевъ-факеловъ кипящій дымный адъ,
И бури бѣшенной раскатистый набатъ.
Порвавши повода, средь чуднаго тумана,
Какъ бы охваченный прибоемъ океана,
Мой конь несетъ меня, и странно-жутко мнѣ
На этомъ взмыленномъ, испуганномъ конѣ.
Лѣсной пожаръ гудитъ. Я понялъ предвѣщанье.
Передъ душой моей вы встали на прощанье,
О, тѣни прошлаго!—Простите же меня,
На страшномъ рубежѣ, средь дыма и огня!

К. Д. Бальмонтъ.

Ш. Бодлэръ.

Благословеніе.

Изъ Ш. Бодлэра.

Когда Поэтъ, по волѣ Провидѣнья,
Явился въ міръ,—испуганная мать,
Сжавъ кулаки, полна богохуленья,
Дитя и небо стала Проклинать:
„Ахъ, лучше бъ комъ до омерзѣнья гадкихъ
Живыхъ ехиднъ на свѣтъ я родила!
Тотъ проклятъ часъ, та ночь восторговъ краткихъ
Когда позоръ я мужу зачала!
Но если Богъ посмѣшищемъ народа
Меня одну избралъ изъ матерей,
И не могу я гнуснаго урода
Швырнуть въ огонь украдкой отъ людей,—
О, я отмщу за муки униженья!

Я гнѣвъ небесъ на даръ ихъ перелью:
Я такъ скручу несчастное растенье,
Что почки всѣ въ зародышѣ убью!"
Такъ, день и ночь питаться желчью рада,
Не въ силахъ цѣль предвѣчную понять,
Уже впередъ готовитъ въ нѣдрахъ ада
Себѣ костеръ озлобленная мать.
Но сирота, подъ тайною охраной
Самихъ небесъ, несетъ свой тяжкій крестъ:
Во всемъ, что пьетъ, онъ нектаръ пьетъ румяный,
Во всемъ, что ѣстъ, амброзію онъ ѣстъ.
Съ пролетной тучкой весело болтаетъ,
Играетъ съ вѣтромъ, съ птичкой полевой
И съ ней поетъ... И съ грустью наблюдаетъ
Хранитель-ангелъ смѣхъ его живой!
Онъ весь—любовь .. Но холодъ подозрѣнья
Идетъ за нимъ: за то, что кротокъ онъ,
Ему дарятъ обиды и гоненья,—
Такъ любо всѣмъ его послушать стонъ!
Въ его вино и хлѣбъ его мѣшаютъ
Плевки съ золой; и все, чего рукой
Коснется онъ, брезгливо отвергаютъ,—
Его слѣды обходятъ стороной.

. . . . . .

Его жена на площадяхъ публичныхъ
Не устаетъ хвастливо говорить:
„Онъ дышитъ мной! Я идоловъ античныхъ
Хочу собой для міра воскресить!
Вся въ золото одѣнусь; благовонный
Заставлю нардъ мнѣ жечъ и ѳміамъ:
Въ его душѣ колѣнопреклоненной,
Какъ божеству, себѣ воздвигну храмъ.
А, утомясь кощунственной забавой,
Я коготь свой безумцу покажу
И, въ грудь вонзивъ, со смѣхомъ путь кровавый,
Какъ гарпія, до сердца проложу.
И это сердце розовое выну,
Какъ изъ гнѣзда дрожащаго птенца,
И на обѣдъ любимой кошкѣ кину
И трепетомъ упьюсь его конца".

Въ ночной тиши Поэтъ благочестивый
Лучистый взоръ возводитъ къ небесамъ,
И свѣтъ горитъ въ его душѣ правдивой,
Прощенья свѣтъ неистовымъ врагамъ:
—„Благословенъ Дающій намъ страданья,
Въ пустынѣ зла источникъ водъ живыхъ!
Какъ сталь въ огнѣ, въ горнилѣ испытанья
Нашъ крѣпнетъ духъ для радостей святыхъ,
Я знаю: тамъ, гдѣ Ты царишь, блистая,
Есть уголокъ и для моихъ скорбей,
И позовешь меня Ты въ кущи рая
На праздникъ Силъ, Престоловъ и Властей.
Онъ правъ, Твой судъ! Даетъ вѣнецъ нетлѣнный
Лишь путь креста, мученій и тревогъ,
И дань нужна со всѣхъ міровъ вселенной,
Чтобъ мой сплести мистическій вѣнокъ!
Забытый блескъ прославленной Пальмиры,
Богатства горъ и глубины морей,
Всѣ перлы ихъ, алмазы и сапфиры—
Потонутъ въ мигъ въ огнѣ его лучей!
Онъ будетъ свитъ не смертными руками
Изъ чистыхъ струй нездѣшняго огня,
Того огня, передъ которымъ пламя
Людскихъ очей—лампада въ блескѣ дня!

П. Я.

Самому себѣ.

Изъ Д. Леопарди.

Теперь усни—и навсегда, о сердце!
Исчезъ послѣдній дорогой обманъ,
Который я считалъ неразрушимымъ.
Исчезъ и онъ. Теперь не только вѣры,—
Нѣтъ у меня желаній! Тише сердце:
Ты слишкомъ долго билось. Міръ не стоитъ

Твоихъ тревогъ. Земля не стоитъ слезъ.
Жизнь — только мракъ и горечь, только грязь!..
Все кончено. Съ отчаяньемъ послѣднимъ
Пойми, что намъ дана судьбою въ даръ
Одна лишь смерть. И заклейми презрѣньемъ
Себя, природу, ненасытный Рокъ,
На гибель намъ царящій и надменный,
И суету безмѣрную вселенной.

Ив. Тхоржевскій.

НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА.

Зажгла я предъ своей прекрасною мечтой
Неугасимую лампаду.
Впивала я въ мечтѣ прекрасной и святой
Блаженства полную отраду.

Моей мечтѣ несла я пылкія мольбы,
Я отдавала ей всю душу...
Но безпощаднаго велѣнія судьбы
Я дерзновенно не нарушу!

И боги новые явилися ко мнѣ
И жаждали моихъ моленій;
И я имъ отдала молитвы въ тишинѣ
И жаръ таинственныхъ томленій.

Но въ этотъ самый мигъ, въ безмолвіи нѣмомъ,
О прежнемъ божествѣ мечтала я тайкомъ,
Полна сомнѣній странныхъ яда:
И съ тайной мукою смотрѣла я туда,
Гдѣ въ темномъ уголкѣ мерцала, какъ звѣзда,
Неугасимая лампада!

Т. Щепкина-Куперникъ.

Флаконъ.

Бываютъ запахи, которымъ нѣтъ преградъ:
Сквозь прочное стекло ихъ проникаетъ ядъ.
Вскрывая сундучокъ, полученный съ востока,
Съ визгливой крышкою, проржавѣвшей жестоко,

Иль почернѣлый шкафъ невѣдомыхъ временъ,
Случается найти надтреснутый флаконъ,
Стоявшій много лѣтъ, слой пыли накопляя,
Откуда брызнетъ вдругъ душа еще живая...

И рой прекрасныхъ грезъ, таившихся въ тиши
Подобно куколкамъ средь сумерекъ души,—
Раскрывши крылышки лазурно-золотыя,
Вспорхнетъ восторженно подъ небеса родныя!

Но вотъ тяжелый сонъ, зловѣщій, какъ гроза,
Встаетъ изъ мрака дней... Смыкаются глаза,
Кружится голова... Невѣдомая сила
Руками страшными и мозгъ, и грудь сдавила

И тянетъ къ пропасти безъ берега и дна,
Гдѣ призрачный мертвецъ, срывая путы сна,
Какъ Лазарь, движется, обвитый пеленами,
Пропахшій старою любовью и грѣхами...

Такъ, на пиру людей ненужнымъ хламомъ ставъ,
Заброшенъ нѣкогда въ такой же мрачный шкафъ,
Флаконъ осушенный, отвергнутый, надбитый,
И грязью липкою и плѣсенью покрытый,—

Твоей гробницею я буду, милый ядъ,
Источникъ горестей и неземныхъ отрадъ,
Издѣлье ангеловъ изъ лучшихъ гроздій рая,
О, жизнь моя и смерть, моя цикута злая!..

П. Я.

Савина.

Свадьба.

Умерла дочка старосты, Катя,
Ей отецъ въ женихи Павла прочилъ,
А любила она Александра...
Воронъ горе недаромъ пророчилъ.

Отнесли парни Катю въ часовню;
А часовня на горѣ стояла;
Вкругъ сосновая роща шумѣла
И колючія иглы роняла.

Выѣзжалъ Александръ поздно ночью;
Тройка, фыркая, пряла ушами;
Подходила сосновая роща,
Обнимала своими вѣтвями.

Заскрипѣли тяжелыя петли,
Пошатнулся порогъ подъ ногою;
Поднялъ парень изъ гроба невѣсту
И понесъ, обхвативши рукою.

Свистнулъ кнутъ, завертѣлись колеса,
Застонали, ожившi, каменья,
Потянулись назадъ полосами
Пашни, рощи, столбы и селенья.

Расходились настеганы кони,
Заклубились ихъ длинныя гривы;
Мѣдные бубенчики плачутъ,
Бьются, сыплются ихъ переливы!

Какъ живая посажена Катя:
Поглядѣть—такъ глядитъ на дорогу;
И стоитъ Александръ надъ невѣстой,
На сидѣнье поставивши ногу.

Набекрень поворочена шапка,
Вѣтеръ плотно лежитъ на рубахѣ;
Не мигаютъ раскрытыя очи,
Руки—струны, и кнутъ—на отмахѣ.

Понесли кони въ гору телѣгу,
На вершинѣ, осажены, сѣли...
Поднялась подъ дугой коренная,
Пристяжныя, присѣвъ, захрапѣли...

Тамъ, согнувшись красивой дугою,
У дороги песокъ подмывая,
Глубока и глубоко подъ нею
Проходила рѣка голубая...

Занимается ясное утро,
Вѣтеръ съ кручи песокъ отвѣваетъ,
Тройка, сбившись въ вожжахъ и постромкахъ,
Морды низко къ землѣ наклоняетъ.

Надъ обрывомъ валяется шапка...
Смяты, вянутъ цвѣты полевые...

Блещетъ золотомъ розовый вѣнчикъ,
А на вѣнчикѣ—лики святые...

К. К. Случевскій.

Лѣсная дорога.

Въ березовомъ лѣсу, гдѣ распѣваютъ птицы,
Гдѣ въ шелковой травѣ сквозь тѣнь лучи горятъ,
Темнѣютъ холмики,—могилъ забытыхъ рядъ,
А подъ березами, какъ юныя черницы,
Смиренно елочки зеленыя стоятъ.

Былъ здѣсь когда-то скитъ, какъ говорятъ преданья,
И десять дѣвственницъ, отрекшись отъ земли,
Въ немъ приняли обѣтъ святого сезерцанья,
Держали строгій постъ и, какъ цвѣты, цвѣли
Подъ пѣнье Божьихъ птицъ и странниковъ сказанья.

Былъ здѣсь дремучій боръ, въ народѣ говорятъ,
Былъ долгій станъ татаръ, въ лѣсахъ кипѣли битвы;
Потомъ былъ этотъ край спокоенъ и богатъ,
И древній скудный скитъ и подвиги молитвы
Забылись, точно сонъ, ужъ много лѣтъ назадъ.

Не мало было сновъ,—зачѣмъ намъ помнить ихъ?
И вотъ опять весна. Въ лѣсу все зеленѣетъ,
Лѣсъ сѣнокоса ждетъ, а небосклонъ синѣетъ
Межъ бѣлыхъ облаковъ, среди вершинъ лѣсныхъ.
И на глазахъ трава въ полдневномъ зноѣ млѣетъ.

Пройдетъ моя весна, и этотъ день пройдетъ,
Но весело бродить и знать, что все проходитъ,
Межъ тѣмъ какъ счастье жить вовѣки не умретъ'

Покуда надъ землей заря зарю выводитъ
И молодая жизнь родится въ свой чередъ!

Бѣжитъ зеленый лѣсъ, поютъ и свищутъ птицы,
А вонъ и озеро, песчаный, бѣлый скатъ...
Пошелъ! И бубенцы играютъ и гремятъ,
Въ колесахъ, какъ лучи, блестятъ на солнцѣ спицы
И кружева тѣней по лошадямъ скользятъ...

Ив. Буниинъ.

Гремячая башня.

Народное повѣрье во Псковѣ.

Боярскому сыну Данилѣ былъ сонъ,
Сонъ вѣщій три ночи подъ-рядъ,
Отъ Бога ли сны тѣ—не вѣдаетъ онъ —
Иль бѣсы съ нимъ козни творятъ,
Но только три ночи все снилось ему:
Послышится чей-то вдругъ кликъ;
И, будто-бы въ свѣтломъ кадильномъ дыму,
Красы неописанной ликъ
Появится вдругъ передъ очами его,
Ликъ дѣвственно-юный такой!
И грустно, такъ грустно глядитъ на него,
Что сердце сожметъ все тоской;
И чей-то, какъ будто совсѣмъ сдалека,
Услышитъ онъ вдругъ голосокъ,
И тихій, и нѣжный, какъ шумъ вѣтерка,
Какъ будто журчитъ ручеекъ:
„У дѣвушки батя скончался родной,
„Мать за-мужъ вдругорядь пошла,
„Хозяиномъ въ домѣ сталъ отчимъ лихой,
„А съ нимъ и невзгода пришла.

„На женину дочку сталъ зариться онъ:
„Прельстился дѣвичьей красой,
„Забылъ онъ, безбожникъ, и стыдъ, и законъ,
„Къ грѣху ее нудилъ грозой.
„И стала сироткѣ та доля не въ мочь,
„А мать ревновать начала,
„И, въ ревности лютой, родимую дочь
„Родимая мать прокляла!
„Но призрѣлъ Господь ея сиротство,—
„Бѣдняжку спасти восхотѣлъ — .
„И темнаго ада смирилъ торжество,
„И ктятвѣ назначилъ предѣлъ.
„Назначилъ предѣлъ ей Создатель такой:
„На клявшую клятва падетъ,
„А дочь не погибнетъ подъ клятвою той,
„Но сномъ непробуднымъ уснетъ.
„Во Псковѣ, надъ старой стѣной городской,
„Гремячая башня стоитъ,
„Подъ башнею этой есть склепъ потайной,
„Въ томъ склепѣ дѣвица лежитъ.
„Лежитъ она въ гробѣ дѣвица княжна,
„И свѣчи вкругъ гроба горятъ,
„Лежитъ она, словно къ вѣнцу убрана
„Въ богатый невѣсты нарядъ.
„И много въ томъ склепѣ богатой казны,
„И съ золотомъ бочки кругомъ —
„Дѣвичье приданое бѣдной княжны
„Несмѣтное собрано въ немъ.
„Не мертвая дѣвица въ гробѣ лежитъ —
„Во снѣ непробудномъ она,—
„И время безслѣдно надъ нею летитъ,
„Надъ нею и смерть не властна.
„И спать непробудно назначено ей
„Пока не найдетъ жениха,
„Чтобъ сердцемъ не вѣдалъ соблазна страстей
„И тѣло соблюлъ отъ грѣха;
„Чтобъ, движимый чистой любовью одной,
„Рѣшился ее онъ спасти
„И темною ночью въ тотъ склепъ потайной
„Подъ башней гремячей придти.
„Безвыходно дважды семь дней—семь ночей

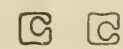
„Въ томъ склепѣ онъ долженъ пробыть,
„И тамъ, не касаясь дѣвицы, надъ ней
„Немолчно молитвы творитъ.
„И многое будетъ смущенье ему:
„Добычу заботно храня,
„Вся темная сила сберется къ нему,
„И, всякимъ соблазномъ маня,
„Грѣховная прелесть въ немъ очи и слухъ
„Видѣньями будетъ прельщать;
„Но долженъ остаться и слѣпъ онъ, и глухъ,
„И крѣпко въ молитвѣ стоять,
„Въ молитвѣ о бѣдной душѣ проклятой,
„Не внемля кругомъ ничему.
„Но если тѣлесной дѣвичьей красой
„Прельстится онъ,—горе ему!..
„Данило! ты чистъ и отваженъ душой,
„Проклятья сними съ меня гнетъ,
„Приди, мой спаситель, въ мой склепъ потайной,—
„Невѣста желаннаго ждетъ!..“
И голосъ унылый такъ нѣжно звучалъ,
Звучалъ, словно пѣснь про любовь;
А глазки—Данила такихъ не видалъ —
Такъ нѣжно молили безъ словъ.
И образъ чудесный княжны молодой
Скрывался въ выси далеко,
Но въ душу Данилы тотъ ликъ неземной,
Тотъ образъ запалъ глубоко.
И сталъ тосковать онъ съ той самой поры
Сталъ бѣгать, дичиться людей,
Забылъ онъ потѣхи, охоту, пиры,
Все думаетъ только о ней.
И зовъ ея слышится всюду ему;
И стало не въ мочь, наконецъ.
И вотъ, не сказавши о томъ никому,
Покинулъ свой домъ молодецъ,
И полночью темной онъ къ башнѣ пошелъ,
И тамъ, гдѣ досель не видалъ,
Съ запоромъ желѣзную дверь онъ нашелъ.
Но тотчасъ запоръ тотъ упалъ,
И дверь отворилась сама передъ нимъ,
Но чуть за порогъ онъ шагнулъ —

Захлопнулась снова со скрипомъ глухимъ,
И въ склепѣ послышался гулъ. .
Хватилася парня по утру семья,
Искалъ его всюду отецъ,
Тужили родные, тужили друзья, —
Пропалъ безъ слѣда молодецъ! .
Минула седмица. Разъ тою порой,
Какъ благовѣстъ къ утрени шелъ,
Дозорный, идя по стѣнѣ городской,
Негаданно парня нашелъ.
Лежалъ паренекъ, словно пластъ, на стѣнѣ,
Лежалъ онъ безъ чувствъ и безъ силъ,
Всѣмъ тѣломъ бѣдняга горѣлъ, какъ въ
огнѣ:
Недугъ его лютый томилъ.
Приподняли парня, въ родительскій домъ
Стащили его поскорѣй;
Что было по Пскову и въ селахъ кругомъ
Созвали къ нему знахарей.
Но долго тянулся тяжелый недугъ;
Когда жъ миновалъ, наконецъ,
Данило на все безучастно вокругъ
Глядѣлъ, какъ отпѣтый мертвецъ.
На всѣ-то разспросы — куда и зачѣмъ
Недѣлю онъ всю пропадалъ
И что съ нимъ случилось—Данило былъ нѣмъ;
Лишь матери разъ онъ сказалъ,
Что на душу принялъ великій онъ грѣхъ,
Грѣшнѣй его нѣтъ никого,
Что слезно онъ проситъ прощенья у всѣхъ
И молитъ оставить его.
Въ постѣ и молитвѣ онъ жилъ, а потомъ
Изъ дома ушелъ навсегда,
Въ тяжелыхъ веригахъ ушелъ босикомъ,
Невѣдомо только—куда.
Молва говорила: что будто бы онъ,
Казняся душой по грѣхамъ,
Ушелъ потаенно на дальній Аѳонъ
И въ схимѣ преставился тамъ.
И тайной до нынѣ осталось для всѣхъ,
Что въ башнѣ творилось глухой,

Какой совершилъ въ ней предъ Господомъ грѣхъ
Данило, псковичъ молодой.

А старая башня до-нынѣ стоитъ,
И въ склепѣ до-нынѣ подъ ней
Княжна молодая во гробѣ лежитъ,
Въ красѣ неизмѣнной своей.

М. П. Розенгеймъ



Три любви.

Есть матери любовь: она хранитъ и грѣетъ,
И нѣжно бережетъ, и ласками щедра,
Ея святымъ огнемъ жизнь бурная свѣтлѣетъ,
Ея вліяніемъ гласъ долга и добра
И громче, и звучнѣй взываетъ въ сердце юномъ;
Ея молитвою небесной вѣры лучъ
Нисходитъ иногда сквозь мракъ житейскихъ тучъ
Въ разсудокъ, преданный мечтаньямъ вольно-
думнымъ;
И образомъ ея, и мыслію о ней
Усмирено порой волненіе страстей.

Есть сестрина любовь: она и состраданье,
И соучастіе на поприщѣ земномъ;
Она средь неудачъ, въ минуту испытанья,
Приходитъ, кроткая, съ догадливымъ умомъ
И съ сердцемъ преданнымъ, чтобъ безъ рѣчей,
безъ шуму,
Унять и исцѣлить припадокъ злой тоски,
И взглядомъ дружескимъ, пожатіемъ руки
Умѣетъ разогнать порывъ хандры угрюмой;
И братомъ, гордости и нѣжности полна,
Все восхищается въ мечтахъ своихъ она.
И есть еще любовь... Но та!.. Гдѣ выраженья,

Гдѣ краски и слова, чтобъ высказать ее?..
Чтобъ передать вполнѣ и цѣль и назначенье
Той страсти, той любви?.. Лишь ею бытіе
И міръ озарены!.. Она горитъ и блещетъ;
Всю душу женскую, весь тайный сердца жаръ
Блаженству милаго она приноситъ въ даръ,
И имъ однимъ живетъ, и имъ однимъ трепещетъ!..
Она безцѣнный перлъ, она душистый цвѣтъ,
И ей межъ радостей земныхъ подобной нѣтъ!..

Графиня Растопчина.

Въ паркѣ.

Изъ В. Гомулицкаго.

Бродилъ я въ паркѣ... Вечерѣло.
Качалась ольха и шумѣла;
Сквозь сѣтку мѣсяцъ полный
Глядѣлъ, какъ лебедь рѣзалъ волны,
И нетопырь кружилъ во мракѣ..
Съ села былъ слышенъ лай собаки.

Бродилъ я въ думы погруженный...
Вдали туманъ клубился сонный,
Трель соловья двоило эхо,
Шептались вѣточки орѣха,
Мракъ въ сочетаньѣ странно-рѣзкомъ
Соединялся съ луннымъ блескомъ.

Я сѣлъ подъ ольхою въ смущеньѣ...
Огни мелькали въ отдаленьѣ,
И дымъ изъ трубъ бѣжалъ клубами,
Мерцали звѣзды надъ полями,
И тихо сны ко мнѣ слстали —
Я сѣлъ подъ ольхою въ печали.
„Весна луга обходитъ, нивы,

„Поетъ природа гимнъ счастливый,
„Нѣмѣетъ взоръ отъ восхищенья,
„А человѣкъ, вѣнецъ творенья,
„Какъ прежде, бродитъ одиноко“...
Подумалъ я въ тоскѣ глубокой.

И тополь, сладко задремавшій,
И вѣтеръ, пѣну волнъ собравшій,
И струйки дыма надъ домами,
И звѣздный хоръ въ небесномъ храмѣ,
И мѣсяцъ, глянувшій случайно,
Мнѣ отвѣчали тихо: „тайна!“

Мих. Гербановскій.

Колыбельная.

Я не знаю многихъ пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.
Колыбельку я рукою осторожною качну,
Пѣсенку спою младенцу, отходящему ко сну.
Тихій ангелъ встрепенется, улыбнется, погрозится шалуну,
И шалунъ ему отвѣтитъ: „Ты не бойся, ты не дуйся,—я засну“.
Ангелъ сядетъ къ изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихія разскажетъ, отходящему ко сну.
Онъ про звѣздочки разскажетъ, онъ разскажетъ про луну,
Про цвѣты въ раю высокомъ, про небесную весну.
Промолчитъ про тѣхъ, кто плачетъ, кто томится въ полону.
Кто закованъ, зачарованъ, кто влюбился въ тишину,

Кто томится, не ложится, долго смотритъ на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотритъ въ вышину,—
Тотъ поникнетъ, и не крикнетъ, и не пикнетъ и поникнетъ въ глубину,
И на рѣчкѣ съ легкимъ плескомъ кругъ за кругомъ пробѣжитъ волна волну.
Я не знаю много пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну,
Я на ротикъ розъ раскрытыхъ росы тихія стряхну,
Глазки—цвѣтики-цвѣточки пѣсней тихою сомкну.

Ѳедоръ Сологубъ.

Мелодія.

Я вижу: сыплется въ избыткѣ красоты
Душистый снѣгъ весны—черемухи молочной
Весенніе цвѣты, какъ дѣвы непорочной
Отвергнутой любви невинныя мечты.
Душистый снѣгъ весны—опавшіе цвѣты!

Я вижу въ золотѣ, въ румянцѣ облаковъ
Послѣдніе лучи—вечернее сіянье.
Длиннѣе тѣнь легла, слышнѣе трепетанье
Проникнувшихъ вѣтвей и слаще вздохъ цвѣтовъ,—
Послѣдній ароматъ—послѣднее прощанье!

Я слышу, какъ весна, боясь мечты своей,
И дышитъ и дрожитъ въ цвѣтущемъ упоеньи
И слышу, какъ въ кустахъ рыдать о наслажденьи
Проснулся на зарѣ вечерній соловей,—
Рыдающій пѣвецъ въ стыдливомъ пробужденьи!

И чувствую,—подъ пѣснь рыдающей любви
Растетъ моя печаль, растутъ воспоминанья,
И нѣтъ имъ отзвука, и нѣтъ въ нихъ очертанья.

И слабо тлѣетъ жизнь въ хладѣющей крови,—
Отцвѣтшая любовь ожившаго страданья!

К. М. Фофановъ.

* * *

Шопотъ. Робкое дыханье.
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Соннаго ручья.

Свѣтъ ночной. Ночныя тѣни,—
Тѣни безъ конца.
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица.

Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы,—
И заря, заря!..

А. А. Фетъ.

Пляска.

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькіе лютики,
Весенніе цвѣтки!

Тамъ съ посвистомъ да съ присвистомъ
Гуляютъ до зари,
Кусточки тихимъ шелестомъ
Киваютъ мнѣ: смотри.

Смотрю я—руки вскинула,
Въ широкій плясъ пошла,
Цвѣтами всѣхъ осыпала
И въ пѣснѣ изошла...

Невѣрная, лукавая,
Коварная—пляши!
И будь навѣкъ отравою
Растраченной души.

Съ ума сойду, сойду съ ума,
Безумствую, люблю,
Что вся ты ночь, и вся ты—тьма,
И вся ты—во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебѣ, тебѣ пою,
И пѣснямъ—нѣтъ числа...

А. Блокъ.

* *
*

Зачѣмъ такъ грустно въ безмолвномъ небѣ?
Зачѣмъ такъ тихо въ саду усталомъ?
Не скажетъ мѣсяцъ, не скажутъ звѣзды;
А если скажутъ, не вѣрь,—обманутъ.

Ты помнишь вечеръ такой же грустный,
Такой же тихій? Въ саду усталомъ
Вставали тѣни, ложились тѣни;
Прозрачной дымкой струился воздухъ.

И былъ ты счастливъ, и былъ ты молодъ.
Рождались звуки и умирали,
И женскій образъ мелькалъ неясно...
Такой прекрасный! Такой воздушный!

Ты помнишь вечеръ? Мечтали звѣзды.
Навстрѣчу счастью летѣли думы.
Но было тихо въ саду усталомъ,
И было грустно въ безмолвномъ небѣ.

В. Башкинъ.

ЗЛАТОКУДРАЯ ОСЕНЬ.

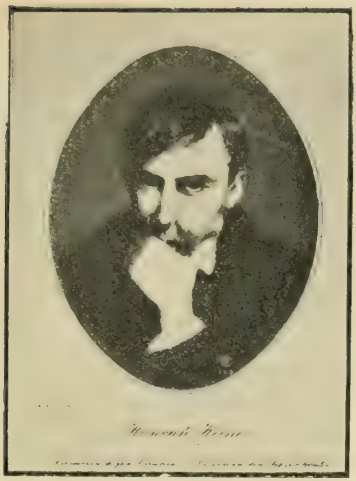
Златокудрая осень мечтаетъ въ саду,—
То заглянетъ въ купальню на сонномъ пруду,
Обходя осторожно желтѣющій кустъ,
То къ окну замолчавшаго дома прильнетъ.
Не отвѣтитъ ей домъ: онъ покинутъ и пустъ.
И, вздыхая, тихонько она отойдетъ.
Выйдетъ въ поле, гдѣ красный осинникъ дрожитъ,
Узкой лентой къ заборамъ прижатъ.
Въ безучастную даль сжатыхъ нивъ поглядитъ
И съ тревожною думой вернется назадъ,
Приласкаетъ задумчиво поздній цвѣтокъ
И одинъ за другимъ оборветъ лепестокъ.
Отъ безшумныхъ шаговъ сторонится трава.
Пятна солнца ложатся на влажный песокъ.
Не дыша, умираетъ на кленахъ листва.
Подломившись, отрывисто хрустнетъ сучокъ.
Но надтреснутый звукъ тишины не смутитъ...
Златокудрая осень о счастьѣ груститъ.

В. Башкинъ.

СОНЪ.

Давненько не бывалъ я въ сторонѣ родной...
Но не нашелъ я въ ней замѣтной перемѣны.
Все тотъ же мертвенный безсмысленный застой,
Строенія безъ крышъ, разрушенныя стѣны,
И та же грязь, и вонь, и бѣдность, и тоска.
И тотъ же рабскій взглядъ, то дерзкій, то унылый.
Народъ нашъ вольнымъ сталъ—и вольная рука
Виситъ по прежнему какой-то плеткой хилой...
Все, все по прежнему! И только лишь въ одномъ
Европу, Азію, весь свѣтъ мы перегнали:
Нѣтъ, никогда еще такимъ ужаснымъ сномъ
Мои любезные соотчицы не спали!
Все спитъ кругомъ, вездѣ въ деревняхъ, городахъ,
Въ телѣгахъ, на саняхъ, днемъ, ночью, сидя, стоя...
Купецъ, чиновникъ спитъ; спитъ сторожъ на часахъ,
Подъ снѣжнымъ холодомъ и на припекѣ зноя!
И подсудимый спитъ, и дрыхнетъ судія;
Мертво спятъ мужики; жнутъ, пашутъ—спятъ; молотятъ—
Спятъ тоже... Спитъ отецъ, спитъ мать, спитъ вся семья...
Всѣ спятъ! Спитъ тотъ, кто бьетъ, и тотъ, кого колотятъ!
Одинъ царевъ кабакъ—тотъ не смыкаетъ глазъ...
И, штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая,
Лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ,
Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна-Русь святая!

И. С. Тургеневъ.



Г. Гейне.

Атта-Тролль.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

I.

Между мрачными горами
Пріютилась деревушка;
Бѣлыхъ домиковъ балконы
Блещутъ роемъ дамъ красивыхъ.
Отъ души смѣяся, дамы
Смотрятъ внизъ на шумный рынокъ,
Гдѣ танцуютъ два медвѣдя
Подъ унылый звукъ волынки.
Атта-Тролль съ его супругой,
По прозванью черной Муммой—
Тѣ танцоры; и веселый

Раздается смѣхъ повсюду.
Величаво выступаетъ
Атта-Тролль нашъ благородный;
Атта-Тролль, который прежде,
Словно царь лѣсовъ дремучихъ,
Жилъ средь высей горъ привольныхъ—
Передъ чернью грубой пляшетъ!
Ради гнуснаго металла
Долженъ тотъ плясать, который
Былъ когда-то столь могучимъ
И вселялъ повсюду ужасъ.
Мыслитъ онъ о юныхъ годахъ,
Объ утраченномъ величьи—
И изъ сердца Атта-Тролля
Рвется скорбное мычанье.

II.

Вдругъ желѣзныя оковы
Атта-Тролль внезапно сбросилъ,
Быстро, дикими прыжками
Мчался онъ средь узкихъ улицъ.
Все предъ нимъ посторонилось.
Мигомъ влѣзъ онъ на утесы,
Посмотрѣлъ назадъ съ усмѣшкой
И исчезъ средь горъ окрестныхъ.
А на рынкѣ опустѣломъ
Лишь одна осталась Мумма,
Да вожакъ ея. Со злобой
Шляпу наземь она бросаетъ
Вѣдь всегда онъ съ Атта-Троллемъ
Словно съ другомъ обращался,
Обучилъ его и танцамъ;
Всѣмъ ему медвѣдь обязанъ!
Всѣмъ, какъ есть, и даже жизнью!
Вѣдь сто таллеровъ за шкуру
Атта-Тролля предлагали—
И его вожакъ не продалъ!...
Наконецъ, вдвойнѣ ужасенъ,
Гнѣвъ взбѣшеннаго испанца

Весь обрушился на Мумму.
Бьетъ онъ черную плясунью...
А она, на заднихъ лапахъ
Передъ нимъ съ мольбой во взорѣ,
Неподвижная стояла,
Какъ безмолвной скорби образъ.
Приключилося все это
Въ чудный, теплый лѣтній вечеръ;
Да и ночь, за днемъ любовно
Низойдя, была прекрасна.

III.

Въ мрачномъ каменномъ ущельѣ,
Сплошь обросшемъ цѣлымъ боромъ
Дикихъ елей—скрытъ глубоко
Входъ въ пещеру Атта-Тролля.
Въ лонѣ мирнаго семейства
Отдыхаетъ онъ съ дороги
Отъ трудовъ и всѣхъ скитаній
Съ вожакомъ по бѣлу свѣту.
О, блаженное свиданье!
Онъ дѣтей нашелъ въ пещерѣ,
Тамъ, гдѣ ихъ родилъ онъ съ Муммой;
Двѣ сестры, четыре брата.
Медвѣдицы бѣлокуры,
Словно дочери пастора,
Медвѣжата буры; только
Одноухій, младшій, черенъ.
Этотъ младшій, былъ любимчикъ
Муммы; разъ она, играя,
Откусила сыну ухо
И съ любовью нѣжной съѣла.
Посреди семьи, въ пещерѣ,
На спинѣ лежитъ печальный
Атта-Тролль; въ раздумьи лапу
Онъ сосетъ, сосетъ и шепчетъ:
„Мумма, Мумма, перлъ мой черный!
Я тебя въ житейскомъ морѣ

Изловилъ, и въ морѣ жизни
Снова я тебя утратилъ.
„Ахъ! Еще бы хоть разочекъ
Полизалъ у Муммы рыльце!
У нея оно такъ сладко,
Какъ помазанное медомъ!
Но—увы!—она томится
На цѣпи во власти грубой
У проклятаго отродья,
По прозванью человѣка,
Что себя царемъ считаетъ
На землѣ всего творенья!...
О, проклятье! Эти люди,
Эти сверхъ-аристократы,
Свысока на насъ взираютъ,
Грабятъ женъ, дѣтей и на цѣпь
Насъ сажаютъ—убиваютъ
Для торговли нашей шкурой!
И особенно медвѣдямъ
Причинять такія бѣды
Правомъ ихъ они считаютъ,
Вѣчнымъ правомъ человѣка!
Человѣческое право!
Кто вамъ далъ его, скажите?
Ужъ, конечно, не натура:
Ей чужда ненатуральность.
Кто пожаловалъ вамъ, люди,
Привилегіи такія?
Никогда не дастъ ихъ разумъ:
Онъ не столь вѣдь неразуменъ!
Ужъ не тѣмъ ли вы насъ лучше,
Что вы жарите, варите
И печете вашу пищу,
Мы-жъ ее ѣдимъ сырою?
Результатъ въ концѣ, однако,
Тотъ же самый. Нѣтъ, не въ этомъ
Благородство; благороденъ
Тотъ, чьи чувства и поступки
Благородны. Но не тѣмъ ли
Вы насъ лучше, что науки
И искусства вамъ знакомы?

Да и мы не вовсе глупы!
Развѣ нѣтъ собакъ ученыхъ?
Развѣ лошадь не считаетъ,
Какъ коммерціи совѣтникъ?
Зайцы плохо барабанятъ?
Чѣмъ же, люди, чѣмъ вы лучше
Насъ, звѣрей? Хоть вы высоко
Ваши головы несете—
Мысли низкія въ нихъ скрыты!
Ужъ не тѣмъ ли вы насъ лучше,
Что у васъ безъ шерсти кожа?
Но она вѣдь и у змѣя
Столь же гладка и блестяща...
Родъ людской! Родъ змѣй двуногихъ!
Я отлично понимаю,
Для чего штаны вамъ нужны:
Вы змѣиную хотите
Наготу прикрыть чужою
Шерстью! Дѣти! Берегитесь
Этихъ тварей безволосыхъ,
Этихъ чудищъ въ панталонахъ!“

IV.

„Дѣти!—Атта-Тролль сердито
Говоритъ, вертясь тревожно
На постели безматрацной:—
Дѣти, будущее—наше!
Если-бъ такъ, какъ я, медвѣди
И всѣ звѣри разсуждали—
Общихъ силъ соединеньемъ
Мы низвергли бы тирановъ.
Если-бъ съ лошадью въ союзѣ
Вепрь работать согласился,
Если-бъ слонъ обвилъ свой хоботъ
Вкругъ роговъ быка по-братски;
Если-бъ дѣйствовали дружно
Овцы, зайцы, обезьяны.
Волкъ съ медвѣдемъ всякой шерсти—
Не уйти отъ насъ побѣдѣ!

Единенье, единенье!
Вотъ что нужно! Въ одиночку
Мы рабы, но всѣ въ союзѣ
Притѣснителей низвергнемъ!
Единенье—и побѣда!
Монополіи презрѣнной
Рухнетъ сила, и создастся
Царство честное животныхъ.
Основнымъ закономъ будетъ
Равенство созданій божьихъ,
Безъ различія религій,
Цвѣта, запаха и шерсти.
Всюду равенство! Высокихъ
Степеней оселъ достигнуть
Въ правѣ; льву-жъ подчасъ придется
И мѣшки таскать съ мукою.
Что касается собаки,
То она холопъ, конечно:
Вѣкъ съ поконъ вѣковъ съ ней люди
Обращались, какъ съ собакой;
Но у насъ въ свободномъ царствѣ
Возвратимъ и ей мы снова
Неотъемлемое право,
И ее облагородимъ,
Мы дадимъ евреямъ даже
Право полное гражданства
И со всѣмъ животнымъ царствомъ
Наравнѣ мы ихъ поставимъ".

V.

Одиноко на утесѣ,
На своемъ любимомъ мѣстѣ,
Атта-Тролль стоитъ и въ пропасть
Онъ реветъ оттуда грозно:
„Да, медвѣдь я! Я тотъ самый,
Вы котораго зовете
Косолапымъ, Изегримомъ
И еще, Богъ знаетъ, какъ.

Да, медвѣдь я, я тотъ самый
Звѣрь косматый, неуклюжій,
Что для васъ предметомъ служитъ
Издѣвательствъ и насмѣшекъ!
Я—мишень остротамъ вашимъ,
Я—чудовище, которымъ
Вы пугаете подъ вечеръ
Вашихъ злыхъ, капризныхъ дѣтокъ!
Я—созданье шутовское
Вашихъ бабушкиныхъ сказокъ—
И о томъ кричу я громко
Міру подлому людскому.
Знайте, знайте—я медвѣдь!
Не стыжусь происхожденья
И горжусь имъ—словно внукъ я
Моисея Мендельсона!"

VI.

Двѣ фигуры—дики видомъ
И мрачны—на четверенькахъ,
Ровно въ полночь пролагаютъ
Путь сквозь чащу темныхъ сосенъ.
Это Атта Тролль-родитель
И сыночекъ одноухій...
Вотъ они остановились
На просвѣтѣ возлѣ камня.
„Этотъ камень,—молвитъ Атта:—
Алтаремъ служилъ друидамъ;
Здѣсъ когда-то приносились
Человѣческія жертвы.
Возмутительная гнусность!
Кровь въ честь Бога проливали!
Дыбомъ волосъ становится
У меня при этой мысли!
Правда, стали просвѣщеннѣй
Нынѣ люди, и другъ друга,
Изъ усердія къ небеснымъ
Интересамъ ужъ не рѣжутъ.
Нѣтъ, не вѣры заблужденья,
И не бредъ, не суевѣрье

Ихъ теперь влекутъ къ убійствамъ;
А корысть и себялюбье.
Да, за благами земными
Рвутся всѣ, давя другъ друга;
Нѣтъ грабительству предѣла,
Каждый крадетъ для себя!
Достояньемъ общимъ каждый
Завладѣть стремится лично,
А заграбивъ, восклицаютъ:
„Собственность! Права владѣнья!".
Собственность! Права владѣнья!
Ложь! Грабежъ! Могли лишь люди
Изобрѣсть такую помѣсь
Лжи, безсмыслицы, лукавства!
Вѣдь природа намъ владѣльцевъ
Никогда не создавала;
Безъ кармановъ въ нашей шкурѣ
Всѣ на свѣтъ мы появились!
Вѣдь ни у кого изъ тварей,
Чтобы краденое прятать,
Нѣтъ такихъ мѣшковъ на шкурѣ
Отъ рожденья! Только люди,
Эти гадкія созданья,
Что всегда чужою шерстью
Прикрываются искусно —
Такъ же ловко ухитрились
Завести себѣ карманы—
Неестественность такую,
Какъ и собственность, какъ право
Быть владѣльцемъ... Люди воры!..
О, какъ я ихъ ненавижу!
Эту ненависть въ наслѣдство
Передать тебѣ хочу я!
Здѣсь клянись мнѣ въ ней, о, сынъ мой!
Будь врагомъ смертельнымъ подлыхъ
Притѣснителей! До смерти
Будь врагомъ непримиримымъ!
Сынъ мой, поклянись мнѣ въ этомъ!"
И поклялся одноухій
Сынъ медвѣдя Атта-Тролля.

Г. Гейне.

Прокаженный.

...Богъ, желая примирить столь враждебныя противоположности, какъ скорбь и радость, сростилъ ихъ вершины.

Платонъ.

Чуть прикрывъ наготу, съ головой обнаженной,
Въ сторонѣ отъ дороги онъ тихо шагалъ,
И, завидя людей, издалека кричалъ:
— „Берегитесь! Идетъ прокаженный!“
И съ невольнымъ проклятьемъ, толпа за толпой,
Обходили его каменистой тропой
И роптали: „зачѣмъ вслѣдъ за нами
Онъ къ Сіону на праздникъ бредетъ?
Преступить городскихъ онъ не можетъ воротъ,
И нѣтъ мѣста ему на холмахъ за стѣнами“...
А когда Элеонъ показался вдали,
Весь до верху шатрами усѣянъ,
Къ его рощамъ цвѣтущимъ толпы галилеянъ,
Распѣвая осанну, пошли.
А несчастный тропой обоженной,
Вдоль по ложу Кедрона, въ пустыню побрелъ,
Гдѣ гіена живетъ, гдѣ гнѣздится орелъ.
— Пощадите! Идетъ прокаженный!
И его, беззащитнаго, звѣрь пощадилъ
И бездомному нору свою уступилъ.
Пышно праздникъ великій встрѣчаетъ Солимъ:
Полонъ храмъ, всѣ ступени народомъ покрыты,
Брыжжетъ кровь, и возносится жертвенный дымъ,
И поютъ славословья левиты.
Всѣ пришли преклониться предъ грознымъ Отцомъ
И просить—кто богатства, кто жизни,
Кто побѣды надъ римскимъ надменнымъ орломъ
И свободы для плѣнной отчизны.
И левиты поютъ, и литавры гремятъ,
И далеко по вѣтру тѣ звуки летятъ —
До пещеры въ скалѣ, до звѣринаго лога,

Гдѣ теперь человѣкъ обиталъ.
Онъ увидѣть хоть издали храмъ пожелалъ,
Но просить ему не о чемъ даже у Бога.
Онъ привыкъ жить безъ крова отъ бурь и песковъ,
Онъ привыкъ свои струпья не кутать въ одежды
У него нѣтъ отчизны, друзей и враговъ,
Нѣтъ желаній давно и давно нѣтъ надежды.
Что влекло его къ храму, не знаетъ онъ самъ,
И теперь, изъ пещеры, наполненной смрадомъ
Его собственныхъ язвъ, онъ блуждающимъ взглядомъ
Смотритъ вдаль, гдѣ блеститъ своею кровлею храмъ,
И въ тоскѣ безпредѣльной, безъ мысли и слова,
Какъ тростникъ въ ураганъ, повергается въ прахъ,
И руками бьетъ въ грудь, и бросается снова,
И какъ будто весь хочетъ истаять въ слезахъ...
Если бъ камень иль дерево чувствовать стали
И свое одиночество поняли вдругъ,
Ихъ бы тотъ же объялъ безсловесный испугъ,
Они бъ такъ же, какъ онъ, зарыдали.
Онъ рыдалъ оттого, что такъ тягостно жить,
Что разстаться съ сіяніемъ солнца такъ трудно...
Цѣлый день онъ скорбѣлъ. . но съ вечерней зарей
Стали слезы его все добрѣе и чище.
Такъ на старомъ, забытомъ кладбищѣ
Вдругъ повѣетъ прохладной весенней порой.
Изможденный, онъ молча лежалъ предъ пещерой
И глядѣлъ, какъ на храмѣ играетъ закатъ,
И какъ звѣзды одна за другою спѣшатъ
Лить потоки лучей надъ пустынею сѣрой, —
И цѣлительной влагой на язвы его
Тихо падали слезы прощенья.
И простилъ онъ, не вѣдая самъ отчего,
Всѣхъ простилъ онъ, кто мучилъ его отъ рожденья —
Вѣтеръ, зной, непогоду и даже людей.
Онъ былъ счастливъ избыткомъ печали своей.
Величайшее счастье въ ту ночь онъ извѣдалъ,
Онъ, природой проклятый, людямъ чужой,
Кому Богъ ничего, кромѣ горестей, не далъ,

Самъ онъ далъ себѣ счастье, какъ Богъ...
А съ зарей,
Чуть прикрывъ наготу, съ головой обнаженной,
Въ сторонѣ отъ дороги онъ тихо шагалъ,
И, завидя людей, издалека кричалъ:
— „Берегитесь! Идетъ прокаженный“!

Н. М. Минскій.

Пасхалова.

СПЯЩІЙ ЛЕБЕДЬ.

Земная жизнь моя -звенящій
Невнятный шорохъ камыша.
Имъ убаюканъ лебедь спящій,
Моя тревожная душа.
Вдали мелькаютъ торопливо
Въ исканьяхъ жадныхъ корабли.
Спокойно въ заросли залива,
Гдѣ дышитъ грусть, какъ гнетъ земли.
Но звукъ, изъ трепета рожденный,
Скользнетъ въ шуршаньѣ камыша,—
И дрогнетъ лебедь пробужденный,
Моя безсмертная душа.
И понесется въ міръ свободы,
Гдѣ вторятъ волнамъ вздохи бурь,
Гдѣ въ перемѣнчивыя воды
Глядится вѣчная лазурь.

М. Лохвицкая.

Мертвые корабли.

1.

Между льдовъ затерты, спятъ въ тиши морей
Остовы нѣмые мертвыхъ кораблей.
Вѣтеръ быстролетный, тронувъ паруса,
Прочь спѣшитъ въ испугѣ, мчится въ небеса.
Мчится и не смѣетъ бить дыханьемъ твердь,
Всюду видя только—блѣдность, холодъ, смерть.
Точно саркофаги, глыбистые льды
Длинною толпою встали изъ воды.
Бѣлый снѣгъ ложится, вьется надъ волной,
Воздухъ заполняя мертвой бѣлизной.
Вьются хлопья, вьются, точно стаи птицъ.
Царству бѣлой смерти нѣтъ нигдѣ границъ.
Чтожъ вы здѣсь искали, выброски зыбей,
Остовы нѣмые мертвыхъ кораблей?

2.

„На полюсъ! На полюсъ! Бѣжимъ, поспѣшимъ,
И новыя тайны откроемъ!
Тамъ, вѣрно, есть островъ — красивъ, недвижимъ,
Окованъ плѣнительнымъ зноемъ!

„Намъ скучны предѣлы родимыхъ полей,
Извѣданныхъ думъ и желаній.
Мы жаждемъ качанья нѣмыхъ кораблей,
Мы жаждемъ далекихъ скитаній.

„Въ безвѣстномъ—услада тревожной души,
Въ туманностяхъ манятъ зарницы.
И сердцу рокочутъ приливы: „Спѣши“!
И дразнятъ свободныя птицы.

„Намъ вѣтеръ бездомный шепнулъ въ полуснѣ,
Что сбудутся наши надежды:
Для новаго Солнца, въ цвѣтущей странѣ,
Проснувшись, откроемъ мы вѣжды.

„Мы гордо раздвинемъ предѣлы земли,
Намъ свѣтитъ нашъ разумъ стоокій.
Плывите, плывите скорѣй карабли,
Плывите на Полюсъ далекій!“

3.

Солнце свершаетъ
Скучный свой путь.
Что-то мѣшаетъ
Сердцу вздохнуть.

Въ морѣ приливы
Шумно растутъ.
Мирныя нивы
Гдѣ-то цвѣтутъ.

Пѣнясь, про нѣгу
Шепчетъ вода.
Гдѣ-то къ ночлегу
Гонятъ стада.

4.

Грусть утихаетъ,
Съ другомъ легко.
Кто-то вздыхаетъ
Тамъ — далеко.

Счастливъ, кто мирной
Долей живетъ.
Кто-то въ обширной
Безднѣ плыветъ.

Нѣжная ива
Спитъ и молчитъ,
Гдѣ-то тоскливо
Чайка кричитъ.

5.

„Мы плыли все дальше—мы плыли,
Мы плыли не день и не два.

Отъ влажной крутящейся пыли
Кружилась не разъ голова.

„Туманы клубились густые,
Вставалъ и гудѣлъ океанъ, —
Какъ будто бы вѣдьмы сѣдыя
Раскинули вражескій станъ.

„И туча бѣжала за тучей,
За валомъ мятежился валъ.
Встрѣчали мы островъ пловучій,
Но онъ отъ очей ускользалъ,

„И тамъ, гдѣ изъ воднаго плѣна
На мигъ возставали цвѣты,
Крутилась лишь бѣлая пѣна,
Сверкая среди темноты.

„И дерзко смѣялись зарницы,
Манившія міромъ чудесъ.
Кружились зловѣщія птицы
Подъ склепомъ пустынныхъ небесъ.

„Буруны закрыли со стономъ
Сверканье Полярной звѣзды.
И вотъ ужъ съ пророческимъ звономъ
Идутъ, надвигаются льды...

„Такъ чтожъ, и для насъ развернула
Свой свитокъ сѣдая печаль?
Такъ, значитъ, и насъ обманула
Богатая сказками даль?

„Мы отданы бѣлымъ пустынямъ,
Мы тризну свершаемъ на льдахъ,
Мы тонемъ, мы гаснемъ, мы стынемъ
Съ проклятьемъ на блѣдныхъ устахъ".

6.

Скрипя бѣжитъ среди валовъ,
Гигантскій гробъ, скелетъ пловучій,

Въ тѣлахъ обманутыхъ пловцовъ
Изсякъ свѣтильникъ жизни жгучей.

Огромный остовъ корабля
Въ пустынѣ моря быстро мчится,
Какъ будто гдѣ-то есть земля,
Къ которой жадно онъ стремится.

За нимъ, скрипя, среди зыбей
Несутся бѣшено другіе,
И привидѣнья кораблей
Тревожатъ области морскія.

И шепчутъ волны межъ собой,
Что дальше ихъ пускать не надо, —
И встала бѣлою толпой
Снѣговъ и льдистыхъ глыбъ громада.

И пѣсни имъ надгробной нѣтъ,
Бездушенъ міръ пустыни сонной,
И только солнца красный свѣтъ
Горитъ, какъ факелъ похоронный.

7.

Да легкіе хлопья летаютъ
И беззвучную сказку поютъ,
И бѣлыя ткани сплетаютъ,
Созидаютъ для смерти пріютъ.

И шепчутъ: „Мы — дѣти эфира,
„Мы—любимцы нѣмой тишины,
„Враги безпокойнаго міра,
„Мы—пушистые, чистые сны.

„Мы падемъ въ синее море,
„Мы по воздуху молча плывемъ,
„И мчимся въ безбрежномъ просторѣ,
„И къ покою другъ друга зовемъ.

„И вѣчно мы, вѣчно летаемъ,
„И не нужно намъ шума земли,
„Мы вьемся, бѣжимъ, пропадаемъ,
„И летаемъ, и таемъ вдали...“

К. Бальмонтъ

С. Городецкій.

Русь.

Русь! Что больше, и что ярче,
Что сильнѣй, и что смѣлѣй!
Гдѣ сіяетъ солнце жарче,
Гдѣ сіять ему милѣй?

Поле, поле! Все—раздолье,
Вся душа—кипучій ключъ,
Вѣковой вспѣненный болью,
Напоенный горемъ тучъ.

Да, бѣдна ты и убога,
И несчастна и темна.
Горемычная дорога
Все еще не пройдена.

Но и нѣтъ тебя счастливѣй
На стремительной землѣ,
Нѣту счастья молчаливѣй,
Нѣту доли горделивѣй,
Больше свѣта на челѣ.

У тебя въ глуши родимой
Не народъ, а яръ-кремень,
Гнетъ терпѣлъ невыносимий
Въ темной жизни деревень.

У тебя по чернымъ хатамъ
Потомъ жилистой руки
Днямъ раздольнымъ и богатымъ
Копятъ силу мужики.

У тебя по вешнимъ селамъ
Ходятъ дѣвушки-цвѣты,
Днемъ не смаяны тяжелымъ,
Правдой юности святы.

Горе горькое изжито!
Вся омытая въ слезахъ,
Плугомъ тягостнымъ разрыта,
Солнцу грудь твоя открыта,
Счастье добыто въ бояхъ!

Много воплей запѣвали
Горя русскаго пѣвцы.
И терновые сплетали
Бѣдной родинѣ вѣнцы.

Стало небо загораться,
И пора уже, пора
Бодрой пѣснѣ разыграться,
Звякнуть звонче серебра.

Изъ неволи да на волю,
Въ золотыя времена!
Покидай глухую долю,
Подошла твоя весна.

Здравствуй, міру засіявшій
Алый свѣтъ, огонь-летунъ!
Надъ тобой горитъ возставшій,
Небо заревомъ обнявшій
Богъ побѣды, яръ Перунъ!

Сергѣй Городецкій.

* * *

Нынче ночью кто-то одинокій
И родной, казалось, звалъ меня.
Чей-то взоръ изъ сумрака глубокій
Мнѣ мерцалъ, волнуя и маня

Я пошелъ. Сѣдая отъ тумана,
Ночь ждала въ безсонницѣ зари,
И свѣтились призрачно и странно
Воспаленнымъ взоромъ фонари.

Талымъ снѣгомъ и землею пахло.
Было тихо, грустно и тепло.
Чья-то жизнь, невѣдомая, чахла;
Кто-то шелъ на смѣну ей свѣтло.

И, смущенъ предвѣдѣніемъ тайнымъ,
Чуялъ я отлетъ холодныхъ сновъ.
Мнѣ казалось все необычайнымъ,
Самъ себѣ я страненъ былъ и новъ.

Я не знаю, что со мной случилось:
Мнѣ-ль простили, я-ль кого простилъ;
Только злое сердцемъ позабылось,
Только вновь я доброе любилъ.

Голоса во мракѣ прозвучали.
Стукъ колесъ раздался по камнямъ.

Гдѣ-то воды вешнія журчали,
Съ крышъ струясь по звонкимъ желобамъ.

Сквозь сырыя, сизыя волокна
Облаковъ—свѣтилася луна.
Въ эту ночь ко всѣмъ стучалась въ окна
И за всѣхъ молилася весна.

А. М. Ѳедоровъ.

* * *

Чувствъ и думъ несмѣтный рой
И толпа воспоминаній
Всюду слѣдуетъ за мной
По пути моихъ страданій...
Надо высказать мнѣ ихъ:
Мой замкнутый міръ имъ тѣсенъ...
Сердце въ память дней былыхъ
Проситъ пѣсенъ!
Спѣлъ бы я, какъ въ эти дни,
Мнѣ свѣтя, не заходило
Всеобъемлющей любви
Лучезарное свѣтило,
Какъ оно, сгорѣвъ до тла,
Меркло, грустно потухая,
И ужъ нѣтъ его... Пришла
Ночь глухая.
Душу выпилъ бы я всю,
Воплотилъ бы сердце въ звуки!
Пѣсни про любовь мою,
И про счастье, и про муки,
Про глубокую тоску —
Ихъ святыни не нарушатъ...
Спѣлъ бы я, да не могу —
Слезы душатъ...

А. М Жемчужниковъ

Монологъ.

Я помню ночь, ея сырую мглу;
Въ окнѣ отворенномъ чернѣла вѣтвь березы
И шорохъ слышался. Ночникъ мигалъ въ углу,
И въ сердцѣ были тѣ жъ рыданія и слезы.
Но ты, любимая, еще была со мной—
И сердцу вѣрилось: настанетъ день прощенья,
И мукой крестною и смѣлою борьбой
Я искуплю былыя заблужденья.
И вновь откроется померкнувшимъ очамъ
Великій мысли міръ, побѣдный блескъ свободы:
Воскреснувшій боецъ, я позабуду самъ
И раны старыя, и старыя невзгоды.
Измученный слѣпецъ! я счастія искалъ...
Безумно вѣрилъ я, и долго свѣта ждалъ.
Уже прошли года—судьбу свою я знаю
И счастья не ищу: я молча погибаю!

Такъ по волнамъ бушующихъ морей
Порой плывутъ къ невѣдомому краю
Обломки жалкіе разбитыхъ кораблей..
Завидя ихъ въ дали, отчаянный пловецъ
Стремится ихъ достигнуть... Наконецъ,
Измученный неравною борьбою,
Хватаетъ ихъ слабѣющей рукою.
Спасенья близокъ часъ... Ужъ видятся вдали,
Въ туманѣ, очерки невѣдомой земли,
Ужъ до него отъ пажитей прибрежныхъ
Доносится струя благоуханій нѣжныхъ,
И слышенъ моря шумъ въ изорванныхъ скалахъ,
Еще усиліе... еще одинъ размахъ—
И... бѣшеной волной далеко унесенный,
Онъ гибнетъ наконецъ, пловецъ изнеможенный!

В. И. Немировичъ-Данченко.

Лепковскій.

ПОРТНОЙ.

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя,
Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается...
Слышу я, слышу, чей плачъ разливается:
Бѣдность голодная, грязью покрытая,
Бѣдность несмѣлая, бѣдность забытая;
Днемъ она гибнетъ, и въ полночь, и за полночъ;
Гибнетъ она—и никто нейдетъ на помочь;
Гибнетъ она—и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса...
Горькій полынь—эта пѣснь невеселая,
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!
Кто здѣсь узнаетъ кручину свою?
Эту я пѣсню про бѣдность пою.

I.

Морозъ трещитъ, и воетъ вьюга,
И хлопья снѣга другъ на друга
Ложатся, и растетъ сугробъ.
И молчаливый, будто гробъ,
Весь домъ промерзъ. Три дня забыта,
Ужъ печь не топится три дня,
И нечѣмъ развести огня;
И дверь рогожей не обита,
Она стара и вся въ щеляхъ;
Бѣлѣетъ иней на стѣнахъ,
Окошко инеемъ покрыто,
И отъ мороза на окнѣ
Вода застыла въ кувшинѣ.
Нѣтъ крошки хлѣба въ цѣломъ домѣ,
И на дворѣ нѣтъ плахи дровъ.
Портной озябъ. Онъ нездоровъ
И головой поникъ въ истомѣ:
Печальна жизнь его была,
Почально молодость прошла,
Прошло и дѣтство безотрадно.
Съ крыльца ребенкомъ онъ упалъ,
На камняхъ ногу изломалъ,
Его посѣкли безпощадно...
Не умеръ онъ. Полубольнымъ
Все росъ да росъ. Но чѣмъ кормиться?
Что въ руки взять? Чему учиться?
И самоучкой сталъ портнымъ.
Женился бѣдный,—все не радость:
Жена недолго пожила
И Богу душу отдала
Въ родахъ подъ Пасху. Вотъ и старость
Теперь пришла. А дочь больна:
Ужъ кровью кашляетъ она.
И все прядетъ, прядетъ все пряжу,
Иль молча спицами звенитъ:
Перчатки вяжетъ на продажу,
И все груститъ, и все груститъ.
Робка, какъ птичка полевая,
Живетъ одна, живетъ въ глуши,

Въ глухую полночь, чуть живая,
Встаетъ и молится въ тиши.

II.

Морозъ и ночь. Въ своей постели
Не спитъ измученный старикъ;
Его глаза глядятъ безъ цѣли,
Безъ цѣли онъ зажегъ ночникъ.
Лежитъ и стонетъ. Дочь привстала
И посмотрѣла на отца:
Онъ блѣденъ хуже мертвеца...
„Что жъ ты не спишь?"—она сказала.
— Такъ, скучно. Хоть бы разсвѣло ..
Ты не озябла?—„Мнѣ тепло..."
И разсвѣло. Окрѣпъ и холодъ...
Но хлѣба, хлѣба гдѣ добыть?
Суму надѣть, иль воромъ быть?..
О, будь ты проклятъ, страшный голодъ!
Куда итти? Кого просить?
Иль самого себя убить?
Портной привсталъ. Нѣтъ, силы мало!
Всѣ кости ноютъ, все болитъ;
Дочь посинѣла и дрожитъ...
Хотѣлъ заплакать, -слезъ не стало ..
И со двора, въ нѣмой тоскѣ,
Побрелъ онъ съ костылемъ въ рукѣ.
Куда? Онъ думалъ не о пищѣ,
Шелъ не за хлѣбомъ, — на кладбище
Шелъ бить могильщику челомъ:
Онъ былъ давно ему знакомъ.
Но какъ начать? Неловко было...
Портной съ нимъ долго толковалъ
О томъ, о семъ, а сердце ныло...
И, наконецъ, онъ шапку снялъ:
„Послушай, сжалься, ради Бога!
Мнѣ остается жить немного;
Нельзя ли тутъ вотъ, въ сторонѣ
Могилу приготовить мнѣ?"
— Ого! — Могильщикъ улыбнулся.—

Ты шутишь, иль въ умѣ рехнулся?
Умрешь,—зароютъ, не грусти...
Грѣшно болтать-то безъ пути...—
„Зароютъ, другъ мой, я не спорю...
Вѣдь дочь-то, дочь моя больна!
Куда просить пойдетъ она?..
Кого?.. Ужъ пособи ты горю!
Платить-то нечѣмъ... я бы радъ,
Я заплатилъ бы... вырой, братъ!..“
— Земля-то, видишь ты, застыла...
Рубить-то будетъ не легко.—
„Ты такъ... не очень глубоко,
Не очень... все-таки могила!
Просить и совѣстно,—нужда!“
— Пожалуй, вырыть не бѣда!—

III.

И слегъ портной. Лицо пылаетъ,
Въ бреду онъ громко говоритъ,
Что Божій гнѣвъ ему грозитъ,
Что грѣшникомъ онъ умираетъ,
Что онъ повѣситься хотѣлъ,
И только Катю пожалѣлъ.
Дочь плачетъ: „полно, ради Бога!
У насъ тепло, обита дверь.
И чай налитъ: онъ есть теперь,
И есть дрова и хлѣба много,—
Все дали люди... Встань, родной!“
И вотъ встаетъ, встаетъ портной.
— Ты понимаешь? Жизнь смѣется,
Смѣется... Кто тутъ зарыдалъ?
Не кашляй! тише! кровь польется...
И навзничь мертвымъ онъ упалъ.

И. С. Никитинъ.

* *
*

Я не хочу, что-бъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ:
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,
У нихъ попроситъ сожалѣнья—
И пусть меня накажетъ Тотъ,
Кто изобрѣлъ мои мученья.

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей—
Утесъ гранитный не повалитъ:

Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не ввѣритъ думы.

М. Ю. Лермонтовъ.

ВЕСНА.

Гдѣ, юноши, весна? Осенній вѣтеръ злится
И жалитъ, словно змѣй, и бьетъ въ лицо, какъ кнутъ,
Сырая оттепель безпомощно слезится,
Тѣ слезы грязныя назойливо текутъ.
Холодная лазурь, какъ изъ-подъ маски смутной,
Порой покажется сквозь пологъ сѣрыхъ тучъ
И хочетъ насъ прельстить улыбкою минутной,
И посылаетъ намъ поддѣльной ласки лучъ.
По вечерамъ, во мглѣ, въ послѣдній часъ заката,

Заря кровавая рождается вдали,
Какъ знамя красное, и движется куда-то.
И медленно плыветъ надъ рубежомъ земли.
Что часъ, мѣняется безсмысленная воля
Растерянныхъ небесъ. На четырехъ концахъ
Равнины сѣверной встаютъ туманы съ поля...
Гдѣ, юноши, весна?.. Она у насъ въ сердцахъ.
Она росла въ борьбѣ. Не блескъ утра привѣтный,
Не ореолъ лучей, у ней въ лицѣ гроза.
Призывъ ея гремитъ отвагой беззавѣтной,
И мечутъ молнію глаза.
Цвѣточнаго вѣнка она носить не хочетъ,
Простоволосая, безъ шапки, вся въ огнѣ,
Она летитъ впередъ, и свищетъ, и хохочетъ.
Какъ дикій всадникъ на конѣ
Задоръ ея кипитъ и пѣнится, какъ чаша
Шипучаго вина. Въ ней радость бьетъ ключомъ.
Та бурная весна—живая юность наша!..
Ей гнетъ ненастій нипочемъ,
Ей мѣсто есть вездѣ. Ей весело рѣзвиться
На шумной улицѣ, въ рядахъ толпы густой.
Задѣть ее нельзя: она рычитъ, какъ львица,
Готовая къ прыжку, лишь кто ей скажетъ: „Стой!“
На нивахъ и поляхъ она работы проситъ,—
Уже въ рукахъ ея блестящая коса,—
Она идетъ впередъ и безъ пощады коситъ
Не мягкую траву—дремучіе лѣса.
Широкимъ топоромъ она затворы рубитъ,
Тяжелымъ молотомъ желѣзный ножъ куетъ.
Не удержать ея! Она опасность любитъ,
Идетъ на приступъ и поетъ
Та пѣсня вольная и полная веселья.
Какъ журавлиный кликъ, ликуетъ и звенитъ
Она вливается въ глухія подземелья
И улетаетъ въ высь, на голубой зенитъ.
Предъ нею падаетъ тюремная ограда
И осыпается гранитный верхъ стѣны,—
Побѣды юной вѣсть, надежда и отрада,
Та пѣсня вольная есть первый громъ весны!

Танъ.

Тоска по родинѣ.

Изъ П. Беранже.

„Въ Парижъ, пастухъ, въ Парижъ! Ты молодъ“
—вы сказали:
„Отдайся склонностямъ любимымъ и мечтамъ;
„Познанья, золото и роскошь побѣждали
Любовь къ роднымъ полямъ.“
Но здѣсь разсѣялись мечтанья золотыя;
Морщины у меня прорѣзались на лбу...
Отдайте мнѣ поля мои родныя,
Мой лѣсъ, мою избу!

Вы мой развили умъ, вы дали мнѣ даръ слова;
Искусства унесли меня за облака;
Но мнѣ здѣсь холодно, здѣсь тяготитъ больного
По родинѣ тоска.
На вашихъ женщинахъ наряды дорогіе,
Но на пирахъ у васъ блуждаю я какъ тѣнь
Отдайте мнѣ поля мои родныя
И нашъ воскресный день!

Мы жалки, мы смѣшны, мы дѣти передъ вами
Съ своими сказками и пѣснями отцовъ;
Блескъ вашей оперы смутилъ бы чудесами
Крестьянскихъ колдуновъ.
Я слышалъ вашъ концертъ: въ немъ гимны неземные
Крылатыхъ жителей заоблачной страны.
Отдайте мнѣ поля мои родныя
И пѣсни старины!

Мнѣ грустно самому смотрѣть на избы наши,
На церковь бѣдную изъ почернѣлыхъ плитъ;
Здѣсь высятся дворцы, одинъ другого краше,
Здѣсь мраморъ и гранитъ:
Въ лучахъ заката здѣсь чертоги золотые
Воздушнымъ призракомъ являются очамъ.

Отдайте мнѣ поля мои родныя
И деревенскій храмъ.

Я вяну съ каждымъ днемъ, я ночью, засыпая,
Страшусь, чтобъ родину во снѣ не увидать:
Тамъ воетъ вѣрный песъ, тамъ ждетъ меня рыдая,
Моя больная мать.
Стада, мои стада терзаютъ волки злые,
Избушку бѣдную разрушила метель...
Отдайте мнѣ поля мои родныя,
Мой посохъ и свирѣль!

Что слышу я? Сбылись мои ночныя грезы!
„Ступай, пастухъ, ступай!“ вы говорите мнѣ:
„Пусть солнце свѣтлое твои осушитъ слезы
Въ родимой сторонѣ“.
Прости волшебный край! Пускай толпы иныя
На чудеса твои бѣгутъ со всѣхъ сторонъ.
Увижу снова я поля мои родныя,
Избу, гдѣ я рожденъ!

В. Курочкинъ.

* * *

Въ сторонѣ, далекой отъ родного края,
Снится мнѣ приволье тихихъ деревень,
Въ полѣ при дорогѣ бѣлая береза,
Озими да пашни - и апрѣльскій день.
Весело синѣетъ утреннее небо,
Легкой бѣлой зыбью облака плывутъ,
Важно грачъ гуляетъ за сохой на пашнѣ.
Паръ блеститъ надъ пашней... А кругомъ поютъ
Жаворонки въ ясной вышинѣ воздушной
И на землю съ неба звонко трели льютъ.

Въ сторонѣ, далекой отъ родного края
Дѣвушкой невѣстой снится мнѣ Весна:

Очи голубыя, личико худое,
Стройный станъ высокій, русая коса.
Весело ей въ полѣ теплымъ яснымъ утромъ!
Милъ ей край родимый, степь и тишина,
Милъ ей бѣдный сѣверъ, мирный трудъ крестьянскій,
И съ привѣтомъ смотритъ на поля она:
На устахъ улыбка, а въ очахъ раздумье—
Юности и счастья первая весна!

Въ сторонѣ, далекой отъ родного края,
Грезится мнѣ юность, какъ далекій сонъ,—
Свѣтлый сонъ, въ которомъ снилося мнѣ счастье,
Утро дней весеннихъ, ясный небосклонъ.
Но проходятъ годы и мечты блѣднѣютъ...
Счастье обмануло молодость мою...
Пусть оно порою мнѣ смущаетъ душу,
Пусть я дни былые, какъ мечты, люблю,—
Я былымъ надеждамъ мой привѣтъ прощальный
Съ горькою улыбкой и съ тоскою шлю!

Ив. Бунинъ.

* * *

Какой покой глубокій, безмятежный
Въ таинственной тѣни, среди сѣдыхъ стволовъ,
Гамъ, въ самой глубинѣ, гдѣ папоротникъ нѣжный
Раскинулъ кружево причудливыхъ листовъ.
На солнцѣ мохъ сверкаетъ позолотой
И яркой зеленью на посѣдѣвшемъ пнѣ,
Однообразною, тоскующею нотой
Звучитъ кукушки крикъ въ глубокой тишинѣ.
Порой мгновенный вѣтеръ пронесется
И слышится въ вѣтвяхъ подобный морю шумъ,
Какъ будто старый лѣсъ откликнется, проснется
И отъ глубокихъ сновъ и отъ завѣтныхъ думъ.
Какъ хорошо, забывъ свои страданья,
Природы голосамъ внимать средь тишины
И жадно пить душой горячія лобзанья
И солнечныхъ лучей и ласковой весны!

Allegro.

* * *

Небо блещетъ бирюзою,
Золотисты облака;
Отчего младой весною
Разлилась въ груди тоска?
Оттого ли, что безпечно
Свѣжей радостью дыша,
Міръ широкій молодъ вѣчно,
И старѣетъ лишь душа?
Что все живо, что все цѣло, —
Зелень, пѣсни и цвѣты,
И лишь сердце не сумѣло
Сохранить свои мечты?
Оттого-ль, что съ новой силой
За весной весна придетъ,
И надъ каждою могилой
Равнодушно расцвѣтетъ?

К. К. Павлова.

Тѣла и тѣни.

Изъ С. Прюдома.

Счастливыя, алыя губы! какъ сладко
Ихъ слить въ поцѣлуѣ живомъ!
Прижаться къ груди дорогой—и украдкой
Смѣшать два дыханья въ одномъ!

Счастливое сердце, съ горячею кровью!
Какъ внятенъ твой радостный стукъ!
А какъ дышатъ страстью, какою любовью
Дарятъ насъ объятія рукъ!

У глазъ есть улыбки, у пальцевъ пожатья,
Все тѣлу для счастья дано!

Уснетъ—и покой его приметъ въ объятья;
Умретъ—и исчезнетъ оно.

Но бѣдныя, бѣдныя души людскія:
Ничто не сольетъ ихъ вдвоемъ:
Онѣ—какъ въ свѣтильняхъ огни золотые
Подъ тусклымъ и грубымъ стекломъ.

Тюрьма ихъ прозрачна, имъ видно другъ друга,
Такъ нѣженъ ихъ страстный призывъ...
Но радость предчувствія, трепетъ испуга —
Все только безсильный порывъ!

„Дано имъ безсмертье"... Ахъ! лучше-бъ, желаннѣй
Имъ день одинъ жить на землѣ,
Но слиться въ безумный восторгъ обладанья,
Взять все—и погаснуть во мглѣ!

И. И. Тхоржевскій.

Пѣсня.

Я хотѣлъ бы, ненаглядная,
Вновь съ тобой еще увидѣться:
Горькимъ словомъ не обмолвиться,
Дерзкимъ взоромъ не обидѣться,

Молодые сны разсказывать,
Пѣсни нѣжныя налаживать;
Раннимъ утромъ, позднимъ вечеромъ
Подъ окномъ твоимъ расхаживать.

Я не знаю, что сулитъ судьба,
Что сулитъ еще грядущее,
Предстоитъ ли счастье краткое,
Или горе вездѣсущее.

Только вѣрю, ненаглядная,
Только знаю, неизмѣнная,
Что мала намъ жизнь суровая,
Что я плѣнный, а ты плѣнная.

Мы въ когтяхъ нужды измаяны,
Съ черной вѣдьмой-сплетней знались,
И, любя, другъ друга мучили
И другъ другу не признались!

К. М. Фофановъ.

Павелъ Тулубъ.

Зимняя ночь.

Мѣсяцъ сыплетъ нѣжно
Яркій блескъ лучей.
Пролегла безбрежно
Ширь родныхъ полей;
Пролегла, бѣлѣя,
Въ искрахъ, въ серебрѣ...
Хмурый лѣсъ, синѣя,
Дремлетъ на горѣ.
Дремлетъ подъ парчею,
Весь одѣтый въ мглу.
Отъ него—змѣею
Вьется путь къ селу.

Бѣдное селенье!
Крутъ прирѣчный скатъ,
Спятъ, какъ привидѣнья,
Тѣни черныхъ хатъ,
Крыши, словно шапки,
Вплоть до трубъ въ снѣгу.
Скрипъ саней... Лошадки
Ржанье на бѣгу.
Межъ кривыхъ заборовъ
Мчится конь къ полямъ —
Вверхъ, межъ косогоровъ,
Гдѣ темнѣетъ храмъ.
Храмъ унылъ... какъ просто,
Взоромъ нищеты
Смотрятъ въ даль съ погоста
Черные кресты!
Стерегутъ жилище
Тѣхъ, кто здѣсь почилъ..

Обогнувъ кладбище,
Тихій сонъ могилъ,—
Сани скрылись...
Четокъ
На снѣгу ихъ слѣдъ.
Ночь молчитъ. Какъ кротокъ
Серебристый свѣтъ!

Тѣнь отъ церкви строго
На поля легла.
Чуть блеститъ дорога...
Серебрится мгла.

Вздрогнула пугливо
Ночь,—и, словно стонъ,
Колоколъ тоскливо
Сталъ ронять свой звонъ.
Льются звуки-слезы...
И дрожатъ, смутясь,
Имъ въ отвѣтъ березы,
Вдоль дорогъ тѣснясь.
И струится иней,

Словно дождь, съ вѣтвей, —
Вьется надъ пустыней
Дремлющихъ полей.
Вьется, серебрится
Роемъ мотыльковъ —
И, уставъ, ложится
На парчѣ снѣговъ.

Отзвучавъ тоскою,
Замеръ гулкій звукъ.
Снова тишиною
Дышитъ все вокругъ.
Спитъ село глубоко...
Лишь глядитъ окрестъ,
Словно божье око,
Бѣдной церкви крестъ.

Павелъ Тулубъ.

Муромцевъ.

Курганъ.

Въ степи, на равнинѣ открытой,
Курганъ одинокій стоитъ;
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе вѣки зарытъ.
Въ честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разомъ заклали
Всѣхъ женъ и любимца коня.
Когда же его схоронили
И шумъ на могилѣ затихъ,
Пѣвцы ему славу сулили,
На гусляхъ гремя золотыхъ:
„О, витязь, дѣлами твоими

Гордится великій народъ!
Твое громоносное имя
Столѣтія всѣ перейдетъ!
И если курганъ твой высокій
Сравнялся бы съ полемъ пустымъ,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганомъ твоимъ"!
И вотъ миновалися годы,
Столѣтія вслѣдъ протекли,
Народы смѣнили народы,
Лицо измѣнилось земли;
Курганъ же съ высокой главою,
Гдѣ витязь могучій зарытъ,
Еще не сравнялся съ землею,
Попрежнему гордо стоитъ;
А витязя славное имя
До нашихъ временъ не дошло.
Кто былъ онъ? Вѣнцами какими
Свое онъ украсилъ чело?
Чью кровь проливалъ онъ рѣкою?
Какіе онъ жегъ города?
И смертью погибъ онъ какою?
И въ землю опущенъ когда?
Безмолвенъ курганъ одинокій,
Наѣздникъ державный забытъ,
И тризны въ пустынѣ широкой
Никто ужъ ему не свершитъ.
Лишь мимо кургана мелькаетъ
Сайгакъ, черезъ поле скача,
Иль вдругъ на него налетаетъ,
Крылами треща, саранча;
Порой журавлиная стая,
Окончивъ подоблачный путь,
Къ кургану шумитъ подлетая,
Садится на немъ отдохнуть;
Тушканчикъ порою проскачетъ
По немъ, при мерцаніи дня,
Иль всадникъ высоко маячитъ
На немъ удалого коня!
А слезы прольютъ развѣ тучи,
Надъ степью плывя въ небесахъ,

Да вѣтеръ лишь свѣетъ летучій
Съ кургана забытаго прахъ.

А. К. Толстой.

Огоньки.

Весело смѣются
Жизни огоньки,
Яркой лентой вьются
Искры, язычки...

Пламя застилаетъ
Грусть-тоску, печаль,
Сердце замираетъ,
Рвясь куда-то вдаль...

Длинной вереницей
Огоньки бѣгутъ,
Вольной, пѣвчей птицей
Радость намъ поютъ...

Кровь быстрѣетъ въ жилахъ,
Радостно такъ жить...
Здравствуй, все, что въ силахъ
Вѣрить и любить...

. . . . . Тлѣютъ, догорая,
Жизни огоньки,
Рвется грудь, страдая,
Полная тоски..

Въ длинныхъ скорбныхъ звукахъ
Смерти слышенъ зовъ...
Сердце стонетъ въ мукахъ
Тягостныхъ оковъ...

Гаснетъ, зеленѣя,
Слабый огонекъ,
Умираетъ, тлѣя,
Грустенъ, одинокъ...

Оборвались струны,
Замеръ сладкій звонъ.
Жизни голосъ юный
Превратился въ стонъ...

. . . . . Огонекъ поднялся
Слабый невзначай...
Вспыхнулъ... и прервался.
Смерть идетъ... прощай.

Михаилъ Гальперинъ.

* *
*

Быть можетъ, міръ прекраснѣй былъ когда-то,
Быть можетъ, мы отвержены судьбой.
Въ одно, друзья, въ одно я вѣрю свято,
Что каждый вѣкъ быть долженъ самъ собой.

Нѣтъ, за свою печаль, свою тревогу
Я не возьму блаженства прошлыхъ дней.
Мы, отрицая, также служимъ богу,
Какъ наши предки—вѣрою своей.

Пускай мы пьемъ изъ ядовитой чаши.
Но если Богъ поставилъ міру цѣль,
Безъ насъ ей не свершиться. Скорби наши—
Грядущихъ ликованій колыбель.

Мои сомнѣнья созданы не мною,
Моя печаль скрывается въ вѣкахъ.
Знать, вѣра предковъ родилась больною
И умереть должна у насъ въ сердцахъ.

Изъ рукъ судьбы свой крестъ беру смиренно,
Сомнѣній ядъ хочу испить до дна.
Лишь то, чѣмъ мы живемъ, для насъ священно —
И пусть придутъ иныя времена!

Н. М. Минскій.

ТАЙНА.

Почти ребенкомъ я была...
Всѣ любовались мной:
Мнѣ шли и кудри по плечамъ,
И фартучекъ цвѣтной.
Любила мать смотрѣть, какъ я
Молилась по утру,
Любила слушать, если я
Пѣвала ввечеру.
Чужой однажды посѣтилъ
Нашъ тихій уголокъ.
Онъ былъ такъ нѣженъ и уменъ,
Такъ строенъ и высокъ.
Онъ часто въ очи мнѣ глядѣлъ
И тихо руку жалъ,
И тайно глазъ мой голубой
И кудри цѣловалъ...
И, помню, стало мнѣ вокругъ
При немъ все такъ свѣтло,
И стало мутно въ головѣ
И на сердцѣ тепло.
Летѣли дни,—промчался годъ,—
Насталъ послѣдній часъ,—
Ему шепнула что-то мать,
И онъ оставилъ насъ.
И долго-долго мнѣ пришлось
И плакать, и грустить,
Но я боялася о немъ
Кого-нибудь спросить.

Однажды, вижу,—милый гость,
Припавъ къ устамъ моимъ,
Мнѣ говоритъ:—„Не бойся, другъ,
Я для другихъ незримъ".
И съ этихъ поръ онъ—снова мой,
Въ объятіяхъ моихъ,
И страстно, крѣпко онъ меня
Цѣлуетъ при другихъ.
Всѣ говорятъ, что яркій цвѣтъ
Ланитъ моихъ—больной...
Имъ не узнать, какъ жарко ихъ
Цѣлуетъ милый мой!

А. Фетъ.

* *
*

Съ поляны коршунъ поднялся,
Высоко къ небу онъ взвился,
Все выше, далѣ вьется онъ
И вотъ ушелъ за небосклонъ.
Природа-мать ему дала
Два мощныхъ, два живыхъ крыла;
А я здѣсь, въ потѣ и пыли,
Я, царь земли, приросъ къ земли!..

Ѳ. Тютчевъ.

* *
*

Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгораетъ,
И огнь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожираетъ,—
Такъ грустно тлится жизнь моя

И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ,
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьи нестерпимомъ...
О, небо, если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ,
И, не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы и погасъ!

Ѳ. Тютчевъ.

* * *

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся.
Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.
Но цвѣтъ вдохновенья
Печаленъ средь будничныхъ терній,
Былое стремленье—
Далеко, какъ отблескъ вечерній.
Но память былого
Все крадется въ сердце тревожно...
О, если бъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

А. Фетъ.

* * *

...И ляжемъ мы въ вѣкахъ, какъ перегной,
Мы всѣ, кто ищетъ, вѣратъ, страстно дышетъ,
И этотъ гимнъ, въ быломъ пропѣтый мной,
Я знаю, міръ грядущій не услышитъ.
Мы станемъ сказкой, бредомъ, бѣглымъ сномъ,
Порой встающимъ тягостнымъ кошмаромъ.

Они прійдутъ, какъ мы еще идемъ,
За все заплатятъ имъ, — мы гибнемъ даромъ.
Ну, что-жъ! Пусть такъ! Клони меня, судьба.
Дышать грядущимъ гордая услада!
И есть или нѣтъ дорога сквозь гроба,—
Я былъ! Я есмь! Мнѣ вѣчности не надо!

В. Брюсовъ.

* * *

Она, какъ полдень, хороша,
Она загадочнѣй полночи.
У ней не плакавшія очи
И не страдавшая душа.
И мнѣ, чья жизнь—борьба и горе,
По ней томиться суждено...
Такъ вѣчно плачущее море
Въ безмолвный берегъ влюблено.

Н. Минскій.

* * *

Однимъ толчкомъ согнать ладью живую
Съ наглаженныхъ отливами песковъ;
Одной волной подняться въ жизнь иную,
Учуять вѣтръ съ цвѣтущихъ береговъ;
Тоскливый сонъ прервать единымъ звукомъ,
Упиться вдругъ невѣдомымъ роднымъ,
Дать жизни вздохъ, дать сладость тайнымъ мукамъ
Чужое вмигъ почувствовать своимъ;
Шепнуть о томъ, предъ чѣмъ языкъ нѣмѣетъ,
Усилить бой безтрепетныхъ сердецъ,—
Вотъ чѣмъ пѣвецъ лишь избранный владѣетъ!
Отъ въ чемъ его и признакъ, и вѣнецъ!

А. Фетъ.

Сонъ въ лѣтнюю ночь.

Долго ночью вчера я заснуть не могла,
Я вставала, окно отворяла...
Ночь нѣмая меня и томила, и жгла,
Ароматомъ цвѣтовъ опьяняла.
Только вдругъ шелестнули кусты подъ окномъ,
Распахнулась, шумя, занавѣска—
И влетѣлъ ко мнѣ юноша—свѣтелъ лицомъ,
Точно весь былъ изъ луннаго блеска.
Разодвинулись стѣны свѣтлицы моей,
Колоннады за ними открылись,
Въ пирамидахъ изъ розъ вереницы огней
Въ алебастровыхъ вазахъ свѣтились.
Чудный гость подходилъ все къ постели моей;
Говорилъ онъ мнѣ съ кроткой улыбкой:
„Отчего предо мною въ подушки скорѣй
Ты нырнула испуганной рыбкой?
Оглянися—я богъ, богъ видѣній и грезъ,
Тайный другъ я застѣнчивой дѣвы...
И блаженство небесъ я впервые принесъ
Для тебя, для моей королевы“...
Говорилъ—и лицо онъ мое отрывалъ
Отъ подушки тихонько руками;
И щеки моей край горячо цѣловалъ
И искалъ моихъ устъ онъ устами...
Подъ дыханьемъ его обезсилѣла я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало въ ушахъ: „Ты моя! Ты моя!“
Точно арфы далекіе звуки...
Протекали часы... Я открыла глаза...
Мой покой ужъ облитъ былъ зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
Я не знаю, что было со мною...

А. Майковъ.

Ф. Коппе.

* *
*

Изъ Франсуа Коппе.

Подобно ловчему, сѣдому старику,
Недужной старостью прикованному къ дому,
Когда, мечтою онъ переносясь къ былому,
Съ собакою своей присядетъ къ камельку;
Подобно стаѣ птицъ, озябшей и безгласной
Во мракѣ осени холодной и ненастной;
Подобно ржавому, забытому клинку,
Иль арфѣ, брошенной съ разбитою струною;
Подобно очагу, гдѣ больше нѣтъ огня,
Гдѣ вѣетъ холодомъ и мертвой тишиною,—
Увы, подобенъ имъ бываю я, когда
Гармонія стиха душѣ моей чужда,
И творческая мысль разсталася со мною.

О. Чюмина.

* *
*

„Ты вершины достигъ“,
Прошептали два голоса мнѣ,
И тогда я постигъ,
Отчего мое сердце въ огнѣ,
Отчего мое тѣло горитъ,
А межъ тѣмъ на душѣ такъ легко,
Отчего я усталъ и разбитъ
И усталости радъ глубоко.

Больше многихъ терпѣлъ
Я на трудномъ пути;
Зорче многихъ глядѣлъ
Я на цѣль впереди;
Но насталъ разрѣшающій мигъ
Неземной полноты.
Нѣтъ путей—я достигъ высоты,
Нѣтъ надеждъ—я вершины достигъ.

Вижу пройденный путь предъ собой,
Но его я узнать не могу.
Помню кручи надъ бездной сѣдой,
Помню также цвѣты на лугу.
А теперь—оглянись
На воздушный просторъ;
Долы, бездны слились
Въ одноцвѣтный узоръ;
Изъ утесовъ и кручъ,
Изъ тумановъ и тучъ,
Кто-то смѣлый воздвигъ
Красоту внѣ живой красоты.
Нѣтъ пучинъ: я достигъ высоты,
Нѣтъ цвѣтовъ—я вершины достигъ.

Съ одинокой вершины своей
Я зову въ тишинѣ.
Вы съ далекихъ путей
Приходите ко мнѣ!
Если духъ вашъ въ довольствѣ коснѣлъ,

Безнадежностью васъ уязвлю;
Если духъ вашъ въ лишеньяхъ скорбѣлъ,
Безпечальностью васъ исцѣлю.
На судьбу научу васъ глядѣть,
Какъ на дольный узоръ,
Разорву ея сѣть,
Искуплю вашъ позоръ,
Освящу безъ поста и веригъ.
Въ храмъ введу на краю пустоты.
Тотъ умретъ, кто достигъ высоты,
Тотъ воскресъ, кто вершины достигъ.

Н. М. Минскій.

Родинѣ.

I.

О Русь! въ тоскѣ изнемогая,
Тебѣ слагаю гимны я.
Милѣе нѣтъ на свѣтѣ края,
О родина моя!

Твоихъ равнинъ нѣмыя дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышатъ небеса,
Среди болотъ, въ безсильи хиломъ,
Цвѣткомъ поникшимъ и унылымъ,
Восходитъ блѣдная краса.

Твои суровые просторы
Томятъ тоскующіе взоры
И души, полныя тоской.
Но и въ отчаяньи есть сладость.
Тебѣ, отчизна, стонъ и радостъ,
И безнадежность, и покой.

Милѣе нѣтъ на свѣтѣ края,
О Русь, о родина моя.
Тебѣ, въ тоскѣ изнемогая,
Слагаю гимны я.

II.

Люблю я грусть твоихъ просторовъ,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылыхъ приговоровъ
Я не боюсь и не стыжусь.

И всѣ твои пути мнѣ милы,
И пусть грозитъ безумный путь
И тьмой и холодомъ могилы,
Я не хочу съ него свернуть.

Не заклинаю духа злого,
И, какъ молитву наизусть,
Твержу все тѣ жъ четыре слова:
„Какой просторъ! Какая грусть!"

III.

Печалью, безсмертной печалью
Родимая дышитъ страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.

Свобода побѣды ликуетъ
Въ чужой лучезарной дали,
Но русское сердце тоскуетъ
Вдали отъ родимой земли,

Въ безумныхъ, въ напрасныхъ томленьяхъ
Томясь, какъ заклятая тѣнь,
Тоскуетъ о скудныхъ селеньяхъ,
О дымѣ родныхъ деревень.

Ѳеодоръ Сологубъ.

* *
*

Все для него она забыла:
И небеса земли родной,
И стыдъ дѣвичій, и покой —
Все отдала: она... любила!
А онъ—безжалостно помялъ,
Сгубилъ вѣнокъ ея душистый,
Но не постигъ и не узналъ
Ея любви святой и чистой.
Не внявъ безпомощнымъ мольбамъ
Онъ, въ краткій мигъ самозабвенья,
Безъ страсти, кубокъ наслажденья
Поднесъ къ безтрепетнымъ устамъ.
Разбилось сердце въ ней на части,
На вѣкъ въ ней радость умерла,
Она слезу на ложе страсти,
А не восторги принесла.
Какъ нѣжный цвѣтъ отъ бурной ночи,
Ея увяла красота,
Потухли огненныя очи,
Молчали блѣдныя уста...
Исчадье суеты всесвѣтной,
Онъ—измѣнилъ ей, безотвѣтной,
И свѣтъ не осуждалъ его.
Она—угасла незамѣтно,
Не проклиная никого.
Не зналъ онъ совѣсти терзанья
И до конца не сознавалъ,
Какое нѣжное созданье
Обрекъ на горе и страданье,
Какое сердце растерзалъ!

А. Н. Яхонтовъ.

*

Въ вечерній часъ я тихо степью брелъ,
И у могилы, при большой дорогѣ,
Остановился, точно тутъ нашелъ
Все, что душой давно искалъ въ тревогѣ.
Разсѣянно я посмотрѣлъ окрестъ:
Все съ дѣтскихъ лѣтъ знакомое, родное,—
И степь, и даль, и почернѣлый крестъ,
И облако, въ закатѣ золотое.
По степи кто-то кроткій проходилъ,
Благословляя небо, землю, воды.
Онъ заодно меня благословилъ,
Какъ мать моя въ младенческіе годы.
И тихо ночь къ могилѣ подошла,
На ней траву росою окропила,
И у креста беззвучно замерла,
И золотыя кудри уронила.
Свою головку спрятавъ подъ крыло,
Заснулъ послѣдній жаворонокъ. Чудно
Зажглися звѣзды. Живо и свѣтло
На небѣ стало, а въ степи безлюдно,
И только влажный, дикій ароматъ
Лился съ цвѣтовъ. Дорогою степною
Вдаль отъ креста побрелъ я наугадъ,
И кто-то тѣнью слѣдовалъ за мною.
Когда жъ вдали забрезжилъ огонекъ,
И мимо я хотѣлъ пройти сурово,
Къ моей груди прижался онъ безъ слова
И все простилъ, что я простить не могъ.

А. М. Ѳедоровъ.

И. Бунинъ.

* *
*

Крестъ въ долинѣ при дорогѣ,
А на немъ, на ржавыхъ копьяхъ
У подножія Распятья,
Изъ степныхъ цвѣтовъ вѣнокъ...
Какъ былъ ясенъ южный вечеръ!
Какъ любилъ я вечерами
Уходить въ просторъ долины,
Къ одинокому кресту!

Тяжело въ тѣ дни мнѣ было.
Я былъ молодъ, я навѣки
Съ тѣмъ, кому я отдалъ душу,
Разставался въ эти дни.
Чья же грусть мою смиряла?
Кто, задумчивый и кроткій,
Сплелъ въ долинѣ при дорогѣ

Изъ степныхъ цвѣтовъ вѣнокъ?

За широкою долиной,
Въ балкахъ, даль полей синѣла,
Южный августовскій вечеръ
Былъ спокоенъ, тихъ и ясенъ,
А въ долинѣ кто-то пѣлъ
И звала меня, томила
Даль полей, что позднимъ лѣтомъ
Такъ прекрасна и безстрастна,
Такъ безлюдна и грустна...

Память сердца, образъ милый!
Все, чѣмъ молодость смущала,
Все, чѣмъ сладко упивалось
Молодое сердце въ скорби,
Все теперь слилось съ тобой.
Разлученъ съ тобой навѣки,
Съ тайной болью вспоминаю
То, чего забыть нѣтъ силы,
Но съ печальнаго пути
Все назадъ гляжу съ печалью,
Все надѣюсь, что услышу
Хоть послѣднее „прости!“

Ив. Бунинъ.

Прощальный взглядъ.

Я сквозь незапертыя двери
Вошелъ въ давно знакомый домъ,
Какъ въ замокъ сказочныхъ повѣрій,
Постигнутый волшебнымъ сномъ.

Сквозь спущенныя занавѣски
Чуть проникали тѣни дня,
И люстры тонкія подвѣски
Сверкали блѣдно, не звеня.

И такъ шаги казались странны,
Почти заглушены въ коврахъ.
Картины, темны и туманны,
Терялись смутно на стѣнахъ.

Я встрѣтилъ взглядъ безъ выраженья
Остановившихся часовъ.
Полузасохшія растенья
Стояли стражей мертвецовъ.

Я заглянулъ... Она смотрѣла,
Какъ тихо догоралъ каминъ.
Зола какихъ-то писемъ тлѣла,
Но въ воздухѣ дышалъ жасминъ.

На платье бѣлое—все рѣже
Бросали угли отсвѣтъ свой.
Она вдыхала запахъ свѣжій,
Клонясь все ниже головой.

И, не веселый, не печальный,
Я скрылся, какъ вошелъ, безъ словъ,
Принявъ въ гостиной взглядъ прощальный
Остановившихся часовъ.

Валерій Брюсовъ.

Звѣздная ночь.

Изъ С. Петөфи.

Въ окно мое сіянье звѣздной ночи
Вливается во всей красѣ своей,
И къ небесамъ я устремляю очи,
А мыслью рвусь къ возлюбленной моей.

И небеса сіяющія эти,
И та, кого люблю я—краше нѣтъ,

Милѣе ихъ нѣтъ ничего на свѣтѣ,
А я брожу по свѣту много лѣтъ.

Уходитъ ночь; въ гористой синей дали
На западѣ луна еще видна,
Но уменьшась, какъ гнетъ моей печали,
Блѣднѣе все становится она.

Высоко звѣздъ блестящія плеяды
Стоятъ теперь... Вотъ заалѣлъ востокъ,
Пѣтухъ запѣлъ, и утренней прохлады
Предвѣстникомъ поднялся вѣтерокъ...

Пора во снѣ искать успокоенья,
Но не для сна настроена душа...
Дѣйствительность прекраснѣй сновидѣнья
И въ этотъ мигъ жизнь чудно хороша!

О. М-ва.

Первая любовь.

О, да, сомнѣнья нѣтъ: ты любишь въ первый разъ.
Завѣтныхъ чувствъ тебѣ не скрыть отъ зоркихъ глазъ.
Они отражены въ твоемъ невинномъ взорѣ—
И тѣмъ яснѣй, чѣмъ ты таишь ревнивѣй ихъ:
Вѣдь, чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ съ сонмомъ звѣздъ своихъ
Яснѣй отражено ночное небо въ морѣ.

Все выдаетъ тебя: веселіе и грусть,
Невольный вздохъ и стихъ, прочтенный наизусть,
И блѣдность томная, и вспыхнувшая краска,
И музыкой любви проникнутая рѣчь,—

Твой каждый шагъ и жестъ.. движенье юныхъ
плечъ..
О вѣчно-новая плѣнительная сказка!

Все существо твое пронизано, согрѣто
Огнемъ любви живой, какъ небо въ часъ разсвѣта
О, какъ въ лучахъ ея ты дивно хороша!
Какъ вѣрно счастливъ онъ и гордъ невыразимо,
Тотъ, кѣмъ однимъ всегда полна твоя душа,
Чье имя ты, порой, прошепчешь чуть дыша ..
Ты любишь въ первый разъ. Ты любишь и лю-
бима.

А. М. Ѳедоровъ.

* * *

Въ моемъ незнаньи – такъ много вѣры
Въ расцвѣтъ весенній грядущихъ дней;
Мои надежды, мои химеры,
Тѣмъ ярче свѣтятъ, чѣмъ мракъ темнѣй.
Въ моемъ молчаньи—такъ много муки,
Страданій гордыхъ, незримыхъ слезъ,
Ночей безсонныхъ, вѣковъ разлуки,
Нераздѣленныхъ, сожженныхъ грезъ.
Въ моемъ безумьи—такъ много счастья,
Восторговъ жадныхъ, могучихъ силъ,
Что сердцу страшенъ покой безстрастья,
Какъ мертвый холодъ нѣмыхъ могилъ.
Но щитъ мой крѣпкій—въ моемъ незнаньи
Отъ страха смерти и бытія.
Въ моемъ молчаньи—мое призванье,
Мое безумье—любовь моя

М. Лохвицкая.

* * *

Жаль мнѣ тѣхъ, чья гибнетъ сила
Подъ гнетущимъ игомъ зла,
Жаль мнѣ тѣхъ, кого могила
Преждевременно взяла,—
Тѣхъ бойцовъ съ душою чистой,
Мысли доблестныхъ вождей,
Что дорогою тернистой
Бодро къ цѣли шли своей,
Съ словомъ пламеннымъ пророка,
Пробуждающимъ отъ сна...
Я скорблю о нихъ глубоко,
Свято чту ихъ имена!
Но и васъ мнѣ жаль порою,
Изнемогшихъ на пути:
Не хотѣли вы съ толпою
Ослѣпленною брести,
Но не въ силахъ были благу
Ближнихъ жертвовать собой;
Духъ вашъ гордость и отвагу —
Все утратилъ предъ бѣдой.
Жаль мнѣ васъ: я знаю, совѣсть
Часто шепчетъ вамъ укоръ;
Вашей молодости повѣсть
Вамъ слезой туманитъ взоръ.
Въ вашемъ сердцѣ боязливомъ
Не угасли стыдъ и честь;
Знаю я, благимъ порывамъ
И теперь къ вамъ доступъ есть;
Но надъ вами полной власти
Не имѣть имъ никогда,
Потому что сила страсти
Сердцу вашему чужда.
И идете вы, склоняя
Грустно голову свою,
Но въ душѣ благословляя
Честно гибнущихъ въ бою...
Жаль мнѣ васъ. Но есть иные, —
И безчисленны они, —
Что на подвиги благіе

Также шли въ былые дни;
Но высокія стремленья
Въ жертву пошлости людской
Принесли безъ сожалѣнья,
Преклонившись предъ судьбой.
Честной мысли измѣнили,
Братьевъ продали своихъ,
И позоромъ ихъ клеймили,
И швыряли грязью въ нихъ.
Эта дышущая злобой
И предательская рать
Будетъ ненависть до гроба
Въ честныхъ душахъ пробуждать!

А. Плещеевъ.

* * *

Разстался я съ обманчивыми снами
Моей давно исчезнувшей весны!
Казалось, жизни мутными волнами
Уже навѣкъ они унесены.
Казалось мнѣ, что нѣтъ ужъ къ нимъ возврата,
Смирился я предъ силой роковой;
За что страдалъ, боролся я когда-то —
Все я призналъ несбыточной мечтой.
Казалось, въ прокъ пошли мнѣ наставленья
Тѣхъ мудрецовъ, что, мнѣ бѣдой грозя,
Твердили: „Брось безумныя стремленья!
„Порочный міръ пересоздать нельзя.
„Пусть онъ коварной лжи опутанъ сѣтью,—
„Не твой картонный мечъ ее прорветъ,
„Перешибить нельзя обуха плетью:
„Живи же такъ, какъ большинство живетъ"!
И годы шли, и въ жилахъ кровь все стыла,
Въ душѣ все гасла вѣра въ идеалъ,

И афоризмъ: „солому ломитъ сила"
Порывы думъ кипучихъ охлаждалъ...
Но отчего-жъ, когда порою снова,
Средь мудрецовъ съ остывшею душой,
Изъ юныхъ устъ восторженное слово
Услышу я, зовущее на бой,
На честный бой, во имя тѣхъ забытыхъ
Безумныхъ грезъ... О! отчего тогда
Вдругъ на моихъ поблекнувшихъ ланитахъ
Румянецъ вспыхнетъ жгучаго стыда?
И отчего такъ сильно сердце бьется,
Какъ билось въ дни весны моей оно,
И къ жизни вновь все просится и рвется,
Что въ глубинѣ его погребено?
Или—когда о нагломъ ликованьи,
О торжествѣ неправды слышу я,
Зачѣмъ во мнѣ кипитъ негодованье,
И злобы такъ полна душа моя!
И кажется мнѣ пошлостью бездушной
Вся эта мудрость опытныхъ людей,
Которой я принесъ, какъ рабъ послушный,
Васъ въ жертву, грезы юности моей!..

А. Плещеевъ.

В. Гюго.

Праздникъ Нерона.

Друзья! Тьмою скорби нашъ духъ омраченъ;
Отъ скорби мудрецъ убѣгаетъ.
На праздникъ веселый васъ цезарь Неронъ,
Властитель земли, призываетъ.
Идите въ сіяющій царскій чертогъ:
Игрой іонійской на лирѣ
И пѣньемъ плѣнитъ васъ гармоніи богъ,
Поэтъ знаменитѣйшій въ мірѣ.

Я вижу: веселіемъ блещетъ вашъ взоръ;
Неправда ль, пиры, что давали
Палласъ отпущенникъ и грекъ Агеноръ,
Вамъ веселы такъ не бывали?
И даже на празднествахъ шумно хмѣльныхъ,

Гдѣ мудрый Сенека, въ часъ оргій,
Пилъ влагу Фалерна изъ чашъ золотыхъ.
Я видѣлъ васъ въ меньшемъ восторгѣ.

И даже тогда, какъ, подъ сѣнью цвѣтной
Азійской палатки, мы плыли
Въ галерѣ съ Аглаей, фалернской красой,
Не столько вы радостны были;
И даже тогда, какъ въ Батавіи львы
Предъ нами, подъ музыку, рвали
Рабовъ, разукрашенныхъ розами,—вы
Такого блаженства не знали!

Смотрите! Я Римъ,—цѣлый Римъ вамъ зажегъ!
Поставьте на башнѣ высоко
Носилки мои, чтобы видѣть я могъ
Разливъ огневого потока!..
Что жаркія битвы несчастныхъ рабовъ
Съ звѣрями средь узкой арены?—
Мой циркъ -колоссальный: семь славныхъ холмовъ,
Всемірнаго города стѣны!

Я пролилъ на Римъ это море огня
Затѣмъ, что забыться мнѣ надо.
Тоска убиваетъ всечасно меня,
Видъ бѣдствій людскихъ мнѣ отрада!
Владыкѣ земному, какъ богу, порой
Перуны бросать подобаетъ!..
Смотрите: вотъ мракъ освѣтился ночной,
Пожаръ разлился и пылаетъ!

Смотрите, смотрите: надъ грудой домовъ
Сожженныхъ кровавое пламя,
Дрожа, развѣваетъ свой дымный покровъ,—
Побѣды гигантское знамя!
Въ объятьяхъ огня гибнутъ и храмъ и чертогъ.
Онъ жжетъ ихъ палящимъ лобзаньемъ...
О, если бъ душить я объятьями могъ,
Мертвить поцѣлуя дыханьемъ!..

Вы слышите вопли? Вы видите,—тамъ,
Средь пламени, мечутся люди,

Бѣгутъ и мелькаютъ, подобно тѣнямъ,
У зданій, дымящихся въ грудѣ!
Повсюду тревога, и грохотъ, и громъ;
Решетки изъ бронзы, колонны
Огонь расплавляетъ, и бронза ручьемъ
Сливается въ Тибръ возмущенный.

Все рушится: мраморы, яшма, порфиръ;
Весь блескъ, всѣ сокровища Рима,
И храмъ, и алтарь, и священный кумиръ —
Все гибнетъ средь пепла и дыма!
Гигантскій, торжественный пламенникъ, мною
Зажженный, все ярче пылаетъ,
И съ рѣзвымъ веселіемъ вѣтеръ ночной
Сіянье его раздуваетъ!

Горитъ Капитолій священный, горитъ,
Затопленъ пожара волнами,
Темнѣютъ въ огнѣ, будто мостъ чрезъ Коцитъ,
Столбы акведука рядами;
Ломаются башни, падутъ купола...
Доволенъ Нерономъ ты, Римъ мой!
Я мракъ твоего вѣкового чела
Блестящей вѣнчалъ діадемой.

Въ младенчествѣ слышалъ я: голосъ Сивиллъ
Предрекъ, что конецъ твой настанетъ
Тогда лишь, когда лучъ небесныхъ свѣтилъ
Для міра сіять перестанетъ;
На гробѣ твоемъ седмихолмномъ покровъ
Опуститъ лишь вѣчности хаосъ, —
Смотрите жъ, друзья мои: сколько часовъ
Для жизни вселенной осталось?

Какъ дивенъ въ тьмѣ ночи пожаръ! Геростратъ,
Затмилъ я тебя своей славой!..
Что гибель народа, коль цезаря взглядъ
Утѣшенъ чудесной забавой!
Чтобъ дольше душой веселиться я могъ,
Помедли, о пламень пожара...

Снимите съ чела мнѣ поблекшій вѣнокъ:
Цвѣты въ немъ увяли отъ жара!

О, Римъ! Я казню тебя страшнымъ бичемъ
Безумствамъ твоимъ въ искупленье:
Юпитера ты почиталъ божествомъ,
Христу возносилъ поклоненье;
Теперь, утопающій въ морѣ огня,
Постигъ ты съ рыданьемъ и стономъ,
Что долженъ воздвигнуть алтарь для меня,
Курить ѳиміамъ предъ Нерономъ...

Разрушилъ я Римъ, чтобъ прекраснѣе онъ
Возсталъ изъ руинъ своихъ черныхъ;
Разрушилъ я Римъ, чтобъ навѣкъ истребленъ
Былъ родъ христіанъ непокорныхъ.
Неронъ будетъ богомъ вселенной: Христосъ
Изъ міра исчезъ невозвратно.
Ликуйте!.. Рабы, принесите мнѣ розъ,
Дыханіе розъ ароматно!..

В. Буренинъ.

Три путника.

Изъ Уланда.

Въ свой край возвратяся изъ дальней земли,
Три путника въ гости къ старушкѣ зашли.
„Прими, пріюти насъ на темную ночь:
Но гдѣ-же красавица? Гдѣ твоя дочь?"
— Принять, пріютить васъ готова, друзья;
Скончалась красавица-дочка моя. —
Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ:
Въ свѣтлицѣ красавица въ гробѣ лежитъ.
И первый, подняв ши покровъ гробовой,

На мертвую смотритъ съ унылой душой
„Ахъ, еслибъ на свѣтѣ еще ты жила,
Ты мною-бъ отнынѣ любима была!“
Другой покрывало опять наложилъ,
И горько заплакалъ, и взоръ опустилъ.
„Ахъ, милая, милая, ты-ль умерла?
Ты мною такъ долго любима была“!
Но третій опять покрывало поднялъ
И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ.
„Тебя я любилъ; мнѣ тебя не забыть;
Тебя я и въ вѣчности буду любить“.

В. Жуковскій.

Миронова.

Рожденіе арфы.

(Изъ Т. Мура).

Одно я чудесное знаю преданье, —
У моря кудрявая нимфа жила,
Томилась бѣдняжка тоской ожиданья,
И горькія слезы о миломъ лила...

Но тщетно слезами она орошала
Волнистыя пряди роскошныхъ кудрей
И тщетно рыдающей пѣсней своей
Пловцовъ задремавшихъ отъ сна пробуждала...

Но сжалились боги, и чудо свершилось,
Вдругъ арфа явилась изъ тѣла ея,

Волосъ ея пышныхъ волна превратилась
Въ волшебныя струны, печально звеня...

Пусть время несется, но съ той же тоскою
Рокочетъ и стонетъ и дышитъ струна,
Когда я до арфы дотронусь рукою,
Все та же печаль и любовь въ ней слышна!..

Эллисъ.

Пѣсня бобыля.

Ни кола ни двора,
Зипунъ—весь пожитокъ...
Эхъ, живи—не тужи,
Умрешь—не убытокъ!
Богачу-дураку
И съ казной не спится;
Бобыль голъ, какъ соколъ,
Поетъ-веселится.
Онъ идетъ да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ.
Сторонись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!
Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ поклоны...
Эхъ, присвистни, бобыль!
Слушай, лѣсъ зеленый!
Ужъ ты плачь ли, не плачь,
Слезъ никто не видитъ;
Оробѣй, загорюй, —
Курица обидитъ.
Ужъ ты сытъ ли, не сытъ, —
Въ печаль не вдавайся,
Причешись, распахнись,
Шути, улыбайся!

Поживемъ, да умремъ —
Будетъ голь пригрѣта...
Разумѣй, кто уменъ,—
Пѣсенка допѣта!

И. Никитинъ.

Грустная бесѣда.

Изъ П. Верлэна.

Въ заброшенномъ паркѣ, въ продрогшей аллеѣ
Мелькаютъ двѣ тѣни, во мракѣ чернѣя...

Трепещутъ ихъ губы, безжизненъ ихъ взоръ,
Чуть слышенъ отрывистый ихъ разговоръ.

Въ заброшенномъ паркѣ, въ продрогшей аллеѣ
Два призрака скорбныхъ мелькаютъ, чернѣя...

— „Ты помнишь ли наши восторги святые?"
— „Зачѣмъ воскрешать намъ мечтанья былыя!.."

— „Трепещетъ ли грудь твоя страстно въ отвѣтъ
Названіямъ милымъ, какъ прежде?"—„О, нѣтъ!"

— „Безсмертенъ блаженный тотъ мигъ, какъ припали
Мы жадно устами другъ къ другу?" — „Едва ли!"

— „И ясное небо, и поле, и лѣсъ?"
— „Увяли надежды подъ мракомъ небесъ!.."

Такъ грустно въ аллеѣ несется ихъ ропотъ;
Внимаетъ лишь ночь ихъ отрывистый шопотъ...

Эллисъ.

Греза пловца.

Изъ М. Арндта.

Буря воетъ, волны въ морѣ такъ и ходятъ ходуномъ.
Стрѣлы молніи летаютъ грозно въ воздухѣ ночномъ.
Старый кормчій сладко дремлетъ на скамейкѣ челнока:
Эти бури, эти молньи не смущаютъ старика.
Чѣмъ сильнѣй кидаетъ вѣтеръ къ верху, къ низу утлый челнъ,
Тѣмъ пловцу отраднѣй спится подъ сердитый ропотъ волнъ.
Передъ нимъ толпятся грезы; ихъ живой и свѣтлый рой
Тѣшитъ сердце, грѣетъ душу прихотливою игрой.

Вотъ встаетъ изъ океана, свѣтомъ солнечнымъ облитъ,
Островокъ; ковромъ зеленымъ и цвѣтами онъ покрытъ;
Вся природа нарядилась, какъ невѣста подъ вѣнецъ;
Хоръ волшебно-чудныхъ звуковъ слышитъ въ воздухѣ пловецъ.
„Здѣсь", кричитъ онъ, „бросимъ якорь, здѣсь причалимте, друзья!
Здравствуй, берегъ, здравствуй, пристань вожделѣнная моя!
Здравствуй, солнце золотое и небесная лазурь!
О, какъ сладко, безмятежно здѣсь засну я послѣ бурь"!

Вдругъ какъ-будто-бы пожаромъ озарилась ночи мгла,
Съ неба огненнаго грозно въ челнъ ударила стрѣла—
И чрезъ нѣсколько мгновеній вдоль прибрежныхъ дикихъ скалъ

Только трупы и обломки океанъ сердитый мчалъ
И до пристани желанной онъ домчалъ ихъ наконецъ...
Исполненья сладкой грезы ты дождался, мой пловецъ!
Вотъ и солнце золотое, вотъ и свѣтлая лазурь —
Спи жъ теперь невозмутимо, спи, счастливецъ, послѣ бурь!

П. Вейнбергъ.

Парки.

Будь, что будетъ—все равно,
Парки дряхлыя, прядите
Жизни спутанныя нити,
Ты шуми, веретено.

Все наскучило давно
Тремъ богинямъ, вѣщимъ пряхамъ,
Было прахомъ, будетъ прахомъ, —
Ты шуми, веретено.

Нити вѣчныя судьбы
Тянутъ Парки изъ кудели,
Безъ начала и безъ цѣли.
Не склоняютъ ихъ мольбы,

Не плѣняетъ красота;
Головой онѣ качаютъ,
Правду горькую вѣщаютъ
Ихъ поблеклыя уста.

Мы же лгать обречены:
Роковымъ узломъ отъ вѣка
Въ слабомъ сердцѣ человѣка
Правда съ ложью сплетены.

Лишь уста открою, —лгу,
Я разсѣчь узловъ не смѣю,
А распутать не умѣю,
Покориться не могу.

Лгу, чтобъ вѣрить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цѣпи рабства и любви,
Все, предъ чѣмъ я полонъ страхомъ,
Разсѣкутъ единымъ взмахомъ,
Парка, ножницы твои!

Д. С. Мережковскій.

* * *

Мнѣ снилось вечернее небо
И крупныя звѣзды на немъ,
И блѣдно-зеленыя ивы
Надъ блѣдно-лазурнымъ прудомъ;
И весь утонувшій въ сирени
Твой домикъ, и ты у окна,
Вся въ бѣломъ, съ поникшей головкой,
Прекрасна, грустна и блѣдна...
Ты плакала... Свѣтлыя слезы
Катились изъ свѣтлыхъ очей,
И плакали гордыя розы,
И плакалъ въ кустахъ соловей.
И съ каждою новой слезою
Внизу, въ ароматномъ саду,
Мерцая, свѣтлякъ загорался
И небо роняло звѣзду.

С. Я. Надсонъ.

Кубокъ.

Вновь тотъ же кубокъ съ влагой черной,
Вновь кубокъ съ влагой огневой!
Любовь, противникъ необорный,
Я узнаю твой кубокъ черный
И мечъ, взнесенный надо мной.
О, дай припасть устами къ краю
Бокала смертнаго вина!
Я бросилъ щитъ, я уступаю,—
Лишь дай, припавъ устами къ краю,
Огонь отравы пить до дна!
Я знаю, мечъ меня не минетъ,
И кубокъ твой беру, спѣша.
Скорѣй! скорѣй! пусть пламя хлынетъ,
И крикъ восторга въ небо кинетъ
Моя сожженная душа!

Валерій Брюсовъ.

Восходъ солнца.

Солнце свѣтлое восходитъ,
Озаряя мглистый долъ,
Гдѣ еще безумство бродитъ,
Гдѣ ликуетъ произволъ.
Зыбко движутся туманы.
Сколько холода и мглы!
Полуночные обманы
Какъ сильны еще и злы!
Злобы неизмѣнно-ползучей
Ополчилась шумно рать,
Чтобъ зловѣщей, черной тучей
Наше солнце затмевать.

Солнце ясное, свобода!
Горячи твои лучи,
Въ часъ великаго восхода
Возноси ихъ, какъ мечи.
Яркій зной, какъ тяжкій молотъ,
Подними и опусти,
Побѣждая мракъ и холодъ
Загражденнаго пути.
Тѣмъ, кто въ длительной печали
Гордой волей изнемогъ,
Озари святыя дали
За усталостью дорогъ.
Кто въ объятьяхъ сна нѣмого
Позабылъ завѣтъ любви,
Тѣхъ горящимъ блескомъ снова
Къ новой жизни воззови!

Ѳедоръ Сологубъ.

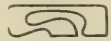
* * *

Изъ А. Теннисона.

Ночь ли, горящая ризою звѣздной,
Мчится надъ бездной
Темныхъ морей,
Утро ль надъ спящими мирно водами
Блещетъ лучами
Алыхъ огней, —
Образъ любимый горитъ предо мною,
Жжетъ мое сердце безумной тоскою...
Призракъ обманутой горькой любви
Брызжетъ отравою въ раны мои.
Мчись же, мой парусъ, стрѣлою летучей
По влагѣ пѣвучей
Водъ голубыхъ!
Вѣрь мнѣ—покуда ты, гордая, дышешь,—
Ты не услышишь
Жалобъ моихъ.

Пусть пролетятъ вереницею годы,—
Кровью купилъ я отраду свободы;
Пусть надрывается сердце тоской —
Воля и гордость, и пѣсни со мной.

Ѳ. Ч-скій



Серенада.

Тянутся по небу тучи тяжелыя,
Мрачно и сыро вокругъ.
Съ плачемъ деревья качаются голыя...
Не просыпайся, мой другъ!
Не разгоняй сновидѣнья веселыя,
Не размыкай своихъ глазъ.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ.
Счастливъ, кто спитъ, кому въ осень холодную
Грезятся ласки весны.
Счастливъ, кто спитъ, кто про долю свободную
Въ тѣсной тюрьмѣ видитъ сны.
Горе проснувшимся! Въ ночь безысходную
Имъ не сомкнуть своихъ глазъ.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ...

Н. М. Минскій.

С. Кречетовъ.

Алкоголь.

Когда толпа надеждъ растерянно рыдаетъ
И дьяволъ прошлаго на раны сыплетъ соль,
Когда спасенья нѣтъ... лишь онъ не отступаетъ,
Лишь онъ, цѣлитель мукъ, священный Алкоголь.

Въ немъ невозможное такъ сладостно возможно,
Единымъ маніемъ мечты воплощены,
Въ немъ дивно истинно, что было только ложно,
И сны—какъ будто явь, и явь — какъ будто сны.

Хохочетъ онъ въ глаза желѣзному закону,
Въ снѣгахъ творитъ цвѣты и всѣхъ зоветъ: сорви!
Бѣднягѣ-нищему даритъ, смѣясь, корону
И нелюбимому—вѣнецъ его любви.

О Царь отверженныхъ! О радость позабытыхъ!
О претворяющій въ восторгъ земную боль!
Ты въ заревѣ вѣковъ—какъ сфинксъ на черныхъ
плитахъ,
Владыка гордыхъ сновъ, священный Алкоголь!

С. Кречетовъ.

* * *

Изъ Т. Мура.

Я тихо брелъ въ тѣни задумчиваго сада...
Ночь мчалась надо мной, прозрачна и свѣтла,
И ароматная прохлада
Меня, какъ друга, обняла...

Изъ зелени вѣтвей, трепещущихъ и сонныхъ,
Летѣлъ, лаская слухъ, живой привѣтъ веснѣ
Незримаго пѣвца ночей посеребренныхъ,
Грезъ опьяняющихъ, безумныхъ и влюбленныхъ...
Всего, что такъ давно сжигало сердце мнѣ.

И въ синевѣ небесъ мерцали надо мною
Любимые глаза и въ пѣснѣ соловья,
Окованный одной безсмертною мечтою,
Любимый голосъ слышалъ я...

И встрѣчи прежнія нежданно воскресали —
Подъ тѣнью блѣдныхъ ивъ надъ дремлющей рѣкой
И въ сердце старый ядъ невидимо вливали,
И жгли меня блаженною тоской...

И все, что сладкою отравою обмана
Вливалось въ грудь мою, что отвлекло меня
Отъ битвъ, трудовъ и жертвъ — изъ сѣрой мглы
тумана
Вставало предо мной подъ гимны соловья.

И стыдъ не жегъ меня, и пламя тайной муки
Въ душѣ не вспыхнуло!.. Подъ сладостные звуки,
Безъ думы сумрачной, безъ покаянныхъ слезъ,
Въ безсильи опустивъ безпомощныя руки,
Я пилъ блаженный ядъ воскресшихъ лживыхъ
грезъ...

Ѳ. Ч-скій.

Молодость.

Молодость! Все въ этомъ словѣ!
Молодость—жизни весна!
Мощь, красоту и веселье, —
Все воплощаетъ она.

Молодость въ сумракѣ міра
Яркою свѣтитъ звѣздой;
Откликъ страданью и скорби —
Только въ душѣ молодой!

Пусть упадаютъ на тѣло
Пагубнымъ гнетомъ года,
Лишь бы душа человѣка
Вѣчно была молода;

Лишь бы она сохраняла
Чудную силу свою;
Съ правдой и свѣтомъ въ союзѣ,
Съ кривдой и тьмою въ бою:

Лишь бы она не слабѣла
Въ этой великой борьбѣ, —
Рано иль поздно—побѣда...
Молодость! Слава тебѣ!

П. Вейнбергъ.

* * *

„Она была твоя"—шепталъ мнѣ вечеръ мая,
Дразнила долго пѣсня соловья.
Теперь онъ замолчалъ и эта ночь нѣмая
Мнѣ шепчетъ вновь: „она была твоя"!
Какъ листья тополей въ сіяньи серебристомъ,
Мерцаетъ прошлое, погибшее давно;
О немъ мнѣ говорятъ и звѣзды въ небѣ чистомъ,
И запахъ резеды, ворвавшійся въ окно.
И некуда бѣжать, и мучитъ ночь нѣмая,
Рисуя милыя, знакомыя черты...
О, незабвенная, о, вѣчно дорогая,
Откликнись, отзовись, скажи мнѣ: гдѣ же ты?
Вотъ видишь: безъ тебя мнѣ жить невыносимо,
Я изнемогъ, я выбился изъ силъ;
Обиды, горе, зло,—я все забылъ, простилъ,
Одна любовь во мнѣ горитъ неугасимо!
Дай подышать съ тобой мнѣ воздухомъ однимъ,
Откликнись, отзовись, явись хоть на мгновенье,
А тамъ пускай опять хоть годы заточенья
Съ могильнымъ холодомъ своимъ!

А. Н. Апухтинъ.

Умѣй страдать.

Когда тебя клеймятъ, какъ женщину и мать,
За мигъ, одинъ лишь мигъ, украденный у счастья,
Безмолвствуя, храни покой безстрастья,
Умѣй молчать!
И если радостей—короткой будетъ нить,
И твой кумиръ тебя осудитъ скоро
На гнетъ тоски, и горя, и позора, —
Умѣй любить!
И если на тебѣ избранія печать,

Но суждено тебѣ влачить ярмо рабыни, —
Неси свой крестъ съ величіемъ богини,
Умѣй страдать!

М. А. Лохвицкая.

Сказка.

Мы вамъ непонятны, мы—витязи моря,
Мы—дѣти таинственной вамъ глубины.
Ни ваше оружье, ни холодъ, ни горе
Убить насъ не могутъ: мы—голосъ волны.

Не знаемъ мы страха: ударъ вашей стали
Изъ нашей груди только искры метнетъ!
Насъ цѣлую вѣчность титаны ковали,
Мы всѣ—закаленные холодомъ водъ.

Безвредны намъ стрѣлы изъ вашего стана
И шумъ вашихъ бурь, и раскатъ вашихъ грозъ!
Мы—гордыя дѣти царя Океана;
Суровъ онъ и страшенъ въ коронѣ изъ слезъ.

И сквозь изумрудные синіе своды,
Въ кипѣніи пѣны, тяжелой стопой
Выходимъ изъ моря, и пѣнятся воды,
И латы горятъ золотой чешуей.

Подъ мертвеннымъ, лунным сіяніемъ ночи
Блестятъ ослѣпительно наши мечи,
И кажется вамъ, что ударили въ очи
Желаннаго жаркаго солнца лучи.

И въ вашихъ лѣсахъ просыпаются птицы,
Торжественной пѣсней встрѣчая восходъ.
Тогда мы уходимъ въ морскія свѣтлицы,
Въ холодное море, подъ яшмовый сводъ.

И снова, съ печальными тѣнями споря,
Луна вашей ночи трепещетъ, горя...
Мы чужды и странны, мы—витязи моря,
Мы—вольныя дѣти морского царя!

Скиталецъ.

В. Стражевъ.

* * *

Блаженны мирно спящіе на лонѣ мирныхъ дней,
Не вѣдавшіе трепета невѣдомыхъ тѣней,
Не вѣдавшіе искристыхъ слѣпительныхъ огней.

Чужда имъ безпредѣльности и бездны злая жуть...
Въ тупой и сытой ясности свершая ровный путь,
Не вѣдаютъ, счастливые, зла хаоса ничуть.

Блаженны миръ нашедшіе, увидѣвшіе свѣтъ
Въ чертогахъ вѣры праотцевъ и чистыхъ дѣтскихъ лѣтъ
И путь свой разгадавшіе... Имъ грустный мой привѣтъ...

А вы, что въ сердцѣ раненомъ огонь красотъ зажгли,
А вы, что съ тайнъ губительныхъ покровы совлекли,
А вы, что въ запредѣльное ступить на мигъ смогли,

Презрѣвшіе положенный отъ глуби дней запретъ,
Идущіе за радостями новыхъ яркихъ лѣтъ,
Дерзнувшіе на подвиги... Вамъ — радостный привѣтъ!

Викторъ Стражевъ.

Передъ разсвѣтомъ.

Изъ В. Гюго.

Бываютъ времена постыднаго разврата,
Побѣды дерзкой лжи надъ правдой и добромъ:
Все честное молчитъ, какъ будто бы объято
Тупымъ, тяжелымъ сномъ.
Жизнь стала оргіей. Въ душонкахъ низкихъ, грязныхъ
Чувствъ человѣческихъ ничто не шевелитъ.
Пируютъ, пляшутъ, пьютъ. Все пошло, безобразно,
А совѣсть крѣпко спитъ...
Нахальный хохотъ, крикъ нелѣпый опьянѣнья
Всѣ рѣчи честныя, всѣ мысли заглушилъ;
Бойцы за истину лежатъ, полны презрѣнья,
На днѣ сырыхъ могилъ...
Но эти времена позорныя не вѣчны.
Проходитъ ночь. Встаетъ заря на небесахъ...
Толпа ночныхъ гулякъ, ты скроешься, конечно,
При солнечныхъ лучахъ?

А. П. Барыкова.

Странникъ.

Въ лохмотьяхъ жалкихъ подъ кустомъ,
Усталый, сѣлъ онъ у дороги...
Сума убогая на немъ,
Въ крови его босыя ноги.
Полудня зной—томленье, адъ!
Нигдѣ ни тѣни ни потока.
Померкъ тупой и робкій взглядъ...
— „Вставай, старикъ, еще далеко!“

Подъ солнцемъ дремлетъ онъ .. на грудь
Поникъ сѣдою головою.
Чуть дышитъ... знать, не легокъ путь!
Рука опущена съ клюкою.
Кругомъ просторъ и тишина!
Весь міръ раскинулся широко...
Сіяетъ небо... даль ясна...
— „Вставай, старикъ, идти далеко!“

Откуда ты? Въ Соловкахъ былъ?
Иль, съ баркой плавая Двиною,
Скотомъ рабочимъ въ лямкѣ нылъ,
Скотомъ съ безсмертною душою?
Въ поту ворочалъ ли весломъ?
Приказчикъ былъ на баркѣ—дока:
Кормилъ не хлѣбомъ—кулакомъ ..
— „Вставай, старикъ, идти далеко“!

Какъ волъ, трудясь, больной, босой,
Съ открытой грудью въ непогоду,
Ты уцѣлѣлъ, хотя весной
Пощады не было народу:
Однихъ голодныхъ тифъ разилъ.
Другой тонулъ,—въ рѣкѣ глубоко!..
Ты только силу сохранилъ...
— „Вставай, старикъ, идти далеко!“

На пристань барку принесло —
Допѣта пѣснь хоровая,

Которой водитъ, какъ весло,
Страды и муки пѣснь родная!
И, передъ иконою склонясь,
Одинъ, безъ словъ, въ тоскѣ глубокой,
Старикъ, ты всѣмъ простилъ, молясь...
— „Вставай, старикъ, идти далеко!"

А дома—жалкая семья
Мякину ѣстъ и, голодая,
Кормильца ждетъ... Вотъ казнь твоя!
Что принесешь ты имъ? Родная,
Прости!—Онъ силы не жалѣлъ.
У насъ нужда—не дочь порока.
Рабочій, жалокъ твой удѣлъ!..
— „Вставай, старикъ, еще далеко!"

Вставай, старикъ! не слышишь ты?
Или забылся, отдыхая?..
Какъ рѣзки блѣдныя черты!
Съ натугой дышитъ грудь больная!
Ты видишь сонъ: семьѣ твоей
Открылся вдругъ просторъ широко:
То пѣсня, звонкій смѣхъ дѣтей...
— „Вставай, старикъ, еще далеко!"

Вставай, старикъ! Очнись, старикъ,
Возьми суму,—и въ путь тяжелый!
Такъ лживъ блаженныхъ сновъ языкъ,
Обманчивъ ихъ миражъ веселый!
Всю жизнь ты былъ рабомъ труда
И нищимъ былъ по волѣ рока;
Слабѣли руки, шли года...
— „Вставай, старикъ, идти далеко!"

Вставай, старикъ! Недвиженъ ты...
Уста сомкнулись... Грудь не дышитъ,
Опали блѣдныя черты...
Погасла жизнь... Старикъ не слышитъ.
Съ какой покорною тоской
Глядитъ померкнувшее око!..
Раскрылось небо надъ тобой...
— „Вставай, старикъ, ужъ не далеко!"

День уходилъ... Его вѣнцомъ
Заря казалась золотая.
Багрянцемъ, чернью и огнемъ
Кругомъ, отъ края и до края,
Степь убиралася. Въ кустахъ
Роса алмазная сверкала.
О, если бъ тамъ на небесахъ
Заря измученныхъ встрѣчала!

Вас. Немировичъ-Данченко.

МЕЛОДІЯ.

Мѣсяцъ зеркальный плыветъ по лазурной пустынѣ,
Травы степныя унизаны влагой вечерней,
Рѣчи отривистѣй, сердце опять суевѣрнѣй,
Длинныя тѣни вдали потонули въ ложбинѣ.

Въ этой ночи, какъ въ желаніяхъ, все безпредѣльно,
Крылья растутъ у какихъ-то воздушныхъ стремленій.
Взялъ бы тебя и помчался бы также безцѣльно,
Свѣтъ унося, покидая невѣрныя тѣни.

Можно ли, другъ мой, томиться въ тяжелой кручинѣ?
Какъ не забыть, хоть на время, язвительныхъ терній?
Травы степныя сверкаютъ росою вечерней,
Мѣсяцъ зеркальный бѣжитъ по лазурной пустынѣ.

А. А. Фетъ.

Человѣчки.

Человѣчекъ современный, низкорослый, слабосильный,
Мелкій собственникъ, законникъ, лицемѣрный семьянинъ,
Весь трусливый, весь двуличный, кособушный, щепетильный,
Вся душа его,—душонка, точно изъ морщинъ
Вѣчно долженъ и не долженъ, то нельзя, а это можно.
Бракъ законный, спросъ и купля, обликъ сонный, гробъ сердецъ;
Можешь карты, можешь мысли передернуть осторожно.
Явно грабить неразумно, но—стриги овецъ.

Монотонный, односложный, какъ напѣвы людоѣда:—
Тотъ упорно двѣ-три ноты тянетъ-тянетъ безъ конца,
Звѣрь несчастный, существуетъ отъ обѣда до обѣда,
Чтобъ поѣсть, жену убьетъ онъ, умертвитъ отца.—

Этотъ ту же пѣсню тянетъ, только онъ вѣдь просвѣщенный,
Онъ оформитъ, онъ запишетъ, дверь запретъ онъ на крючокъ.
Блѣдноумный, сыщикъ вольныхъ, немочь сердца, евнухъ сонный,—
О, когда бъ ты, милліонный, вдругъ исчезнуть могъ!

К. Д. Бальмонтъ.

СХОДСТВО.

Изъ С. Прюдома.

Вы хотѣли узнать, почему я
И за что васъ безумно люблю?
Отчего васъ увидѣть хочу я?—
Вы похожи на юность мою.

Часто въ вашемъ мечтательномъ взорѣ,
Въ вашихъ темныхъ очахъ я ловлю
То восторгъ мимолетный, то горе...
Вы похожи на юность мою.

Часто, вашей плѣненъ красотою,
Я предъ вами подолгу стою:
Идеальной ея чистотою
Вы похожи на юность мою.

Но предчувствіемъ сердце томимо:
О любви я смиренно молю,
Вы же молча проходите мимо...
Вы похожи на юность мою.

О. Чюмика.

ЦАРЕВИЧЪ.

Сонъ, мой старый сонъ мнѣ снится:
Я царевичъ молодой,
И на подвигъ конь мой мчится
По полямъ, сквозь боръ сѣдой.
И рукой моей могучей
Этотъ подвигъ совершонъ,
И, вознесшійся надъ кручей,
Теремъ мной освобожденъ.

Выплываетъ нѣжной рыбкой
Царь-Дѣвица на крыльцо,
Подаетъ она съ улыбкой
Обручальное кольцо.
Но, склонивъ свой мечъ предъ нею,
Не беру ея кольца,
И смущаюсь, и блѣднѣю
Отъ прекраснаго лица.
—Не вѣнчаться мнѣ съ Царевной,
Счастья намъ—не увидать:
Даръ мой, свѣтлый даръ напѣвный
Не могу тебѣ отдать.
Тамъ, во мглѣ родного края,
Въ камень злой заключена,
Тамъ живетъ она, другая,
Не невѣста, не жена.
Все вздыхаетъ, все томится. .
Ждетъ меня или не ждетъ..
Ей ли, мнѣ ли это снится
День за днемъ, за годомъ годъ...
Не ласкаетъ, не голубитъ...
Отъ тебя не утаю:
Знай, она меня не любитъ,
Любитъ только пѣснь мою,
Оттого, что въ ней для горя
Есть завѣтныя слова,
И сквозь гулъ побѣдный моря
Шелеститъ плакунъ-трава.
Оттого, что съ нею жарче
Приливаетъ къ сердцу кровь,
И горитъ въ ней солнца ярче
Небывалая любовь...
Не гляди такъ грозно, гнѣвно,
Мнѣ съ тобой не отдохнуть
Отпусти меня, Царевна,
Совершить послѣдній путь.
Чѣмъ страшнѣе жизнь проходитъ,
Дымной кровью залита,
Тѣмъ смѣлѣй, тѣмъ выше бродитъ
Неподвластная мечта.

Я иду къ иной отчизнѣ,
Смертью вѣетъ, стынетъ кровь,
Но отдамъ я этой жизни
Пѣснь мою, ея любовь.

Allegro.

* * *

Мечты любимыя, завѣтныя мечты,
Видѣнья радости и красоты!
Вы спите, нѣжныя, въ расписанныхъ гробахъ,
Нетлѣнныя, прекрасныя, но прахъ.
Отъ свѣта и лучей въ молчаньи пирамидъ
Таимы, вы храните прежній видъ.
И только я одинъ, по лѣстницѣ крутой,
Схожу порой въ молитвенный покой.
Вы, неподвижныя, встрѣчаете меня
Улыбкой утерянаго дня.
Вы мнѣ, безмолвныя, спокойствіемъ своимъ,
Вновь говорите: „Рай недостижимъ!“
И долго я смотрю на давнія черты,
Мечты завѣтныя, мои мечты!
И, скорбно уходя, я запираю дверь,
Храня мой склепъ надеждъ, мой склепъ потерь.
Едва коснется день прекраснаго лица,
Все станетъ пеплъ предъ взоромъ пришлеца.
Мой потаенный храмъ, мой міръ былыхъ годовъ,—
Все станетъ—рядъ расписанныхъ гробовъ.
Пусть жизнь зоветъ, шумитъ, пусть новый вьется стягъ.
Я васъ храню. Васъ не увидитъ врагъ.

Валерій Брюсовъ.

* *
*

На могучемъ конѣ кто-то гнался за мной.
Кто-то темный, по скаламъ, стуча о гранитъ,
Кто-то гнался, грозя мнѣ костлявой рукой,
И огонь вылеталъ изъ подъ конскихъ копытъ.

И настигъ онъ меня у могильной плиты,
А кругомъ были скользкія спины камней..
Крѣпко въ пальцахъ зажалъ я сухіе цвѣты,
Пряча ихъ на груди изболѣвшей моей.

— „Кто ты?“ — я прошепталъ:—„отчего ты всегда
Вѣчно слѣдовалъ всюду за мной вдалекѣ?
Все ты отнялъ, но я не отдамъ никогда
Это счастье, что крѣпко держу я въ рукѣ!“

— „Не довольно ли счастья?“—мнѣ всадникъ сказалъ,
Осадивъ на цѣпяхъ великана-коня:—
„Не довольно ль цвѣтовъ? талисманъ твой завялъ;
И теперь уже ты не уйдешь отъ меня!“

Скиталецъ.

*

* *
*

Ищите новые пути!
Сталъ тѣсенъ міръ, его оковы
Неумолимы и суровы,—
Гдѣ жъ вѣчнымъ розамъ зацвѣсти?
Ищите новые пути!

Мечты исчерпаны до дна,
Изсякъ источникъ вдохновенья!
Но близко, близко возрожденье,
Иной жизни, иного сна!..
Мечты исчерпаны до дна!

Но есть любовь, но есть сердца...
Великъ и вѣченъ храмъ искусства,—
Жрецы невѣдомаго чувства
Къ нему нисходятъ безъ конца!..
И есть любовь... и есть сердца...

Мы не въ пустынѣ, не одни,
Дорогъ невѣдомыхъ есть много,—
Какъ звѣздъ на небѣ, думъ у Бога,
Какъ сновъ въ загадочной тѣни!..
Мы не въ пустынѣ, не одни!

К. М. Фофановъ.

Южинъ-Сумбатовъ.

ЦВѢТЫ.

Отрывокъ.

Однажды Кесарь новую поэму
Читалъ у Максимиллы; тѣсный кругъ
Ея друзей и молодыхъ подругъ
Внималъ стихамъ, написаннымъ на тему:
„Capacen parturiens". Онъ читалъ
И съ каждою строкой одушевлялся;
Подъ льстивый шопотъ сдержанныхъ похвалъ
Гекзаметръ, какъ волна, переливался;
Вдругъ, на одной изъ самыхъ сильныхъ фразъ,
Раздался храпъ заснувшаго Генгита!
Приличье, страхъ—все было позабыто,
И громкій хохотъ общество потрясъ.
Заслушавшись стиховъ поэмы чудной,

Британецъ спалъ спокойно, непробудно.
Въ душѣ Нерона вспыхнула гроза;
Онъ поблѣднѣлъ; виски налились кровью;
Подъ бѣшено-нахмуренною бровью
Метнули искры впалые глаза,
И замеръ на устахъ оледенѣлыхъ
До половины вылившійся стихъ.—
И вздрогнулъ кругъ гостей оцѣпенѣлыхъ...
Но быстрый гнѣвъ еще быстрѣй затихъ.
„Живи во вѣки!“ молвитъ Максимилла:
„Напрасно, Кесарь, разсыпаешь ты
Предъ варваромъ поэзіи цвѣты:
Въ немъ духа мощь убила плоти сила!.“
Неронъ смѣялся, варвара обнялъ,
И тутъ же всѣхъ присутствующихъ звалъ
Къ себѣ на пиръ...

Въ разгарѣ пиръ. Мѣняются чредой
Неслыханно-затѣйливыя блюда;
Финифтью расцвѣченная посуда
Вездѣ блистаетъ грудой золотой,
Прельщая вкусъ и удивляя взоры.
Обходятъ избалованныхъ гостей
Завѣтныя патэры и амфоры,
Безцѣнные и рѣдкостью своей,
И нектаромъ, заботливо храненнымъ.
Спокойное фалернское вино
Библосскимъ искрометнымъ смѣнено,
Библосское—хіосскимъ благовоннымъ,
Хіосское — ѳазосскимъ золотымъ,
Ѳазосское—коринѳскимъ вѣковымъ.
Шумнѣе пиръ, смѣлѣе разговоры,
Нескромнѣй смѣхъ, живѣй огонь очей...
Одни, въ толпѣ ликующихъ гостей,
Потупили задумчивые взоры
Поппея и Софоній Тигеллинъ:
На ихъ челѣ сомнѣніе, забота
И тайный страхъ... Но Рима властелинъ
Софонію шепнулъ украдкой что-то,
А на Поппею бросилъ бѣглый взглядъ—
И лица ихъ мгновенно просвѣтлѣли...

Межъ тѣмъ тимпаны, трубы и свирѣли
И струны лиръ торжественно гремятъ,
И рѣзвый родъ менадъ гостей забавитъ,
И хоръ пѣвцовъ царицу пира славитъ,
Красавицу, богиню изъ богинь...
Ужъ за полночь... Гостей не потревожа,
Поппея тихо поднялася съ ложа
И, скрытая толпой нѣмыхъ рабынь,
Скользнула незамѣтно изъ столовой.
Но видѣлъ все внимательный Неронъ:
Онъ также всталъ, нахмуренный, суровый,
И также вышелъ изъ чертога вонъ,
Безмолвно опершись на Тигеллина;
И двери затворилися за нимъ...
Переглянулись съ ужасомъ нѣмымъ
Всѣ гости по уходѣ властелина..
Вдругъ затрещалъ надъ ними потолокъ
И Флора уронила къ нимъ цвѣтокъ.
Упала пышнолиственная роза...
За ней другая, третья... словно вязь
Въ перстахъ лилейныхъ Флоры расплелась;
И, волею боговъ, метаморфоза
Свершилась очевидно: съ высоты
Лилися внизъ дождемъ благоуханнымъ
Мгновенно оживавшіе цвѣты.
Поражены явленіемъ нежданнымъ,
Вскочили гости, словъ не находя,
Чтобъ выразить всю силу изумленья.
Но—минулъ краткій мигъ оцѣпенѣнья—
И мѣрный шумъ цвѣточнаго дождя
Покрыли оглушительные крики:
„Живи во вѣки, Кесарь нашъ великій!
Да здравствуетъ божественный Неронъ!
Благословенны дни его драгіе!..“
Ликуютъ снова гости молодые,
И снова смѣхъ и чашъ веселый звонъ
Триклиніумъ умолкшій огласили.
Недавній страхъ и ужасъ далеки!
Изъ яркихъ розъ и бѣлоснѣжныхъ лилій
Свиваются пахучіе вѣнки:
Плетутся вязи длинныя фіалокъ,

Нарциссовъ, гіацинтовъ, васильковъ...
„Менадъ сюда! канатныхъ плясуновъ!
Вина! Вина! Кто пить усталъ, тотъ жалокъ!
Придумывай скорѣй, архимагиръ,
Чѣмъ заключить достойнѣе нашъ пиръ!“

Всѣ девять Музъ украшены вѣнками;
На всѣхъ гостяхъ гирлянды изъ цвѣтовъ;
Всѣ ложа, полъ, весь длинный рядъ столовъ
Усѣяны, усыпаны цвѣтами...
Пора рабамъ дать отдыхъ и покой.
Генгитъ вскочилъ и ложе съ мѣста сдвинулъ,
И пса толкнулъ могучею пятой;
Рванулся песъ, свѣтильникъ опрокинулъ
И цѣпь порвалъ.. И вотъ рабы ушли,
Ушли рабыни, плясуны, менады...
Кой-гдѣ погасли пирныя лампады...
Веселый смѣхъ и крики перешли
Въ невнятные слитые разговоры;
Замолкнулъ клиръ и потемнѣли хоры...

И падаютъ и падаютъ цвѣты,
И сыплются дождемъ неудержимымъ...
Въ лугахъ и злачныхъ пажитяхъ подъ Римомъ
Три дня ихъ сборомъ были заняты
Селянки загорѣлыя и дѣти...
И падаютъ и падаютъ цвѣты,
И зыблются, какъ радужныя сѣти,
Спущенныя на землю съ высоты.
Ихъ сотня рукъ съ потухшихъ хоръ кидаетъ
Корзинами, копнами; ароматъ
Вливаетъ въ воздухъ смертоносный ядъ:
Клокочетъ кровь и сердце замираетъ
Отъ жара и несносной духоты...
И падаютъ, и падаютъ цвѣты...
Напрасенъ крикъ пирующихъ: „Пощады!
Мы умираемъ!“ Падаютъ цвѣты —
Пощады нѣтъ: всѣ двери заперты;
Потухли всюду пирныя лампады...
Въ отвѣтъ на вопль предсмертный и на стонъ
Въ желѣзныхъ клѣткахъ завывали звѣри,

И за дверями хохоталъ Неронъ.
Еще мгновенье —
Растворились двери:
Великодушный Кесарь забывалъ
Обиду, нанесенную поэту...

Впослѣдствіи, припомнивъ шутку эту,
Позвалъ на пиръ гостей Гельогабалъ;
Но тѣмъ гостямъ плачевнѣй жребій выпалъ:
Помѣшанный цвѣтами ихъ засыпалъ..

Л. А. Мей.

П. Л. Вульфъ.

* * *

Есть среди грезъ одинокихъ одна,
Больше всѣхъ на землѣ одинокая...
Есть среди странъ недоступныхъ страна,
Больше всѣхъ для стремленья далекая...

Въ радостный часъ неземной высоты
Эта греза зарницею свѣтится,—
Счастливъ, кто въ нѣдрахъ нѣмой темноты
Съ этой искрой таинственной встрѣтится...

Въ темномъ пути по откосамъ земнымъ
Все изгладится въ сердцѣ, забудется, —
Только она, съ постоянствомъ живымъ,
Будто сонъ утоляющій, чудится.

Только она насъ незримо ведетъ
Каменистой тропой безконечности,

Тихо, какъ мать надъ малюткой, поетъ
О ликующихъ празднествахъ
Вѣчности...

Ю. Балтрушайтисъ.

Изъ осеннихъ мелодій.

О, какъ утомительны скучные дни,
Текущіе ровной своей чередою...
Надъ жизнью моею нависли они,
Какъ сѣрыя тучи осенней порою
И нѣтъ имъ просвѣта—и гаснутъ огни,
Зажженные въ сердцѣ безпечной мечтою...
О, какъ утомительны сѣрые дни!
Не хочется вѣрить, что только вчера
Веселое сердце такъ жарко ласкало
И радужныхъ красокъ сверкала игра
И столько душистыхъ цвѣтовъ расцвѣтало,
А музыка счастья любви и добра
Въ душѣ упоенной побѣдно звучала..
Не хочется вѣрить, что только вчера...
О, сѣрыя тучи!.. На крыльяхъ своихъ
Меня унесите далеко, далеко.
Туда, гдѣ не встрѣчу обмановъ земныхъ,
Гдѣ сердце не ранятъ такъ зло и глубоко,
А память картинъ не рисуетъ былыхъ..
О, сѣрыя тучи—далеко, далеко
Меня унесите на крыльяхъ своихъ!..

Зоя Бухарова.

* * *

Городъ полуночной грезой объятъ;
Точно дыханіе спящей земли,
Струны воздушныя тихо звенятъ
Гдѣ-то вдали...

Точно въ аккордъ мелодичный слились
Отзвуки въ вѣчность ушедшаго дня...
Кто-то мнѣ шепчетъ, какъ будто: „молись,
Другъ, за меня.

Я истомился въ чаду суеты,
Скинуть не въ силахъ я бремя заботъ,
Скорбь тяжелѣе могильной плиты
Сердце гнететъ.

День пережитый прошелъ безъ слѣда,
Нечѣмъ въ могилѣ его помянуть...
Больно безъ милаго сердцу труда
Жить какъ-нибудь.

Плакать—нѣтъ слезъ, и молиться—нѣтъ словъ...
Другъ, если можешь, поплачь за меня,
И помяни на молитвѣ рабовъ
Празднаго дня!“

К. Н. Льдовъ.

* * *

Какъ ясность безоблачной ночи,
Какъ юно-нетлѣнныя звѣзды,
Твои загораются очи
Всесильнымъ, таинственнымъ счастьемъ.

И все, что лучомъ ихъ случайнымъ
Далеко иль близко объято,
Блаженствомъ овѣяно тайнымъ, —
И люди, и звѣри, и скалы.

Лишь мнѣ, молодая царица,
Ни счастія нѣтъ, ни покоя,
И въ сердцѣ, какъ плѣнная птица,
Томится безкрылая пѣсня.

А. А. Фетъ.

* *

* * *

Сомнѣнья нѣтъ: мои печали,
Моя тоска о прошлыхъ дняхъ
Душѣ покой глубокій дали,
Огнявъ крыла широкій взмахъ.

Моимъ страстямъ, моимъ забвеньямъ,
Быть можетъ, близится конецъ,
Но буду вѣчно съ упоеньемъ
Ловить счастливыхъ дней вѣнецъ

Влачась по пажитямъ и доламъ,
Не въ силахъ смятыхъ крылъ поднять,
Внимать божественнымъ глаголамъ,
Глаголы Бога повторять.

И, можетъ быть, придетъ мгновенье,
Когда крыла широкій взмахъ
Вернетъ былое вдохновенье —
Мою тоску о прошлыхъ дняхъ.

Александръ Блокъ.

Мостъ вздоховъ.

Изъ Т. Гуда.

Еще несчастливая
Устала дышать,
Ушла, торопливая,
Лежитъ, чтобъ не встать.

Ее равнодушною
Не троньте рукой;
Такую воздушную
Берите съ мольбой.

Глядите, покровами,
Какъ будто суровыми
Могильными тканями,
Покрыта она;
Какъ будто съ рыданьями
Къ ней льнула волна.
Не тронь проклинаньями
Безмолвіе сна, —
Она молода и нѣжна.

Не съ мрачнымъ презрѣніемъ, —
Съ тоской, съ сожалѣніемъ
Склонись человѣчески къ ней:
Нѣтъ больше въ ней темнаго
Лишь чары въ ней скромнаго,
Въ ней женственность стала нѣжнѣй

Брось думу пытливую —
Мятежна ль она;
Душа торопливую
Судить не должна;
Исчезло все черное,
Все стерлось позорное,
И какъ она въ смерти нѣжна!

Ея заблужденія
Достойны прощенія, —

Дочь Евы прости.
Съ устъ, полныхъ забвенія,
Сотри загрязненіе,
И волосы ей поспѣши заплести
Каштаново-темные:
Длинна ихъ волна.

Вопросы встаютъ безполезно-нескромные:
Откуда она?
Кто былъ ей отецъ? Кто родимая?
Иль, можетъ быть, братъ былъ у ней?
Сестра? Иль подруга любимая?
Иль кто нибудь ближе, тѣснѣй
Съ ней связанный,
Сердцемъ указанный,
Кто всѣхъ былъ желаннѣе ей?

О, гдѣ милосердіе?
Какъ рѣдко оно!
Нѣтъ въ сердцѣ усердія,
И сердце темно.
Подумать, что людными
Столица домами полна, —
Но съ мыслями трудными
Была безъ пріюта она!
Что матерью звалося,
Отцомъ нерекалося,
Что братомъ звалось и сестрой,
Все, вдругъ измѣненное,
Разсталось съ душой:
Любовь оскорбленная
Осталась одной...

Какъ будто отъ самыхъ Небесъ отчужденная,
Стояла она надъ волной.
И лампы, дрожащія
Вдоль темной рѣки,
И всюду горящіе
Тамъ въ окнахъ огни, огоньки
Съ громадою темною
Тяжелыхъ домовъ

Давили бездомную,
Ее, что утратила кровъ.
Подъ вѣтромъ пронзительнымъ
Дрожала она;
Потокомъ стремительнымъ
Рѣка убѣгала, темна,
Но ей не страшна:
Всей повѣстью жизни обманута,
И тайною смерти притянута,
Спѣшитъ она въ пропасть и въ ночь,—
И силы вдругъ прибыло...
Куда бы то ни было,
Скорѣе, скорѣе, куда бы то ни было
Но только изъ міра ужаснаго прочь!

Безъ удержу ринулась,—
Что холодъ воды!
Въ безвѣстность откинулась
Отъ здѣшней бѣды!
Ты, съ волей желѣзною,
Ты, взявшій свое,
Ты можешь надъ бездною
Представить ее?
Коль знаешь, какъ зыбкою
Явилась вода, —
Пей воду съ улыбкою,
Въ ней мойся тогда.

Ее равнодушною
Не троньте рукой;
Такую воздушную
Берите съ мольбой.
Мечтою послушною
Щадите белмолвіе сна, —
Она молода и нѣжна.
Еще не застывшее,
Несчастно любившее,
Сложите, какъ слѣдуетъ, тѣло ея,
Закройте безсонные
Глаза ослѣпленные,
Упорно хранящіе горе свое.

Сквозь плѣсень холодную,
Сквозь грязь эту водную,
Такъ страшно глядитъ неотступный тотъ
взоръ;
И нѣтъ въ немъ раскаянья,
Въ немъ только отчаянье,
Въ немъ дерзкая смѣлость и горькій укоръ.
Убитой мученіемъ,
Жестокимъ презрѣніемъ,
Бездушьемъ людскимъ,
Горящимъ безумьемъ своимъ,—
Сложите ей руки: какъ будто съ моленіемъ
Какъ будто она со смиреніемъ
Лежитъ, утомившись борьбой...
Да будетъ ей вѣчный покой!

К. Д. Бальмонтъ.

Ночлегъ Витикинда.

Ихъ двое шло, ночной порою,
Въ глухомъ, дремучемъ соснякѣ,
Какъ будто съ бою или къ бою,
Въ нагрудникахъ, съ мечемъ въ рукѣ,

Смотря сердито изъ-подъ шлема,
Могучіе богатыри;
И было дико все и нѣмо:
Кругомъ—лѣса да пустыри.

Шли оба въ помыслѣ суровомъ
О темномъ дѣлѣ иль бѣдѣ,
Лишь изрѣдка мѣняясь словомъ:
— Ты Альфа видѣлъ?—Видѣлъ.—Гдѣ?

— У рва, гдѣ выдержалъ онъ снова,
Стоя съ своими впереди,

Напоръ противниковъ.—Живого?
— Убитаго, съ копьемъ въ груди.

— Гдѣ Убальдъ?—Палъ съ своимъ отрядомъ,—
И смолкла вновь межъ ними рѣчь.
Спросившій со свирѣпымъ взглядомъ
Рукою стиснулъ тяжкій мечъ.

Вылъ злѣе вѣтеръ бурнымъ взрывомъ;
Темнѣе мракъ на землю легъ,
Сквозь сосны, подъ крутымъ обрывомъ,
Мелькнулъ вдругъ дальній огонекъ.

— Ого! намъ отдыхъ будетъ скоро;
Тамъ есть ночлегъ какой-нибудь. —
Пошли они туда, средь бора
Мечемъ прорублевая путь.

Вернулся угольщикъ. Въ тревогѣ
Его давно жена ждала,
Стоя съ ребенкомъ на порогѣ:
— „Какія вѣсти изъ села?“

Придвинулись къ огню, мальчишка
Сидитъ, смотря отцу въ глаза.
— Вѣстей хорошихъ нѣтъ излишка,
Подходитъ снова къ намъ гроза.

Ущелья наши какъ ни глухи,
Намъ безъ бѣды остаться врядъ;
Плохіе нынче ходятъ слухи.
Повсюду люди говорятъ,

Что былъ за лѣсомъ бой жестокой,
Что герцогъ Витикиндъ опять
Въ одной равнинѣ недалекой
На франковъ сильно двинулъ рать;

Что саксы грудами тамъ пали,
Что и народа твердый щитъ —
Графъ Альфъ погибъ и что едва ли
Самъ грозный герцогъ не убитъ

Въ селеньяхъ горе и забота;
Къ намъ время лютое пришло!..
Чу! что за шелестъ? словно кто-то
Идетъ, ступая тяжело.

Вотъ слышишь: подошли къ забору;
Пойду взгляну я.—„Что смотрѣть?
Кому бродить объ эту пору
Въ пустынѣ? Лѣшій иль медвѣдь".

Зовутъ. Жена глядитъ въ испугѣ,
Мужъ съ двери крѣпкій снялъ замокъ:
Ступили, въ шлемѣ и кольчугѣ,
Два грозныхъ гостя чрезъ порогъ.

— „Хозяинъ, дай ночлегъ," — И сѣли,
Угрюмые, предъ огнемъ. —
„Какія бъ ни были постели,
Нѣтъ нужды, мы на нихъ заснемъ".

И шлемъ, надвинутый надъ бровью,
Снялъ старшій; вкругъ главы вилась
Повязка, смоченная кровью
Повелъ онъ взоромъ дикихъ глазъ,

На тяжкій мечь склонясь устало,
Вокругъ убогаго жилья,
Гдѣ молча ужинъ припасала
Пришельцамъ бѣдная семья.

И на челѣ его суровомъ
Сгущался гнѣвной тучи мракъ.
И вспыхнуло въ огнѣ багровомъ
Его лицо:—„Скажи, землякъ,

Къ чему тамъ на стѣнѣ, надъ входомъ,
Тѣ двѣ проведены черты,
Которымъ снова мимоходомъ
Какъ будто поклонился ты?"

Смутился угольщикъ, отвѣта
Онъ дать не знаетъ злымъ гостямъ:

— „Нечаянно случилось это,
Что я нагнулся, идя тамъ“. —

И, скрыть стараясь думъ волненье,
Онъ взоръ потупилъ. —„Если такъ,
Исполни же мое велѣнье:
Пойди и плюнь на этотъ знакъ“.

Хозяинъ дрогнулъ, какъ стрѣлою
Пронзенный! бросилъ на своихъ
Онъ взглядъ, исполненный тоскою,
Съ устъ вздохъ сорвался—и утихъ.

И гостю житель хаты бѣдный,
Какъ бозпощадному врагу,
Взглянулъ въ лицо и молвилъ, блѣдный:
— „Хоть убивайте, не могу!“

Всталъ богатырь съ улыбкой ярой
Съ скамейки.—„Видитъ же Воданъ!
Пройду я здѣсь тяжелой карой;
Не пощажу я христіанъ!

Не позабыть своей привычки
И нынче моему мечу:
Бери топоръ,—тебя безъ стычки,
Какъ тварь, зарѣзать не хочу“.

И сталь, зазубренная битвой,
Сверкнула.—„Становись къ борьбѣ,
И помолись своей молитвой,
Чтобъ посчастливилось тебѣ.

Нѣтъ лучшаго тебѣ совѣта:
Надежда насъ смягчить пуста, —
Я герцогъ Витикиндъ, а это
Графъ Гуннаръ, злѣйшій врагъ Христа“.

Стоялъ хозяинъ безъ движенья,
Смерть ожидая; пала въ прахъ
Жена предъ знакомъ искупленья
Съ мольбой, замершей на устахъ.

Схватилъ ребенокъ ножъ и рядомъ
Съ отцомъ, къ сраженію готовъ,
Онъ сталъ и молвилъ, мѣря взглядомъ
Обоихъ яростныхъ бойцовъ:

— „Отецъ! храбрися! станемъ смѣло!
Что намъ бояться этихъ злыхъ?
Еще не кончено вѣдь дѣло, —
Насъ также двое противъ нихъ".

Остановился вождь сердитый,
Притихъ, на мальчика смотря.
Ложился отблескъ думы скрытой
На грозный ликъ богатыря.

— „Нѣтъ!—выговорилъ онъ, и звонко
Мечь зазвенѣлъ, въ ножны скользя, —
Нѣтъ, Гуннаръ! Этого ребенка
Губить не слѣдуетъ—нельзя".

И оба укрѣпили снова
Свои доспѣхи и пошли;
И стихъ средь пустыря ночного
Звукъ шага тяжкаго въ дали.

К. К. Павловъ.

Шуваловъ.

ГАМЛЕТЪ.

Дѣйствіе III, сцена I.

Быть, иль не быть? вотъ въ чемъ вопросъ!
Что благороднѣе; сносить ли громъ и стрѣлы
Враждующей судьбы, или возстать
На море бѣдъ и кончить ихъ борьбою?
Окончить жизнь—уснуть,
Не болѣе! И знать, что этотъ сонъ
Окончитъ грусть, и тысячи ударовъ—
Удѣлъ живыхъ. Такой конецъ достоинъ
Жаланій жаркихъ. Умереть? Уснуть?
Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную?
Вотъ что дальнѣйшій заграждаетъ путь!

Вотъ отчего бѣда такъ долговѣчна!
Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилье правъ, тирановъ притѣсненье,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ:—
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ? Кто несъ бы бремя жизни?
Кто гнулся бы подъ тяжестью трудовъ?
Да, только страхъ чего-то послѣ смерти—
Страна безвѣстная, откуда путникъ
Не возвращался къ намъ, смущаетъ волю —
И мы скорѣй снесемъ земное горе,
Чѣмъ убѣжимъ къ безвѣстности за гробомъ.
Такъ всѣхъ насъ совѣсть обращаетъ въ трусовъ.
Такъ блекнетъ въ насъ румянецъ сильной воли,
Когда начнемъ мы размышлять; слабѣетъ
Живой полетъ отважныхъ предпріятій
И робкій путь склоняетъ прочь отъ цѣли

* *
*

Весна, опять весна на родинѣ моей!..
Веселые грачи и вербы цвѣтъ пушистый,
И мелкій листъ березъ, дрожащій и душистый,
И влажная земля проснувшихся полей...
Весна, опять весна... Но будутъ ли встрѣчать
Въ поляхъ ея приходъ надежды и молитвы?
Спятъ крѣпко пахари въ крови послѣдней битвы...
И не проснуться имъ, и никогда не встать...
Родное солнышко надъ ними не блеснетъ
Весенней радостной румяною зарею,
Ихъ грудь придавлена чужой сырой-землею
И сонъ ихъ стережетъ холодный небосводъ...

Г. Галина.

Утесъ на Волгѣ.

Есть на Волгѣ утесъ. Дикимъ мохомъ обросъ
Онъ съ боковъ, отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершинѣ его не растетъ ничего;
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ,
И на немъ свои жертвы терзаетъ.

Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,—
И утесъ человѣка того не забылъ,
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался,

И хотя каждый годъ по церквамъ на Руси
Человѣка того проклинаютъ,—
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ.

Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался.—
И въ полуночной мглѣ, на высокой скалѣ,
Тамъ всю ночь до зари оставался.

Много думъ въ головѣ родилось у него,
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ,
И подъ говоръ волны, средь ночной тишины,
Онъ великое дѣло задумалъ.

И задумчивъ, угрюмъ отъ надуманныхъ думъ,
Онъ на утро съ утеса спустился,—
И задумалъ пойти по другому пути,
И идти на Москву онъ рѣшился.

Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ,
И не то ему пало на долю.
И расправой крутой, да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю.

Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,
Не почетнымъ пожалованъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ на конѣ и съ мечемъ,—
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ-палачомъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости.

И Степанъ будто зналъ: никому не сказалъ,
Никому своихъ думъ не повѣдалъ,
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ.

И понынѣ стоитъ тотъ утесъ и хранитъ
Всѣ завѣтныя думы Степана.
И лишь съ Волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу какъ мать дорогую любилъ
И во имя ея подвизался—

Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,—
И утесъ-великанъ все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ!..

А. Навроцкій.

ЗА РАБОТОЙ.

Колеса вертятся, машины стучатъ,
Челны по основамъ снуютъ.
Глаза за движеніемъ нитей слѣдятъ,
И руки безъ устали ткутъ.
Ткутъ руки; потъ градомъ катится съ лица,
Въ грудь молотомъ сердце стучитъ...

А нити ползутъ да ползутъ безъ конца,
Подъ грохотъ работа кипитъ!
А тамъ, за стѣной, далеко-далеко—
Лѣса и раздолье полей:
Тамъ дышится груди провольно, легко
Подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей!
Прохладно въ тѣни на опушкѣ лѣсной,
И тихо, такъ тихо кругомъ...
Волнуется рожь... Тучки свѣтлой грядой
Въ просторѣ плывутъ голубомъ...
— На волю, на волю изъ душной тюрьмы
Безсонныхъ заботъ и труда!—
Машины стучатъ: „Никогда, никогда!"
Здѣсь вѣчные узники мы.
Какъ въ бѣшеной пляскѣ, колеса бѣгутъ,
Ремни, извиваясь, шипятъ;
Проклятыя нити ползутъ да ползутъ,
Машины хохочутъ, гремятъ:
„Безплодныя думы, пустыя мечты—
Лѣса и раздолье полей!
Не люди вы, дѣти больной нищеты,
Вы—блѣдныя тѣни людей!"

. . . . . .

Ни смѣха, ни пѣсенъ... Порою въ глазахъ
Безсильная злоба блеснетъ.
Слеза заблеститъ, на безкровныхъ губахъ
Безсильно проклятье замретъ,
Да руки съ угрозой сожмутся и... ткутъ!
Мы ткемъ, мы безъ устали ткемъ.
Проклятыя нити ползутъ да ползутъ,
Бѣжитъ и спѣшитъ все кругомъ...
Скорѣй!.. И тѣло, и воля въ цѣпяхъ—
Покорно мы ткемъ... А потомъ,
Какъ силы не станетъ въ изсохшихъ рукахъ,
Мы въ грязныхъ подвалахъ умремъ.
Ткемъ.. Тучи удушливой пыли висятъ
Надъ нами, дрожатъ и плывутъ..
Колеса вертятся, машины стучатъ,
Проклятыя нити ползутъ!

Л. И. Андрусонъ.

* *
*

На зарѣ ты ея не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ!
Утро дышитъ у ней на груди,
Ярко пышетъ на ямкахъ ланитъ,

И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И чернѣясь, бѣгутъ на плеча
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидѣла она
И слѣдила по тучамъ игру,
Что, скользя, затѣвала луна.

И, чѣмъ ярче играла луна
И чѣмъ громче свисталъ соловей,
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось больнѣй и больнѣй.

Оттого-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ,
Не буди жъ ты ея, не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ.

А. Фетъ.

ВЕСНОЮ.

Шумъ крыльевъ молодыхъ несется надъ полями,
Воскресшихъ силъ кипитъ могучій хороводъ
И гонитъ звонкими струями
Весеннихъ водъ
Свободный бѣгъ

Послѣдній ледъ,
Послѣдній снѣгъ...

. . . . . .

Господь, Господь, не Ты ль вѣщалъ: „Настанутъ годы
Въ сердцахъ людей зажгу Я новые лучи,—
Я миръ пошлю землѣ, и копья и мечи
Въ серпы и въ сошники перекуютъ народы;
Я миръ пошлю землѣ. Надъ логовищемъ львовъ,
Гнѣздилищемъ змѣи, норою скорпіона
Уляжется дитя, какъ у родного лона,
Вкушая благодать спокойныхъ свѣтлыхъ сновъ."

. . . . . .

О, гдѣ жъ онъ, свѣтлый путь къ покою и веселью?
Такой просторъ кругомъ — и мракъ такой надъ нимъ!
Какія пѣсни мы поемъ надъ колыбелью?
Съ какой молитвою надъ гробомъ мы стоимъ?
Гдѣ юность вольная? Гдѣ золотые годы
Съ той звонкой пѣснею веселья и свободы,
Который бы звучать, кипѣть и бить волной
Надъ этой сочною, упругой цѣлиной,
Надъ ширью этихъ рѣкъ, надъ этими лѣсами,
Гдѣ нынѣ мы стоимъ, поникнувъ головами,
Среди руинъ разбитыхъ грезъ,
Съ душой запуганной, съ безсильными руками
И ѣдкой горечью невыплаканныхъ слезъ!..

С. Г. Фругъ.

Яворская.

* * *

Снилось мнѣ: небо лазурное, чистое...
Снилось мнѣ: родины ширь необъятная,
Утро румяное, поле росистое,
Свѣжесть и юность моя невозвратная...
Снилось мнѣ, будто иду я дорогою—
Ярче и ярче востокъ разгорается,
Сердце объято разсвѣтной тревогою,
Сердце отъ счастья любви разрывается.
Рощи и воды младенческимъ лепетомъ
Мнѣ отвѣчаютъ на чувство привѣтное—
Шепчутъ уста съ умиленьемъ и трепетомъ
Имя любимое, имя завѣтное!..

А. Голенищевъ-Кутузовъ.

* *
*

По жестокимъ путямъ бытія
Я бреду, безпріютенъ и сиръ,
Но зато вся природа—моя,
Для меня наряжается міръ.

Для меня въ тайнѣ вешнихъ ночей,
Заливаясь, поютъ соловьи.
Какъ невольникъ, цѣлуетъ ручей
Запыленныя ноги мои.

И свѣтило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Передо мною покорно склоня,
Разсыпаетъ ихъ въ сѣрой пыли.

Ѳедоръ Сологубъ.

Розы.

Розы весеннія—розы любви.
Ихъ напоенное нѣгой дыханье
Страсть навѣваетъ и будитъ желанье,
Тайный огонь зажигая въ крови.
Розы весеннія—розы любви,
Розы осеннія—розы надежды!
Минули легкія дымки весны,
Минули жгучіе лѣтніе сны.
Лѣсъ пожелтѣлый теряетъ одежды.
Розы осеннія—розы надежды!—
Память пронесшихся лѣтнихъ тревогъ,
Новаго счастья въ васъ вѣрный залогъ,
Новой весны въ васъ открытыя вѣжды!
Взоръ вашъ задумчивъ и шопотъ вашъ милъ,
Но для кого я васъ холилъ, вспоилъ,
Розы осеннія—розы надежды?..

С. Норманскій.

Послѣдняя роза.

Изъ Т. Мура.

Роза послѣдняя грустно качается
Въ зелени яркой родимыхъ кустовъ,
Слабый кругомъ ароматъ разливается,
Точно любви замирающій зовъ.

Съ слезкой росистой она, одинокая,
Грустно глядитъ на могилы вокругъ:
Съ ней не мѣняются ночью стоокою,
Вздохомъ за вздохъ вереницы подругъ.

Жизнь запоздалая, жизнь безучастная,
Та же загробная жизнь наяву...
Я помогу тебѣ, роза несчастная: —
Съ вѣтки родимой сорву.

Я ощиплю лепестки твои алые,
И ихъ предсмертный вздохнувъ ароматъ,
Ими украшу рукою усталою
Ложе, гдѣ мирно друзья твои спятъ.

Если опоры нѣтъ въ дружбѣ живительной,
Нѣтъ и надежды дожить до зари, —
Лучше сказать тогда сердцу рѣшительно:
— Бѣдное сердце! Не бейся... умри!

А. М—новъ.

Л. М. Леонидовъ.

Грѣшница.

Народъ кипитъ; веселье, хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Кругомъ и зенень, и цвѣты,
И межъ столбовъ, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты.
Чертоги убраны богато,
Вездѣ горитъ хрусталь и злато,
Возницъ и коней полонъ дворъ;
Тѣснясь за трапезой великой,
Гостей пируетъ шумный хоръ,
Идетъ, сливаяся съ музыкой,
Ихъ перекрестный разговоръ.

Ничѣмъ бесѣда не стѣснима:
Они свободно говорятъ
О ненавистномъ игѣ Рима,
О томъ, какъ властвуетъ Пилатъ,
О ихъ старшинъ собраньи тайномъ,
Торговлѣ, мирѣ и войнѣ,
И мужѣ томъ необычайномъ,
Что появился въ ихъ странѣ:
„Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
„Народъ смиренью онъ училъ,
„Онъ всѣ законы Моисея
„Любви закону подчинилъ.
„Не терпитъ гнѣва онъ, ни мщенья, —
„Онъ проповѣдуетъ прощенье,
„Велитъ за зло платить добромъ.
„Есть неземная сила въ немъ:
„Слѣпымъ онъ возвращаетъ зрѣнье,
„Даритъ и крѣпость, и движенье
„Тому, кто былъ и слабъ, и хромъ.
„Ему признанія не надо, –
„Сердецъ мышленье отперто,
„Его испытующаго взгляда
„Еще не выдержалъ никто.
„Цѣля недугъ, врачуя муку,
„Вездѣ спасителемъ онъ былъ,
„И всѣмъ простеръ благую руку,
„И никого не осудилъ.
„То, видно, Богомъ мужъ избранный,
„Онъ тамъ, по онполъ Іордана
„Ходилъ, какъ посланный небесъ,
„Онъ много тамъ свершилъ чудесъ.
„Теперь пришелъ онъ, благодушный,
„На эту сторону рѣки;
„Толпой прилежной и послушной
„За нимъ идутъ ученики".

Такъ гости, вмѣстѣ разсуждая,
За длинной трапезой сидятъ;
Межъ ними, чашу осушая,
Сидитъ блудница молодая.
Ея причудливый нарядъ

Невольно привлекаетъ взоры,
Ея нескромные уборы
О грѣшной жизни говорятъ;
Но дѣва падшая прекрасна, —
Взирая на нее, наврядъ,
Предъ силой прелести опасной
Мужи и старцы устоятъ:
Глаза насмѣшливы и смѣлы,
Какъ снѣгъ Ливана, зубы бѣлы,
Какъ зной, улыбка горяча;
Вкругъ стана падая широко,
Сквозныя ткани дразнятъ око,
Съ нагого спущены плеча.
Ея и серьги и запястья,
Звеня, къ восторгамъ сладострастья,
Къ утѣхамъ пламеннымъ зовутъ.
Алмазы блещутъ тамъ и тутъ
И, тѣнь бросая на ланиты,
Во всемъ обилiи красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падутъ роскошные власы.
Въ ней совѣсть сердца не тревожитъ,
Стыдливо не вспыхаетъ кровь;
Купить за злато всякiй можетъ
Ея продажную любовь.

И внемлетъ дѣва разговорамъ,
И ей они звучатъ укоромъ.
Гордыня пробудилась въ ней,
И говоритъ съ хвастливымъ взоромъ:
— „Я власти не страшусь ничьей!
„Закладъ со мной держать хотите ль?
„Пускай предстанетъ вашъ учитель,
„Онъ не смутитъ моихъ очей!“

Вино струится, шумъ и хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Куренье, солнце и цвѣты...
И вотъ къ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный.
Его чудесныя черты,

Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный видъ
Неотразимо дышитъ властью,
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ, на смертныхъ не похожій,
Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтелъ, какъ архангелъ Божій,
Когда пылающимъ мечемъ
Врага въ кромѣшныя оковы
Онъ гналъ по манію Іеговы.
Невольно грѣшная жена
Его величьемъ смущена,
И смотритъ робко, взоръ понизивъ;
Но, вспомня свой недавній вызовъ,
Она съ сѣдалища встаетъ,
И станъ свой выпрямивши гибкой,
И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фіалъ шипящій подаетъ.
— „Ты тотъ, что учитъ отреченью?
„Не вѣрю твоему ученью,
„Мое надежнѣй и вѣрнѣй.
„Меня смутить не мысли нынѣ,
„Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,
„Въ постѣ проведшій сорокъ дней!
„Лишь наслажденіемъ я влекома,
„Съ постомъ съ молитвой незнакома,
„Я вѣрю только красотѣ,
„Служу вину и поцѣлуямъ,
„Мой духъ тобою не волнуемъ,
„Твоей смѣюсь я чистотѣ!“

И рѣчь ея еще звучала,
Еще смѣялася она,
И пѣна легкая вина
По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
Какъ общій говоръ вкругъ возникъ.
И слышитъ грѣшница въ смущеньи:

— „Она ошиблась! Въ заблужденье
„Ее привелъ пришельца ликъ:
„То не Учитель передъ нею,
„То Іоаннъ изъ Галилеи,
„Его любимый ученикъ".

Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой,
И вслѣдъ за нимъ, съ покойнымъ видомъ,
Подходитъ къ храминѣ д р у г о й.
Въ его смиренномъ выраженьи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.
То не пророка взглядъ орлиный,
Не прелесть ангельской красы —
Дѣлятся на двѣ половины
Его волнистые власы;
Поверхъ хитона упадая,
Одѣла риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ,
Въ движеньяхъ скроменъ онъ и простъ;
Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада;
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.
И пронеслося надъ народомъ,
Какъ дуновенье тишины, —
И чудно благостнымъ приходомъ
Сердца гостей потрясены.
Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижное собранье,
Тревожно духъ переводя;
И онъ, въ молчаніи глубокомъ,
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ,
И, въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.

И былъ тотъ взоръ, какъ лучъ денницы,
И все открылося ему,

И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.
И все, что было тамъ таимо,
Въ грѣхѣ что было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ —
И ужасъ ею овладѣлъ.
Уже на грани сокрушенья
Она постигла въ изумленьи,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ,
И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно;
И въ первый разъ гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ,
И милосердіе прочла;
И, чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,
Она, колебляся, стояла...
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ!
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста —
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

А. К. Толстой.

ПАНТЕРА.

Изъ С. Прюдома.

Въ искусствѣ женщинѣ все, кромѣ страсти, скучно,
Мечтательный поэтъ всегда съ ней одинокъ,
Такъ за Орфеемъ шла пантера неотлучно,
Но пѣсней звѣря въ ней онъ усыпить не могъ.

Когда его нога, ступивъ на тернъ докучный,
Кололась вдругъ, и кровь стекала на песокъ,
Она однимъ прыжкомъ, забывъ о пѣснѣ звучной,
Кидалась пить ту кровь, лизать ее у ногъ.

Вниманью женщины, склонившейся съ любовью,
Не вѣрь, не вѣрь поэтъ: въ ней тотъ же хищный звѣрь.
Что въ сладкихъ звукахъ ей! Сочится-ль сердце кровью?

Когда звенитъ твой стихъ размѣренный, — повѣрь,
Она слѣдитъ за нимъ, но лишь однимъ томится:
Гдѣ кровь, кровь сердца ранъ, краснѣетъ и дымится?

Ив. Тхоржевскій.

ЧУДОВИЩА.

Во всѣхъ углахъ жилья, въ проходахъ, за дверьми
Стоятъ чудовища, незримыя людьми:
Болѣзни, ужасы и думы тѣхъ, кто прежде
Жилъ въ этихъ комнатахъ и вѣрилъ здѣсь надеждѣ.

И всѣ мы съ первыхъ дней, вступая въ старый
домъ,
Подъ ихъ вліяніемъ таинственнымъ живемъ.
Ихъ образъ, какъ у птицъ. Какъ глупые пингви-
ны,
Они стоятъ во мглѣ, къ стѣнѣ притиснувъ спины
И чинно крылышки прижавъ къ своимъ бокамъ;
Какъ грифы сѣрые, нахохлясь по угламъ,
За печкой, за бюро сидятъ неясной грудой;
Какъ совы, на шкапахъ таятся и оттуда
Глядятъ незрячими глазами цѣлый день.
При свѣтѣ дня ихъ нѣтъ, они—пустая тѣнь,
И только вечеромъ, когда уносятъ свѣчи
И гдѣ-то вдалекѣ шумятъ за чаемъ рѣчи,
Въ потемкахъ, въ комнатахъ, безмолвныхъ съ дав-
нихъ поръ,
Они выходятъ всѣ изъ мрака и изъ норъ,
Гуляютъ и шумятъ за мигомъ мигъ смѣлѣе,
Почти что на виду вытягиваютъ шеи,
Пугаютъ мальчика, боящагося мглы,
И, лишь внесутъ огонь, скрываются въ углы.
А послѣ, полночью въ квартирѣ, тупо спящей,
Блуждаютъ, властныя, какой-то ратью мстящей,
Мечтами давнихъ лѣтъ холодный сонъ томятъ
И въ губы спящаго вдыхаютъ мертвый ядъ.

Валерій Брюсовъ.

* * *

Зачѣмъ кипитъ въ груди негодованье,
Зачѣмъ глаза горючихъ слезъ полны,
Когда уста на мертвое молчанье,
Когда мечты на смерть обречены?
Зачѣмъ въ крови струится жизни сила,
Когда во-вѣкъ ей не стяжать побѣдъ?
Зачѣмъ ладья, когда къ ней нѣтъ вѣтрила?
Зачѣмъ вопросъ, когда отвѣта нѣтъ?

А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Э. Ростанъ.

ОДА СОЛНЦУ.

(Изъ „Шантеклера "Ростана.
Монологъ Шантеклера).

О, ты, что слезы травъ съ любовью осушаешь
И въ мотыльковъ живыхъ волшебно превраща-
ешь
Умершаго цвѣтка воздушную печаль,
Когда какъ легкій сонъ, рой лепестковъ развѣявъ,
Душистый вѣтеръ Пиренеевъ
Колышетъ розовый миндаль.
О, Солнце .. Я пою твое прикосновенье,
Что каждому челу несетъ благословенье,
Цвѣты и въ сотахъ медъ пахучій золотя;
Дробясь и все одинъ твой лучъ равно всѣхъ грѣ-
етъ,

Какъ сердце матери лелѣетъ
И любитъ каждое дитя.
Пою тебѣ—твой жрецъ: пою тебѣ смиренно...
Я знаю, для тебя ничто вѣдь не презрѣнно:
Ты въ мыльномъ пузырѣ свой отражаешь свѣтъ,
Порой избравъ стекло убогаго оконца,
Чтобы послать на землю—Солнца
Прощальный ласковый привѣтъ.
Къ тебѣ подсолнечникъ стремится желтой чашей;
Подъ ласкою твоей—на колокольнѣ нашей
Мой братъ становится блестяще-золотымъ;
А тамъ, гдѣ тѣнь отъ липъ густа и ароматна,
Кидаешь ты такія пятна,
Что жалко мнѣ ступать по нимъ.
На кружкѣ глиняной ты зажигаешь пламя
Эмали дорогой; сіяющее знамя
Умѣешь сдѣлать ты изъ стараго тряпья.
Вѣнчаешь золотомъ ты мельницу-старушку
И красишь въ золото верхушку
У золотистаго улья.
Хвала тебѣ въ поляхъ, хвала на лозахъ алыхъ,
На бархатѣ травы, на каменныхъ порталахъ,
Въ глазахъ у ящерицъ, на крыльяхъ бѣлыхъ птицъ,
Вездѣ твои лучи волшебные блистали,
Чертя мельчайшія детали,
Рисуя дали безъ границъ.
Ты свѣту далъ сестру, чьи гибкіе извивы
Ложатся съ лаской, темны и молчаливы,
У ногъ всего, что есть, освѣщаетъ день;
Чтобъ больше сладости прибавить наслажденью,
Ты въ мірѣ все удвоилъ тѣнью...
И часто намъ милѣе—тѣнь.
О, Солнце... Ты землѣ несешь апофеозы,
Даришь огни ручью, а въ небо сыплешь розы
И каждому кусту даруешь божество...
Явись, явись скорѣй.. Снопами свѣта брызни...
О, Солнце, безъ тебя не стало-бъ въ мірѣ жизни,
Не стало-бъ міра самого!

Т.Щепкина-Куперникъ.

ГОЛОДЪ.

Словно злое чудище,
Голодъ зарождается;
Онъ въ дырявомъ рубищѣ
За гумномъ слоняется,
Въ огородахъ прячется,
Зимы дожидается,
На распутьи плачется.

Буря ли проносится,
Али дождикъ хлещется,—
Пахарю мерещится:
Голодъ въ избу просится,—
Воетъ волкомъ, скоблится,
Съ домовыми борется...

Какъ мятель поднимется,
Голодъ съ мѣста двинется...
Нѣтъ его скуластѣе,
Нѣтъ его зубастѣе!
Сокрушитъ онъ вдовушку
Съ малыми ребятами.

Уведетъ коровушку,
Порѣшитъ съ телятами,
И продастъ онъ пѣгую—
Съ хомутомъ, съ телѣгою—
За ведро съ сивухою,
За кочанъ съ краюхою...

Съ алчною утробою,
Съ ненасытной злобою,
Съ вѣчными угрозами
Голодъ подъ морозами
Не боится холода,—
Добѣжитъ до города...

Кто его подслушаетъ,
Съ блюдца не докушаетъ

Ананаса въ сахарѣ,
И, быть можетъ, справится
Свѣтская красавица
О голодномъ пахарѣ.

Все, что нынче весело,
Носу не повѣсило,
Все, что живо, молодо,
Встаньте противъ голода!
Всѣ мы имъ обижены!.

Изъ послѣдней хижины
Выбейте костлявое
Чудище мозглявое,
Хриплое, увѣчное
И безчеловѣчное.

Голодъ—врагъ Создателя,—
Мудрецамъ—безчестіе..
Хуже непріятеля
Голода нашествіе.

Я. П. Полонскій.

* *

Правда.

А правда пошла по поднебесью.
Изъ „Голубиной Книги".

Кривда съ Правдою сходилась,
Кривда въ спорѣ верхъ взяла.
Правда въ Солнце превратилась,
Въ мірѣ чистый свѣтъ зажгла.

Удалилась къ поднебесью,
Бросивъ Кривду на землѣ,
Свѣтитъ лугу, перелѣсью,
Жизнь рождаетъ въ мертвой мглѣ

Съ той поры до дней текущихъ
Только Правдой и жива
Межъ цвѣтовъ и травъ цвѣтущихъ
Жизни грусть, плакунъ-трава.

Съ той поры на синемъ Морѣ,
Тамъ, гдѣ валъ непобѣдимъ,
Правды ждетъ съ огнемъ во взорѣ
Птица мощная Стратимъ.

И когда она протянетъ
Два могучія крыла, —
Солнце встанетъ, Море грянетъ:
„Правда, Правда въ міръ пришла!“

К. Бальмонтъ.

Колыбельная пѣсня.

Липы душистой цвѣты распускаются.
Спи, моя радость, усни!
Ночь насъ окутаетъ ласковымъ сумракомъ,
Въ небѣ далекомъ зажгутся огни,
Вѣтеръ о чемъ-то зашепчетъ таинственно,
И позабудемъ мы прошлые дни,
И позабудемъ мы муку грядущую...
Спи, моя радость, усни!
Бѣдный ребенокъ, больной и застѣнчивый,
Мало на горькую долю твою
Выпало радости, много страданія;
Какъ наклоняется нѣжно къ ручью
Ива плакучая, ива печальная,
Такъ заглянула ты въ душу мою,
Ищешь отвѣта въ ней .. Спи! Колыбельную
Я тебѣ пѣсню спою!
О, моя ласточка, о, моя дѣточка,

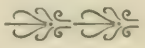
Въ мірѣ холодномъ съ тобой мы одни:
Радость и горе раздѣлимъ мы поровну;
Крѣпче къ надежному сердцу прильни;
Мы не измѣнимся, мы не разстанемся,
Будемъ мы вмѣстѣ и ночи и дни;
Вмѣстѣ съ тобою на вѣкъ успокоимся...
Спи, моя радость, усни!

К. Бальмонтъ.

* * *

Когда одинъ, въ минуты размышленья,
Съ природой я бесѣдую въ тиши,
Я вѣрю: есть святое Провидѣнье
И кроткій міръ для сердца и души;
И грусть свою тогда я забываю,
Съ своей нуждой безропотно мирюсь, —
И небесамъ невидимо молюсь,
И пѣснь пою, и слезы проливаю...
И сладко мнѣ! и жаль мнѣ отдавать
На судъ людской восторги вдохновеній
И отъ толпы, какъ платы, ожидать
Пустыхъ похвалъ, иль горькихъ обвиненій.
Глухихъ степей незнаемый пѣвецъ —
Я нахожу въ моей пустынѣ счастье.
Своимъ слезамъ, какъ площадной слѣпецъ
Стыжусь просить холоднаго участья.
Печаль моя застѣнчиво-робка,—
Въ родной груди скрываясь боязливо,
За пѣснь свою награды и вѣнка
Не требуетъ она самолюбиво.

И. С. Никитинъ.



Silentium.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи.
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ-ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй!
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи.

Ѳ. И. Тютчевъ.

А. Коринескій.

Жизнь и смерть.

Я видѣлъ жизнь: она была
Полна слѣпого самовластья,
Она томила жаждой счастья,
Терзала, мучила и жгла.

Она дарила иногда,
Въ туманѣ сумрачной невзгоды,
Мгновенья призрачной свободы
Рабамъ безплоднаго труда.

Она звала въ неравный бой
Съ обуревающею тьмою
И въ тотъ же мигъ передъ судьбою
Клонилась гордой головой.

Кичась былыхъ побѣдъ вѣнцомъ,
Ведя слѣпцовъ по бездорожью,
Она гасила искру Божью,
Въ душѣ зажженную Творцомъ.

Безумье съ мудростью сроднивъ,
Порокъ—съ духовной чистотою,
Она смѣялась надъ мечтою,
Въ себѣ мечты похоронивъ.

Добро и зло, и мракъ, и свѣтъ —
Въ ней все сливалось, утопая...
И тщетно я, любя, страдая,
Взывалъ къ ней: „Жизнь! Дай мнѣ отвѣтъ!..“

Я видѣлъ смерть: она была
Полна святого всепрощенья,
Когда изъ горняго селенья
Въ пріютъ страданія вошла.

Она съ отрадой неземной
Склонилась кротко къ изголовью
И съ материнскою любовью
Смирила вопль души больной,

Она послала тихій сонъ
Тому, въ комъ гасла жизни сила,
Крыломъ незримымъ осѣнила
Послѣднихъ мукъ послѣдній стонъ...

Страданья кончились навѣкъ,
И съ рубежа пути земного
Улыбкой дѣтства золотого
Ей улыбнулся человѣкъ,—

Какъ будто въ тотъ прощальный мигъ
Не умеръ онъ—дитя невзгоды,
А къ лону матери-природы
Всѣмъ существомъ своимъ приникъ...

И понялъ я, что смерти нѣтъ,
Что наша жизнь—лишь путь тернистый

Въ тотъ міръ безсмертья, міръ лучистый
Гдѣ брежжитъ свѣтъ, предвѣчный свѣтъ!..

Ап. Коринѳскій.

„ПОЙДЕМЪ“...

Я жду!.. Она придетъ неспѣшными стопами
И станетъ, грозная, передъ моимъ одромъ,
И, впившись мнѣ въ уста холодными устами,
Прошепчетъ мнѣ: „Пойдемъ!“
— Куда? Зачѣмъ?.. Постой, ты гость совсѣмъ незваный..
Смотри: весна идетъ... цвѣты цвѣтутъ кругомъ...
Подумай: дѣло ждетъ и умирать мнѣ рано...
Смерть скажетъ мнѣ: „Пойдемъ!“
— Но нѣтъ, ошиблась ты: не догорѣло пламя
Въ моей больной груди... Еще не грянулъ громъ...
Еще не высится святой свободы знамя...
Смерть скажетъ мнѣ: „Пойдемъ!“
— Но я еще любимъ! Еще любить хочу я!
Не расквитался я ни съ другомъ, ни съ врагомъ.
И мести жажду я и жажду поцѣлуя...
Смерть скажетъ мнѣ: „Пойдемъ!“

М. Н. Соймоновъ.

Качели.

I.

Въ лунномъ блескѣ стынутъ ели, околдованныя снами.
Какъ летятъ мои качели между темными столбами!

Точно въ высь меня уносятъ чьи-то радостныя
крылья,
Точно таетъ, исчезаетъ сумракъ прежняго без-
силья!
Пусть изъ рощи льются пѣсни,—я душой имъ не
отвѣчу:
Съ дивной пѣсней про свободу мчится вѣтеръ
мнѣ навстрѣчу!
Пусть, обрызганы росою, грезятъ розы, имморт-
тели,
Выше! выше надъ землею взвейтесь, легкія качели!
Чу! Звѣзда стрѣлой упала... Меркнетъ слѣдъ ея
сіянья.
О, звѣзда! Я загадала въ мигъ волшебный поже-
ланья:
Не сули земную ласку, не пророчь о пышной до-
лѣ, —
Ты властнѣй!—пошли мнѣ сказку, сказку въ звѣзд-
номъ ореолѣ!

II.

Я въ тихую полночь качаюсь,
Качаюсь на легкой доскѣ,
Я къ соннымъ вѣтвямъ поднимаюсь,
А звѣзды глядятъ вдалекѣ.
Долины свѣтлы и туманны,
И призрачна зелень березъ;
Неясные звуки такъ странны,
Какъ шорохъ роняемыхъ слезъ.
Въ истомѣ волшебной и сладкой
Земля отдалась забытью
И нѣжитъ, и мучитъ загадкой
Безгласную душу мою.
Растутъ непонятныя чары,
Полночная тайна растетъ, —
И въ сердцѣ все громче удары,
Все выше свободный полетъ.
И кто-то несется все ближе,
Но взоромъ его не найти...

И кто-то мнѣ шепчетъ: „Лети же!
Душой неустанно лети,
И вѣруй, пока ты летаешь
Въ глубокомъ молчаньи чудесъ,
Что все на землѣ разгадаешь,
Когда долетишь до небесъ!“

III.

Что будетъ завтра—я не знаю,
О прошломъ я не вспоминаю,
Былой тоски не растравлю;
Сегодня я благословляю,
Надѣюсь, вѣрю и люблю!
Въ моей душѣ, какъ звонъ свирѣли,
Мечтанья свѣтлыя запѣли,
Смѣется молодость во мнѣ.
Несутъ, несутъ меня качели
Къ завороженной вышинѣ!
И звѣзды свѣтятъ безмятежно
Огнемъ росы, упавшей нѣжно,
Съ цвѣтовъ заоблачныхъ полей,
Слезами радости безбрежной,
Слезами ангельскихъ очей!

М. Пожарова.

А. Мицкевичъ.

* *
*

Изъ А. Мицкевича.

„Прочь съ глазъ моихъ!..“ И я готовъ исполнить
это..,
„Долой изъ сердца!..“ Прочь, завѣтныя мечты!
„Долой изъ памяти!“—Нѣтъ! этого завѣта
Не властны выполнить ни я, ни даже ты.

Чѣмъ далѣе предметъ поставленъ колоссальный,
Тѣмъ шире за собой отбрасываетъ тѣнь;
Чѣмъ дальше буду я, тѣмъ образъ мой печаль-
ный
Скорѣе омрачитъ тоской твой ясный день.

То здѣсь, то тамъ обманутый судьбою,
Дѣлилъ я смѣхъ и плачъ съ одной тобой въ тиши,

И вѣрь: всегда, вездѣ я буду предъ тобою,
На всёмъ ты встрѣтишь слѣдъ больной моей души

Задумавшись въ своемъ уютномъ кабинетѣ
И къ арфѣ подойдя, займешься ли игрой —
Ты скажешь: „въ этотъ часъ, при этомъ полусвѣтѣ
Онъ такъ любилъ мечтать подъ пѣснь мою порой".

И если, въ шахматы играя, при началѣ
Увидишь, что игра проиграна твоя,
Ты вспомнишь про себя:—„вотъ такъ ряды стояли,
Когда въ послѣдній разъ съ нимъ здѣсь играла я".

Забывъ ли прошлое, въ разгарѣ шумномъ бала,
И мыслью уносясь далеко въ міръ иной,
Увидишь стулъ пустой въ углу большого зала,
Ты скажешь про себя:—„тамъ онъ сидѣлъ со мной".

Въ романѣ ли прочтешь, какъ гибнутъ вереницы
Давно лелѣемыхъ надеждъ въ единый часъ,
Въ волненіи, закрывъ досадныя страницы,
Ты скажешь про себя: „такъ было и у насъ".

И если авторъ твой, по долгомъ испытаньи,
Уже не разлучилъ двухъ любящихъ сердецъ,
Свѣчу задувши вдругъ, ты скажешь безъ сознанья:
„Зачѣмъ же нашъ романъ имѣлъ иной конецъ?"

И въ ночь, какъ молнія все заревомъ одѣнетъ,
На грушѣ высохшей зашелестятъ листы,
И филинъ вдругъ крыломъ окно твое задѣнетъ:
„О, то душа его!" въ испугѣ скажешь ты.

И всюду, гдѣ порой, обманутый судьбою,
Дѣлилъ я смѣхъ и плачъ съ одной тобой въ тиши
Повѣрь, всегда, вездѣ я буду предъ тобою;
На всемъ ты встрѣтишь слѣдъ больной моей души.

Н. П. Петровскій.

Вѣнокъ.

Изъ А. Де-Ренье.

Изнеможенныя, поникнувъ головою,
Въ молчаньи сумерекъ, нетвердою стопою
Изъ жизни суетной идутъ мои Мечты.
Онѣ шли туда съ довѣрчивой зарею
И возвращаются теперь изъ темноты.
И тихо, по одной, подходятъ, избѣгая
Моихъ пытливыхъ глазъ, дрожа и отступая
Предъ взоромъ трепетнымъ—въ глубь вѣчной тем-
ноты.
Да, это все онѣ, мои Мечты былыя,
Теперь усталыя, поникшія, нѣмыя,
Когда-то близкія! Еще въ моихъ ушахъ
Звучитъ ихъ радостный, поспѣшный, легкій шагъ,
Которымъ шли онѣ, спускаясь къ жизни дальной..
Что жъ совершили вы?
— Гдѣ твой бокалъ хрустальный,
Мечта объ истинѣ! онъ полонъ до краевъ?
— О, нѣтъ! твои уста горятъ, рука разжата,
И съ ѣдкой горечью неутоленныхъ сновъ,
Указываетъ ты у ногъ твоихъ, безъ словъ,
Осколки хрусталя!..—А ты, дитя! когда-то
Вся –жизнь, вся — яркій смѣхъ, гдѣ ты скиталась
днемъ?
Но ты шатаешься?! съ распущенной косою,
Въ одеждѣ праздничной, забрызганной виномъ,
Блѣдна, отяжелѣвъ,—ты ль это предо мною?
Прочь, ты чужая мнѣ!—А ты, съ худымъ лицомъ,
Такимъ измученнымъ! зачѣмъ, въ порывѣ муки,
Къ груди таинственно ты прижимаешь руки?
Тамъ прячется змѣя—и ненависти ядъ
Тебѣ вливаетъ въ кровь!—А гдѣ же твой нарядъ,
Мечта величія? увы! въ твоей котомкѣ
Лохмотья пурпура и скипетра обломки!
— И ты, огнемъ страстей горѣвшая мечта!
Ты возвращаешься, ужалена въ уста,

Обезображена, покрыта грязью липкой,
Съ отчаяньемъ въ груди и съ мертвою улыбкой!

О, что вы сдѣлали, Мечты мои, со мною!
О, что вы сдѣлали съ собой, мои Мечты!

Но ты,—ты, чистая, единственная, ты,
Что не пришла ко мнѣ, одна изъ всѣхъ, съ зарею,
Меня покинувшихъ,—къ тебѣ, хотя бъ цѣною
Всей жизни, скорбь мою и пѣснь я понесу!
Ты скрылась, тихая, въ задумчивомъ лѣсу
И тамъ въ безмолвіи сидишь одна, нагая,
У ногъ босыхъ Любви, и богъ Любви, лаская,
Даритъ тебѣ цвѣты и самъ беретъ, склоняясь,
И оба нѣмы вы, цвѣтами лишь мѣняясь,
И пальцы вашихъ рукъ плетутъ, у липы мшистой,
Для васъ, для васъ двоихъ—одинъ вѣнокъ душистый.

И. И. Тхоржевскій.

Шиповникъ.

Шиповникъ алый,
Шиповникъ бѣлый,
Одинъ усталый,
И онѣмѣлый,
Другой влюбленный,
Лѣниво страстный,
Душистый, сонный,
И красный, красный.
Едва вздыхая,
И цѣпенѣя,
Въ дыханьи мая,
Влюбляясь, млѣя,
Они мечтаютъ

О невозможномъ,
И доцвѣтаютъ
Во снѣ тревожномъ.
И близко, близко
Одинъ къ другому,
Въ корняхъ, такъ низко,
Хранятъ истому,
Въ листахъ, въ вершинахъ,
Въ цвѣтахъ, повсюду,
И въ снахъ единыхъ
Открылись чуду.

О, чудо мая
Неотвратимо!
Но время, тая,
Проходитъ мимо,
Но май устанетъ
И онѣмѣетъ,
И вѣтеръ встанетъ,
Цвѣты развѣетъ.

Ихъ рокъ—быть рядомъ
И жаждать слиться,
Ихъ рокъ—лишь взглядомъ
Соединиться.
О, сонъ усталый,
О, вздохъ несмѣлый!
Шиповникъ алый,
Шиповникъ бѣлый!

К. Бальмонтъ.

Булатовъ.

Слѣпой.

Князь выѣхалъ рано, средь гридней своихъ,
Въ сыръ-боръ полеванья извѣдать;
Гонялъ онъ и вепрей, и туровъ гнѣдыхъ,
Но время доспѣло, звонъ рога утихъ,
Пора отдыхать и обѣдать.
Въ лугу они свѣжемъ, подъ дубомъ сидятъ
И брашна принимаются рушать;
И князь говоритъ: „Мнѣ отрадно звучатъ
Ковши и братины, но пѣсню бы радъ
Я въ зелени этой послушать".
И отрокъ озвался: „За рѣчкою тамъ
Убогій мнѣ пѣсенникъ вѣдомъ;
Онъ слѣпъ, но гораздъ ударять по струнамъ".
И князь говоритъ: „Отыщи его намъ,

Пусть тѣшитъ онъ насъ за обѣдомъ".
Ловцы отдохнули, братины допивъ,
Сидѣть имъ безъ дѣла не любо,
Поѣхали далѣ про пѣсню забывъ,
Гусляръ между тѣмъ на княжой на призывъ
Бредетъ ко знакомому дубу.
Онъ щупаетъ посохомъ корни деревъ,
Плетется одинъ чрезъ дубраву,
Но въ сердцѣ звучитъ вдохновенный напѣвъ,
И думъ благодатныхъ ужъ зрѣетъ посѣвъ,
Слагается пѣсня на славу.
Пришелъ онъ на мѣсто: лишь дятелъ стучигъ
Лишь въ листьяхъ стрекочетъ сорока;
Но въ сторону ту, гдѣ, не видя, онъ мнитъ,
Что съ гриднями князь въ ожиданьи сидитъ,
Старикъ поклонился глубоко.
— „Хвала тебѣ, княже, за ласку твою,
Бояре и гридни, хвала вамъ!
Начать пѣснопѣнье готовъ я стою —
О чемъ же я, старый и бѣдный, спою
Предъ сонмищемъ симъ величавымъ?
Что въ вѣщемъ сказалося сердцѣ моемъ,
То выразить рѣчью возьмусь ли?.."
Пождалъ—и не слыша ни слова кругомъ,
Садится на кочку, поросшую мхомъ,
Персты возлагаетъ на гусли.
И струнъ переливы въ лѣсу потекли,
И пѣсня въ глуши зазвучала...
Всѣ міра явленья, вблизи и вдали:
И синее море, и роскошь земли,
И цвѣтныхъ каменій начала,
Что въ нѣдрахъ подземія блескъ свой таятъ
И чудища въ морѣ глубокомъ,
И въ темномъ бору заколдованный кладъ,
И витязей бой, и сверканіе латъ —
Все видитъ духовнымъ онъ окомъ.
И подвиги славитъ минувшихъ онъ дней,
И все, что достойно, вѣнчаетъ:
И доблесть народовъ, и правду князей,
И милость могучихъ онъ въ пѣснѣ своей
На малыхъ людей призываетъ.

Привѣтъ полоненному шлетъ онъ рабу,
Укоръ градоимцамъ суровымъ,
Насилье жъ надъ слабымъ, съ гордыней на лбу,
Къ позорному онъ пригвождаетъ столбу
Грозящимъ, пророческимъ словомъ.

Обильно растетъ его мысли зерно,
Какъ въ полѣ ячмень золотистый;
Проснулось, что въ сердцѣ дремало давно,
Что было отъ лѣтъ и отъ скорбей темно,
Воскресло, прекрасно и чисто.

И ликъ озаренъ его тѣмъ же огнемъ,
Какъ въ годы борьбы и надежды,
Явилася власть на челѣ поднятомъ,
И кажутся царской хламидой на немъ
Лохмотья раздранной одежды.

Не пѣлось ему еще такъ никогда,
Въ такомъ расцвѣтаньи богатомъ
Еще не сплеталася думъ череда...
Но вотъ ужъ вечерняя въ небѣ звѣзда
Зажглася надъ алымъ закатомъ.

Къ исходу торжественный клонится ладъ,
И къ небу незрящіе взоры
Возвелъ онъ, и духомъ могучимъ объятъ,
Онъ пѣснь завершилъ—подъ перстами звучатъ
Послѣдніе струнъ переборы.

Но мертвою онъ тишиной окруженъ;
Безмолвье пустыннаго лога
Порой прерываетъ лишь горлицы стонъ,
Да слышны сквозь гуслей смолкающій звонъ
Призывы далекаго рога.

На диво ему, что собранье молчитъ;
Поникъ головою онъ думной,
И вотъ закачалися вѣтви ракитъ,
И тихо дубрава ему говоритъ:
— Ты, гой-еси, дѣдъ неразумный!

Сидишь одинокъ ты, обманутый дѣдъ,
На мѣстѣ ты пѣлъ опустѣломъ:
Допиты братины, окончень обѣдъ,
Подъ дубомъ души человѣческой нѣтъ,
Разъѣхались гости за дѣломъ.

Они средь моей, средь зеленой красы

Порскаютъ, свой ловъ дродолжая;
Ты слышишь, какъ въ слѣдъ, утыкая носы,
По звѣрю вдали заливаются псы,
Какъ трубитъ охота княжая!
Ко сбору ты, старый, прійти опоздалъ,
Ждать некогда было боярамъ;
Ты пѣсней награды себѣ не стяжалъ,
Ничьихъ за нее не услышишь похвалъ,
Трудился, убогій, ты даромъ! —
— „Ты, гой-еси, гой ты, дубравушка-мать,
Сдается, ты правду сказала!
Я пѣлъ одинокъ, но тужить и роптать
Мнѣ, старому, было бъ грѣшно и не стать:
Наградъ мое сердце не ждало.
Воистину, если бъ очей моихъ ночь
Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
Я пѣсни бъ не могъ и тогда перемочь,
Не могъ отъ себя отогнать бы я прочь,
Что душу мою охватило!
Пусть по слѣду псы, заливаясь, бѣгутъ,
Пусть ловлею князь удоволенъ!
Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
Зане онъ надъ нею не воленъ.
Она, какъ рѣка въ половодье, сильна,
Какъ росная ночь благотворна,
Тепла, какъ душистая въ маѣ весна,
Какъ солнце привѣтна, какъ буря грозна,
Какъ лютая смерть необорна.
Охваченный ею не можетъ молчать,
— Онъ рабъ ему чуждаго духа,
Вожглась ему въ грудь вдохновенья печать,
Неволей иль волей, онъ долженъ вѣщать,
Что слышитъ подвластное ухо.
Не вѣдаетъ горный источникъ, когда
Потокомъ онъ въ степи стремится,
И бьетъ, и кипитъ его, пѣнясь, вода,
Придутъ ли къ нему пастухи и стада
Струями его освѣжиться!
Я мнилъ: эти гусли для князя звучатъ,
Но пѣсня, по мѣрѣ какъ пѣлась,

Невидимо свой расширяла охватъ,
И вольный лился безъ различія ладъ
Для всѣхъ, кому слушать хотѣлось.
И кто меня слушалъ, привѣтъ мой тому!
Землѣ-государынѣ слава!
Ручью, что ко слову журчалъ моему,
Вамъ, звѣздамъ, мерцавшимъ сквозь синюю тьму,
Тебѣ, мать-сырая-дубрава!
И тѣмъ, кто не слушалъ, мой также привѣтъ:
Дай Богъ полевать имъ недаромъ!
Дай князю безъ горя прожить много лѣтъ,
Простому народу безъ нужды и бѣдъ,
Безъ скорби великимъ боярамъ"!

А. К. Толстой.

Хмѣль.

Жалѣть—жалѣй умѣючи.
На мѣрочку господскую
Крестьянина не мѣрь, —
Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и гульбѣ!..
У каждаго крестьянина
Душа, что туча черная —
Гнѣвна, грозна—и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,—
А все виномъ кончается!
Пошла по жиламъ чарочка —
И разсмѣялась добрая
Крестьянская душа!..
Ай парни, ай молодушки,

Умѣютъ погулять.
Повымахали косточки,
Повымахали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..

Мужикъ стоялъ на валикѣ,
Притоптывалъ лаптишками
И, помолчавъ минуточку,
Прибавилъ громкимъ голосомъ:
— „Эй! Царство ты мужицкое,
Безшапочное, пьяное,
Шуми—вольнѣй шуми!..“
— Какъ звать тебя, старинушка? —
— „А что запишешь въ книжечку?
Пожалуй, нужды нѣтъ!
Пиши: „Въ деревнѣ Босовѣ
Акимъ Нагой живетъ,
Онь до смерти работаетъ,
До полусмерти пьетъ!“

Н. А. Некрасовъ.

Минулъ день...

Изъ Г. В Лонгфелло.

Минулъ день, и съ крыльевъ ночи
Сумракъ тихо къ намъ сошелъ:
Такъ перо свое роняетъ,
Высоко летя, орелъ.

На селѣ сквозь мглу и дождикъ
Тускло свѣтятъ огоньки...
И невольно поддаюсь я
Чувству странному тоски

Чувству этому названья
Ты никакъ не подберешь:
Такъ оно на скорбь походитъ,
Какъ туманъ на дождь похожъ

Приходи прочесть, другъ милый,
Пѣснь поэта для меня...
Успокой мою тревогу,
Прогони заботы дня.

Не читай лишь славныхъ бардовъ,
Ни великихъ тѣхъ пѣвцовъ,
Чьи шаги звучатъ въ чертахъ
Отдаленнѣйшихъ вѣковъ.

Потому что возбуждаетъ
Звукъ ихъ пѣсенъ боевой
Насъ къ святой борьбѣ за ближнихъ, —
Мнѣ же надобенъ покой.

Но прочти пѣвца такого,
Чтобы пѣснь его лилась
Словно дождь изъ лѣтней тучи,
Иль слеза изъ грустныхъ глазъ,

И который бы въ часъ скорби,
Въ часъ лишенныхъ сна ночей,
Звуки сладостныхъ мелодій
Сохранилъ въ душѣ своей.

Пѣсни тѣ даруютъ сердцу
Истомленному покой,
Нисходя благословеньемъ
Вслѣдъ за пламенной мольбой.

Такъ прочти жъ изъ этой книги
Пѣсни дивной красоты,
Сдѣлавъ ихъ еще прекраснѣй
Тѣмъ, что мнѣ прочтешь ихъ ты.

Въ эту ночь тогда заботы,
Что всѣ дни меня гнетутъ, —
Какъ арабы, снявъ палатки,
Прочь, безмолвныя, уйдутъ.

Пл. Красновъ.

Д. Ратгаузъ.

* *
*

Уснуло все. Замолкли птицы,
Весь міръ кругомъ объяла тишь.
Сверкаютъ блѣдныя зарницы,
Едва колышется камышъ.
Ужъ темноокая, нѣмая,
Нисходитъ ночь съ нѣмыхъ высотъ,
И пѣсни неба, пѣсни рая,
Она задумчиво поетъ.
Ко мнѣ съ ликующаго свода
Несется свѣтъ, небесный свѣтъ...
Но безъ любви мертва природа,
Но безъ любви въ ней счастья нѣтъ!

Д. М. Ратгаузъ.

* *
*

Бродитъ Мальчикъ, Вѣтеръ маленькій.
Все забавно и смѣшно.
На лугу цвѣточекъ аленькій.
Съ нимъ играетъ Мальчикъ маленькій.
„Какъ ты выросъ? И давно?“

А цвѣточекъ низко клонится:
„Капля крови зацвѣла“...
Мальчикъ дальше, дальше гонится.
И еше цвѣточекъ клонится:
„Тутъ святая кровь текла“...

„Что ты сучишь, бабка милая“?
„Аль не видишь что? Петлю!
Доплясалась жизнь постылая
До удавки“... „Бабка милая!“
„Ну, не плачься! не терплю!“

Бродитъ Вѣтеръ, забавляется.
„Ты, красавица, что шьешь?“
„Саванъ... саванъ“...—и склоняется.
Шепчетъ Мальчикъ, забавляется,
Шепчетъ ей: „а для кого жъ?“

Вотъ еще забава новая —
Стружки по полу кружи!
„А зачѣмъ доска сосновая?
Не изба ли будетъ новая?
Ну-ка, дяденька, скажи!“

„Будетъ, будетъ, только темная,
Вся безъ оконъ и дверей.
Спать въ ней ляжетъ неутомная
Человѣчья доля темная...
Поскорѣй бы! поскорѣй!“

Викторъ Стражевъ.

Жрецъ.

Отрывокъ.

Изидинъ жрецъ въ Египтѣ жилъ,
Святымъ въ народѣ онъ прослылъ
За то, что грѣшную природу
Онъ побѣдилъ въ себѣ, какъ могъ:
Ѣлъ только злаки, пилъ лишь воду
И весь, какъ мумія, изсохъ.
„Учитесь,—онъ вѣщалъ народу: —
Я жилъ средь васъ; я посѣщалъ
Вертепы роскоши порочной
И яствъ и питій искушалъ
Себя я запахомъ нарочно;
Смотрѣлъ на пляски вашихъ дѣвъ,
Коварный слушалъ ихъ напѣвъ;
Съ мѣшкомъ, набитымъ туго златомъ,
Ходилъ по рынкамъ я богатымъ, —
Но вотъ,—ни крови, ни очамъ
Своей души въ соблазнъ я не далъ:
Я вашихъ брашенъ не отвѣдалъ
И злато бросилъ нищимъ псамъ.
И чистъ, какъ духъ, иду я нынѣ
Чтобъ съ Богомъ говорить въ пустынѣ!"
И вышелъ онъ, свои стопы
Въ пустыню дальнюю направя.
Смотрѣли вслѣдъ ему толпы;
Гіерофантъ, его наставя
На трудный путь, своей рукой
Благословилъ: „Иди, учися,—
Сказалъ,—и послѣ къ намъ вернися
И тайну жизни намъ открой"!
Минули многія ужъ годы...
О немъ пропалъ и самый слухъ;
Межъ тѣмъ, онъ въ таинства природы
Пытливо погружалъ свой духъ.
И, изнуренный, исхудалый,
Какъ тѣнь, въ пустынѣ онъ бродилъ

И іероглифами браздилъ
Людьми нетронутыя скалы.
Разъ у ручья онъ, между скалъ,
Въ весенній вечеръ возсѣдалъ.
Пустыня въ сумракѣ синѣла;
Верхушка пальмы лишь алѣла
Надъ головой его, одна
Закатомъ дня озарена...
И безъ конца, и безъ начала,
Какъ будто музыка звучала,
Несясь невѣдомо куда
Въ степи, безъ цѣли и слѣда...
Что приносили эти звуки?
Пустыни ль жалобныя муки?
Иль гулъ отъ дальнихъ городовъ,
Гдѣ при огняхъ, среди пировъ,
Въ садахъ, во храмахъ раздаются
Кипящей жизни голоса
И отъ земли на небеса
Могучимъ откликомъ несутся?..
И вспомнилъ жрецъ, какъ-бы сквозь сонъ,
Какъ былъ къ сатрапу приведенъ
Обманомъ онъ на искусъ страшный..
Чертогъ въ цвѣтахъ благоухалъ,
Лилось вино, дымилися брашны,
Сатрапъ въ подушкахъ возлежалъ;
Предъ нимъ лезбіянка плясала,
Кидая въ воздухъ покрывало;
Къ сатрапу бросилась потомъ
И кубокъ подала съ виномъ;
Ее обнявъ, отпивъ изъ кубка,
Поилъ онъ дѣву и въ уста
Ее лобзалъ и, какъ голубка,
Къ нему ласкалась красота;
Вдругъ онъ жрецу сказалъ, вставая;
„Она твоя! садись и пей!“
И ихъ оставилъ... И какъ змѣй,
Къ своей добычѣ подползая,
Чаруетъ взглядомъ и мертвитъ,
Она впилась въ него очами,
Идетъ къ нему—и вдругъ руками

Онъ бѣлоснѣжными обвитъ!
Уста съ пылающимъ дыханьемъ
Къ нему протянуты съ лобзаньемъ,
И жизнью, трепетомъ, тепломъ
Охваченъ онъ... „Уйдемъ, уйдемъ! —
Она твердитъ,— бѣги со мною!
Вотъ бѣлый Нилъ! Уйдемъ скорѣй,
Возьмемъ корабль, летимъ стрѣлою
Къ Аѳинамъ, въ мраморный Пирей!
Тамъ все иное,—люди, нравы!
Тамъ покрывалъ на женахъ нѣтъ!
Мужамъ поютъ тамъ гимны славы,
Тамъ воля, игры, жизнь и свѣтъ"!..
О, злыя чары женской рѣчи!..
Благоухающія плечи
Предъ нимъ открыты... рядъ зубовъ
Бѣлѣлъ, какъ нитка жемчуговъ...
Густыя косы разсыпались
Изъ-подъ повязки и, блестя,
Сережки длинныя качались,
По ожерелью шелестя...
И этотъ блескъ, и этотъ лепетъ,
И страстный пылъ, и сладкій трепетъ
Въ жрецѣ всю душу взволновалъ:
Окаменѣлъ онъ въ изумленьи, —
Но вдругъ очнулся отъ забвенья
И съ дикимъ крикомъ убѣжалъ;
Къ чему жъ опять она мелькнула,
Какъ по пустынѣ мотылекъ?
И обернулась, и вздохнула,
Пролепетавъ: „а ты бы могъ"...
Смутился жрецъ, удвоилъ бдѣнье, —
Но дѣва все стоитъ предъ нимъ!
Ужъ въ неотступное видѣнье
Вперивши взоръ, онъ, недвижимъ,
Ей нѣжно шепчетъ, какъ подругѣ,
То страстно молитъ, то коритъ,
То вдругъ, очнувшися, въ испугѣ,
Какъ отъ врага, въ степи бѣжитъ...
Но нѣтъ забвенья, нѣтъ спасенья!
Въ его больномъ воображеньи

Какъ будто выжженъ ясный лихъ,—
Вездѣ лезбіянка младая!..
И кость въ немъ сохнетъ, изнывая,
Глаза въ крови, горитъ языкъ;
Косматый рыщетъ онъ въ пустынѣ,
Какъ звѣрь израненный, реветъ,
Въ пескѣ катясь, міръ клянетъ
И въ ярости грозитъ богинѣ..
А вкругъ, безъ цѣли, безъ слѣда,
Несясь невѣдомо куда,
И безъ конца и безъ начала,
Какъ будто музыка звучала,
И, сыпля звѣзды безъ числа,
По небу тихо ночь плыла...

А. Н. Майковъ.

ПРАВДА.

Ахъ ты гой еси, правда матушка,
Велика ты, правда, широко стоишь!
Ты горами поднялась до поднебесья.
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами разукрасилась людными,
Разрослася лѣсами дремучими!
Не объѣхать кругомъ тебя въ сто лѣтъ,
Посмотрѣть на тебя—шапка валится!
Выѣзжало семеро братьевъ,
Семеро выѣзжало добрыхъ молодцевъ,
Посмотрѣть выѣзжали молодцы,
Какова она, правда, на свѣтѣ живетъ?
А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.
Поскакали добры молодцы,
Всѣ семеро братьевъ удалыхъ

И подъѣхали къ правдѣ съ семи концовъ
И увидѣли правду съ семи сторонъ.
Посмотрѣли добры молодцы,
Покачали головами удалыми,
И вернулись на свою родину,
А вернувшись на свою родину,
Всякъ разсказывалъ правду по своему:
Кто горой называлъ ее высокою,
Кто городомъ людным, торговымъ,
Кто моремъ, кто лѣсомъ, кто степію.
И поспорили братья промежъ собой,
И вынимали мечи булатные,
И рубили другъ друга до смерти,
И, рубяся, корилися, ругалися,
И братъ брата звалъ обманщикомъ.
Наконецъ, полегли до единаго
Всѣ семеро братьевъ удалыхъ.
Умирая-жъ, каждый сыну наказывалъ,
Рубитися наказывалъ до смерти.
Полегли за правду, за истину.
То жъ и сынъ сыну наказывалъ..
И доселѣ ихъ внуки рубятся,
Всѣ рубятся за правду, за истину
На великое себѣ разореніе

А сказана притча не въ осужденіе,
Не въ укоръ сказана—въ поученіе,
Добрымъ людямъ въ уразумѣніе.

А. К. Толстой.

Байронъ.

EUTHANASIA.

Изъ Г. Байрона.

Когда, свершивъ свое земное назначенье,
Скажу себѣ: „пора почить безгрезнымъ сномъ!“
Ты осѣни въ тотъ часъ, о сладкое забвенье,
Мой смертный одръ твоимъ ласкающимъ крыломъ!

Не надо мнѣ ни тѣхъ, кому съ моимъ наслѣдствомъ,
Ни даже тѣхъ, кому со мной разстаться жаль,
Ни дѣвъ съ распущенной косою — жалкимъ средствомъ
Изображать свою обычную печаль.

Нѣтъ, пусть сольюся я въ тиши съ земной скуделью!

Безъ общепринятыхъ стенаній надъ собой,
Не ставъ помѣхою чьему-нибудь веселью
И дружбы не смутивъ нежданною слезой.

Но если бы любовь въ подобный часъ остаться
Могла покойною и вздохъ унять въ груди—
Въ послѣдній разъ вся власть ея могла бъ сказаться
Въ той, что живетъ, и въ томъ, кто долженъ отойти.

Какъ сладко было бъ видѣть мнѣ, моя Психея,
Что смотришь до конца ты ясно и свѣтло!
Само страданіе забылось бы, и, млѣя,
Съ улыбкой счастія въ міръ лучшій отошло.

Но тщетно! Красота уходитъ поневолѣ,
По мѣрѣ, какъ бѣжитъ дыханіе отъ насъ,
И слезы женщины, текущія по волѣ,
Лгутъ въ жизни и дарятъ безсильемъ въ смертный часъ.

Да будетъ же мое послѣднее дыханье
Не остановлено присутствіемъ людскимъ!
Для насъ, людей, вѣдь смерть не есть ужъ ожиданье
И скорбь земли давно невѣдома ужъ имъ...

Да! Умереть, уйти навѣкъ и безъ возврата
Туда, куда уйдетъ и каждый изъ людей,
Стать снова тѣмъ „ничто“, которымъ былъ когда-то,
Предъ тѣмъ, какъ въ міръ пришелъ для жизни и скорбей.

Сочти всѣ радости, что на житейскомъ пирѣ
Изъ чаши счастія пришлось тебѣ испить,
И убѣдись, что чѣмъ-бы ни былъ ты въ семъ мірѣ —
Есть нѣчто болѣе отрадное: не быть.

И. Гольцъ-Миллеръ.

Пророкъ.

Предъ алтаремъ я слезы лилъ
И страстно Господа молилъ:

— Зачѣмъ, о Боже, въ людяхъ стану
Я совѣсть спящую будить?
Ты знаешь, Боже: эту рану
Мы можемъ только бередить.
Ты знаешь, Боже: нѣтъ спасенья
Отъ себялюбія, вражды,
Отъ яда зависти и мщенья
И отъ соблазновъ суеты.
Кому-же, Господи, онъ нуженъ—
Мечъ отрезвляющихъ рѣчей?
Какъ тотъ, кто, язвою недуженъ,
Извѣдавъ множество врачей,
Не ждетъ ужъ больше исцѣленья,
Клянетъ пытливый перстъ врача
И, безъ надежды жизнь влача,
Лишь проситъ болей облегченья,—
Такъ родъ людской сталъ глухъ и нѣмъ
На голосъ истины казнящей,
И язвы совѣсти бодящей
Не обнажаетъ ни предъ кѣмъ.
Къ чему? Кого спасли пророки?
Иль міръ, какъ прежде, не грѣшитъ?
Онъ знаетъ самъ свои пороки,
Но позабыть о нихъ спѣшитъ...

Предъ алтаремъ я трепеталъ,
И въ слухъ Предвѣчнаго шепталъ:

— Увы! Въ юдоли міра грустной,
Гдѣ Жизнь насъ ловитъ въ сѣть искусно,
А Смерть поспѣшно тянетъ сѣть
На отмель темную забвенья,—
Блаженъ, кто можетъ опьянѣть

Отъ ласки иль грозы мгновенья!
Благословенъ, кто чѣмъ-нибудь —
Затѣйной сказкой, пѣсней звучной —
На мигъ волнуетъ нашу грудь,
Кто создаетъ въ пустынѣ скучной
Миражъ обманной красоты,
Кто смерти грозное видѣнье
Отъ глазъ скрываетъ на мгновенье
Подъ дымкой лживою мечты.
Паяцъ безпечный, гаеръ гибкій,
Согрѣвшій разъ лучемъ улыбки
Лицо усталое одно,
Стократъ желаннѣе пророка,
Чей взоръ глядитъ какъ божье око,
Кто зла и скорби видитъ дно,
Кто безполезно устрашаетъ,
Кто остовъ смерти обнажаетъ,
Спаси же, Господи, спаси
Отъ безполезнаго томленья,
И мимо, мимо пронеси
Напитокъ горькій отрезвленья!...

Такъ я молилъ,—но вотъ мнѣ длань
Простеръ Господь и молвилъ: встань!
И чашу совѣсти немолчной
И отрезвляющей тоски
Мнѣ подалъ изъ Своей руки
И принялъ я напитокъ желчный,
И чаша имъ была полна,
И я испилъ ее до дна...

Н. М. Минскій

В. И. Немировичъ-Данченко.

* * *

Я шелъ кремнистою дорогой
По скатамъ горъ, по гребнямъ скалъ
И крестъ забытый и убогій —
Въ ущельѣ дикомъ увидалъ.

Рѣка въ порогѣ, какъ изъ плѣна,
На волю рвется... за горой
Синѣетъ море—вьется пѣна
По немъ капризною каймой.

И даль ясна... И небо чисто,
И тихи эти берега...
Вверху на скалахъ серебристо
Блестятъ неталые снѣга.

А тутъ же рядомъ—на припекѣ
Сіяетъ лютикъ золотой,
Олень, чуть видимый въ потокѣ,
Плыветъ къ площадкѣ моховой.

Жилья не видно—лишь могила.
Чу, стонетъ чайка вдалекѣ,
И ей въ отвѣтъ звучитъ уныло
Гагаръ рыданье на рѣкѣ.

Тамъ въ мирномъ плесѣ за порогомъ —
Весенней жизни блескъ и гамъ...
А здѣсь—конецъ ея тревогамъ,
Предѣлъ страданьямъ и слезамъ.

Въ пустынѣ—такъ легка молитва,
Не возмутятъ ее въ скалахъ
Ни клевета, ни страсть, ни битва,
Ни радость, ни печаль, ни страхъ...

Склони усталыя колѣна,
Шепчи молитву. Пусть она —
Изъ груди рвется, какъ изъ плѣна,
Пустыню будитъ, какъ струна.

Какъ здѣсь легко—уснуть, забыться,
Уйти отъ тьмы людской и золъ,
Любить природу, ей дивиться,
Жить, какъ въ горахъ живетъ орелъ.

Нестись мечтой надъ моремъ въ бури,
Валамъ бушующимъ внемля,
То въ глубь бездонную лазури,
То къ гордой мачтѣ корабля...

А если жизнь свое запроситъ —
Тревогъ и битвъ,—передъ тобой
Недаромъ море волны носитъ,
Плыви, схватись съ его грозой!

В. Немировичъ-Данченко.

Каторжникъ.

Бѣжалъ. Распростился съ конвоемъ.
Въ лѣсу обагрилась земля.
Онъ крался надъ вѣчнымъ покоемъ,
Жестокую месть утоля.

Онъ крался, безжизненный посохъ
Сжимая холодной рукой.
Онъ сталъ на приволжскихъ откосахъ —
Поникъ надъ родною рѣкой.

На камень упалъ бѣлъ—горючій.
Закутался въ сѣрый халатъ.
Глядѣлъ на косматыя тучи.
Глядѣлъ на багровый закатъ.

Въ пространствахъ, гдѣ вспыхивалъ пламень,
Повисъ сиротливый дымокъ.
Онъ гладилъ и землю, и камень,
И ржавые обручи ногъ.

Желѣзные обручи звономъ
Упали надъ склономъ рѣчнымъ:
Пропѣли надъ склономъ зеленымъ —
Гремѣли рыданьемъ роднымъ.

Навѣкъ распростился съ Сибирью:
Прости ты, родимый острогъ,
Гдѣ годы надъ водною ширью
Въ желѣзныхъ цѣпяхъ изнемогъ,

Гдѣ годы на каменномъ, голомъ
Полу онъ валяться привыкъ:
Внизу—за слѣпымъ частоколомъ —
Качался, поблескивалъ штыкъ;

Гдѣ годы встрѣчалъ онъ со страхомъ
Едва прозябающій день,

И годы тяжелымъ размахомъ
Онъ молотъ кидалъ на кремень;

Гдѣ годы такъ странно зіяла
Улыбка мертвѣющихъ устъ,
А буря плескала — кидала
Дрожащій, безлиственный кустъ;

Бросали бренчавшія бревна,
Ругаясь, они на баржи,
И берегомъ—берегомъ, ровно
Влекли ихъ, упавъ на гужи;

Гдѣ жизнь онъ кидалъ, проклиная,
Лихой, клокотавшей пургѣ,
И ѣдко тамъ стужа стальная
Сжигала вѣтрами въ тайгѣ,

Одежду въ клочки изрывая,
Треща и плеща по кустамъ; —
Визжа и віясь—обвивая, —
Прощелкавъ по бритымъ щекамъ,

Гдѣ до́-крови въ холодѣ мглистомъ,
Подъ жалобой плачущій кличъ,
Изъ воздуха падая свистомъ,
Кусалъ его бѣшеный бичъ,

Къ спинѣ прилипая, и кожи
Срывая сырые куски...
И тучи нахмурились строже.
И строже запѣли пески.

Разбитыя плечи доселѣ
Изъѣлъ ты, свинцовый рубецъ.
Раздвиньтесь же, хмурыя ели!
Погасни, вечерній багрецъ!

Вотъ гнѣзда, какъ черныя очи,
Зіяя въ откосѣ крутомъ,
Въ туманъ ниспадающей ночи
Визгливо стрѣльнули стрижомъ.

Порывисто знаменьемъ крестнымъ
Широкій свой лобъ осѣнилъ.
Промчался по кручамъ отвѣснымъ.
Свинцовыя воды вспѣнилъ.

А къ тѣлу струя ледяная
Прижалась колючимъ стекломъ.
Лишь глыба надъ нимъ земляная
Осыпалась желтымъ пескомъ.

Огни показались. И долго
Горѣли съ далекихъ плотовъ;
Сурово ихъ темная Волга
Дробила на гребняхъ валовъ.

Тамъ искры, провѣявъ устало,
Взлетали, чтобъ въ ночь утонуть;
Да горькая пѣснь прорыдала
Тамъ въ синюю, синюю муть.

Тамъ темень протопала скокомъ,
Да съ рябью игралъ вѣтерокъ.
И кто-то стреляющимъ окомъ
Изъ тучи моргнулъ на востокъ.

Теперь надъ волной молчаливо
Качался онъ желтымъ лицомъ.
Плаксивыя чайки лѣниво
Его задѣвали крыломъ.

Андрей Бѣлый.

Городъ.

Изъ Э. Верхарна.

Всѣ рельсы къ городу ведутъ.

То колоссальный городъ спрутъ!
Въ равнинѣ мертвой и туманной,
Съ рядами ровныхъ этажей,
Казармъ, и банковъ, и церквей,
Онъ возстаетъ среди полей,
Какъ сонъ загадочный и странный.

Мосты изъ мрамора и стали
Небрежно въ воздухѣ упали,
Гранитъ, базальтъ, ряды колоннъ,
Нѣмыя статуи горгонъ,
И трубы черныя предмѣстій,
То городъ—спрутъ!.. Какъ исполинъ,
Въ дыму предмѣстій
Стоитъ на рубежѣ помѣстій
И умирающихъ равнинъ.
Рѣка изъ нефти и смолы
Громитъ гранитные валы,
Суда бредутъ во мглѣ тумана...
Фонарь горитъ—упорный взоръ
Въ просторъ далекій океана
И въ безконечности просторъ.

Чу... ребра мостовыхъ гремятъ...
Бѣгутъ, звенятъ ряды фургоновъ..
Возы пронзительно скрипятъ,
И воздухъ полонъ дикихъ стоновъ;
Гудя разводятся мосты,
Вдали вздымаются шесты,
Какъ тѣни висѣлицы мрачной,
И мѣдь рекламъ въ пыли прозрачной
Сіянтъ нагло съ высоты
Надъ монументами, дворцами,
Лицомъ къ лицу, какъ въ битвѣ знамя.

Гудятъ колеса... мчатся кэбы...
Въ дыму грохочутъ поѣзда...
Паритъ усиліе до неба,
И лобъ дымится отъ труда.
Великолѣпные вокзалы
Надменно встали въ гордый строй.
А рельсы мчатся подъ землей,
Черезъ туннели, черезъ скалы,
Черезъ глухія нѣдра горъ,
И выбѣгаютъ на просторъ,
Сверкая молніями властно,
Въ пыли и суматохѣ страстной,
И вдаль бѣгутъ... бѣгутъ... бѣгутъ...

То колоссальный городъ—спрутъ!
Вокругъ громадныхъ статуй шквалъ,
Толпа гудитъ водоворотомъ,
И вьется гибкимъ изворотомъ,
И бьетъ волнами въ пьедесталъ.
И эти толпы колоссальны...
Безумны, яростны, печальны...
Сверкаетъ ненависть въ глазахъ;
И время ловятъ всѣ зубами,
А время мощными крылами
Вздымаетъ массы будто прахъ.
Глухія темныя конторы ..
Бюро со всѣхъ концовъ земли...
И двери банковъ бьютъ вдали,
Какъ бури мощные напоры.

Бушуетъ злоба, какъ прибой,
И массы льются черной лавой,
Хранятъ, бѣгутъ на перебой,
За рентой, фосфоромъ и славой...
Въ печали женщины стоятъ...
На волосахъ ихъ символъ пола ..
И воздухъ дымный и тяжелый
Отходитъ медленно назадъ,
И слышны страшный вопль и вздохи
Изъ колоссальной суматохи.

Казармы, фабрики, соборы,
Дома терпимости, конторы
Грохочутъ, яростно ревутъ
Въ безумномъ вихрѣ напряженья;
И умирающіе ждутъ
Напрасно тихаго мгновенья,
Когда глаза навѣкъ сомкнутъ.

Когда же сходятъ вечера,
И чернымъ молотомъ глубоко
Ваяютъ небо до утра,
То городъ искрится далеко
И надъ равнинами царитъ,
И блещетъ огненной одеждой,
Онъ, царь земли, ея надежда!
Громовый духъ его горитъ
Огнемъ идей, надеждъ, возстаній...

И рельсы искрятся въ туманѣ —
Молніеносные пути —
Они зовутъ, куда идти,
Зовутъ насмѣшливо, лукаво,
Въ міръ силы, золота и славы;
Дворцы, какъ арміи, стоятъ,
И дымъ его, его туманы
Идутъ чрезъ тихія поляны
Къ селеньямъ спящимъ, будто ядъ,
Какъ зовъ таинственный и жданный.

То городъ спрутъ!
То мозгъ земли—огнемъ горящій!
То склепъ—громадный и блестящій!

Отсюда всѣ пути ведутъ
Въ міръ безконечности грозящей.

Н. Ч.

Баратовъ.

* *
*

Пойми же, наконецъ, пойми: я не хочу,
О женщина, признать твоей жестокой власти.
Возненавидѣть гнетъ безумой, дикой страсти
И презирать тебя я сердце научу.
Нѣтъ, я не дамъ тебѣ смѣяться надо мною,
Какъ воду, пить струи моихъ горячихъ слезъ
И съ рѣзвымъ хохотомъ небрежною рукою
Ощипывать цвѣты моихъ завѣтныхъ грезъ.
Ты слышишь ли? Топтать тебѣ я не позволю
Все, что есть лучшаго и честнаго во мнѣ:
Я сброшу цѣпь твою, и вырвусь я на волю,
И выкупаю грудь въ божественномъ огнѣ;
Туда, гдѣ больше нѣтъ твоей палящей бури,
Гдѣ правда и добро въ побѣдный гимнъ слились,—
Туда, по ступенямъ сіяющей лазури,

Я подымусь въ эфиръ на солнечную высь..
Чего, скажи, чего ты отъ меня хотѣла?...
Въ тебѣ мнѣ гадко все: улыбка, жемчугъ зубъ
И жгучій ароматъ изнѣженнаго тѣла,
И знойный мракъ волосъ, и пурпуръ влажныхъ
губъ.
О, я сорву съ тебя презрѣнную личину!
За милліоны жертвъ, за муки, смерть и зло
Я въ это наглое, прекрасное чело
Проклятье бѣшеное кину!..
...Потухъ мой гнѣвъ, безумный, дѣтскій, гнѣвъ:
Все время я себя обманывалъ напрасно...
Что жъ дѣлать мнѣ? Увы! восторженный напѣвъ
Изъ груди просится такъ пламенно и страстно.
Наперекоръ всему, въ проклятіи моемъ
Тебѣ, о женщина, одна любовь звучала,
И даже въ злобный мигъ при имени твоемъ
Мятежная душа отъ счастья трепетала.
И вотъ—я снова твой... зачѣмъ таить любовь?
Какъ будто не тебѣ отдалъ я жизнь и кровь,
Какъ будто въ сѣрой мглѣ подъ бременемъ стра-
данья
Влачу я темный вѣкъ не для тебя одной?
Когда гляжу я въ даль съ улыбкой упованья,
Какъ будто не тебя я вижу предъ собой?..
Ты—вдохновеніе, ты -творческая сила,
Ты—все: полна тобой полуночная тишь,
Въ благоуханьи розъ со мной ты говоришь,
И сумракъ дней моихъ ты свѣтомъ напоила.
Позволь мнѣ только лечь у ногъ твоихъ, въ пыли,
Чтобъ гордый взглядъ ловить, надѣясь и ревнуя.
Въ тебя я вѣрую, тебя боготворю я,
Молюсь тебѣ одной, владычица земли!
Измучь меня тоской, обидой и позоромъ,—
Я не дерзну роптать, но лишь упиться дай
Твоимъ загадочнымъ, твоимъ глубокимъ взоромъ
И ядомъ ласкъ твоихъ, гдѣ — жизнь, и смерть,
и рай.
Я слышать не хочу про всѣ твои пороки!
Ты сдѣлаешь мнѣ знакъ—и ницъ я упаду.
Кто бъ ни былъ ты, сфинксъ, холодный и жестокій,

Богиня—женщина, люблю тебя и жду!
Хвала тебѣ, хвала,—за сладкое мученье,
За радость и печаль, за подвиги и зло...
Неумолимое, прекрасное чело,
За все—прими благословенье!

Д. С. Мережковскій.

ЗАЧѢМЪ.

Была пора—сомнѣній смутныхъ полнъ,
Онъ юношей мечтательнымъ и блѣднымъ
Скитался по дубравамъ заповѣднымъ,
По тихимъ берегамъ пустынныхъ волнъ;
Къ ущельямъ темнымъ, къ дремлющимъ утесамъ,
Къ зарѣ, сіяньемъ кроткимъ съ вышины
Румянившей сѣдой изгибъ волны,
Съ безумнымъ обращался онъ вопросомъ:
„Зачѣмъ?.. Зачѣмъ живу?.. Кому нужны
Мои печали, радости, стремленья,
Мои надежды, скорби и мученья,
И жаръ души, и свѣтъ пытливыхъ думъ,
И сердце съ родникомъ страстей мятежныхъ,
И въ мракѣ тайнъ среди пространствъ безбреж-
ныхъ
Блуждающій безсильной искрой умъ?...
Зачѣмъ живу, терзаясь и страдая?
О чемъ я сожалѣю, умирая?"
Такъ вопрошалъ мечтатель молодой.
Но мѣрною, исконной чередой
Ночныхъ свѣтилъ нѣмые хороводы
Всплывали на незыблемые своды,
Холоднымъ блескомъ волны серебря;
Кристальной дробью искрясь и горя,
По сочнымъ травамъ разсыпались росы
Тѣснясь во мглѣ зубчатою грядой,

Дремали мирно старые утесы,—
И тщетно на безумные вопросы
Отвѣта ждалъ мечтатель молодой...
Но дни прошли... И вотъ—не юноша унылый,
Не отрокъ блѣдный и больной—
Мужъ битвы и труда, мужъ разума и силы
Стоитъ предъ тайной роковой.
Въ порывахъ пламенныхъ, въ огнѣ завѣтныхъ думъ
Горѣлъ и трепеталъ свободный смѣлый умъ,
И въ творческихъ рукахъ безустально кипѣло
Желанное, возлюбленное дѣло;
Могучій взоръ сіялъ побѣды торжествомъ;
Пѣвучій хоръ похвалъ, рукоплесканій громъ
По славному пути его сопровождали.
Какою гордостью и силою дышали,
Въ сознаньи радостномъ добра и чистоты,
Лучами свѣтлыхъ думъ согрѣтыя черты!
И вдругъ—титанъ-герой, незыблемымъ колоссомъ
Стоявшій надъ толпой—поникъ и замеръ онъ
Въ часы раздумья нежданно потрясенъ
Изъ глубины души раздавшимся вопросомъ:
„Зачѣмъ? Къ чему? Куда, мятежный, дерзкій умъ?
Куда, тревожныя, безумныя стремленья?
Гдѣ цѣлъ моихъ трудовъ, предѣлъ безсонныхъ думъ?
Гдѣ плодъ моихъ побѣдъ? Гдѣ жизни назначенье?..
Я, дерзко предъ толпой подъемлющій скрижаль
Свободнаго и гордаго познанья,
Чтобъ ей открыть судебъ минувшихъ очертанья,
Повѣдать ей временъ грядущихъ глубь и даль—
Съ какой добычею пришелъ я съ поля?.. Бѣдный,
Слѣпой и жалкій червь! Пигмей съ лампадой блѣдной
Бредущій въ темнотѣ средь исполинскихъ скалъ!
Ты все измѣрилъ, все позналъ:
Родникъ морскихъ пучинъ, горнилъ подземныхъ пламень,
Свѣтилъ воздушный путь въ лазури вѣковой:
Съ подъятой гордо головой

Стремишься къ небесамъ, къ ихъ тайнѣ роковой—
И падаешь, ногой задѣвъ за первый камень,
И гаснетъ жалкій факелъ твой!..
Такъ вотъ каковъ булатъ, что долго такъ и страстно
Калилъ ты и ковалъ въ горнилѣ жадныхъ думъ!
Дрожащей искоркой мерцаетъ жалкій умъ,
А ночь такъ глубока и такъ ужасна!...
Зачѣмъ?.. Зачѣмъ?..“
И онъ, мужъ мысли и труда,
Не въ тишину лѣсовъ, не къ дремлющимъ утесамъ—
Съ своимъ мучительнымъ и тягостнымъ вопросомъ
Онъ въ міръ идетъ, въ живой широкій міръ, — туда,
Гдѣ въ дикій, страшный хоръ слились отъ мірозданья
Печали, радости, пороки, испытанья,
Гдѣ бьетъ—и шуменъ и кипучъ—
Недуговъ и страстей мятежный, грозный ключъ...
И той же мрачной, ѣдкой думой
Морщинится чело, сверкаетъ взоръ угрюмый,
И тотъ же грозный, страшный крикъ:
„Зачѣмъ? Зачѣмъ?!“ — съ мольбой, проклятіемъ и стономъ
Въ пространствѣ вѣчности безбрежномъ и бездонномъ
Звучитъ, язвителенъ и дикъ...
Но, слыша этотъ крикъ изъ наболѣвшей груди,
Бредутъ путемъ обычнымъ люди,
Влача тяжелый жизни гнетъ;
Одинъ проговоритъ: „мечтатель вдохновенный!“
Другой—безумцемъ назоветъ,
Но на вопросъ его, гремящій надъ вселенной,
Никто отвѣта не даетъ.

С. Г. Фругъ.

ВЕСЕЛЫЙ ЛУЧЪ.

Веселому лучу денницы золотой
Однажды удалось въ окнѣ тюрьмы глухой
Минутнымъ гостемъ появиться.
И узнику шепталъ онъ съ вышины,
Что всюду по землѣ промчался богъ весны,
Что все должно перемѣниться!
„Ужъ цѣпи я сорвалъ съ гремучаго ручья,
Ужъ пухомъ зелени луга украсилъ я,
Уже проснулся и глядится
Въ лазури вешнихъ водъ еще прозрачный лѣсъ
И жаворонка пѣснь звенитъ среди небесъ,
И все должно перемѣниться!“

И, чу! вотъ подъ окномъ, безпеченъ и шумливъ
Промчался птичекъ рой, крича наперерывъ
О томъ, какъ весело рѣзвиться,
О тепломъ солнышкѣ, о травкахъ полевыхъ...
Всѣ пѣли радостно, что въ вольномъ царствѣ ихъ
Все, все должно перемѣниться!

И вдругъ, навстрѣчу имъ, и тамъ, въ души больной,
Давно замученной, какъ трупъ давно нѣмой,
Въ своихъ цѣпяхъ уставшій биться,
Пѣвецъ таинственный (откуда, кто — Богъ вѣсть),
Пропѣлъ желанную, пророческую вѣсть:
„Все, все должно перемѣниться!“

П. Я.

Колокольчикъ.

Улеглася метелица; путь озаренъ...
Ночь глядитъ милліонами тусклыхъ очей.
Погружай меня въ сонъ, колокольчика звонъ,
Выноси меня, тройка усталыхъ коней!
Мутный дымъ облаковъ и холодная даль
Начинаютъ яснѣть; бѣлый призракъ луны
Смотритъ въ душу мою и былую печаль,
Наряжаетъ въ забытые сны.
То вдругъ слышится мнѣ, — страстный голосъ поетъ
Съ колокольчикомъ дружно звеня:
„Ахъ, когда-то, когда-то мой милый придетъ
Отдохнуть на груди у меня!
У меня ли не жизнь! Чуть заря на стеклѣ
Начинаетъ лучами съ морозомъ играть,
Самоваръ мой кипитъ на дубовомъ столѣ,
И трещитъ моя печь, озаряя въ углѣ
За цвѣтной занавѣской кровать.
У меня ли не жизнь! Ночью ль ставень открытъ,—
По стѣнѣ бродитъ мѣсяца лучъ золотой;
Забушуетъ ли вьюга,—лампада горитъ,
И, когда я дремлю, мое сердце не спитъ,
Все по немъ изнывая тоской!“
То вдругъ слышится мнѣ,—тотъ же голосъ поетъ,
Съ колокольчикомъ грустно звеня:
„Гдѣ-то старый мой другъ? я боюсь,– онъ войдетъ
И, ласкаясь, обниметъ меня!
Что за жизнь у меня! И тѣсна, и темна,
И скучна моя горница; дуетъ въ окно...
За окошкомъ растетъ только вишня одна,
Да и та за промерзлымъ стекломъ не видна
И, быть можетъ, погибла давно...
Что за жизнь! Полинялъ пестрый полога цвѣтъ,
Я больная брожу и не ѣду къ роднымъ;

Побранить меня некому,—милаго нѣтъ...
Лишь старуха ворчитъ, какъ приходитъ сосѣдъ,
Оттого, что мнѣ весело съ нимъ"...

Я. П. Полонскій.

Рудницкій.

Сонъ Евгенія Арама.

Изъ Т. Гуда.

Теплымъ блескомъ горя, зажигалась заря,
Лѣтній вечеръ былъ ясенъ и тихъ;
Въ часъ назначенный вышла изъ школы толпа
Ребятишекъ безпечно-живыхъ;
Побѣжали они и далеко кругомъ
Голоса разливалися ихъ.

И, какъ рой рѣзвыхъ пчелъ, на зеленой травѣ
Зашумѣлъ ихъ веселый кружокъ,
И смѣялись они, и безпечный ихъ смѣхъ
На минуту замолкнуть не могъ,
Но печаленъ и тихъ, удалившись отъ нихъ,
Ихъ учитель сидѣлъ одинокъ.

Наклонившись надъ книгой, онъ долго читалъ,
Не взглянулъ онъ ни разу кругомъ,
Не видалъ онъ румянаго блеска зари,
Что на небѣ горѣлъ голубомъ,
Взоръ его потускнѣлъ, онъ былъ блѣденъ и худъ,
Какъ измученный долгимъ трудомъ.

Наконецъ, порывисто книгу закрылъ
И рукой исхудалой налегъ
Онъ на темный ея переплетъ, и потомъ
Сжалъ застежкой его поперекъ;
„О, мой Боже! когда бы и душу свою
Я закрыть, запереть также могъ!"

И, вздохнувъ тяжело, онъ съ земли поднялся
И тоскливо, въ себя углубленъ,
Онъ по лугу бродилъ, будто призракъ могилъ,
Свой подземный покинувшій сонъ;
И, глянувши кругомъ, подъ тѣнистымъ кустомъ
Увидалъ съ книгой мальчика онъ.

И, къ нему подойдя, „чѣмъ ты занятъ, дитя, —
Онъ спросилъ,—что читалъ ты сейчасъ?
Повѣсть, сказку? иль лѣтопись царствъ и людей,
Бывшихъ въ мірѣ задолго до насъ?"
Мальчикъ, вскинувъ глаза на него, отвѣчалъ:
„Нѣтъ объ Авелѣ это разсказъ".

И учитель, услышавъ ребенка отвѣтъ,
Будто болью внезапной объятъ,
Поблѣднѣлъ, сдѣлалъ шесть торопливыхъ шаговъ,
Шесть шаговъ и впередъ и назадъ,
Сѣлъ съ нимъ рядомъ потомъ и повелъ рѣчь о томъ
Какъ загубленъ былъ Каиномъ братъ.

О злодѣяхъ временъ, миновавшихъ давно,
О преданьяхъ убійствъ говорилъ,
И о людяхъ, зарѣзанныхъ въ темныхъ мѣстахъ,
Погребенныхъ средь тайныхъ могилъ,
Объ ударахъ кровавыхъ, которые лѣсъ
Мрачнымъ шумомъ деревъ заглушилъ.

Говоритъ онъ, какъ ночью встаютъ изъ земли
Привидѣнья убитыхъ людей,
Какъ рукой окровавленной, кажутъ они
Мѣсто тайной могилы своей;
Говорилъ онъ о томъ, что небеснымъ судомъ
Обрекается казни злодѣй.

Говорилъ, что убійцы живутъ на землѣ,
Будто Каинъ, съ проклятой душой,
Что пылаетъ въ нихъ мозгъ и предъ взорами ихъ
Все одѣто кровавою мглой;
И что имъ никогда съ рукъ не сгладить слѣда
Крови, тайно отъ всѣхъ пролитой.

„Да,—сказалъ онъ,—ужасны мученья убійцъ,
И я знаю ихъ, знаю вполнѣ;
Горе, вѣчное горе тому, чья рука
Обагрилась въ крови!.. Снилось мнѣ
Прошлой ночью, что былъ я злодѣй, что убилъ,
Человѣка убилъ я во снѣ!

„Это былъ человѣкъ, мнѣ не сдѣлавшій зла,
Старъ годами, безсиленъ и хилъ;
Я увелъ его въ дальнее поле... Съ небесъ
Мѣсяцъ холодно-ясенъ свѣтилъ...
Здѣсь умретъ онъ и деньги его я возьму —
Такъ въ душѣ про себя я рѣшилъ.

„Два удара дубиной, одинъ за другимъ,
Третій камнемъ тяжелымъ; затѣмъ
Я широкимъ ножемъ грудь пронзилъ старику —
И покончилъ съ нимъ дѣло совсѣмъ.
И я видѣлъ: у ногъ моихъ трупъ его легъ
Бездыханенъ, недвиженъ и нѣмъ!

„Неподвижный, нѣмой и безжизненный трупъ,
Онъ вреда мнѣ ужъ сдѣлать не могъ;
Но мнѣ страшенъ онъ былъ: такъ спокоенъ въ травѣ
У моихъ онъ раскинулся ногъ;

Онъ былъ мертвъ, былъ убитъ, но я видѣлъ — открытъ
Взоръ его и печаленъ, и строгъ!

„Я стоялъ, и кругомъ мнѣ казалось, огнемъ
Воздухъ жегъ и палилъ; средь огня
Милліоны сверкали ужасныхъ очей
И глядѣли они на меня...
Трупъ я за руку взялъ и по имени звалъ
Мертвеца, къ нему ликъ наклоня.

„Но напрасно я звалъ: онъ недвижно лежалъ,
И уста его смерть заперла!
И когда я взялъ за руку трупъ, изъ него
Кровь широкой струей потекла,
И, казалось, по каплѣ въ мой мозгъ пролилась
И какъ будто огнемъ его жгла!

„И застыло въ груди моей сердце, какъ ледъ,
И на душу мнѣ ужасъ налегъ:
Мнѣ казалось, ее сжавши въ адскихъ когтяхъ,
Дьяволъ въ бездну проклятую влекъ.
И я долго стоналъ, а старикъ предъ концомъ
Простонать только два раза могъ!

„И тогда съ отуманенныхъ грустно небесъ,
Съ высоты ихъ, задернутой мглой,
Голосъ мстящаго кровью за братнюю кровь,
Страшный голосъ услышанъ былъ мной:
— „Ты, убійца, возьми своего мертвеца
И отъ взоровъ моихъ его скрой!“

„И я тѣло повлекъ, чтобы бросить въ потокъ;
Былъ онъ ясной луной озаренъ,
Но зіяла темна въ немъ, какъ ночь, глубина,
И заросъ грязной тиною онъ.
Не забудь, мой ребенокъ—прошу я тебя, —
Что вѣдь это все сонъ, только сонъ!

„Трупъ я въ воду спустилъ, и онъ глухо нырнулъ
И сокрылся подъ черной водой;

Я омылъ съ своихъ рукъ крови слѣдъ, и чело
Освѣжилъ я холодной струей;
И сидѣлъ въ тотъ же вечеръ я въ школѣ, и былъ
Окруженъ я младенцевъ семьей.

„Боже!—думалъ я—души такъ чисты у нихъ,
Какъ черна и преступна моя!
И не могъ раздѣлять я ихъ дѣтскихъ молитвъ:
Гимнъ вечерній не пѣлъ съ ними я.
И какъ дьяволъ между херувимовъ святыхъ,
Я стоялъ, грѣхъ убійства тая!

„И младенческимъ сномъ беззаботно потомъ
Всѣ заснули они; но со мной
Преступленье, мой гнусный товарищъ, пошло,
Чтобъ меня проводить на покой,
И задеркуло пологъ постели моей
Обагренною кровью рукой.

„Въ агоніи ужасной всю ночь пролежалъ
Я отъ боя до боя часовъ;
Сердце рвалось отъ мукъ: этотъ медленный звукъ
Говорилъ мнѣ о смерти безъ словъ,
И, какъ въ саванъ, меня обвивала вокругъ
Ночь въ свой темный, печальный покровъ.

„И вставала въ моей головѣ мысль одна,
Всѣ другія смѣняя собой, —
Съ каждымъ новымъ мгновеньемъ владѣла она
Все сильнѣй и сильнѣе душой:
Мнѣ хотѣлось опять увидать
Человѣка, убитаго мной.

„Лишь пришелъ утра часъ, лишь заря занялась,
Всталъ я тяжко съ постели своей,
Вышелъ въ поле и тамъ дикимъ взоромъ искалъ
И нашелъ я проклятый ручей:
Половина воды въ немъ изсякла, и трупъ
Въ грязной тинѣ виднѣлся подъ ней!

Тяжело задыхаясь, я поднялъ его

И, какъ воръ, побѣжалъ съ мертвецомъ;
Я былъ долженъ спѣшить трупъ въ могилу зарыть:
Утро яснымъ смѣнялося днемъ.
Я въ лѣсу его скрылъ въ кучѣ листьевъ сухихъ,
Подъ нависшимъ деревьевъ шатромъ.

„День тотъ въ школѣ провелъ я, съ дѣтьми я читалъ,
Но я думой былъ въ мѣстѣ иномъ...
И лишь кончить я могъ свой полдневный урокъ,
Въ лѣсъ пришелъ я: развѣялъ кругомъ
Вѣтеръ листья сухіе—и онъ предо мной
Обнаженнымъ лежалъ мертвецомъ!

„И руками лицо я закрылъ, и приникъ
Съ горькимъ плачемъ къ землѣ головой:
Грѣхъ проклятый убійства не скрыть мнѣ, не скрыть, —
Онъ отвергнутъ сырою землей!
Гдѣ бъ я ни былъ: на сушѣ, на морѣ—пойдетъ
Моя тайна повсюду за мной!

„О, мой Боже, ужасный, ужасный то сонъ!
Онъ на вѣки унесъ мой покой.
Мнѣ мерещится каждую ночь, что я кровь
Проливаю преступной рукой,
И луною облитъ, съ грустнымъ взоромъ лежитъ
Неподвижный старикъ предо мной!

„Гдѣ бъ я ни былъ, со мною вездѣ эта мысль,
Отъ нея не сокрыться мнѣ!.. Вотъ
И теперь, и теперь предо мною мертвецъ
Изъ могилы кровавой встаетъ"!
Мальчикъ въ страхѣ глядѣлъ на учителя: онъ
Блѣденъ былъ и лился съ него потъ.

На другую же ночь, въ часъ, когда тихій сонъ
Прикоснулся ребенку къ очамъ,
Изъ воротъ городскихъ двое мрачныхъ людей
Въ даль прошли и сокрылися тамъ;
И гремя кандалами въ ночной тишинѣ,
Шелъ межъ ними Евгеній Арамъ!

В. П. Бурѣнинъ.

* * *

Будь юной, дерзкою царицей,
Завороженной красотой,
Съ тяжелой, сонною рѣсницей,
И съ властной наготой.

О, будь какъ ночь грѣха тревожна.
Мученій, ласки не жалѣй,
И дай мнѣ все, что дать возможно
На праздникѣ страстей.

Будь львицей хитрой и проворной...
Дитя коварства и огня!
Тебѣ любовью непокорной
Не покорить меня.

Будь ясно-тихой и печальной,
Какъ зори раннею весной,
Съ душой прозрачной, нѣжно-дальной,
Какъ сумракъ голубой.

Будь робкимъ, сказочнымъ созданьемъ,
Стыдливой лиліей полей.
Томи мечтательнымъ признаньемъ
Нерадостныхъ очей.

Покорной будь и будь призывной,
Живи любя, люби во снѣ...
Покорности, о призракъ дивный,
Не надо мнѣ!

Сергѣй Маковскій.

* * *

Пускай погибшими мечтами
Полны прошедшіе года —
Веснѣ съ душистыми цвѣтами
Не измѣню я никогда!
И старость высохшей рукою
Мнѣ сердце злобой не сожметъ:
Я вспомню молодость весною —
И сердце снова запоетъ!..
И въ часъ послѣдній, засыпая,
Глаза усталые сомкну
И отойду, благословляя
Мою послѣднюю весну.
И все, что въ жизни мнѣ свѣтило
Горячимъ солнцемъ ясныхъ дней,
Все, чѣмъ жила и что любила,
Я унесу съ душой моей.
И гробъ весной мнѣ будетъ тѣсенъ,
И цѣпи смерти я порву...
И пѣсней, лучшею изъ пѣсенъ —
Цвѣткомъ весеннимъ оживу!

Г. Галина.

П. Самойловъ.

* * *

Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Глянешь назадъ,—точно степь неоглядная,
Глушь безотвѣтная, даль безотрадная!

Нѣтъ въ этой дали ни кустика зелени,
Все-то зачахло, да сгибло безъ времени,
Спитъ точно мертвое, спитъ какъ убитое,
Солнышкомъ Божьимъ на вѣки забытое.

Солнышко Божье на свѣтъ поскупилося,
Счастье—веселье на зовъ не явилося;
Горькое горе безъ зову нагрянуло,
При горѣ радость свинцомъ въ воду канула.

Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Радъ бы забыть васъ, да что жъ мнѣ останется,
Чѣмъ моя жизнь при бездольи помянется?

И. С. Никитинъ.

Лебедь.

Заводь спитъ. Молчитъ вода зеркальная.
Только тамъ, гдѣ дремлютъ камыши,
Чья-то пѣсня слышится, печальная,
Какъ послѣдній вздохъ души.

Это плачетъ лебедь умирающій,
Онъ съ своимъ прошедшимъ говоритъ,
А на небѣ вечеръ догорающій
И горитъ и не горитъ.

Отчего такъ грустны эти жалобы?
Отчего такъ бьется эта грудь?
Въ этотъ мигъ душа его желала бы
Невозвратное вернуть

Все, чѣмъ жилъ съ тревогой, съ наслажденіемъ,
Все, на что надѣялась любовь,
Проскользнуло быстрымъ сновидѣніемъ,
Никогда не вспыхнетъ вновь.

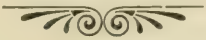
Все, на чемъ печать непоправимаго,
Бѣлый лебедь въ этой пѣснѣ слилъ,
Точно онъ у озера родимаго
О прощеніи молилъ.

И когда блеснули звѣзды дальнія,
И когда туманъ вставалъ въ глуши,

Лебедь пѣлъ все тише, все печальнѣе,
И шептались камыши.

Не живой онъ пѣлъ, а умирающій,
Оттого онъ пѣлъ въ предсмертный часъ,
Что предъ смертью вѣчной, примиряющей
Видѣлъ правду въ первый разъ.

К. Д. Бальмонтъ.



Ожиданіе.

Я звалъ тебя. Душа моя молила
Твоей любви. Казалось, никогда
Съ такой тоской блаженнаго стыда
Ни съ кѣмъ еще она не говорила.

И ты пришла... Но сердце измѣнило.
Мой поцѣлуй былъ холоднѣе льда.
Свиданье насъ навѣки разлучило,
И какъ враги разстались мы тогда.

И съ той поры—сильнѣе, безнадежнѣй
Опять люблю, зову тебя и жду.
Вернись! Забудь невольную вражду.

Вернись ко мнѣ моей, желанной, прежней:
Мою тоску, я знаю, ты поймешь...

Напрасно. Нѣтъ. Ты больше не придешь.

Сергѣй Маковскій.

* * *

Коснись рукой до струнъ, презрѣнныхъ свѣтомъ.
Тебя одну когда-то пѣвшихъ струнъ.
Верни мнѣ дни, когда я былъ поэтомъ,
Дай вѣрить мнѣ, что я, какъ прежде, юнъ.
Моей любви, взлелѣянной годами,
— Ты видишь, видишь – мнѣ скрывать не въ мочь...
Ахъ! гдѣ она, кипящая звѣздами,
Осенняя, сіяющая ночь?
Съ небесъ звѣзда срывалась за звѣздою.
Мы шли вдвоемъ... ты руку мнѣ дала..
А цвѣтники дышали резедою,
И ночь была прозрачна и свѣтла.
Сребрился подъ твердью голубою,
Деревья блеклыя, не шелестя.
Я о любви не говорилъ съ тобою..
Что говорить? Вѣдь ты была дитя.
Верни же мнѣ тѣ золотыя грезы,
Въ твоихъ лучахъ я расцвѣтаю вновь,
Ты вся—весна, ты вся—какъ запахъ розы,
Какъ старое вино—моя любовь.
Я предъ тобой притворствовать не въ силахъ,
Ты—такъ свѣтла... О, если бъ я угасъ
У нѣжныхъ ногъ невинныхъ, милыхъ, милыхъ,
Въ сіяніи любимыхъ узкихъ глазъ.

Сергѣй Соловьевъ.

Все кругомъ.

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тупое, всегда безобразное,
Медленно-рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тѣсное,

Явно-довольное, тайно блудливое,
Плоско-смѣшное и тошно трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно недостойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное,
Изрѣдка сѣрое, въ сѣромъ упорнее,
Вѣчно лежачее, дьявольски-косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное,
Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное!

Но жалобъ не надо; что радости въ плачѣ?
Мы знаемъ, мы знаемъ: все будетъ иначе.

З. Гиппіусъ.

А. Ѳедоровъ.

Сфинксъ.

Въ глубокой впадинѣ, отрытый изъ песка
Стоитъ онъ, гордый сфинксъ, весь изъ единой глыбы.
Титана мудраго могучая рука
Изъ камня высѣкла безсмертные изгибы.
Предъ сфинксомъ—вѣчный Нилъ, священная рѣка.
Боготворились въ ней и крокодилъ и рыбы.
Въ подножьи—древній храмъ; молились тамъ вѣка.
На камняхъ чудеса запечатлѣли скрибы.

Но сфинксу чудится, что все былое - сонъ,
Сонъ настоящее и все, что будетъ далѣ,
А явь—одинъ лишь Нилъ, песокъ, да небосклонъ,

Да то, что выше всѣхъ народовъ и временъ,
То, что не вѣдаетъ ни смерти, ни печали:
Природа. Въ сфинксѣ ликъ природы воплощенъ.

А. М. Ѳедоровъ.

*
* *

Она сидѣла на полу
И груду писемъ разбирала,
И, какъ остывшую золу,
Брала ихъ въ руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно такъ на нихъ глядѣла,
Какъ души смотрятъ съ высоты
На ими брошенное тѣло.

И сколько жизни было тутъ,
Невозвратимо-пережитой,
И сколько горестныхъ минутъ
Любви и радости убитой!

Стоялъ я молча въ сторонѣ
И пасть готовъ былъ на колѣни,—
И страшно, грустно стало мнѣ,
Какъ отъ присущей милой тѣни.

Ѳ. И. Тютчевъ.

— А если онъ вернется,
Что я сказать должна?
„Скажи: его ждала я,
Пока не умерла“!..
— А если бъ, какъ чужую,
Разспрашивать онъ сталъ?
„Отвѣть ему, какъ брату,
Быть можетъ, онъ страдалъ“.
— А если спроситъ: гдѣ ты?
Какой я дамъ отвѣтъ?
„Кольцо мое безмолвно
Отдай ему въ отвѣтъ“.
— А если онъ увидитъ,
Что комната пуста?
„Скажи: угасла лампа
И дверь не заперта“.
— А если о послѣднихъ
Минутахъ спроситъ онъ?
„Скажи: я улыбалась,
Чтобъ не заплакалъ онъ“.

О. Чюмина.

Кто умеръ отъ любви.

(Изъ С. Прюдома).

Кто умеръ отъ любви, тотъ не захочетъ рая:
Зачѣмъ ему сады, пѣвучій говоръ струй,
И сладость райскихъ кущъ, вечерняя, святая...
Не позабудетъ онъ: былъ слаще поцѣлуй!
Низвергнуть въ адъ его? Но пламенемъ холодным

Въ немъ сердце сожжено, осталось пепелъ жечь...
Истерзанъ страстью онъ, мученьемъ сновъ безплоднымъ—
Какимъ когтямъ его мучительнѣй обречь?
Нѣтъ ярче радостей, нѣтъ горя безутѣшнѣй,
Чѣмъ тѣ волненія, какимъ порою вешней
Онъ сердце распахнулъ безумное свое.
Онъ здѣсь извѣдалъ адъ и рай обѣтованный,
Жилъ въ безконечности и мрачной, и желанной,
Осталась только смерть: уйти въ небытіе.

Ив. Тхоржевскій.

* * *

Не грезилъ я, о нѣтъ, но наяву то было:
Нѣмыя для небесъ, угрюмо и уныло
Вздымались къ облакамъ громады дикихъ скалъ,
А у подножья жилъ заливъ съ его прибоемъ,
И пѣну на песокъ, съ зловѣщимъ, тихимъ воемъ,
Волнуясь и кипя, порывисто плескалъ.

Прижавшись у скалы, на камнѣ, боязливо,
Я слушалъ гулъ волны, я видѣлъ даль залива—
И зналъ, что я одинъ, совсѣмъ одинъ сейчасъ,
Что небо только мнѣ просторъ свой открываетъ,
Что море для меня шумитъ—не умолкаетъ,
И что никто, никто не раздѣляетъ насъ.

И было слышно мнѣ, какой холодной дрожью
Мой камень трепеталъ, когда къ его подножью
Бросался, пѣнясь, валъ, чтобы отпрянуть вновь...
Шли тихо гряды тучъ, громадныя какъ горы...
Я такъ казался малъ безъ силы, безъ опоры,
Что занимался духъ и застывала кровь!..

Къ тебѣ, природа-мать, я снесъ свои тревоги,
Ждалъ ласки отъ тебя, но холодны, но строги

Остались для меня завѣтныя черты...
И только груды скалъ прибою отвѣчали:
„Безумецъ, въ мірѣ нѣтъ ни счастья, ни печали...
Мы—нѣмы для небесъ... И нѣмъ для нихъ и ты!..“

С. А. Сафоновъ.

У МЕНЯ ДЛЯ ТЕБЯ.

У меня для тебя столько ласковыхъ словъ и созвучій,
Ихъ одинъ только я для тебя могъ придумать любя.
Ихъ пѣвучей волной, то нежданно-крутой, то ползучей—
Хочешь, я заласкаю тебя?
У меня для тебя столько есть прихотливыхъ сравненій—
Но возможно ль твою уловить, хоть мгновенно красу?
У меня есть причудливый міръ серебристыхъ видѣній—
Хочешь, къ нимъ я тебя унесу?
Видишь, сколько любви въ этомъ нѣжномъ, взволнованномъ взорѣ?
Я такъ долго таилъ, какъ тебя я любилъ и люблю;
У меня для тебя поцѣлуевъ дрожащее море,—
Хочешь, въ немъ я тебя утоплю?

В. Гофманъ.

Грезы.

I.

Когда, еще дитя, за школьною стѣною,
Съ наивной дерзостью о славѣ я мечталъ,
Мнѣ въ грезахъ видѣлся, пестрѣющій толпою,
Высокій, мраморный, залитый свѣтомъ залъ...
Былъ пиръ — веселый пиръ, въ честь юной королевы:
И въ замкѣ ликовалъ блестящій кругъ гостей:
Сюда собрались всѣ прекраснѣйшія дѣвы
И весь желѣзный сонмъ бароновъ и князей...
День промелькнулъ въ чаду забавъ и развлеченій:
Рога охотниковъ звучали по лѣсамъ,
И много горныхъ сернъ и царственныхъ оленей
Упало жертвами разгоряченнымъ псамъ.
А ночью данъ былъ балъ... Сіяющіе хоры
Гремѣли музыкой... Межъ мраморныхъ колоннъ
Гирлянды зелени сплетались въ узоры,
И зыблилась парча девизовъ и знаменъ...
Всю ночь одинъ другимъ смѣнялись менуэты,
Подъ звуки ихъ толпа скользила и плыла,
И отражали шелкъ, и фрезы, и колеты
Съ карниза до полу сплошныя зеркала...

Но близокъ ужъ разсвѣтъ, и гости утомились.
— „Пѣвца—зовутъ они — пусть выйдетъ онъ впередъ!
Чтобъ пиръ нашъ увѣнчать, чтобъ всѣмъ мы насладились,
Пусть пѣсню старины предъ нами онъ споетъ!“
И, робкій пажъ, впередъ я выступилъ... Смиренно
Предъ королевой я колѣно преклонилъ,
Поднялся, звонкихъ струнъ коснулся вдохновенно,
И юный голосъ мой чертоги огласилъ...

Вначалѣ онъ дрожалъ отъ тайнаго смущенья,
Но ужъ слетѣлъ ко мнѣ мой благодатный богъ,

Ужъ осѣнилъ меня крылами вдохновенья,
И звукамъ гибкость далъ, и взоръ огнемъ зажегъ:
И вотъ, безвѣстный пажъ, я властвую толпою!..
Я покорилъ ее... Я вижу съ торжествомъ,
Какъ королева ницъ склонилась головою,
Какъ жадно рыцари внимаютъ мнѣ кругомъ;
Я вижу очи дѣвъ, горящія слезами,
Полураскрытыя въ волненьи ихъ уста,
И льется пѣснь моя широкими волнами,
Какъ горная рѣка—кристальна и чиста.
И льется пѣснь моя, и мощною грозою
Гремитъ, разсыпавшись, на стонущихъ струнахъ..
Не громъ ли Божьихъ тучъ ударилъ надъ землею,
Не стрѣлы ль молній сверкнули въ небесахъ?..
Какъ грозенъ былъ ударъ!.. Казалось, своды зала
Внезапно дрогнули и дрогнула земля,
И люстра изъ сквозныхъ подвѣсокъ хрусталя
На серебрѣ цѣпей, померкнувъ, задрожала..
Но буря пронеслась; и струны недвижимы..
И вновь звучатъ онѣ подъ бѣглою рукой,
Какъ будто крыльями трепещутъ серафимы,
Какъ будто дальній звонъ несется надъ толпой...
Молитвенный напѣвъ чаруетъ и ласкаетъ.
И вотъ послѣдній звукъ, какъ легкій ѳиміамъ,
Какъ чистый ароматъ, сквозь окна отлетаетъ
Къ дрожащимъ звѣздами бездоннымъ небесамъ!
Я кончилъ...
Всѣ уста окованы молчаньемъ,
Всѣ груди поднялъ вздохъ... Но вотъ, къ моимъ ногамъ
Упалъ вѣнокъ, и нѣтъ конца рукоплесканьямъ,
И нѣтъ числа меня осыпавшимъ цвѣтамъ!..
Гремитъ и стонетъ залъ, волнуясь предо мною;
Растетъ привѣтный гулъ несчетныхъ голосовъ:
Такъ хмурый лѣсъ шумитъ, взволнованный грозою,
Такъ море въ бурю бьетъ о скалы береговъ.
Гремитъ и стонетъ залъ; но громъ рукоплесканій
Я слышу какъ во снѣ... Душа моя полна
Иныхъ, завѣтныхъ думъ и пламенныхъ желаній,

Иной награды ждетъ въ смущеніи она.
Ты, чей привѣтный взглядъ звѣздою путеводной
Сіялъ передо мной, чья красота зажгла
Во мнѣ восторгъ пѣвца, могучій и свободный,
О, неужели ты меня не поняла?...
Безумецъ! отгони напрасныя мечтанья!
Священенъ тронъ ея!.. Молись... благоговѣй!
Не дерзостной любви тревоги и желанья,
А раболѣпный страхъ повергни передъ ней!
Но вѣрить ли очамъ: *она встаетъ*!... Мгновенно
Затихшая толпа ей очищаетъ путь...
Глаза ея горятъ свѣтло и вдохновенно,
Подъ золотомъ парчи высоко дышитъ грудь...
Она идетъ ко мнѣ—идетъ легка какъ греза,
Чаруя прелестью улыбки и лица;
И вотъ съ ея груди отколотая роза
Трепещетъ ужъ въ рукѣ счастливаго пѣвца!..

Такъ въ дѣтствѣ я мечталъ...

II.

Съ тѣхъ поръ умчались годы,
И нѣтъ ихъ, яркихъ сновъ фантазіи моей:
. . . . . .
Я сталъ пѣвцомъ труда, познанья и скорбей!
Во славу красоты я гимновъ не слагаю.
Побѣдъ и громкихъ дѣлъ я въ пѣсняхъ не пою,
Я плачу съ плачущимъ, со страждущимъ страдаю,
И утомленному я руку подаю!
И пусть мой крестъ тяжелъ, пусть бури и сомнѣнья,
Невзгоды и борьбу принесъ онъ мнѣ съ собой,
Онъ мнѣ дарилъ за то и свѣтлыя мгновенья,
Мгновенья радости высокой и святой!
Я помню ночь: бѣдна, какъ тяжело больная,
Она слетѣла къ намъ съ лазурной вышины,
Съ несмѣлой лаской серебрянаго мая,
Съ привѣтомъ сѣверной, задумчивой весны.

Всѣ окна въ комнатѣ мы настежъ отворили,
И, съ грохотомъ колесъ по звонкой мостовой,
Къ себѣ и эту ночь радушно мы впустили
На скромный праздникъ нашъ, въ нашъ уголъ трудовой...
А чуть вошла она—чуть ароматъ сирени
Повѣялъ въ комнатѣ—и тихо вслѣдъ за ней
Вошли какія-то оплаканныя тѣни,
Какихъ-то звуковъ рой изъ мглы минувшихъ дней...
Тѣмъ, кто закинутъ былъ въ столицу издалека,
Невольно вспомнились родимыя края,
Убогое село, и церковь, и поля,
И надъ нѣмымъ прудомъ недвижная осока.
Припомнился тотъ садъ, знакомый съ колыбели,
Гдѣ въ невозвратные младенческіе дни,
Скрипѣли весело подгнившія качели,
И звонкій смѣхъ стоялъ въ узорчатой тѣни;
Крутой обрывъ въ саду, бесѣдка надъ обрывомъ,
Тропинка, въ темный лѣсъ бѣгущая змѣей,
И полосы хлѣбовъ съ ихъ золотымъ отливомъ,
И мирный свѣтъ зари за сонною рѣкой...
И нашъ кружокъ примолкъ...
Суровыя лишенья,
Нужда, тяжелый трудъ и длинный рядъ заботъ
Томили долго насъ.. мы жаждали забвенья.
И съ тихой пѣснею любви и причащенья,
Какъ въ дѣтскихъ снахъ моихъ я выступилъ впередъ.
Не пышный залъ горѣлъ огнями предо мною:
Здѣсь, въ бѣдной комнаткѣ, тонувшей въ полумглѣ,
Сіяла только мысль нетлѣнной красотою
Въ вѣнцѣ изъ терніевъ на царственномъ челѣ!
И голосъ мой звучалъ не для пустой забавы
Пресыщенной толпы земныхъ полубоговъ:
Не требуя похвалъ, не ожидая славы,
Какъ братъ, я братьямъ пѣлъ, усталымъ отъ трудовъ.
Я пѣлъ сплотившимся подъ знаменемъ науки,
Я пѣлъ измученнымъ тяжелою борьбой,

Чтобъ не упали ихъ натруженныя руки,
Чтобъ не разсѣялся союзъ ихъ молодой;
Я пѣлъ имъ свѣтлый гимнъ, внушенный упованьемъ,
Что только истинѣ побѣда суждена,
Что ночь не устоитъ передъ ея сіяньемъ,
Что даль грядущаго отрадна и ясна;
И все, что на душѣ отъ чернаго сомнѣнья
Я самъ, какъ цѣнный кладъ, въ ненастье сохранилъ—
Всѣ лучшія мечты, всѣ смѣлыя стремленья—
Все въ звуки пѣсни той я вольно перелилъ!..
Я смолкъ... Мнѣ не гремятъ толпы рукоплесканья,
Не падаютъ къ ногамъ душистые вѣнки!
Наградою пѣвцу минутное молчанье,
Да чье-то теплое пожатіе руки...
Но что со мной?.. О чемъ, откуда эти слезы?..
Какъ гордъ, какъ счастливъ я, какъ ожилъ я душой!..
О, родина моя, прими меня—я твой!..
И блекнутъ яркія младеньческія грезы,
И осыпаются ихъ призрачныя розы
Предъ счастьемъ, на-яву блеснувшимъ предо мной!..

С. Я. Надсонъ.

Искушеніе.

Я иду. Спотыкаясь и падая ницъ,
Я иду.
Я не знаю, достигну-ль до тайныхъ границъ,
Или въ знойную пыль упаду.
Иль уйду, соблазненный, какъ первый въ раю,
Въ горящій и манящій садъ,
Но одно—навсегда, но одно—сознаю:
Не идти мнѣ назадъ...

Зной горитъ, и губы сухи,
Дали строятъ свой миражъ.
Манятъ тѣни, манятъ духи,
Шепчутъ дьяволы: „ты нашъ“...
Были сонмы поколѣній,
За толпой въ вѣкахъ толпа.
Ты — въ неистовствѣ явленій,
Какъ въ пучинѣ водъ щепа.
Краткій срокъ ты въ безднахъ дышишь,
Отцвѣтаешь, чуть возникъ.
Что ты видишь, что ты слышишь,
Измѣняетъ каждый мигъ.
Не упомнишь словъ священныхъ,
Сладкихъ снова не сбережешь...
Нѣтъ свершеній не мгновенныхъ,
Таетъ истина, какъ ложь.
И сквозь пальцы мудрость міра
Протекаетъ какъ вода,
И восторгъ блестящій пира
Исчезаетъ навсегда.
Совершивъ свой путь тяжелый,
Съ бою капли тайнъ собравъ,
Ты предъ смертью встанешь голый,
О, мудрецъ, какъ сынъ забавъ!
Если-жъ смерть тебѣ откроетъ
Тайны всѣ, что ты забылъ,
Такъ чего-жъ твой подвигъ стоитъ!..
Такъ зачѣмъ ты шелъ и жилъ!..
Все не нужно, что земное,
Шепчутъ дьяволы: „ты нашъ“...
Я иду въ бездонномъ зноѣ..
Дали строятъ свой миражъ.

„Ты мнѣ отвѣтишь ли, о Сущій,
Зачѣмъ я жажду тѣхъ границъ?
Быть можетъ, ждетъ меня грядущій,
И я предъ нимъ склоняюсь ницъ?

О, сердце... въ этихъ тѣняхъ вѣка,
Гдѣ истинъ нѣтъ, иному вѣрь..
Въ себѣ люби сверхчеловѣка...
Явись, нашъ Богъ и полузвѣрь!

Я здѣсь свершаю путь безплодный,
Безсмысленный, безцѣльный путь,
Чтобъ наконецъ душой свободной
Ты могъ предъ вѣчностью вздохнуть.

И чуять проблескъ этой дрожи,
Въ себѣ угадывать твой вздохъ —
Мнѣ всѣхъ иныхъ блаженствъ дороже...
На краткій мигъ, какъ ты, я—богъ...“

ГИМНЪ.

Вновь закатъ одѣнетъ
Небо въ багрянецъ.
Горе, кто обмѣнитъ
На вѣнокъ—вѣнецъ.

Мракомъ міръ не скованъ,
Послѣ ночи—свѣтъ.
Тѣмъ, кто коронованъ,
Доли лучшей нѣтъ.

Утреннія зори —
Блескъ небесныхъ крылъ.
Въ этомъ вѣчномъ хорѣ
Богъ насъ возвѣстилъ.

Времени не будетъ
Ночи и зари...
Горе, кто забудетъ,
Что они—цари...

Все жарче зной. Упавъ на камнѣ,
Я отдаюсь огню лучей,
Но мука смертная легка мнѣ
Подъ этотъ гимнъ, не знаю чей.
И вотъ все явственнѣй, тѣлеснѣй
Ко мнѣ, простершемуся ницъ,
Клонятся съ умиленной пѣсней,
Изъ волнъ воздушныхъ сонмы лицъ.
О, сколько близкихъ и желанныхъ,

И ты, забытая, и ты...
Въ чертахъ, огнями осіянныхъ,
Какъ не узнать твои черты...
И молніи горятъ сапфиромъ,
Ихъ синій отблескъ—вѣчный свѣтъ.
Мой слабый духъ предъ лучшимъ міромъ
Уже заслышалъ свой привѣтъ...

Но вдругъ подымаюсь я, вольный и дикій,
И тѣни сливаются, гаснутъ въ огнѣ.
Шатаясь, кричу я,—и хриплые крики
Лишь коршуны слышатъ въ дневной тишинѣ.
Я жизни твоей не желаю, гробница,
Ты хочешь солгать, гробовая плита...
Такъ, значитъ, за гранью—вторая граница,
И смерть, какъ и жизнь, только тѣнь и черта?
Такъ, значитъ, за смертью такой же безплодный,
Такой же безцѣльный, безмысленный путь?
И то же мечтанье о волѣ свободной?
И та жъ невозможность во мглѣ потонуть?
И нѣтъ намъ исхода... И нѣтъ намъ предѣла...
Исчезнуть, не быть, истребиться нельзя...
Для воли, для духа, для мысли, для тѣла
Единая, та же, все та же стезя"...
Кричу я. И коршуны носятся низко,
Изъ дали таинственный манитъ миражъ.
Тамъ пальмы, тамъ влага, такъ ясно, такъ близко,
И дьяволы шепчутъ со смѣхомъ: „ты—нашъ"...

Валерій Брюсовъ.

Игрушки.

Игрушки милыя,—друзья
Мечтаній дѣтскихъ и забавъ.
Лишь васъ вернуть хотѣлъ бы я
Душѣ, вкусившей всѣхъ отравъ.

* * *

Но какъ вернуть? Увялъ цвѣтникъ
Лазурныхъ сказокъ, бѣлыхъ сновъ,
Устало сердце—гробовщикъ!...
Все строже, строже бой часовъ.
Прошли безцѣльные года
И день за днемъ слѣжу съ тоской,
Гдѣ ты, смѣявшійся всегда,
Паяцъ съ оторванной рукой?
— Ты позабавь меня теперь
И бубенцами позвени,
Ты слышишь, смерть стучится въ дверь
Скажи ей „р а н о“—прогони.
Что шепчетъ вѣчность надо мной?
Игрушки милыя, увы,
Не жить намъ прошлою весной.
Я такъ же сломанъ, какъ и вы.

Александръ Рославлевъ.

Д А Л Ь.

Изъ Я. Броунингъ.

Подобье мы дѣтей, когда они, вздыхая,
Капризно лбомъ прильнувъ къ поверхности стекла,
Туманятъ гладь его, которая свѣтла,
Даль неба и полей отъ взора закрывая...

Съ тѣхъ поръ какъ Промысломъ разлучена была
Съ душою скорбною за гробомъ жизнь другая —
Межъ ней и взорами, преграду воздвигая,
Мѣшаетъ въ даль смотрѣть печали нашей мгла.

О, братъ! О, человѣкъ! Сдержи свои рыданья,
Будь мужественъ, молчи. Души твоей стекло
Пусть дуновеніемъ не отуманитъ зло,

Чтобъ взоромъ яснымъ ты въ концѣ существованья
Могъ видѣть издали, когда блеснутъ они,
Предсмертныхъ факеловъ священные огни.

О. Чюмина (Михайлова).

* *
*

Умерла моя муза... Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни;
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни, —
Непроглядная ночь, какъ могила, темна!..
Тщетно въ сердцѣ, уставшемъ отъ мукъ и тревогъ,
Исцѣляющихъ звуковъ я жадно ищу:
Онъ растоптанъ и смятъ, мой душистый вѣнокъ,
Я безъ пѣсни борюсь и безъ пѣсни грущу!..
А въ былые года сколько тайнъ и чудесъ
Совершалось въ убогой каморкѣ моей:
Захочу—и сверкающій куполъ небесъ
Надо мной развернется въ потокахъ лучей,
И раскинется даль серебристыхъ озеръ,
И блеснутъ колоннады роскошныхъ дворцовъ,
И подымутъ въ лазурь свой зубчатый узоръ
Снѣговыя вершины гранитныхъ хребтовъ!
А теперь—я одинъ... Непріютно, темно
Опустѣвшій мой уголъ въ глаза мнѣ глядитъ;
Словно черная птица, пугливо въ окно
Непогодная полночь крылами стучитъ...
Мраморъ пышныхъ дворцовъ разлетѣлся въ туманъ,
Величавыя горы разсыпались въ прахъ
И истерзано сердце отъ скорби и ранъ,
И безсильныя слезы сверкаютъ въ очахъ!..
Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни:

Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь, какъ могила, темна!..

С. Я. Надсонъ.

Гусляръ.

Выходитъ дѣтина, веселый гусляръ,
На людный и пестрый толкучій базаръ.
Хмѣлинушка бродитъ въ загульной головушкѣ,
По живчикамъ силушка, въ сердцѣ соловушки.
Что соколъ глядитъ... Съ прибаутками рѣчь
И золото—кудри до плечъ.
Наладилъ онъ гусли проворной рукой
Надъ площадью шумной, надъ зыбкой рѣкой,
Гдѣ, сгрудясь, суда задремали усталыя...
Привольно взметнулася пѣсня удалая,
То смѣхъ переливчатъ, то звонъ серебра...
И тѣсно народъ обступилъ гусляра.
Всѣ слушаютъ пѣсню, а больше игру.
Подходитъ съ другими купецъ къ гусляру.
Лицомъ онъ и статью пригожъ лебединою,
Но сдвинуты брови, что тучи, кручиною.
Сапожки—узорчаты, красенъ — сафьянъ
И дорогъ расшитый кафтанъ.
„Добро"—пораздумавши, молвилъ купецъ,—
„Ты, вижу я, пѣсни играть молодецъ...
„Привезъ я голубку изъ-за моря ясную,
„Красу ненаглядную, дѣвицу красную.
„Горюетъ и плачетъ она въ терему,
„А что съ ней—не хочетъ сказать никому.
„Пойдемъ, угощу изъ сѣдыхъ погребовъ
„Медами да брагою по сто годовъ.
„Потѣшь ты мнѣ дѣвицу складною пѣснею —
„Спой ту, что всѣхъ краше, звончѣй и чудеснѣе.

„Утѣшишь,—отдамъ всю казну и товаръ,
„А нѣтъ,—ты мнѣ—гусли, гусляръ".
Поднялся гусляръ и пошелъ за купцомъ.
Вотъ теремъ. Онъ сталъ и запѣлъ подъ окномъ
Въ подпѣвъ ему гусли его прихотливыя,
Что пчелы весною вкругъ липы гудливыя,
Что въ колоколъ градъ, что о косу коса,
На всѣ перебои, на всѣ голоса.
Взглянула краса, уронила ручникъ,
Свѣтлѣетъ привѣтливо дѣвичій ликъ...
Потупила очи, стыдливо румянится.
Заслушалась, прочь отошло гореваньице...
Притопнулъ, да звякнулъ—и пѣснѣ конецъ.
— „Плати, что сулился, купецъ"!
И съ золотомъ мѣдныя бочки гусляръ
Катить приказалъ къ кабаку на базаръ.
— Бери, кто позарится, сколько ни взглянется,
Въ полу сыпь, аль въ шапку: всѣмъ вволю достанется.
Повыглянулъ мѣсяцъ... Всю ночь напролетъ
Шумѣлъ и толкался вкругъ бочекъ народъ.
А какъ разливалась заря поутру,
Съ почетомъ, съ поклономъ земнымъ гусляру
Алъ бархатъ стелили подъ рѣзвыя ноженьки
Въ раздолъ, во поля онъ пошелъ безъ дороженьки.
Вдали за холмомъ потонули кресты.
Лишь небо, трава да кусты.
Онъ думой далеко у края земли:
Гдѣ Сиринъ на камни ведетъ корабли,
Гдѣ три одноглазыя вѣдьмы за пряжею,
Гдѣ царь Лукоперъ со звѣриною стражею,
Гдѣ головы песьи у черныхъ людей,
Гдѣ туръ семиглавый, гдѣ пляшетъ Кащей.
Вдругъ голосъ услышалъ гусляръ за собой,
Глядитъ: догоняетъ и машетъ рукой
Та самая дѣвица, словно недужная,
И каплетъ въ траву ожерелье жемчужное.
Упала на грудь и слабѣе листа
Дрожитъ вся, цѣлуетъ въ уста.
Ракитовый кустъ, а въ тѣни подъ кустомъ,
Милуясь, смѣется краса съ гусляромъ.

Въ ногахъ ихъ забытыя гусли положены,
И тонко, лѣниво звенятъ потревожены,
Чуть вѣтеръ, что шепчется съ каждымъ цвѣткомъ
По струнамъ скользнетъ тиховѣйнымъ крыломъ.

А. Рославлевъ.

Силуэтъ.

(Л. А. Е).

„Если бъ ты умерла"...—эта мысль иногда,
Словно туча въ лазурно-сіяющій день,
Омрачаетъ любви моей сладкую лѣнь
И мои трудовые и дни и года.
Пусть давно окружаютъ насъ холодъ и мгла —
И къ теплу я, и къ свѣту съ тобою пробьюсь,
А одинъ, безъ тебя...—Я подумать боюсь,
Что бы сталось со мной, если бъ ты умерла.

Кто бы утромъ къ постели моей подошелъ
Звать меня поскорѣе взглянуть, какъ, горя
„Небывалой" красой, занялася заря,
И какъ розанъ въ саду ей навстрѣчу расцвѣлъ?
Кто бы въ полдень на столъ мнѣ поставилъ букетъ
Изъ красивыхъ и нѣжныхъ цвѣтовъ полевыхъ,
И цвѣты неземные мечтаній моихъ
Чей ласкалъ бы сердечно-привѣтливый свѣтъ?

Кто бъ согрѣлъ мнѣ горячимъ дыханьемъ своимъ
Въ зимній холодъ озябшія руки мои. —
Кто бъ съ улыбкой выслушивалъ повѣсть любви
Моей вѣтренной къ той, кѣмъ я не былъ любимъ?
Кто бы въ дни непосильныхъ заботъ и труда,
Когда врагъ насъ къ позорнымъ уступкамъ зоветъ,

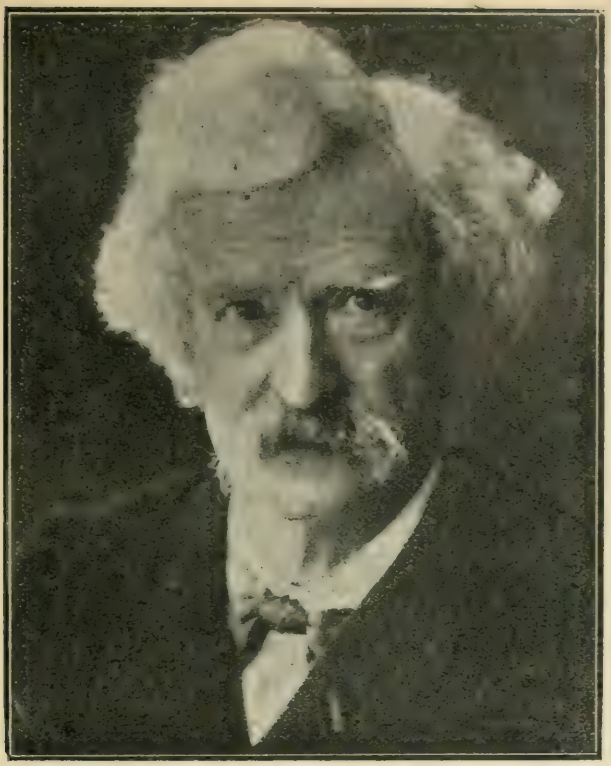
Обѣщая за нихъ и покой и почетъ, —
За меня и со мной отвѣчалъ: „никогда!“

Если бъ ты умерла, кто жъ въ послѣдній мой часъ
Мнѣ закроетъ глаза? Кто по смерти моей
Защититъ мою память отъ лживыхъ друзей
И не дастъ, чтобъ зажженный мой свѣточъ погасъ?
Я не знаю, какъ жизнь безъ тебя бы пошла,
Но моей путеводной звѣздой была ты, —
И все счастье мое, всѣ надежды, мечты
Я бъ съ тобой схоронилъ, если бъ ты умерла.

А. Луговой.

ЧАСТЬ III.

ЮМОРИСТИКА.



М. Твэнъ.

Анекдоты о великодушіи

марка твэна.

Въ продолженіе всей моей жизни, съ самаго дѣтства, я любилъ читать извѣстный сборникъ высокопоучительныхъ анекдотовъ, отчасти для развлеченія, отчасти изъ-за поученій, которыя я нахо-

дилъ въ немъ. Сборникъ постоянно былъ у меня подъ рукой, и всякій разъ, какъ мнѣ приходилось нехорошо думать о людяхъ, я обращался къ этому сборнику, и онъ разсѣевалъ мои сомнѣнія; каждый разъ, когда я чувствовалъ, что дѣлаюсь очень самоувѣреннымъ, низкимъ и неблагороднымъ, я бралъся опять-таки за него, и онъ неизмѣнно поучалъ меня, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить, чтобы вернуть уваженіе къ самому себѣ. Одно только обстоятельство часто смущало меня: почему всѣ эти трогательныя исторіи обрываются на кульминаціонной точкѣ своего развитія? Почему бы не продолжить ихъ далѣе, разсказавъ до конца трогательное повѣствованіе о различныхъ благодѣтеляхъ и объ обласканныхъ нами людяхъ. Необходимость подобныхъ эпилоговъ дѣлалась для меня все назойливѣе, и я въ концѣ-концовъ рѣшилъ удовлетворить ее, лично выяснивъ продолженіе всѣхъ этихъ анекдотовъ. Съ энергіей я взялся за поставленную себѣ задачу и послѣ огромныхъ трудовъ и долгихъ разслѣдованій теперь, наконецъ, выполнилъ ее. Представляю читателю полученные мною результаты. Сначала я привожу самый анекдотъ, а вслѣдъ за нимъ передаю эпилогъ, какъ онъ выяснился по моимъ разслѣдованіямъ.

1. БЛАГОДАРНЫЙ ПУДЕЛЬ.

Одинъ великодушный докторъ (перечитавшій много хорошихъ книгъ) какъ-то нашелъ бродячаго пуделя, у котораго была перебита лапа; онъ пріютилъ у себя это несчастное животное, вылѣчилъ ему поврежденную лапу, сдѣлалъ перевязку и, отпустивъ снова на свободу маленькое, покинутое животное, сейчасъ же позабылъ о немъ. Но какъ же онъ былъ удивленъ, когда черезъ нѣсколько дней, открывъ свою дверь, онъ увидѣлъ благодарнаго пуделя, терпѣливо сидѣвшаго на крыльцѣ въ обществѣ другой бродячей собачки, которая, по какому-то несчастью, тоже сломала себѣ лапу. До-

брый докторъ немедля оказалъ помощь больному животному и не преминулъ поразиться неисповѣдимой добротѣ и милости Господа, Который заботится даже о такомъ незначительномъ созданьицѣ, какъ этотъ маленькій бродячій пудель, чтобы этимъ самымъ подтвердить ученіе, что.. и т. д., и т. д.

Эпилогъ.

На другое утро великодушный докторъ нашелъ обѣихъ собакъ, преисполненныхъ благодарностью, ожидающими у его дверей, а возлѣ нихъ еще пару увѣчныхъ собачекъ. Онъ тотчасъ же помогъ этимъ несчастнымъ, и послѣ этого всѣ четверо ушли своей дорогой, оставивъ доктора болѣе чѣмъ когда-либо преисполненнымъ благоговѣйнаго удивленія. Прошелъ день настало утро. У двери доктора стояли четыре собаки, вылѣченныя имъ, и рядомъ съ ними четыре другихъ, которыя хотѣли быть вылѣченными. Прошелъ и этотъ день, наступилъ слѣдующій,—теперь шестнадцать собакъ, изъ которыхъ восемь съ свѣжими увѣчьями, занимали весь троттуаръ, почему прохожіе принуждены были обходить ихъ. Къ обѣду сломанныя лапы были залѣчены, но, къ благоговѣйному удивленію доктора, совершенно невольно начало примѣшиваться что-то не совсѣмъ религіозное. Опять взошло солнце и освѣтило тридцать двѣ собаки, въ числѣ которыхъ шестнадцать съ поломанными лапами занимали весь троттуаръ и половину улицы, остальную половину которой заполняла толпа любопытныхъ прохожихъ. Помощь, оказанная калѣкамъ, радостный лай вылѣченныхъ собакъ, замѣчанія наблюдавшихъ обывателей,—все это вызывало большое и оживленное веселье; проѣздъ по этой улицѣ пришлось закрыть. Добрый докторъ пригласилъ двухъ ассистентовъ и вмѣстѣ съ ними продолжалъ свою великодушную работу до самаго вечера При этомъ онъ нашелъ нужнымъ

немедленно выйти изъ состава своей церковной общины, чтобы, пользуясь свободой, имѣть возможность вполнѣ ясно высказаться объ этомъ происшествіи. Но все имѣетъ свои предѣлы. Когда съ вновь занявшейся зарей великодушный докторъ увидѣлъ передъ собой еще болѣе многочисленную и еще дальше расположившуюся группу лающихъ и воющихъ собакъ, то онъ сказалъ: „Теперь только мнѣ стало ясно, что я одураченъ книгами. Въ нихъ разсказывается лишь привлекательная часть исторій, а потомъ онѣ прерываютъ разсказъ. Дайте мнѣ ружье: дѣло зашло слишкомъ далеко!“ Взявъ ружье, онъ вышелъ, но нечаянно наступилъ на хвостъ первому пуделю, который не преминулъ грызнуть его за ногу. Великодушное дѣло, испытанное этимъ пуделемъ, произвело на него столь потрясающее и возбуждающее впечатлѣніе, что въ концѣ-концовъ онъ потерялъ голову и взбѣсился. По прошествіи четырехъ недѣль великодушный докторъ, умирая отъ водобоязни, пригласилъ къ себѣ рыдающихъ друзей и сказалъ имъ: „Остерегайтесь книгъ! Въ нихъ всѣ красивые анекдоты приведены только наполовину. Если какая-нибудь страждущая каналья станетъ у васъ когда-либо просить о помощи и вы начнете колебаться, къ какимъ результатамъ поведетъ ваше благодѣяніе, то воспользуйтесь минутой этого колебанія и убейте просящаго“.

И съ этими словами, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, онъ испустилъ духъ.

2. ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ.

Одинъ бѣдный, молодой, начинающій авторъ безрезультатно старался пристроить въ печать свое произведеніе. Но въ концѣ-концовъ, когда ему грозила уже голодная смерть, онъ явился и откровенно выяснилъ свое горькое положеніе одному извѣстному писателю, прося его совѣта и помощи.

Этотъ благородный человѣкъ немедленно же отложилъ въ сторону собственную работу и отдался чтенію отвергнутой рукописи. Окончивъ великодушный свой трудъ, онъ съ чувствомъ пожалъ руку юношѣ и сказалъ: „О, нѣтъ! Я не считаю это бездарнымъ; приходите ко мнѣ въ понедѣльникъ". Въ назначенное время популярный писатель съ дружеской улыбкой, не говоря ни слова, раскрылъ передъ молодымъ человѣкомъ только-что вышедшую изъ печати книжку журнала. И каково же было его удивленіе, когда на печатной страницѣ онъ узналъ свою собственную статью! Онъ сталъ на колѣни и, обливаясь слезами, воскликнулъ: „Какъ и когда я смогу отблагодарить васъ за этотъ благородный поступокъ!" Популярный писатель былъ не кто иной, какъ знаменитый Сноdграссъ; несчастный начинающій авторъ, совсѣмъ обреченный на забвеніе и голодъ, но впослѣдствіи также знаменитый, былъ Снэгсби. Да послужитъ же примѣромъ этотъ симпатичный случай, какъ деликатно нужно помогать всѣмъ новичкамъ, ищущимъ нашего опытнаго покровительства.

Эпилогъ.

На слѣдующей недѣлѣ Снэгсби опять пришелъ съ пятью забракованными статьями.

Популярный писатель былъ слегка озадаченъ, потому что, судя по книжкамъ, въ которыхъ разсказываются всякія исторіи, старательный молодой человѣкъ нуждался въ поддержкѣ только на одинъ первый разъ. Однако онъ взялся за обработку этихъ статей, вычеркнулъ изъ нихъ ненужныя плевелы и обработалъ заново цѣлыя части; благодаря этому ему удалось пристроить въ печать двѣ изъ ранѣе отвергнутыхъ статей.

Прошла еще недѣля; опять появился благодарный Снэгсби съ новымъ багажемъ.

Оказывая первое свое содѣйствіе нуждающемуся трудолюбивому юношѣ, популярный писатель

испыталъ глубокое чувство удовлетворенія; тогда онъ съ удовольствіемъ сравнивалъ себя съ великодушнѣйшими людьми, описанными въ книжкахъ теперь онъ началъ подозрѣвать, что онъ наткнулся на что-то новое въ дѣлѣ благородныхъ побужденій. Его одушевленіе, видимо, остыло. Однако онъ не рѣшился оттолкнуть начинающаго молодого писателя, который такъ робко прокрадывался къ его дверямъ и съ такимъ довѣріемъ привязался къ нему.

Словомъ, результатъ всего этого получился тотъ, что бѣдный молодой, начинающій писатель съ этого времени плотно усѣлся на шею популярнаго писателя. Всѣ деликатныя попытки освободиться отъ этого багажа оказались напрасными. Ему приходилось каждый день давать совѣты и ободрять; ему приходилось заботиться о помѣщеніи статей въ журналы, сначала исправивъ ихъ настолько, чтобы онѣ могли быть приняты. Когда въ концѣ-концовъ молодой человѣкъ успѣлъ обратить на себя вниманіе читателей, онъ однимъ ударомъ пріобрѣлъ себѣ популярность, описавъ интимную жизнь знаменитаго писателя съ такимъ ядовитымъ юморомъ и съ такими пикантными деталями, что книжка сразу же имѣла изумительно шумный успѣхъ, разбившій сердце знаменитаго писателя.

Испуская послѣдній свой вздохъ, онъ сказалъ: „Увы! книги обманули меня; онѣ передаютъ не *всю* исторію. Друзья, берегитесь трудолюбивыхъ молодыхъ писателей! Кого Богъ восхотѣлъ уморить голодомъ, того человѣкъ не долженъ стараться спасти на собственную свою погибель!“

3. ПРИЗНАТЕЛЬНЫЙ МУЖЪ.

Нѣкая дама какъ-то проѣзжала со своимъ маленькимъ сыномъ по главной улицѣ одного большого города; вдругъ лошади чего-то испугались и бѣшено понеслись; кучеръ упалъ съ козелъ, а

сѣдоки застыли отъ ужаса. Но какой-то храбрый юноша, тащившій телѣжку съ товаромъ, кинулся навстрѣчу мчавшимся лошадямъ и съ опасностью для собственной жизни остановилъ ихъ. Благодарная дама замѣтила номеръ его телѣжки и по возвращеніи домой передала объ этомъ геройскомъ подвигѣ своему мужу (который читалъ хорошія книжки). Выслушавъ со слезами на глазахъ трогательный разсказъ и возблагодаривъ вмѣстѣ съ возвращенной ему любимой женой Того, Кто не оставляетъ безъ заботы и послѣдняго воробья на крышѣ, онъ пригласилъ къ себѣ отважнаго юношу, вручилъ ему чекъ въ 500 долларовъ и сказалъ: „Возьми это въ награду за твой благородный поступокъ, Вильямъ Фергусонъ, и если когда-нибудь тебѣ понадобится другъ, то вспомни, что въ груди Томаса Спаддена всегда бьется благодарное тебѣ сердце".

Изъ этого мы можемъ видѣть, что благое дѣло постоянно приноситъ пользу тому, кто совершилъ его, какъ бы ни былъ онъ ничтоженъ самъ по себѣ.

Эпилогъ.

Спустя недѣлю пришелъ Вильямъ Фергусонъ и, ища покровительства Т. Спаддена, просилъ предоставить ему какое-либо приличное занятіе, ибо онъ чувствовалъ себя способнымъ на нѣчто большее, чѣмъ тасканіе телѣжки съ товаромъ. Т. Спадденъ предоставилъ ему мѣсто въ конторѣ съ порядочнымъ жалованьемъ.

Въ это время заболѣла мать Вильяма Фергусона, и Вильямъ... Ну, словомъ, коротко говоря, Т. Спадденъ предложилъ ей помѣститься въ своемъ домѣ. Вскорѣ послѣ этого она начала очень скучать по своимъ младшимъ дѣтямъ; пришлось взять къ себѣ Марію съ Юліей и ихъ брата, маленькаго Яшеньку. У маленькаго Яшеньки былъ карманный ножичекъ, съ которымъ онъ проникъ

одьажды въ комнату и менѣе чѣмъ въ $^3/_4$ часа непоправимо попортилъ мебель тысячъ на 10 долларовъ.

Спустя день или два Яшенька свалился съ лѣстницы, причемъ сломалъ себѣ шею. 17 родственниковъ явились въ домъ Спаддена проводить покойника. Завязавъ такимъ образомъ знакомство, они съ этого времени держали въ осадѣ кухню и, кромѣ того, всю семью Т Спаддена, понуждая его сперва отыскивать имъ различныя мѣста, а потомъ подыскивать новыя, когда надоѣдали старыя. Сама мамаша Фергусонъ весьма основательно запивала и при этомъ не менѣе основательно ссорилась; но признательные Спаддены сознавали, что ихъ долгъ — мириться со всѣмъ этимъ изъ-за подвига, который совершилъ для нихъ ея сынъ, и они великодушно отдались благороднымъ заботамъ объ этой семьѣ. Вильямъ часто навѣщалъ ихъ и забиралъ взаймы большія деньги: онъ то-и-дѣло требовалъ новаго мѣста съ большимъ жалованьемъ, и признательный Спадденъ неизмѣнно считалъ себя обязаннымъ предоставить ему такое мѣсто.

Послѣ нѣкоторыхъ возраженій Т. Спаддену удалось даже помѣстить Вильяма въ коллегію; но когда, пріѣхавъ на первыя каникулы, герой сталъ требовать, чтобы его для поправленія здоровья немедленно отправили путешествовать по Европѣ, истерзанный Т. Спадденъ возсталъ противъ тирана: терпѣніе его лопнуло. Онъ категорически, но вѣжливо отказалъ. Мамаша Вильяма Фергусона такъ возмутилась этимъ, что выронила изъ рукъ свою бутылку съ водкой и на-время потеряла способность шевелить губами. Придя же опять въ себя, она разразилась негодованіемъ: „И это ваша благодарность! Гдѣ бы были теперь ваша жена и вашъ мальчикъ, если бы не мой сынъ?“ Вильямъ подтвердилъ: „И это ваша благодарность! Спасъ я жизнь вашей жены или нѣтъ? Да или нѣтъ?“

Семь родственниковъ пришли изъ кухни и каждый воскликнулъ: „Такова его благодарность!“ Сестры Вильяма стояли удивленныя и говорили: „Да,

этимъ вы доказываете...", но мамаша, обливаясь слезами, перебила ихъ крикомъ: „А мой тихій, маленькій Яшенька уморилъ себя изъ желанія услужить подобному крокодилу!"

Но при этомъ у великодушнаго Т. Спаддена захватило духъ, и онъ, разгорячившись, воскликнулъ: „Убирайтесь вонъ изъ моего дома вмѣстѣ со всѣмъ вашимъ нищенскимъ отродьемъ! Я былъ обманутъ книгами, но это произошло въ первый и послѣдній разъ!" И, обратившись къ Вильяму, онъ сказалъ: „Да, это правда, ты спасъ жизнь моей женѣ, но если кто-нибудь еще разъ сдѣлаетъ то же самое, я убью его на мѣстѣ!"

Не будучи духовнымъ, я позволяю себѣ привести „текстъ" въ концѣ, а не въ началѣ моей проповѣди. Извлекаю его изъ недавно опубликованныхъ воспоминаній Брукса о президентѣ Линкольнѣ:

„Линкольнъ восхищался актеромъ Гаккеттомъ, особенно въ роли Фальстафа. По присущей ему привычкѣ не скрывать своей благодарности Линкольнъ написалъ какъ-то этому актеру любезную небольшую записку, въ которой выражалъ свое удовольствіе насчетъ его игры. Гаккеттъ отвѣтилъ на это присылкой какой-то книги, — можетъ быть, собственнаго сочиненія. Потомъ онъ написалъ президенту еще нѣсколько писемъ. Однажды поздно вечеромъ, — случай этотъ совершенно испарился изъ моей памяти, — я по какому-то дѣлу отправился въ Бѣлый Домъ. Проходя въ кабинетъ президента, я съ удивленіемъ увидѣлъ Гаккетта, сидѣвшаго въ пріемной, какъ бы въ ожиданіи аудіенціи. Президентъ спросилъ меня: „Кто тамъ?" Когда я ему отвѣтилъ, онъ какъ-будто грустно сказалъ: „Да, но я не могу его принять, не могу принять; я полагалъ, что онъ уже ушелъ". А потомъ онъ прибавилъ: „Этотъ случай вполнѣ убѣждаетъ меня, какъ опасно имѣть друзей или хотя бы знакомыхъ среди людей этой профессіи. Вы знаете, что я очень цѣню Гаккетта какъ артиста и что я написалъ ему объ этомъ. Онъ прислалъ мнѣ вонъ ту книжку,

и я думалъ, что этимъ все дѣло и кончилось. Онъ мастеръ своего дѣла, думалось мнѣ, и ни въ чемъ не нуждается. Но благодаря тому, что мы обмѣнялись парой любезныхъ записокъ, какъ это могли бы сдѣлать двое какихъ угодно лицъ, то у него вдругъ явилось желаніе... И, какъ вы полагаете, о чемъ онъ проситъ?" Я не могъ придумать, и Линкольнъ продолжалъ: „Видите ли, онъ желаетъ быть консуломъ въ Лондонѣ... О, небо!"

Въ заключеніе я считаю нужнымъ прибавить, что случай съ Вильямомъ Фергусономъ не придуманъ мною; онъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто съ моими личными знакомыми; я измѣнилъ только детали, чтобы подлинный Вильямъ не могъ узнать себя.

Каждый изъ читателей этого разсказа въ продолженіе нѣсколькихъ сладостныхъ и умилительныхъ часовъ своей жизни, по всей вѣроятности, игралъ роль героя въ какомъ-нибудь великодушномъ приключеніи. Но я хотѣлъ бы знать, многіе ли изъ моихъ читателей имѣютъ до сего времени желаніе разсказывать объ этомъ приключеніи и многіе ли вспоминаютъ объ его послѣдствіяхъ съ удовольствіемъ.

Маркъ Твэнъ.

Скрытый талантъ.

Найдя пріютъ въ тѣни вѣтвистой липы,
Поэтъ сталъ издавать лирическіе хрипы...
Онъ воспѣвалъ душистый лѣсъ,
И высь лазурную небесъ,
И тихія задумчивыя воды,
И жгучій ядъ любви, и яркій лучъ свободы...
А липа говоритъ:—„Хоть лиры я не врагъ,

Но многія твои творенья
Свалила бъ я въ оврагъ
Безъ сожалѣнья"... —
— „Ахъ ты нахалка! ахъ ты дрянь!
Да громъ небесный грянь,
Коль я тебя за это слово
Не накажу сурово!"—
И, яростный на липу бросивъ взоръ,
Поэтъ схватилъ топоръ
И сталъ рубить тѣ вѣтви и побѣги,
Въ тѣни которыхъ онъ вкусилъ не мало нѣги.
Рубя, онъ проявилъ
Такой парфорсный пылъ,
Что самъ себѣ дивился
И такъ передъ собой хвалился:
— „Отмѣнно я, не хуже чѣмъ лѣсникъ,
Въ лѣсное дѣло вникъ.
Всѣ эти поэтическія вѣтки
И въ знойный день
Ихъ тѣнь
Безумно любятъ только малолѣтки,
А намъ нужно
Прямое, гладкое бревно"... —

Порой смѣшно за человѣка:
Иной въ себѣ таитъ призванье дровосѣка;
Давно бъ ему пора
Быть виртуозомъ топора,
А онъ все о любви и мирѣ
Брянчитъ на лирѣ...

Символистъ.

Расправа.

Изъ разсказа „Маленькіе недостатки механизма".

Буфетчикъ небольшого пароходика „Окунь", сидя въ своей каморкѣ и разрѣзывая на подоконникѣ маленькій бѣлый хлѣбъ на ломтики, разсуждалъ серьезно и съ разстановкой:

— Такое мое мнѣніе. Невиноватаго, который недостоинъ наказанія, того, позвольте спросить, за что же я его буду истязать?

— Это вѣрно!—проговорилъ какой-то купецъ, сидѣвшій за бутылкой пива.

— Что же касается до того,—продолжалъ буфетчикъ, -когда мы встрѣчаемъ какого-нибудь подлеца, тогда, сдѣлай милость, соблюди законъ вполнѣ!

— Само собой, нечего жалѣть подлеца!

— Опять возьмите и то: вѣдь наказать человѣка—хитрость не велика, позвольте вамъ сказать. Взялъ, засадилъ его въ темную, или тамъ всыпалъ горячихъ—это труда не составляетъ. Хитрости тутъ большой нѣтъ... А надо сначала узнать, дознаться, до корня дойтить, виновенъ-ли, молъ, ты или же нѣтъ,—вотъ что есть главное! А такъ-то, не разобравши дѣловъ, да предать наказанію — тутъ правды, я такъ думаю, нѣтъ нисколько! Почему же въ такомъ случаѣ дѣлается судъ и утверждается судебный чинъ? Изуродовать человѣка занапрасно—это всякій мастеръ; а ты разбери, да потомъ ужъ и утверди...

Купецъ помолчалъ немного и отозвался:

— А то вотъ какъ бываетъ: сидитъ человѣкъ ни въ чемъ не замѣченъ. Бога чтитъ, начальникамъ повинуется, все честно исполняетъ, а между тѣмъ—ни оттуда, ни отсюда — хлопъ его по шеѣ, да по уху, да въ спину, да объ земь, да опять по шеѣ, да опять въ обѣ щеки, да по земи-то брюхомъ, да перевернутъ, да каблукомъ, да рыломъ-то по-

тыкаютъ въ помойную яму... А потомъ вотъ по вашему и выходитъ: „никто не виновенъ!“ И кто рыломъ въ помои тыкалъ—и тотъ чистъ, какъ голубь. И кто брюхомъ тебя по землѣ волокъ — и тотъ не виноватъ!.. Да, наконецъ, и тотъ, кого уродовали—тоже оказался не виновенъ... „Ступайте, ребята, по домамъ!.. Всѣ вы невиновны!“ А между тѣмъ, идетъ человѣкъ домой и хотя сосчитанъ за невиновнаго, а вѣдь морда-то у него изуродована, какъ бы то ни было... Невиновенъ-то онъ невиновенъ, а у него все же трехъ зубовъ нѣту въ скулѣ, да рука сломана, да сраму онъ принялъ съ три короба. Это какъ надо понимать по вашему мнѣнію?

— Н-нда! произнесъ буфетчикъ, совершенно притихнувъ и не пытаясь разглагольствовать. — Это ужъ не благосклонно.

— Вотъ то-то и оно-то. А виноватыхъ нѣтъ... Одинъ говоритъ: „у меня бумага!“ И другой тоже говоритъ: „у меня бумага!“ И у третьяго тоже бумага съ собой... Да позвольте, господа, что же это такое? У васъ у всѣхъ бумага, а вѣдь у меня собственная шкура! Бумаги-то вашей я за три копѣйки куплю, сколько хошь, а рожу-то я, братцы вы мои, новую не куплю нигдѣ... Вѣдь, кажется, есть разница?..

Купецъ-великанъ, говоря это, замѣтно волновался; онъ дѣлалъ руками жесты, краснѣлъ и, наконецъ, запыхавшись, сѣлъ на средину своего дивана.

— А съ вами,—спросилъ одинъ изъ пассажировъ,—тоже было что-нибудь вродѣ этого?

— Не то что „вродѣ“, а такое было, кажется, ежели бы и дозволилъ разыграться своему характеру, такъ бы и пропалъ безъ остатку...

— Да изъ-за чего же?

— А вотъ ужъ этого не могу точно сказать!.. По ошибкѣ вышло дѣло, у насъ все ошибки бываютъ. Однажды, только вернулся изъ города, вдругъ нагрянули ко мнѣ человѣкъ восемь наро-

ду. Сцапали и поволокли... Я кричу, вопію: „Что такое? помилуйте!..“

— „Тамъ разберутъ“!—„Хошь одѣться-то, говорю, дозвольте – холодъ, осень!“ — „Тамъ у насъ дамскаго полу нѣту!..“ Вцѣпились, хоть что хошь!

— Шелъ-шелъ. Вдругъ мнѣ и вступи мысль: „А что, какъ все это одно разбойство? Вѣдь былъ же въ Москвѣ случай: тоже вотъ тако-то пріѣхали на Рогожское кладбище въ полной формѣ, захватили деньги и уѣхали, а наконецъ того оказалось, что пріѣхали воры“. Вступи мнѣ это въ голову— меня и рванило за сердце: „Что, молъ, я за дуракъ такой – дался въ обманъ! Вѣдь дома деньги остались, сотъ семь съ прибавкой.. Что же я дурака то строю?“ Какъ вступило это мнѣ въ мысль, думаю: „Не распорядиться ли мнѣ своимъ средствомъ?“ А вы сами, господа, видите, кажется, не похожъ я на грудного ребенка.. (разсказчикъ поднялся во весь свой гигантскій ростъ, тряхнулъ исполинскими плечами и, стремительно засучивъ рукавъ, обнаружилъ огромнѣйшій кулачище).. Кажется, можно назвать, что имѣю свой матеріалъ? А тутъ, въ такомъ дѣлѣ, такъ у меня сразу прихлынуло силищи во всѣ мѣста: и въ шею, и въ грудь, и въ ноги, и въ кулакъ вступило такое желѣзное расположеніе духа, что я, не долго думая, ка-акъ тряхнулъ, да ка-акъ почалъ лудить, да какъ началъ вклеивать, да какъ началъ конопатить, надставлять, да притукивать, приколачивать, да засмаливать, какъ почалъ раздавать лещей, судаковъ и осетровъ—кому въ носъ, кому въ лобъ, кому въ разныя мѣста—гляжу: распространено вокругъ меня пространство и стою я, какъ Мининъ-Пожарскій на Красной площади, въ одной рубахѣ, а народъ въ прочихъ мѣстахъ, какъ рыба бьется на сухомъ берегу: стало быть, кто головой воткнулся въ лужу, кто въ плетнѣ застрялъ, выбивается, не выбьется—словомъ сказать, расшвырялъ я нечистую силу такъ, что можно сказать — яко тлѣть воскъ! Сталъ я посередкѣ этого самаго плацъ-параду и говорю: „Что вы со мной, разбойники, затѣяли?“ Что

вы тутъ загѣяли, безсовѣстные? Гдѣ такія права? Нешто можно такъ по закону? Что за разбойство такое?.. Только подступись, убью на мѣстѣ! Расшибу безъ остатка"... – Читаю имъ этакую рацею, а того и не вижу, что стали они опоминаться, да опять ко мнѣ. Глянулъ назадъ, а тамъ ужъ эскадра-то эта самая и подплыла.. Подплыла, да какъ навалится на меня сзаду, да какъ подсвиснетъ — только я и свѣту видѣль!.. „А, такъ ты при исполненіи обязанностей! А – а – а, такъ ты такими дѣлами занимаешься?.. Коли такъ, вышибай, ребята, изъ купчины дно! Вышибай ему днище!.." И пошло... Свистки верещатъ, трещетки трещатъ, колотушки стучатъ, а изо лба у меня огонь брызжетъ, изъ ушей огонь, а шею все одно каленымъ желѣзомъ пекутъ.. Слышу: „Раздѣлывай его, ребята, подъ орѣхъ!" И раздѣлали, братцы мои! такъ раздѣлали, что и не помню, что и не знаю, и что такое, что, гдѣ, куда. Живъ-ли я, померъ-ли—ничего не знаю! Знаю одно: очутился я въ темномъ мѣстѣ и весь боленъ; всѣ суставы ноютъ, всѣ кости болятъ — окончательно жду смерти. Вспомнить—такъ и то страшно, передъ Богомъ, а не то что... Какимъ родомъ и куда меня опосля этого побоища предоставили, этого ужъ я вамъ разсказывать подробно не буду. Одно скажу — много страху напримался, а что обиды—нѣтъ, не видалъ. Прямо сказать, вѣжливость, благородство, тонкое обращеніе... Я думалъ, хуже будетъ, а на мѣсто того тутъ-то и началась самая разборка.

Какъ предсталъ я, значитъ, съ разбитымъ ликомъ — потому всю голову я мокрыми тряпками обмоталъ—членъ-то меня и спрашиваетъ: „Что такое съ вами? Чѣмъ вы нездоровы?"—„Избили, говорю, ваше сіятельство".—„Какъ? что такое?" Ну, я ему и разсказалъ. Онъ такъ и ахнулъ: „Да на какомъ же основаніи? Какъ смѣли?.." Я говорю: „Сказываютъ, бумага есть у нихъ".—„Ахъ мерзавцы!" И пошелъ браниться... Бранилъ, бранилъ, наконецъ того говоритъ: „Да, тутъ вышла ошибка... Ужъ вы не будьте въ претензіи!"—„Помилуйте, го-

ворю, я радъ что хоть живъ то остался! А мнѣ-то, говорю, какъ теперича быть?“—„А вы можете идти“...—„Совсѣмъ?“—„Совсѣмъ, куда угодно... Вышла просто нелѣпая ошибка!“...

Гл. Успенскій.

А. И. Адашевъ.

Рыцарь индустріи.

Мое первое съ нимъ знакомство произошло послѣ того, какъ онъ, вылетѣвъ изъ окна второго этажа, пролетѣлъ мимо окна перваго этажа, гдѣ я въ то время жилъ, — и упалъ на мостовую.

Я выглянулъ изъ своего окна и участливо спросилъ неизвѣстнаго, потиравшаго ушибленную спину:

— Не могу ли я быть ему чѣмъ-нибудь полезнымъ?

— Почему не можете? — добродушно кивнулъ онъ головой, въ то же время укоризненно погрозивъ пальцемъ по направленію окна второго этажа.—Конечно же, можете.

— Зайдите ко мнѣ, въ такомъ случаѣ, — сказалъ, я отходя отъ окна.

Онъ вошелъ, веселый, улыбающійся. Протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Цацкинъ.

— Очень радъ. Не ушиблись ли вы?

— Чтобы сказать вамъ—да, такъ—нѣтъ! Чистѣйшей воды пустяки.

— Навѣрное, изъ-за какой-нибудь хорошенькой женщины? — подмигивая спросилъ я.—Хе-хе.

— Хе-хе! А вы, вѣроятно, любитель этихъ сюжетцевъ, хе-хе!? Не желаете ли—могу предложить серію любопытныхъ открыточекъ? Нѣмецкій жанръ. Понимающіе люди считаютъ его выше французскаго.

— Нѣтъ, зачѣмъ же,—удивленно возразилъ я, всматриваясь въ него. — Послушайте... ваше лицо, кажется, мнѣ знакомо. Это не васъ ли вчера какой-то господинъ столкнулъ съ трамвая?..

— Ничего подобнаго! Это было третьяго дня! А вчера меня спустили съ черной лѣстницы по вашей же улицѣ. Но правду сказать, какая это лѣстница? Какія-то семь паршивыхъ ступенекъ.

Замѣтивъ мой недоумѣвающій взглядъ, господинъ Цацкинъ потупился и укоризненно сказалъ:

Все это за то, что я хочу застраховать имъ жизнь. Хорошій народъ: я хлопочу объ ихъ жизни, а они суетятся объ моей смерти.

— Такъ вы -агентъ по страхованію жизни?— сухо сказалъ я. — Чѣмъ же я могу быть вамъ полезенъ?

— Вы мнѣ можете быть полезны однимъ малюсенькимъ отвѣтикомъ на вопросикъ: какъ вы хотите у насъ застраховаться — на дожитіе или съ уплатой преміи вашимъ близкимъ послѣ — дай вамъ Богъ здоровья—вашей смерти?

— Никакъ я не хочу страховаться, замоталъ я головой. — Ни на дожитіе, ни на что другое. А близкихъ у меня нѣтъ... Я одинокъ.

— А супруга?

Я холостъ.

— Такъ вамъ нужно жениться—очень просто! Могу вамъ предложить дѣвушку — пальчики оближете! Двѣнадцать тысячъ приданаго, отецъ двѣ лавки имѣетъ! Хотя братъ шарлатанъ, но она такая брюнетка, что даже удивительно. Вы завтра свободны? Можно завтра же и поѣхать, посмотрѣть. Сюртукъ, бѣлый жилетъ... Если нѣтъ—можно купить готовые. Адресъ—магазинъ „Оборотъ“... Наша фирма...

— Господинъ Цацкинъ,—возразилъ я.—Ей Богу же, я не хочу и не могу жениться! Я вовсе не созданъ для семейной жизни...

— Ой! Не созданы? Почему? Можетъ,—вы до этого очень шумно жили? Такъ вы не бойтесь... Это сущій поправимый пустякъ. Могу предложить вамъ средство, которое несетъ собою радость каждому меланхоличному мужчинѣ. 6.000 книгъ безплатно! Имѣемъ массу благодарностей! Пробный флаконичикъ...

— Оставьте ваши пробные флакончики при себѣ,—раздражительно сказалъ я. Мнѣ ихъ не надо. Не такая у меня наружность, чтобы внушить къ себѣ любовь. На головѣ порядочная лысина, уши оттопырены, морщины, маленькій ростъ...

— Что такое—лысина? Если вы помажете ее средствомъ, котораго я состою представителемъ, такъ обрастете волосами, какъ, извините, кокосовый орѣхъ! А морщины, а уши? Возьмите нашъ усовершенствованный аппаратъ, который можно надѣвать ночью... Всякія уши, какъ рукой сниметъ! Ростъ? Нашъ гимнастическій приборъ черезъ каждые шесть мѣсяцевъ увеличиваетъ ростъ на два вершка. Черезъ два года вамъ уже можно будетъ жениться, а черезъ пять лѣтъ васъ ужъ можно будетъ показывать! А вы мнѣ говорите — ростъ...

— Ничего мнѣ не нужно!—сказалъ я, сжимая виски. — Простите, но вы мнѣ дѣйствуете на нервы...

— На нервы? Такъ онъ молчитъ!.. Патентованные холодные души, могущіе складываться и раскладываться!! Есть съ краномъ, есть съ разбрызги-

вателемъ. Вы — человѣкъ интеллигентный и очень мнѣ симпатичный... Поэтому, могу посовѣтовать взять лучше разбрызгиватель Онъ дороже, но...

Я схватился за голову.

— Чего вы хватаетесь? Голова болитъ? Вы только скажите: сколько вамъ надо тюбиковъ нашей пасты „Мигренинъ“ — фирма ужъ сама доставитъ вамъ на домъ.

— Извините, — сказалъ я, закусывая губу, — но прошу оставить меня. Мнѣ некогда. Я очень усталъ, а мнѣ предстоитъ еще утомительная работа — писать статью...

— Утомительная?—сочувственно спросилъ господинъ Цацкинъ.—Я вамъ скажу—она утомительна потому, что вы до сихъ поръ не пріобрѣли нашего раздвижного пюпитра для чтенія и письма. Нормальное положеніе, удобный наклонъ... За двѣ штуки 7 рублей, а за три 10...

— Пошелъ вонъ!—закричалъ я, дрожа отъ бѣшенства, — или я проломлю тебѣ голову этимъ прессъ-папье!!

— Этимъ прессъ-папье?—презрительно сказалъ господинъ Цацкинъ, ощупывая прессъ-папье на моемъ письменномъ столѣ. — Этимъ прессъ папье... Вы на него дуньте—оно улетитъ! Нѣтъ, если вы хотите имѣть настоящее тяжелое прессъ-папье, такъ я вамъ могу предложить цѣлый приборъ изъ малахита...

Я нажалъ кнопку электрическаго звонка.

— Вотъ сейчасъ придетъ человѣкъ—прикажу ему вывести васъ!

Скорбно склонивъ голову, господинъ Цацкинъ сидѣлъ и молчалъ, будто ожидая исполненія моего обѣщанія.

Прошло двѣ минуты. Я позвонилъ снова.

— Хорошіе звонки, нечего сказать,—покачалъ головой господинъ Цацкинъ. — Развѣ можно такіе безобразные звонки имѣть, которые не звонятъ. Позвольте вамъ предложить звонки съ установкой и элементами за 7 рублей 60 копѣекъ. Изящныя кнопки...

Я вскочилъ, схватилъ господина Цацкина за рукавъ и потащилъ къ выходу.

— Идите! Или у меня сейчасъ будетъ разрывъ сердца...

— Это не дай Богъ, но вы не безпокойтесь! Мы васъ довольно прилично похоронимъ по второму разряду. Правда, не будетъ той пышности, какъ первый, но катафалкъ ..

Я захлопнулъ за господиномъ Цацкинымъ дверь, повернулъ въ замкѣ ключъ и вернулся къ столу.

Черезъ минуту я обратилъ вниманіе, что дверная ручка зашевелилась, дверь вздрогнула отъ осторожнаго напора и—распахнулась.

Господинъ Цацкинъ робко вошелъ въ комнату и, прищурясь, сказалъ.

— Въ крайнемъ случаѣ, могу вамъ доложить, что ваши дверные замки никуда не годятся... Они отворяются отъ простого нажима! Хорошіе англійскіе замки вы можете имѣть черезъ меня—одинъ приборъ 2 рубля 40 копѣекъ, за три — 6 рублей 50 копѣекъ, а пять штукъ ..

Я вынулъ изъ ящика письменнаго стола револьверъ и, заскрежетавъ зубами, закричалъ:

— Сейчасъ я буду стрѣлять въ васъ!

Господинъ Цацкинъ съ довольной миной улыбнулся и отвѣтилъ:

— Я буду очень радъ, такъ какъ это дастъ вамъ возможность убѣдиться въ превосходномъ качествѣ панцыря отъ пуль, который надѣтъ на мнѣ для образца и который—могу вамъ предложить. Одна штука восемнадцать рублей, двѣ—дешевле, а три—еще дешевле. Прошу васъ убѣдиться!...

Я отложилъ револьверъ, и схвативъ господина Цацкина поперекъ туловища, съ бѣшенымъ ревомъ выбросилъ въ окно.

Падая, онъ успѣлъ крикнуть мнѣ:

— У васъ очень непрактичныя запонки на манжетахъ! Острые углы, рвущіе платье и оцарапавшіе мнѣ щеку. Могу предложить африканскаго золота съ инкрустаціей, пара два рубля, три пары че...

Я захлопнулъ окно.

А. Аверченко.

Соломенный женихъ.

Внизу овина, гдѣ зажигаютъ теплины, въ углу темнаго подлаза лежитъ, засунувъ морду въ земляную нору, черный котъ. Не котъ это, а овинникъ.

Лежитъ, хвостомъ не вильнетъ — пригрѣлся; а на волѣ—земля съ морозу желѣзная, и у овина ива обсыпала желтые листья на тонкій ледъ.

Прибѣжали въ овинъ дѣвушки, ногами потопали:

— Идемте, подружки, въ подлазъ грѣться.

Полегли въ подлазъ, близко другъ къ дружкѣ и завели такіе разговоры тайные, что, старъ овинникъ, а чихнулъ и землей себѣ глаза запорошилъ.

— Что это, подружки—будто чихнуло!

Замолчали дѣвушки, бѣжать страшно, пожалуй, кто чихнулъ по ногамъ хлестнетъ.

А овинникъ разсердился, что глаза ему запорошило, протеръ ихъ лапой, да говоритъ:

— Ну-ка, иди сюда, которая нехорошія слова говорила.

Каждая дѣвушка на себя подумала и ни одна ни съ мѣста.

Овинникъ сталъ изъ норы пятиться...

Тутъ одна подогадливѣе дѣвушка, Василиса, прикрыла платкомъ ржаной снопъ и поставила впереди всѣхъ:—вотъ тебѣ!..

Выскокнулъ изъ норы овинникъ, пыхнулъ зелеными глазами и сталъ лапами снопъ рвать, а дѣвушки всѣ до одной изъ овина выбѣжали, да на деревню, а та, что подогадливѣе — Василиса, прилегла на току и говоритъ въ дыру сверху — притворяется: „Черный котъ, старый овинникъ, все тѣло мое изорвалъ, что дѣлать буду?"

Фыркнулъ овинникъ, отскочилъ и кричитъ:

— Очень я злой, вотъ отойду, тогда спрашивай.

Подождала Василиса время и говоритъ опять:

— Отошелъ?

— Отхожу — сейчасъ, только усы вылижу... Ну, что тебѣ надо?

— Теперь я за тебя замужъ хочу.

— Ужъ больно я уродъ,—говоритъ овинникъ, ну да ладно, и ударился о землю и сталъ изъ чернаго кота — котъ бѣлый и хвостомъ Василису пощекоталъ...

— Нѣтъ, говоритъ Василиса,—не хочу замужъ за кота, дай мнѣ жениха настоящаго.

— А гдѣ я тебѣ настоящаго возьму?

— Ну ужъ изъ снопа, да сдѣлай.

Догадался овинникъ, повозился и сдѣлалъ изъ снопа жениха.

— Смотри,—говоритъ,—чтобы отъ сырости не проросъ.

— Да я ужъ догляжу!—изъ подлаза вытянула Василиса человѣка за бѣлыя руки и всталъ передъ ней въ золотыхъ кудряхъ со свѣтлымъ лицомъ женихъ молодой.

— Стыдно мнѣ, — сказала Василиса, а женихъ посмотрѣлъ на нее и засмѣялся...

Живетъ у Василисы соломенный женихъ, днемъ вдоль по горницѣ ходитъ, или въ окно глядитъ и приговариваетъ:

— Скучно мнѣ очень, темно, да сыро.

А Василиса печетъ пироги со сметаной.

— Не хочу пироговъ,—говоритъ женихъ,—хочу на зеленой травѣ къ верху лицомъ лежать.

И стала Василиса замѣчать, что женихъ отъ сырости прорастаетъ, пухнуть сталъ, позеленѣло на кафтанѣ и сапожкахъ золото и разъ всталъ, подпоясался и говоритъ:

— Уйду я теплаго мѣста искать.

— А я какъ же?

— Ты здѣсь меня жди,

И ушелъ—только снѣгъ поскрипѣлъ за воротами. Женихъ идетъ весь отъ инея бѣлый, а впереди него кузнецы молотками пробуютъ, крѣпколи закована земля, не сломала-ли рѣка ледъ, по деревьямъ постукиваютъ, морозятъ зайцамъ уши.

Хочетъ женихъ кузнецовъ перегнать, а ихъ все больше, съ волчьими ушами, на костяныхъ ногахъ, зубами пощелкиваютъ; остудился женихъ, а степь бѣла кругомъ. И встало надъ нею солнце, красное и холодное.

Женихъ къ солнцу бѣжитъ, колпакомъ машетъ:

— Погоди, погоди, возьми меня съ собой въ зеленые луга.

Завизжали, застучали кузнецы молоточками, потемнѣла степь, завылъ мертвый лѣсъ, а соломенный женихъ спотыкаясь, упалъ и не помнитъ, что дальше было.

Пораскинула Василиса, какъ одна осталась, бабьимъ своимъ умомъ и побѣжала къ старому овиннику. А, чтобы не сердился, сунула подъ носъ ему пирогъ съ творогомъ и говоритъ:

— Женихъ отъ меня убѣжалъ, должно-быть замерзъ: очень его жалко.

— Ничего,—отвѣчаетъ ей овинникъ,— женихъ твой въ озимое пошелъ.

— А я-то какъ же?

Съѣлъ пирогъ старый овинникъ, подумалъ и поскребъ себя лапой.

— Найдешь ты жениха въ чистомъ полѣ, лягъ съ нимъ рядомъ и гляди въ него, а что дальше будетъ—сама увидишь.

Пошла Василиса въ пустое поле, видитъ большой сугробъ, разрыла его своими руками, лежитъ подъ снѣгомъ желанный женихъ.

Упала на него Василиса, моетъ лицо слезами, а женихъ не шевелится.

Тогда легла Василиса рядомъ и стала глядѣть въ зимнее небо.

Снѣгъ дѣвушку порошитъ, кузнецовъ молотки сердце колютъ, обручи набиваютъ на тѣло; и говоритъ Василиса:

— Желанный мой женихъ;—и глаза у нея все голубѣе.. И чудится ей — синѣетъ небо и изъ самой его глубины летитъ къ землѣ, раскаляясь, близится молодое, снова рожденное солнце.

Заухали снѣга, загудѣли овраги, ручьи побѣжали, обнажая черную землю, надъ буграми поднялись жаворонки, засвистали сѣрые скворцы, грачъ пришелъ важной походкой, и соломенный женихъ открылъ золотые глаза и привсталъ.

Проходили мимо добрые люди:

— Смотри, какъ рожь всколосилась, а съ ней переплелись васильки цвѣты...

Душисто...

Ал. Н. Толстой.

Сѣдокъ.

(Монологъ).

У театра стоитъ рядъ извозчиковъ въ ожиданіи окончанія представленія. Одни дремлютъ, согнувшись на козлахъ, другіе погружены въ думы и мечты, третьи обмѣниваются острыми словечками или ведутъ между собой бесѣды. Одинъ изъ послѣднихъ разсказываетъ что-то своему товарищу, который слушаетъ его такъ же покорно и безстрастно, какъ ему приходится выносить въ дни ненастья падающіе на него хлопья снѣга или струи осенняго дождя...

— Вотъ-то мнѣ въ третьемъ годѣ сѣдокъ попался... Ну, сѣдокъ... Взялъ я его съ Владимірской около заведенія, гдѣ господа забавляются... Много туда господъ ходитъ. Не знаю, чего тамъ дѣлаютъ: либо кушаютъ, либо въ карты играютъ, слышь, на кіятрѣ представляютъ. Въ Эртелевъ переулокъ спросилъ. Вижу, баринъ настоящій, не понимающій.

— Тридцать копеечекъ, я ему говорю. Енъ

ничего. Идетъ дальше. Я за имъ. Гляжу — будто другого нанимать хочетъ.

— Четвертачекъ положьте, баринъ...

— Двугривенный хошь?

— Которо мѣсто? Спрашиваю.

— Отъ Тальянской туточка рукой, говоритъ, подать.

— Оченно я знаю ефто мѣсто. Туды тоже много господъ ходитъ, а господа все важные, такъ тебѣ полтинами и валяютъ.

Ладно, думаю, поѣду за двугривенный, оттелева я ужъ безпремѣнно важнаго себѣ сѣдока подцѣплю, полтиничнаго.

— Пожалуйте, говорю, за двугривенный.

Сѣлъ.

— Вези ты меня спервоначалу вонъ къ энтому дому черезъ улицу. Мнѣ покупку отселева, говоритъ, только захватить.

Хоша я и не рядился заворачивать, да ничто. Ладно, думаю, опосля пріѣхамши прибавочку попрошу. На народѣ то упираться стыдно станетъ — и дастъ. Я, вишь, поворачиваю, хочу рельсы переѣзжать, а енъ, сѣдокъ-отъ, толкаетъ мнѣ въ спину и говоритъ:

— Слышь, погоди, дай конкѣ проѣхать.

Чего, думаю, конку-то ждать. Наплевать мнѣ на конку. Всѣхъ ихъ проклятыхъ не переждешь.

— Ни-ча, перелетимъ, я ему говорю.

И въ самомъ дѣлѣ, чаго ее, конку самую, ждать. Здѣсь они распроклятыя кажинную минуту скачутъ. Тутъ коли ихъ обжидать, цѣльный день простоишь.

Я хлестнулъ лошадь, а онъ кричитъ:

— Стой...

Чаго стоять-то... Я ее хлещу, лошадь-то, чтобы тоись рельсы переѣхать, а енъ вопитъ — такой, сякой... Ругается... И чаго ругается. Ни за что, прямь. Я ее хлещу, а енъ ругается и вопитъ: „Стой, стой"... Мы переѣхать — переѣхали-бъ безпремѣнно, анъ — глядь — конка тутъ налети. Оглоблей сѣдоку въ спину толкнуло и сани переку-

вырнуло. Меня выбросило въ сугробъ, рыломъ въ снѣгъ. Всталъ я ничего, цѣлъ, только колѣни объ сани малость расшибъ. А енъ, вижу, лежитъ тоже рыломъ, только на рельсахъ. Подняли его, сѣдока-то... Морда у него блѣдная, по ей кровь текетъ, а самъ съ перепугу закрымши глаза въ омморокѣ. Народу налетѣло, околодочный прибѣгъ, все порядкомъ Тутъ енъ какъ разъ очнулся и кричитъ: „стой, стой"...

— И чаго кричать „стой", и то стоимъ, говорю...

Околодочный ну меня разспрашивать: что, да какъ. И чаго спрашивать, коли и такъ видно... Налетѣла конка и сани опрокинула...

— Что было, отвѣчай, спрашиваетъ.

— Да что было? Ничего не было, я говорю. Взялъ-то я его у того заведенія, гдѣ господа забавляются, и нарядился его въ Ертелевъ везти, а енъ мнѣ и говоритъ:

— Ты меня, сердешный, спервоначалу тута завези, вонъ къ ентому дому, насупротивъ, покупку, говоритъ, мнѣ захватить. Я нарядился; завернулъ, уважить его хотѣлъ, а конка, вишь, и наскочила, говорю...

Тутъ енъ вступился. Трясется весь.

— Не такъ, говоритъ, было.. Вретъ... Я ему кричу: „Стой... Стой"...

Помилуйте, господинъ околодочный, я сказываю, сами видите: тута коли стоять передъ всѣми конками-то, за таку стоянку и двухъ цѣлковыхъ мало, не то, что двугривенный. А околодочный..

— Молчи, говоритъ, не разговаривай... Я те постою...

Самъ спрашиваетъ, а самъ—„не разговаривай"... Чудной, право, чудной ..

Въ участкѣ, говоритъ, я те постою...

Сѣдока моего на другомъ, значитъ, извозчикѣ домой отвезли Мнѣ ни черта не заплатилъ; а меня отправили въ участокъ.

Тутъ самъ приставъ.

— Что, спрашиваетъ, было?

— Да ничего, говорю, ваше высокородіе, не было. Взялъ я его съ Володимірской у заведенія, гдѣ господа забавляются. Не знаю, чего дѣлаютъ: либо играютъ, либо что... Зачалъ я только разсказывать, а онъ мнѣ:

— Молчи, говоритъ, ты дѣло скажи...

Я и молчу. Онъ кричитъ: „Дѣло говори", а я молчу. Не знаю, како еще дѣло ему сказывать. Вижу, больно разсердился, я и говорю:

— Ваше высокородіе, ничего не было, окромя что нанялъ онъ меня за двугривенный съ Володимірской у заведенія, гдѣ ..

Не далъ мнѣ договорить... Взялъ со стола бумагу каку-то: что-то скоро на ей написалъ:

— Вотъ, говоритъ, протокола, грамотный? спрашиваетъ...

— Точно такъ, говорю, малость грамотенъ.

— Подпишись вотъ тута, сказываетъ.

Подписался я: Данило Гурьяновъ. За эту самую протоколу меня опосля мировой судья на пять денъ въ участокъ засадилъ и шесть цѣлковыхъ штрафу взялъ, а хозяинъ три раза морду поколотилъ... Тоже спрашиваетъ: „что было?" Я ему и говорю:

— Ничего, значитъ, не было... Взялъ-то я его съ Володимірской везти за двугривенный въ Ертелевъ, а окромя этого ничего не было...

Какъ осерчаетъ самъ-то, нашъ хозяинъ...

— Какъ, говоритъ, сякой-такой... Какъ не было... А сани поломанныя, а сбруя разорванная, а лошадь искалѣченная... И какъ дастъ мнѣ въ зубы разъ, другой, третій...

Вотъ какой сѣдокъ мнѣ попался..

Ужъ и сѣдокъ, прости Господи...

И. Гриневская.

Неудачная мысль.

Супруги за столомъ сидѣли послѣ чая,
Жена была работой занята,
А мужъ за книгою, внимательно читая:
„О страхованіи рогатаго скота".
— Ты знаешь, милочка, что я задумалъ вдругъ,
Читая о скотѣ рогатомъ?
Воскликнулъ весело супругъ:
Пора уже давно заняться нашимъ братомъ
И общество такое-бы создать,
Чтобъ отъ „роговъ" мужей всѣхъ страховать.
Мужья навѣрно, послѣ свадьбы,
Себя спѣшили страховать-бы
И каждый дорого платить-бы былъ готовъ
Въ надеждѣ избѣжать роговъ!
— Какую, милый другъ, занесъ ты ахинею,
Жена промолвила:—напрасенъ будетъ трудъ:
Вамъ жены никогда согласья не дадутъ
На эту глупую затѣю,
За нами бдительность какъ ни была-бъ строга,
Но мы, повѣрь, всегда найдемъ уловку,
И будете носить, какъ прежде, вы рога,
Да и платить еще, вдобавокъ, за страховку.

Стружкинъ.

Свободный человѣкъ.

Изъ А. Г. Гофмана-Фаллерслебена.

Свободный человѣкъ! Божественныхъ идей
Исполненъ ты, душой великою своей
Ты можешь черпать все изъ самыхъ нѣдръ творенья

И твой могучій взоръ безъ страха и смущенья
Встрѣчаетъ грозный ликъ любого божества. —
Но, ахъ! безъ паспорта способенъ ты едва,
Свободный человѣкъ, съ послѣднимъ псомъ сравняться,
И врядъ ли онъ съ тобой захочетъ помѣняться.

Свободный человѣкъ! Ты щедро надѣленъ
Дарами высшими, такъ дивно сотворенъ,
Что можешь видѣть все и трогать все руками,
И услаждать себя житейскими дарами,
И жить въ довольствіи блаженномъ цѣлый вѣкъ.
Но, ахъ! безъ золота, свободный человѣкъ,
На что годишься ты? Безъ полнаго кармана,
Сознайся, ниже ты послѣдняго барана.

Свободный человѣкъ! Безъ шапки мѣховой
Не выходи гулять, чтобъ боли головной
И флюса не нажить. Въ тебѣ живетъ свобода —
Но нынче на дворѣ прескверная погода;
Ты чудный образецъ могучей красоты —
Но безъ калошъ какъ разъ промочишь ноги ты.
Ахъ, паспортъ, золото и климатъ превосходный —
Три штуки важныя, о, человѣкъ свободный!

П. И. Вейнбергъ.

Истинная дружба.

Неправда, господа, что дружества въ нашъ вѣкъ
Не видитъ вкругъ себя хорошій человѣкъ,—
Онъ въ дружбу никогда не потеряетъ вѣры.
Встрѣчая иногда прекрасные примѣры,
Одинъ такой примѣръ я приведу для васъ.
По темной улицѣ, недавно, шли два друга,
Упившись до зѣла въ пріятный часъ досуга.

Кой-гдѣ еще мерцалъ, мигая, желтый газъ.
Ихъ грѣшныя тѣла нуждалися въ опорѣ,
Пріятели жъ брели при общемъ дружномъ спорѣ
Но вотъ, одинъ изъ нихъ, съ случайностью мирясь,
За тумбу зацѣпилъ, да и свалился въ грязь...
— „Другъ, подними меня!“ сказалъ онъ съ мутнымъ взглядомъ,
„Не опасайся ты запачкать грязью рукъ...“
— Поднять... я не... могу... отвѣтилъ добрый другъ:
Но съ удовольствіемъ съ тобой прилягу рядомъ!..

Старый Воробей

В. В. Лужскій.

Кому я хочу и не хочу нравиться.

Изъ Г. Е. Лессинга.

Старикамъ, давно отжившимъ,
Съ тайнымъ холодомъ въ крови
И почти уже забывшимъ
О винѣ и о любви;
Дамамъ въ возрастѣ, когда имъ
Измѣняетъ красота,
И легко мы угадаемъ
По морщинамъ ихъ лѣта;
Стихотворцамъ, не поющимъ
Стансовъ въ честь любви, вина;
Дѣвамъ, воли не дающимъ
Страсти, коль придетъ она;

Мудрецамъ, что бредни любятъ,
На химеры время губятъ;
Моралистамъ,—ихъ не счесть,—
У которыхъ смѣлость есть
Поносить Мольера смѣло:
Онъ писалъ, дескать, не дѣло!
Тѣмъ купцамъ, къ которымъ льнетъ,
Ради денегъ ихъ, народъ;
Фарисеямъ, у которыхъ
Добродѣтель въ разговорахъ
Не сладка и не вкусна,
Какъ порой бокалъ вина,
Какъ любовь иль какъ лобзанье
Въ часъ условнаго свиданья;
Франтамъ лысымъ и сѣдымъ,
Лишь по платью молодымъ,
И пустымъ, какъ тѣ красотки,
Близъ которыхъ, какъ трещотки,
Безъ умолку, невпопадъ,
День и ночь они трещатъ;
Разнымъ воинамъ хвастливымъ,
Не бывавшимъ на войнѣ;
Литераторамъ кичливымъ;
Мрачнымъ юношамъ, вполнѣ
Умудреннымъ не по лѣтамъ;
Недовольнымъ цѣльнымъ свѣтомъ
Желчнымъ людямъ; всѣмъ льстецамъ
И отъявленнымъ глупцамъ,
Словомъ, всевозможнымъ *истамъ*:
Напримѣръ, всѣмъ піэтистамъ,
Атеистамъ и юристамъ,
Шовинистамъ и папистамъ,
Всякимъ опернымъ артистамъ,
Квіетистамъ и софистамъ,
Публицистамъ и статистамъ,
Піанистамъ и стилистамъ,
И прославленнымъ лингвистамъ...
Нѣтъ, ей-Богу, духъ замретъ,
Коль сводить глупцамъ всѣмъ счетъ,—
Словомъ, всѣмъ, кто отравляетъ
Жизнь мою, ко мнѣ питаетъ

Зависть лишь,—и здѣсь, и тамъ
Дураковъ подобныхъ чуя,
Не хочу я, не хочу я
Этимъ нравиться глупцамъ.

* *
*

Старикамъ, за винной чашей
Молодѣющимъ опять
И отъ молодости нашей
Не желающихъ отстать;
Многимъ женщинамъ, въ расцвѣтѣ
Ихъ ума и красоты,
Воплощающихъ на свѣтѣ
Наши лучшія мечты;
Вдовамъ юнымъ и цвѣтущимъ,
Вдовій трауръ свой клянущимъ
И готовымъ, такъ иль сякъ,
Вновь вступить въ законный бракъ;
Тѣмъ поэтамъ, что съ похмѣлья
Ищутъ женщинъ да веселья,
Пьютъ, поютъ, шумятъ, острятъ
И врагамъ своимъ не мстятъ,
Не чуждаясь наслажденій,
Признаютъ Мильтона геній;
Тѣмъ поэтамъ, что, смѣясь
И на шутки не скупясь,
Посвящаютъ дѣвъ въ науку
Прогонять любовью скуку,
Тѣмъ поэтамъ, что подъ-часъ
Мнѣ не въ бровь, а прямо въ глазъ
Острой шуткой попадали
И мой промахъ исправляли;
Краснобаямъ, что мѣнять
Могутъ видъ разъ двадцать пять,
До возможнаго проворства
Доведя свое притворство:
То внушаютъ намъ добро,
То за зло стоятъ хитро,
То кичатся властью лживой,
То брюзжатъ, какъ мужъ ревнивый;
Музыкантамъ, что порой

Развлекаютъ насъ игрой,
Полной слезъ, любви, мученья
И живого вдохновенья;
Властелинамъ, злобы чуждымъ;
Богачамъ, къ народнымъ нуждамъ
Чуткимъ; храбрымъ воякамъ,
Безпечальнымъ бѣднякамъ,
Всѣмъ плѣнительнымъ дѣвицамъ,
Смуглолицымъ, бѣлолицымъ,
Рѣзвымъ очень или томнымъ,
Развеселымъ или скромнымъ,
Всѣмъ мѣщанкамъ молодицамъ,
Иль купеческимъ дѣвицамъ,
Иль крестьянкамъ-мастерицамъ,
Иль поповнамъ, или бѣлицамъ, —
Все равно, лишь бы онѣ
Были милы только мнѣ,
Цѣловать и пѣть умѣли —
Вотъ кому на самомъ дѣлѣ
Я лишь нравиться хочу
И объ этомъ хлопочу.

Н. Н.

Парнассъ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ
И по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали,
Кому-то и Парнассъ тогда отмежевали;
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъословъ.
Ослы, не знаю, какъ-то, знали,
Что прежде музы тутъ живали,
И говорятъ: „не даромъ насъ
Пригнали на Парнассъ:
Знать, музы свѣту надоѣли,
И хочетъ онъ, чтобы мы здѣсь пѣли".

— „Смотрите же“,—кричитъ одинъ: — „не унывай!
Я зятяну, а вы не отставай!
Друзья, робѣть не надо!
Прославимъ наше стадо,
И громче девяти сестеръ
Подымемъ музыку, и свой составимъ хоръ!
А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнассъ“.
Одобрили ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занесъ,
Какъ будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазанныхъ колесъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ, потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнасса въ хлѣвъ.

Мнѣ хочется—невѣждамъ не во гнѣвъ —
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

И. А. Крыловъ.

Станъ и голосъ.

Хорошій станъ, чѣмъ голосъ звучный,
Имѣть пріятнѣй во сто кратъ.
Вамъ это пояснить я басней радъ.

Какой-то становой, собой довольно тучный,
Надѣвши войлочный халатъ,
Присѣлъ къ открытому окошку

И молча началъ гладить кошку.
Вдругъ голосъ горлицы внезапно услыхалъ...
— „Ахъ если бъ голосомъ твоимъ я обладалъ“, —
Такъ молвилъ приставъ:—„я бъ у тещи
Пріятно пѣлъ въ тѣнистой рощѣ,
И сродниковъ своихъ плѣнялъ и услаждалъ!“
А горлица на то головкой покачала,
И становому такъ, воркуя, отвѣчала:
— А я твоей завидую судьбѣ:
Мнѣ голосъ данъ, а станъ тебѣ!

Козьма Прутковъ.

Влюбленные.

Влюбленные блаженны безконечно,
Ихъ не страшитъ грядущая гроза;
Влюбленные другъ другу смотрятъ вѣчно
Въ глаза.

Волнуетъ ихъ такое созерцанье,
„Огнемъ любви“ влюбленные полны;
Но мило имъ „холодное“ сіянье
Луны...

Брезгливость имъ, какъ будто, неизвѣстна:
Въ медовые считаютъ долгомъ дни
Изъ одного стакана пить совмѣстно
Они.

Влюбленныхъ вкусъ вполнѣ своеобразный.
Когда обѣдъ имъ порознь подадутъ,
За честь они взять ножикъ друга грязный
Почтутъ.

Въ ихъ головѣ туманъ какой-то бродитъ
И въ чувствахъ всѣхъ замѣтенъ ералашъ:

Порой у нихъ за чудный замокъ сходитъ
Шалашъ.

Влюбленные щебечутъ и болтаютъ,
Но разговоръ ужасно безтолковъ,
Или тайкомъ другъ передъ дружкой таютъ
Безъ словъ..

Блаженству ихъ не вѣрить даже странно;
Всѣ божьи дни влюбленнымъ хороши.
Къ чему-жъ они вздыхаютъ постоянно
Въ тиши?

Я сознаюсь: любить, друзья, прекрасно,
Любовь пришла—всѣ скорби не страшны:
Но все-таки влюбленные ужасно
Смѣшны.

Н. К. Никифоровъ.

Въ гостяхъ.

Холостой стаканчикъ чаю
(Хоть бы капля коньяку),
На стѣнѣ босой Толстой.
Добросовѣстно скучаю
И зеленую тоску
Заѣдаю колбасой.

Адвокатъ ведетъ съ коллегой
Спеціальный разговоръ.
Разорвись—а не поймешь!
А хозяйка съ томной нѣгой
Устремивъ на лампу взоръ,
Поправляетъ бюстъ и брошь.

„Прочитали Метерлинка?“
— Да. Спасибо, прочиталъ...
„О, какая красота!“
И хозяйкина ботинка
Взволновалась, словно въ шквалъ,
Лжетъ ботинка, лгутъ уста...

У рояля дочь въ реформѣ,
Взявъ разсѣянно аккордъ,
Стилизованно молчитъ.
Старичекъ въ военной формѣ
Прежде всѣхъ побилъ рекордъ —
За экранъ залѣзъ и спитъ.

Толстый докторъ по ошибкѣ
Жметъ мнѣ ногу подъ столомъ.
Я страдаю и терплю.
Инженеръ зудитъ на скрипкѣ.
Примирясь и съ этимъ зломъ,
Я и бодрствую, и сплю

Что бы вслухъ сказать такое?
Ну-ка, опытъ выручай!
„Попрошу... еще стаканъ“...
Ѣмъ вчерашнее жаркое,
Кротко пью холодный чай
И молчу, какъ истуканъ.

Саша Черный.

По свадебному дѣлу.

Въ камерѣ мирового судьи разбирается дѣло о невыполненіи договора поставки на свадебный ужинъ. Допросъ свидѣтелей въ разгарѣ.

— Такъ вы говорите, что кушанья до васъ не доходили?

— Не доходили!.. то есть доходили, но не въ своемъ видѣ.

— Какъ же это не въ своемъ?

— А также... По запискѣ куропатки о туръ де ля модъ и цыплята маренго обозначены, а подавали, извините за выраженіе, старую курицу и ту въ неприличномъ положеніи?

— Въ какомъ же это неприличномъ?

— Духъ отъ нихъ нехорошій.

— Виноватъ-съ! Позвольте теперича, какъ спеціалистъ этого рода и потерпѣвшій экспертъ отъ оскорбленнаго хозяина...

— Я васъ не спрашиваю.

— А я, господинъ мировой судья, настаиваю на допросѣ именно этого свидѣтеля, онъ, какъ поваръ нашего кухмистерскаго заведенія, можетъ знать, чѣмъ должны пахнуть цыплята маренго..

— Хорошо. Извольте.

— Когда, господинъ мировой судья, вы дозволили мнѣ на всю ихъ завѣдомую клятву оттяжку сдѣлать, то я вамъ всю ихъ пассировку достаточно открою. Когда господинъ Наполеонъ черезъ пребываніе въ Россіи свѣжихъ запасовъ не имѣли...

— Виноватъ, при чемъ же тутъ Наполеонъ...

— Когда Наполеонъ запасовъ свѣжихъ не имѣли, то поваръ ихній взяли изъ залежалаго, всякими спеціями цыплята эти сдобрили, томаты въ собственномъ соку припустили, и въ такомъ видѣ подали. Какъ же я... если я уважающій себя поваръ, можно сказать съ исторической перспективой, могу такое невѣжество дозволить, чтобы цыплята маренго изъ свѣжаго товару сдѣлать...

— Ты, изъ какого хочешь товару, дѣлай, а на нашемъ столѣ и курицы не было...

— Не было... Такъ что-жъ изъ этого. По словесному контракту я на сорокъ человѣкъ обязанъ былъ ужинъ приготовить, а ихъ человѣкъ полтораста .. понаѣхало. Я говорю—какъ же это возможно: ужинъ на сорокъ человѣкъ приготовленъ, а ихъ полтораста... А они отвѣчаютъ—мы, говоритъ, дѣ-

тей и дальнихъ родственниковъ за людей не считаемъ..

— Какъ же это не считаете, когда черезъ меня, можетъ и свадьбу то справили. Да кабы не я, такъ ваша бы Машенька въ ея невозможной физіономіей...

— Вы мою Машеньку не трогайте... у васъ хоть и Дашенька, а тоже рожа такая...

— Какъ рожа...

— Господа, будьте добры не говорите всѣ сразу...

— Вы жалуетесь, что шампанское было не настоящее, изъ чего же вы это заключаете.

— Да какое же оно настоящее, если отъ него даже горло не деретъ!

— Господинъ мировой судья! Господинъ...

Вамъ что угодно?

— Меня ударили...

— Кто ударилъ?

— А тотъ самый господинъ, которому я по вдохновенному состоянію въ физіономію заѣхалъ...

— Позвольте, значитъ, вы тоже били...

Нѣтъ-съ, я не билъ. Развѣ такъ бьютъ.. А ударить—ударилъ...

— Виноватъ, господинъ Нетупыркинъ.

— Да я не господинъ Нетупыркинъ. Они, можно сказать, съ самаго дня свадьбы пьютъ. Третью недѣлю кричитъ—„горько!"—и такія безобразія въ своемъ домѣ воспроизводятъ...

— Зачѣмъ же вы раньше на фамилію Нетупыркина откликались...

— Съ ихъ полнаго взаимнаго согласія, за полною невозможностью явиться... А я этому дѣлу непричастенъ и на свадьбу по нечаянности изъ сосѣдняго зала попалъ и между прочимъ очень несходствію жениха и невѣсты удивлялся и за подмѣнъ новобрачныхъ удовлетворенія требовалъ.. За это меня и били.

Дѣло за неявкой важнаго свидѣтеля Нетупыркина откладывается.

В. Сладкопѣвцевъ.

Грамотка.

Дарья молодка отъ радости плачетъ:
Есть письмецо къ ней,—изъ Питера, значитъ.
Стало быть, мужъ посылаетъ поклонъ.
Скоро ли самъ-то воротится онъ?
Незачѣмъ медлить въ холодной столицѣ,
Время вернуться къ женѣ-молодицѣ,
Платьемъ-обновкой утѣшить ее...
Славное будетъ въ деревнѣ житье!
Сбѣгала Дарья къ дьячку Еремѣю,
Проситъ его:—„Я читать не умѣю.
Ты прочитай мнѣ, хоть ради Христа!
Дамъ я за то новины и холста".
Горло прочистивъ забористымъ квасомъ,
Началъ читать онъ октавою-басомъ,
Свистнулъ отчаянно, въ носъ промычалъ,
И бородою, съ тоской, покачалъ.
„Дарья голубушка! Вѣсти о мужѣ...
Жаль мнѣ тебя, горемычная, вчуже!
Слезъ понапрасну ручьями не лей...
Умеръ въ больницѣ твой мужъ Пантелей."
Грохнулась о земь со стономъ бабенка.
— „Какъ воспитаю безъ мужа ребенка?
Я вѣдь на сносяхъ"!—„Сіе вижу самъ.
Значитъ, угодно сіе небесамъ;
Значитъ, сіе испытаніе свыше.
Ты причитай, ради чада, потише!
Главное дѣло, терпѣнье имѣй!
(Молвилъ любовно дьячокъ Еремѣй).
Слушай, что пишутъ тебѣ изъ артели:
„Васъ письмецомъ извѣстить мы хотѣли,
Что уже давненько, Великимъ постомъ,
Умеръ супругъ вашъ, и спитъ подъ крестомъ.
Плохи у насъ, у рабочихъ, квартеры:
Гибнемъ, какъ мухи, отъ тифа, холеры.
Всякихъ недуговъ нельзя перечесть,
Сколько ихъ – дьяволовъ – въ Питерѣ есть!
Тифъ и спалилъ, какъ огонь, Пантелея.

Грѣшную душеньку слезно жалѣя,
Мы пригласили попа. Причастилъ,
Добрый такой: всѣ грѣхи отпустилъ.
Гробъ мы устроили цѣлой артелью;
Вырить могилу велѣли Савелью;
Дядя Гаврило и дядя Орестъ
Сдѣлали живо березовый крестъ.
Сенька (онъ грамотенъ больно, разбойникъ!)
Надпись наляпалъ:—„Спи, добрый покойникъ!"
Баринъ ее, эту надпись, читалъ,
Въ стеклышко щурясь, и вдругъ засвисталъ.
— „Что ты свистишь?"—обозлился Ананій
— „Знаковъ не вижу"... — „Какихъ" — „Препинаній!"
Добрые люди, чтобъ намъ удружить,
Знаки на мертвыхъ хотятъ наложить.
Знаковъ наложено слишкомъ-довольно!..
Тутъ, умилясь, по душѣ, сердобольно
Выпили мы на поминкахъ..."
...За симъ
Слѣдуетъ подпись: „Артельщикъ Максимъ"

* *
*

Дальше нѣтъ рѣчи о Дарьиномъ горѣ,
Дальше поклоны: невѣсткѣ Ѳедорѣ,
Бабкѣ Оринѣ и братцу Ѳомѣ,
Теткѣ Матренѣ и Феклѣ кумѣ.

Л. Н. Трефолевъ.

На балъ.

Три дня просилась Маша:
„Пусти меня на балъ!"
Два дня ворчалъ папаша,

Ворчалъ и не пускалъ.
Но Маша и мамаша
Заладили: „Пойдемъ“!
На третій день папаша
Полѣзъ за кошелькомъ.
Вотъ нанята портниха...
Купили кисею
И приступили лихо
Къ примѣркамъ и шитью.
Весь день съ портнихой стычки,
А Маша слезы льетъ—
Портниха по привычкѣ
Обузила передъ.
Все платье распороли,
Портниху изругавъ,
Но въ проймѣ сталъ до боли
Внезапно жать рукавъ.
Потомъ бока морщили,
Корсажъ наверхъ полѣзъ...
Разъ десятъ перешили
И кончили въ обрѣзъ.
За полчаса до бала
Поставили утюгъ,
Портниха гладить стала,
Задумалась—и вдругъ
На самомъ видномъ мѣстѣ
Спалила кисею.
Мамаша съ Машей вмѣстѣ
Загрызли-бы швею,
Да помѣшалъ папаша.
Пришлось перешивать,
Въ слезахъ упала Маша
На нянину кровать.
Но вотъ пошли. Ненила
Китайскимъ фонаремъ
Имъ впереди свѣтила,
А сверху ихъ мочило
Безвыходно дождемъ...
Скользя по мокрымъ доскамъ,
Раздражена и зла,
Мамаша „недоноскомъ“

Папашу назвала.
Папаша, тоже хмурый
Вскипѣлъ—и самъ не свой—
Мамашу назвалъ „дурой“,
А Машу „пустельгой“.
У самаго собора
Въ сердцахъ попали въ грязь
У Маши очень скоро
Калоша залилась.
О, туфли бѣлой кожи!
Увы, сквозной чулокъ!
На что они похожи—
Весь блескъ и шикъ размокъ!
Мамаша завопила:
„Ахъ, Маша, ангелъ мой,
Ты ноги промочила!..“
И вѣрная Ненила
Свела всѣхъ трехъ домой.

Потемкинъ.

„Чародѣй соловей“.

Модернистская пародія.

. . . . . .

И когда чародѣй
Соловей
Средь вѣтвей
Такъ тоскливо и жалобно пѣлъ,
Я сидѣлъ
И краснѣлъ,
И блѣднѣлъ,
И весь млѣлъ,
И молчалъ,
И страдалъ,

И гадалъ,
И не зналъ:
Почему соловей средь зеленыхъ вѣтвей
Такъ печально и звонко рыдалъ...
Вдругъ подъ кустъ,
Что такъ густъ,
Кто-то тихо скользнулъ,
Словно тѣнь
Что сирень
Вкругъ бросала себя
Близъ меня
Промелькнулъ.

Это ты, милый другъ,
Не обманутъ мой слухъ!
Я не глухъ...
Я пѣтухъ ..
Я встрѣчаю зарю,
Я желаньемъ горю,
Я спѣшу въ этотъ кустъ,
Что такъ густъ
И внутри только пустъ.

О мой ангелъ свѣтлый!
Я стою предъ тобой
Въ этотъ радостный часъ.
Я сейчасъ...
Влѣзу въ кустъ
Что такъ густъ...
Тамъ, вдыхая сирень,
Мы залѣземъ подъ сѣнь
Въ непроглядную тѣнь
И лишь день
Насъ разлучитъ съ тобой
О, мой ангелъ святой.

И въ объятьяхъ тебя я сожму
И пойму,
Почему чародѣй
Соловей

Средь вѣтвей
Сладко пѣлъ...
Знать хотѣлъ,
Чтобы я,
Обнимая тебя,
Влѣзъ подъ кустъ...
Что такъ густъ.

Анда Ч.

Похороны по четыремъ разрядамъ.

Монологъ.

Если вы не знаете Петербурга, такъ я вамъ скажу, что это, извините за выраженье, удивительно замѣчательный городъ. — Тамъ все особенное!.. Все! Пріѣзжаете вы и выходите уже себѣ съ Николаевскаго вокзала. Хорошо! Во-первыхъ, вы сразу имѣете большой заборъ. Дальше вы себѣ видите, во-первыхъ, знаменитый Невскій проспектъ. Это тоже что-нибудь особенное съ одной стороны, съ другой — все магазины.. Одни стекла стоятъ, можетъ быть, тысячу, можетъ быть, полторы тысячи рублей. — Почемъ я знаю! Тамъ, можете себѣ представить, есть одно такое окно, какого, во-первыхъ, во всемъ свѣтѣ, можетъ быть, нѣтъ и еще, во-первыхъ, въ этомъ окнѣ все однѣ зубныя щетки... А? Это не то, что въ нашемъ городѣ. Вы знаете откуда я? Не знаете? Ну все равно — меня тамъ теперь нѣтъ, какъ вамъ дѣйствительно этоя нвсе равно. Да, замѣчательскій городъ! Эти зубны щетки я просто не могу забыть! Ни болѣе, ни менѣе! Вы спросите — почему я объ этомъ говорю — такъ я вамъ отвѣчу: почему мнѣ объ этомъ

не говорить? Этого впечатлѣнія я не могу выглаживать изъ своей головы, потому, что я помню какъ въ нашъ городъ пріѣхала одна извѣстная пѣвица.. Ну, какъ ее?.. Ахъ, ей-Богу... Ну, очень извѣстная, молодая такая .. Вы не знаете? Она поетъ еще въ Маріинской оперѣ... Уже лѣтъ тридцать пять поетъ, можетъ быть даже тридцать шесть... Вотъ фамилію все забываю... Я помню, она пріѣхала разъ въ нашъ городъ—тогда я былъ еще ребенкомъ и, конечно, она, во-первыхъ, хотѣла себѣ почистить зубы... Такъ можете себѣ представить—не могли ей щетку достать. Хорошій городъ! Что? Ну что значитъ не могли? Достали, но такую, что въ ротъ ей не влѣзала. Слѣдовательно почти все равно, что „не достали". Это я опять таки, говорю, чтобы обратить ваше вниманіе на то, что Петербургъ городъ особенный!.. Что? Почему я второй разъ говорю, что онъ особенный? А почему мнѣ не говорить? Что вы мнѣ можете запретить? Если меня напечатали въ программу, то что вы можете мнѣ сдѣлать, если я здѣсь съ дозволенія начальства?! Въ Петербургѣ все... особенно. Даже самыя обыкновенныя такія вещи, какъ напр. похороны... тутъ имѣютъ четыре разряда. Напрасно вы дѣлаете улыбчатое лицо - это вовсе не смѣшно... И потомъ, если вы хотите смѣяться, почему именно теперь? Кто на похоронахъ смѣется!!. Такъ я вамъ сейчасъ скажу, что это такое — четыре разряда.

Первый разрядъ — это можно всѣмъ пожелать и никто не откажется! Во-первыхъ, по первому разряду вы имѣете не погоду, а чистое солнце — не болѣе и не менѣе. Свѣтло, пріятно! Повозка бѣлая, лошади бѣлыя, лакеи бѣлые, покойникъ бѣл... Виноватъ, онъ всегда этотъ цвѣтъ имѣетъ! 6 лошадей тоже бѣлыхъ! Сзади кареты, кареты... до безконечности. А въ каретахъ одни генералы и министры. Погода, я уже сказалъ, по 1-му разряду— это что-нибудь особенное!

Второй разрядъ — это какъ будто бы похоже на первый разрядъ. То же, какъ будто, да не то!

Во-первыхъ, погода по второму разряду... это хотите знать, солнца ужъ нѣтъ. Дождика тоже нѣтъ, но уже немножко сыровато. И повозка бѣлая, и лакеи и 4 лошади бѣлые, но уже все это немножко потерто! Что дѣлать — второй разрядъ! Тоже есть и кареты, но, во-первыхъ, уже не до безконечности. Въ каретахъ тоже генералы и министры, но уже .. въ отставкѣ или уволенные по предѣльному возрасту.

Третій разрядъ—это уже совсѣмъ ничего особеннаго: во-первыхъ, погода... Можете себѣ сами вообразить, что это за погода?! Сверху что-то плюется, холодно. Уже все не бѣлое, а черное, каретъ ужъ нѣтъ... Т. е. что значитъ нѣтъ? есть двѣ, три кареты, такъ это уже не то, тутъ уже извозчики и много публики пѣшкомъ. И что за публика? Родные... не хочется даже говорить: актеры, писатели, студенты, можетъ быть одинъ генералъ и то случайно! Идутъ, разговариваютъ про поганую погоду, обижаются, что покойникъ заставилъ себя хоронить именно сегодня, что хорошо, что его еще разъ не будутъ хоронить, что онъ кому-то долженъ остался... Вообще подобные разговоры... Это все ничего, но *четвертый* разрядъ — это одинъ сплошной ужасъ, никому, даже злѣйшему врагу, не пожелаю четвертаго разряда!! Во-первыхъ, погода. Не погода, а лупитъ дождь, какъ изъ ведра. За гробомъ—никого! Полудохлая коняка еле можетъ везти. Но что самое удивительное, чего даже за границей нигдѣ нѣтъ... Можете себѣ вообразить? Покойникъ самъ сидитъ, правитъ и погоняетъ — это вамъ четвертый разрядъ!! А?

Ив. Лерскій.

То было...

Монологъ.

Боже!.. Боже!. Какъ это было недавно, а сейчасъ мнѣ кажется, что тому прошло болѣе недѣли...

Судьба!.. Не знаю, благодарить-ли мнѣ ее?.. Итакъ, судьба столкнула меня съ *ней*.

Мы должны были проѣхать въ одномъ экипажѣ три дня..

Стояла страшная стужа. Казалось, что самъ воздухъ окаменѣлъ. Мы ѣхали по открытой безконечной степи. Со всѣхъ сторонъ небо спускалось до самаго края земли. Вѣтеръ несся ураганомъ, поднимая съ земли сухіе листочки. Въ тѣни по Реомюру было около 38 градусовъ... Солнце висѣло надъ нами и посылало яркіе, ослѣпительные лучи...

Моя милая Катя нагнулась, широкія поля ея соломенной шляпы защищали ее отъ брызгъ солнечныхъ лучей. Вокругъ насъ витала цѣлая стая тонкихъ комаровъ. Катя опустила вуалетку и ближе прижалась ко мнѣ. Ей было страшно. Она всегда боялась темноты и спала съ ночникомъ.

Было тихо.. тихо...

Но вотъ раздался звонъ церковнаго колокола, призывающаго молящихся къ вечернѣ... Хотѣлось молиться... Я люблю, когда священникъ, снявъ ризу, выходитъ на амвонъ и тихо нараспѣвъ произноситъ: „заутра услыши гласъ мой“...

Около экипажа бѣжала ея любимая собачка Пси.

Она взяла мою руку и крѣпко сжала... Мы молчали...

Лошади, здоровыя низкорослыя витки, мягко, почти не слышно, ударяя копытами по пушистой

травѣ, неслись съ такою скоростью, что захватывало дыханіе.

Она выглянула въ окно...

Я стоялъ около нея, слегка обнявъ за талію и смотрѣлъ, какъ земля быстро уходила изъ подъ нашихъ ногъ.

— Я люблю тебя,—тихо шепталъ я *ей* на ухо.

И наши губы слились въ поцѣлуѣ. Это былъ первый поцѣлуй.

— Люблю... люблю...

Насъ никто не видалъ...

Но, если-бы вошелъ мужъ... мы бы пропали...

О, я хорошо знаю этого человѣка. Онъ не любилъ своей жены, но это было бы хуже, если-бы онъ ее любилъ... Онъ способенъ на самую жестокую месть...

Я помню, что когда, ровно годъ тому назадъ, онъ неожиданно вошелъ въ спальную и засталъ меня съ его женой, онъ хладнокровно отперъ ящикъ, вынулъ револьверъ и направилъ его на свою жену, въ упоръ прижавъ его къ ея груди... Мы застыли въ страхѣ...

Раздался оглушительный выстрѣлъ!..

Я до сихъ поръ не могу безъ ужаса вспомнить объ этой сценѣ...

Но, къ счастью, рана была легкая, и я скоро отъ нея оправился.

— Милый мой, тихо прошептала она, я смертельно хочу пить.

О, я безумный!.. Я такъ упивался любовью, что не догадался объ этомъ раньше.

Я нажалъ кнопку и тотчасъ вошелъ лакей съ бритымъ, какъ у ксендза, лицомъ. Я не могу видѣть этихъ наглыхъ лакеевъ, служащихъ при номерахъ. Они почтительно выслушиваютъ приказанія, а между тѣмъ по губамъ, хотя и скрытымъ подъ густыми усами, невольно прочтешь: „рюмка водки — пять копѣекъ".

— Шампанскаго, — произнесъ я твердымъ голосомъ.

Онъ ушелъ, тихо притворивъ за собой дверь.

Недалеко отъ насъ сидѣлъ какой-то подозрительный человѣкъ и дремалъ. Видимо, онъ былъ пьянъ и это портило настроеніе всего общества... Я все время слѣдилъ за парочкой. Онъ сильный брюнетъ съ громадной лысиной. Она блондинка. Они пили мадеру. Они о чемъ-то тихо разговаривали. Видимо, это была гувернантка его дѣтей...

Разливала она и я съ наслажденіемъ пилъ душистый кофе.

— Кушайте... кушайте, говорила хозяйка, съ очаровательной улыбкой.

А *она* сидѣла вдали и ѣла сладкіе пирожки.

Я вспомнилъ, что еще вчера мы сидѣли съ ней въ Московской гостиницѣ и ѣли уху...

Бѣдная... Гдѣ-то она теперь?..

Послѣ обѣда гости шумно поднялись съ своихъ мѣстъ и сѣли играть въ карты.

А я съ ней пошелъ въ садъ.

Печальная ночь окутала землю. Луна лѣниво выползла изъ-за громаднаго дома и, словно улыбаясь, смотрѣла на свой дискъ, преувеличенный озеромъ. Гребла она. Мы опять были одни.

Насталъ удобный моментъ объясниться ей въ любви, я хотѣлъ было даже сдѣлать предложеніе, но во время остановился, вспомнивъ разсказъ Толстого.

— Буду-ли я съ ней счастливъ?—задавалъ я себѣ вопросъ,—не любитъ-ли она того гусара, съ которымъ сейчасъ уѣхала кататься верхомъ?

Мы молча плыли по озеру. Горы... горы.. Бирюзовое небо, глянцевитое отъ яркихъ лучей солнца. Гдѣ-то куковала кукушка... Но вотъ пролетѣла стая дикихъ журавлей. Я прицѣлился... И черезъ минуту собака притащила намъ птицу...

Рѣзкій свистокъ вывелъ насъ изъ забытья. Пароходъ ловко приталъ къ пристани. Тотчасъ толпа рабочихъ бросилась за багажомъ. Гдѣ-то вдали пѣлъ итальянецъ, ловко аккомпанируя себѣ на роялѣ...

Насъ ждала коляска. Мы первымъ долгомъ заѣхали въ магазинъ купить мебель для нашего гнѣздышка. Ей очень понравилась столовая... Она была нѣсколько массивна и .. дорога, но мнѣ было все равно. Я приказчику сказалъ рѣшительнымъ голосомъ, стараясь не выдать своего волненія:

— Хорошо, заверните...

И вышелъ изъ магазина, захвативъ съ собой покупку.

Она меня ждала дома. Встрѣтила съ корзиной живыхъ цвѣтовъ...

Я люблю цвѣты... Я люблю ту минуту, когда они живы. Но какъ печальны они, когда склоняютъ головки и вянутъ! Какъ грустно становится, теряя ихъ!

И она лежала блѣдная и большими глазами смотрѣла на меня, какъ-бы спрашивая:

— Я скоро умру?..

Я зналъ, что скоро... Я не могъ выдержать... Я упалъ головой на холодный мраморъ, на могильную плиту и горячія слезы неудержимо потекли изъ моихъ глазъ.

— Чувствуетъ-ли она, что я такъ горюю о ея судьбѣ?..

Я не слыхалъ, какъ вошла горничная и сказазала мнѣ:

— Баринъ, кушать подано.

До ѣды ли было мнѣ?..

Вечеромъ я перечитывалъ ея письма, какъ вдругъ получаю телеграмму изъ Орла...

„Не жди. Твоя..."

— Боже .. Боже!.. такъ вотъ что все это значитъ?.. Она бросила меня... Зачѣмъ было дарить мнѣ цвѣты и увлекать меня?.. Она бросила меня...

Что мнѣ оставалось дѣлать?

Я снялъ со стѣны шпагу, подаренную мнѣ въ наслѣдство моей любимой бабушкой, вложилъ конецъ въ ротъ и... нажалъ курокъ...

Былъ докторъ... Онъ долго выслушивалъ меня.. Прописалъ рецептъ...

Когда онъ ушелъ, я тихо прокрался къ запискѣ, оставленной имъ, и съ испугомъ прочелъ.

На запискѣ крупными буквами было написано: „Прошу въ моей смерти никого не винить"...

Левъ Урванцовъ.

Женская непослѣдовательность.

Ночь баюкаетъ прохладой.
Крэсси смотритъ на луну.
За оградой, серенадой
Кто-то будитъ тишину.
Въ томномъ звукѣ—бездна муки,
Струны шепчутся, скорбя...
Стиснувъ маленькія руки,
Крэсси вся ушла въ себя.
У балкона баритона
Третій вечеръ ждетъ она.
Третій вечеръ съ небосклона
Въ волны смотрится луна...
Время—къ часу. На террасу,
Эспаньолку теребя,
Входитъ нѣкто.—„Боже, Basso!"
Крэсси—вышла изъ себя:
„О, Мадонна, неуклонно
Я упрашивала васъ
Ниспослать мнѣ баритона,
А пришелъ вотъ этотъ... басъ!
Что-жъ? Прекрасно! Я согласна:
Подчинюсь во всемъ судьбѣ".
Не теряя словъ напрасно,
Вмѣстѣ, съ „нимъ" ушла къ себѣ.

Вл. Воиновъ.

Культурная работа.

Утро. Мутныя стекла, какъ бѣльма,
Самоваръ на столѣ замолчалъ.
Прочелъ о визитахъ Вильгельма
И сразу смертельно усталъ.

Шагалъ отъ дверей до окошка,
Барабанилъ маршъ по стеклу,
И слѣдилъ, какъ хозяйская кошка
Ловила свой хвостъ на полу.

Свисталъ. Разсматривалъ тупо
Комодъ, „Островъ мертвыхъ", кровать.
Это было и скучно и глупо —
И опять начиналъ я шагать.

Взялъ Маркса. Поставилъ на полку,
Взялъ Гете—и тоже назадъ.
Зѣвая, подглядывалъ въ щелку,
Какъ сосѣдка пила шоколадъ.

Напялилъ пиджакъ и пальтишко
И вышелъ. Думалъ, курилъ..
При мнѣ какой-то мальчишка
На мосту подъ трамвай угодилъ.

Сбѣжались. Я тоже сбѣжался.
Кричали. Я тоже кричалъ,
Махалъ рукой, возмущался
И карточку приставу далъ.

Пошелъ на выставку. Злился,
Ругалъ бездарность и ложь.
Обѣдалъ. Со скуки напился
И качался, какъ спѣлая рожь.

Поплелся къ пріятелю въ гости,
Говорилъ о холерѣ, добрѣ,
Гучковѣ, Уріелѣ д'Акостѣ
И домой пришелъ на зарѣ.

Утро... Мутныя стекла, какъ бѣльма.
Кипитъ самоваръ. Рядомъ „Русь"
Съ рѣчами того-же Вильгельма.
Встаю—и снова тружусь.

Саша Чорный.

Тэффи.

Свой человѣкъ.

Ѳедоръ Иванычъ получилъ на службѣ замѣчаніе и возвращался домой сильно не въ духѣ. Чтобы отвести душу, сталъ нанимать извозчика отъ Гостинаго двора на Петербургскую сторону за пятнадцать копѣекъ.

Извозчикъ отвѣтилъ коротко, но сильно. Завязалась интересная бесѣда, вся изъ различныхъ пожеланій. Вдругъ кто-то дернулъ Ѳедора Иваныча за рукавъ. Онъ обернулся.

Передъ нимъ стоялъ незнакомый худощавый брюнетъ съ мрачно-оживленнымъ лицомъ, какое бываетъ у человѣка, только что потерявшаго кошелекъ, и быстро, но монотонно говорилъ:

— А, вы таки уже здѣсь! Развѣ я хотѣлъ сю-

да ѣхать? Ну, а что я могу, когда она меня затащила? За паршивые пятьсотъ рублей, чтобы человѣка водили, какъ барана на веревкѣ, такъ это, я вамъ скажу, надо имѣть отчаяніе въ головѣ!

Ѳедоръ Иванычъ сначала разсердился, потомъ удивился.

Кто такой? Чего лѣзетъ?

— Извините, милостивый государь, — сказалъ онъ,—я не имѣю чести...

Но незнакомецъ не далъ договорить!

— Ну я уже впередъ знаю, что вы скажете! Такъ я вамъ прямо скажу, что у васъ я не могъ остановиться, потому что вы мнѣ не оставили своего адреса. Ну, у кого спросить? У Самуильсона? Такъ Самуильсонъ скажетъ, что онъ васъ въ глаза не видалъ.

— Никакого Самуильсона я не знаю, — отвѣчалъ Ѳедоръ Иванычъ.—И прошу васъ...

— Ну, такъ, какъ вы хотите, чтобы онъ сказалъ мнѣ вашъ адресъ, когда вы даже и незнакомы. А Манкина купила коверъ, такъ они ужъ себѣ воображаютъ... Ну, что такое коверъ? Я васъ спрашиваю!

— Будьте добры, милостивый государь,— удосужился вставить Ѳедоръ Иванычъ—оставить меня въ покоѣ!

Незнакомецъ посмотрѣлъ на него, вздохнулъ и заговорилъ по прежнему быстро и монотонно:

— Ну, такъ я вамъ долженъ сказать, что я таки женился. Она такая рожа, на всѣ Шавли! Говорили про нее, что глазъ стеклянный, такъ это, нужно замѣтить, правда. Говорили, что имѣетъ кривой бокъ, такъ это ужъ тоже правда. Еще говорили, что характеръ... Такъ это ужъ такъ вѣрно! Вы скажете, — когда же онъ успѣлъ жениться? Такъ я вамъ скажу, что ужъ давно. Дайте посчитать: сентябрь.. октябрь... гм. ноябрь.. да ноябрь. Такъ я уже пять дней, какъ женатъ. Два дня тамъ страдалъ, да два дня въ дорогѣ... И кто виноватъ? Такъ вы удивитесь! Соловейчикъ!

Ѳедоръ Иванычъ, дѣйствительно, какъ будто удивился. Разсказчикъ торжествовалъ.

— Соловейчикъ! Абрамсонъ мнѣ говорилъ: „чего вы не покупаете себѣ аптеку? Такъ вы купите аптеку". Ну, кто не хочетъ имѣть аптеку? Я васъ спрашиваю. Покажите мнѣ дурака! А Соловейчикъ говоритъ: „Идемте къ мадамъ Цѣлковникъ, у нея дочка, такъ ужъ это дочка! Имѣетъ приданаго три тысячи. Будете имѣть деньги на аптеку". Я такъ обрадовался... ну, думаю себѣ, пусть уже тамъ, если уже все было худо, такъ можетъ и еще немножко быть! Поѣхалъ себѣ въ Могилевъ, стрѣлялъ въ большую аптеку... Что вы смотрите? Ну, не совсѣмъ стрѣлялъ, а только себѣ цѣлилъ. Присмотрѣлъ. А мадамъ Цѣлковникъ денегъ не даетъ и дочку прячетъ. Дала себѣ паршивые пятьсотъ рублей задатку. Я взялъ. Кто не возьметъ задатку? Я васъ спрашиваю! Покажите мнѣ дурака! А Шелькинъ повелъ меня къ Хасинымъ, у нихъ за дочкой пять тысячъ настоящими деньгами. Хасины балъ дѣлаютъ, гостей много... такъ интеллигентно танцуютъ. А Соловейчикъ выше всѣхъ скачетъ. Я себѣ думаю: возьму лучше пять тысячъ и буду стрѣлять къ Карфункелю въ аптеку по самой площади. Ну, такъ Соловейчикъ говоритъ: „Деньги? У Хасиныхъ деньги? Пусть у меня такъ не будетъ денегъ, какъ у нихъ есть!" Вы скажете, зачѣмъ я повѣрилъ Соловейчику? Ой! Вы же должны знать, что у него двѣ лавки и кредитъ; это не мы съ вами. Вельможа!! Ну, прямо сказать, онъ таки женился на мадмазель Хасиной, а я на Цѣлковникъ. Такъ она еще велѣла везти себя въ Петербургъ на мой счетъ! Видѣли это? Ей-Богу, это такая рожа, что прямо забыть не могу! Ходилъ сейчасъ по Большому, хотѣлъ стрѣлять въ аптеку. Ну, что тамъ! Вотъ встрѣтилъ васъ, такъ ужъ пріятно, что свой человѣкъ!

— Да позвольте же, наконецъ! — взревѣлъ Ѳедоръ Иванычъ. — Вѣдь мы же съ вами не знакомы!

Жертва Соловейчика удивленно вскинула брови.

— Мы? Мы не знакомы? Ну, вы меня мертвецки удивляете! Позвольте! Позапрошлымъ лѣтомъ ѣздили въ Шавли? Ага! Ѣздили! Ходили съ господиномъ землемѣромъ лѣсъ смотрѣть? Ага! Такъ я вамъ скажу, что зашли вы къ часовщику Магазинеру, а около двери одинъ господинъ вамъ упредилъ, что Магазинеръ пошли кушать. Ну, такъ этотъ же господинъ былъ я, а! Ну?!

Тэффи.

Падаринъ.

Налимъ.

Лѣтнее утро. Въ воздухѣ тишина; только поскрипываетъ на берегу кузнечикъ, да гдѣ-то робко мурлыкаетъ орличка. На небѣ неподвижно стоятъ перистыя облака, похожія на разсыпанный снѣгъ... Около строящейся купальни, подъ зелеными вѣтвями ивняка, барахтается въ водѣ плотникъ Герасимъ, высокій, тощій мужикъ съ рыжей курчавой головой и съ лицомъ, поросшимъ волосами. Онъ пыхтитъ, отдувается и, сильно мигая глазами, старается достать что-то изъ-подъ корней ивняка. Лицо его покрыто потомъ. На сажень отъ Герасима, по горло въ водѣ, стоитъ плотникъ Любимъ, молодой горбатый мужикъ съ треугольнымъ лицомъ и съ узкими, китайскими глазами. Какъ Герасимъ,

такъ и Любимъ, оба въ рубахахъ и портахъ. Оба посинѣли отъ холода, потому что ужъ больше часа сидятъ въ водѣ...

— Да что ты все рукой тычешь? — кричитъ горбатый Любимъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ. — Голова ты садовая. — Ты держи его, держи, а то уйдетъ, анаѳема! Держи, говорю!

— Не уйдетъ... Куда ему уйтить? Онъ подъ корягу забился... — говоритъ Герасимъ охрипшимъ, глухимъ басомъ, идущимъ не изъ гортани, а изъ глубины живота.— Скользкій, шутъ, и ухватить не за что.

— Ты, за зебры хватай, за зебры!

— Не видать жабровъ-то... Постой, ухватилъ за что-то... За губу ухватилъ... Кусается, шутъ!

— Не тащи за губу, не тащи — выпустишь! За зебры хватай его, за зебры хватай! Опять почалъ рукой тыкать! Да и безпонятный же мужикъ, прости Царица Небесная! Хватай!

— „Хватай". .—дразнитъ Герасимъ. Командеръ какой нашелся... Шелъ бы да и хваталъ самъ, горбатый чортъ... Чего стоишь?

— Ухватилъ бы я, коли бъ можно было. . Нешто при моей низкой комплекціи можно подъ берегомъ стоять? Тамъ глыбоко!

— Ничего, что глыбоко. Ты вплавь.

Горбачъ взмахиваетъ руками, подплываетъ къ Герасиму и хватается за вѣтки. При первой же попыткѣ стать на ноги, онъ погружается съ головой и пускаетъ пузыри.

— Говорилъ же, что глыбоко!— говоритъ онъ, сердито вращая бѣлками. — На шею тебѣ сяду, что ли?

— А ты на корягу стань... Корягъ много, словно лѣстница...

Горбачъ нащупываетъ пяткой корягу и, крѣпко ухватившись сразу за нѣсколько вѣтокъ, становится на нее... Совладавши съ равновѣсіемъ и укрѣпившись на новой позиціи, онъ изгибается и, стараясь не набрать въ ротъ воды, начинаетъ правой рукой шарить между корягами. Путаясь въ

водорослях, скользя по мху, покрывающему коряги, рука его наскакиваетъ на колючія клешни рака.

— Тебя еще тутъ, чорта, не видали!—говоритъ Любимъ и со злобой выбрасываетъ на берегъ рака.

— Наконецъ, рука его нащупываетъ руку Герасима и, спускаясь по ней, доходитъ до чего-то склизкаго, холоднаго.

— Во-отъ онъ... — улыбается Любимъ. — Здаровый, шутъ... Оттопырь-ка пальцы, я его сичасъ... за зебры... Постой, не толкай локтемъ... я его сичасъ.. сичасъ... дай только взяться... Далече, шутъ, подъ корягу забился, не за что и ухватиться. Не доберешься до головы... Пузо одно только и слыхать... Убей мнѣ на шеѣ комара — жжетъ! Я сичасъ... подъ зебры его... Заходи сбоку, пхай его, пхай! Шпыняй его пальцемъ...

Горбачъ, надувъ щеки, притаивъ дыханіе, вытаращиваетъ глаза и, повидимому, уже залѣзаетъ пальцами „подъ зебры", но тутъ вѣтки, за которыя цѣпляется его лѣвая рука, обрываются, и онъ, потерявъ равновѣсіе, — бултыхъ въ воду! Словно испуганные, бѣгутъ отъ берега волнистые круги и на мѣстѣ паденія вскакиваютъ пузыри. Горбачъ выплываетъ и, фыркая, хватается за вѣтки.

— Утонешь еще, чортъ, отвѣчать за тебя придется!...—хрипитъ Герасимъ.—Вылазь, ну тя къ лѣшему! Я самъ вытащу!

Начинается ругань... А солнце печетъ и печетъ. Тѣни становятся короче и уходятъ въ самихъ себя, какъ рога улитки... Высокая трава, пригрѣтая солнцемъ, начинаетъ испускать изъ себя густой, приторно-медовый запахъ. Ужъ скоро полдень, а Герасимъ и Любимъ все еще барахтаются подъ ивнякомъ. Хриплый басъ и озябшій, визгливый теноръ неугомонно нарушаютъ тишину лѣтняго дня.

— Тащи его за зебры, тащи! Постой, я его выпихну! Да куда суешься-то съ кулачищемъ? Ты пальцемъ, а не кулакомъ, рыло! Заходи сбоку!

Слѣва заходи, слѣва, а то вправѣ колдобина! Угодишь къ лѣшему на ужинъ! Тяни за губу!

Слышится хлопанье бича... По отлогому берегу къ водопою лѣниво плетется стадо, гонимое пастухомъ Ефимомъ. Пастухъ, дряхлый старикъ, съ однимъ глазомъ и покривившимся ртомъ, идетъ понуря голову, и глядитъ себѣ подъ ноги. Первыми подходятъ къ водѣ овцы, за ними лошади, за лошадьми коровы.

— Потолкай его изъ-подъ низу! — слышитъ онъ голосъ Любима. —Посунь палецъ! Да ты глухой, чо-ортъ, что ли? Тьфу!

— Кого это вы, братцы? — кричитъ Ефимъ.

— Налима! Никакъ не вытащимъ! Подъ корягу забился! Заходи сбоку! Заходи, заходи!

Ефимъ минуту щуритъ свой глазъ на рыболововъ, затѣмъ снимаетъ лапти, сбрасываетъ съ плечъ мѣшочекъ, и снимастъ рубаху. Сбросивъ порты, не хватаетъ у него терпѣнія, и онъ, перекрестясь балансируя худыми, темными руками, лѣзетъ въ портахъ въ воду... Шаговъ пятьдесятъ онъ проходитъ по илистому дну, но затѣмъ пускается вплавь.

— Постой, ребятушки!—кричитъ онъ. —Постой! Не вытаскивайте его зря, упустите. Надо умѣючи!..

Ефимъ присоединяется къ плотникамъ, и всѣ трое, толкая другъ друга локтями и колѣнями, пыхтя и ругаясь, толкутся на одномъ мѣстѣ... Горбатый Любимъ захлебывается, и воздухъ оглашается рѣзкимъ, судорожнымъ кашлемъ.

— Гдѣ пастухъ?—слышится съ берега крикъ.— Ефи-имъ! Пастухъ! Гдѣ ты? Стадо въ садъ полѣзло! Гони, гони изъ саду! Гони! Да гдѣ онъ, старый разбойникъ?

Слышатся мужскіе голоса, затѣмъ женскій... Изъ-за рѣшетки барскаго сада показывается баринъ Андрей Андреичъ въ халатѣ изъ персидской шали и съ газетой въ рукѣ... Онъ смотритъ вопросительно по направленію криковъ, несущихся съ рѣки, и потомъ быстро сѣменитъ къ купальнѣ...

— Что здѣсь? Кто оретъ?—спрашиваетъ онъ

строго, увидавъ сквозь вѣтви ивняка три мокрыя головы рыболововъ.—Что вы здѣсь копошитесь?

— Ры... рыбку ловимъ...—лепечетъ Ефимъ, не поднимая головы.

— А вотъ я тебѣ задамъ рыбку! Стадо въ садъ полѣзло, а онъ рыбку!.. Когда же купальня будетъ готова, черти? Два дня какъ работаете, а гдѣ ваша работа?

— Бу... будетъ готова...—Кряхтитъ Герасимъ.— Лѣто велико, успѣешь еще, вашескородіе, помыться... Пфррр... Никакъ вотъ тутъ съ налимомъ не управимся... Забрался подъ корягу и словно въ норѣ: ни туда, ни сюда...

— Налимъ?—спрашиваетъ баринъ и глаза его подергиваются лакомъ. — Такъ тащите его скорѣй!

— Ужо дашь полтинничекъ... Удружимъ, ежели... Здоровенный налимъ, что твоя купчиха... Стоитъ, вашескородіе, полтинникъ... за труды... Не мни его, Любимъ, не мни, а то замучишь! Подпирай снизу! Тащи-ка корягу кверху, добрый человѣкъ... какъ тебя? Кверху, а не книзу, дьяволъ! Не болтайте ногами!

Проходятъ пять минутъ, десять... Барину становится невтерпежъ.

— Василій! — кричитъ онъ, повернувшись къ усадьбѣ.—Васька! Позовите ко мнѣ Василія!

Прибѣгаетъ кучеръ Василій. Онъ что-то жуетъ и тяжело дышитъ.

— Полѣзай въ воду, — приказываетъ ему баринъ:—помоги имъ вытащить налима... Налима не вытащатъ!

Василій быстро раздѣвается и лѣзетъ въ воду.

— Я сичасъ...—бормочетъ онъ. — Гдѣ налимъ? Я сичасъ... Мы это мигомъ! А ты бы ушелъ, Ефимъ! Нечего тебѣ тутъ, старому человѣку, не въ свое дѣло мѣшаться! Который тутъ налимъ? Я его сичасъ.. Вотъ онъ! Пустите руки!

— Да чего пустите руки? Сами знаемъ: пустите руки! А ты вытащи!

— Да нешто его такъ вытащишь? Надо за голову!

— А головка подъ корягой! Знаемо дѣло дуракъ!

— Ну, не лай, а то влетитъ! Сволочь!

— При господинѣ баринѣ и такія слова... — лепечетъ Ефимъ. — Не вытащите вы, братцы! Ужъ больно ловко онъ засѣлъ туда!

— Погодите, я сейчасъ... — говоритъ баринъ и начинаетъ торопливо раздѣваться. — Четыре васъ дурака, и налима вытащить не можете!

Раздѣвшись, Андрей Андреичъ даетъ себѣ остынуть и лѣзетъ въ воду. Но и его вмѣшательство не ведетъ ни къ чему.

— Подрубить корягу надо! — рѣшаетъ, наконецъ, Любимъ,—Герасимъ, сходи за топоромъ! Топоръ подайте!

— Пальцевъ-то себѣ не отрубите! — говоритъ баринъ, когда слышатся подводные удары топора о корягу,—Ефимъ, пошелъ вонъ отсюда! Постойте, я налима вытащу... Вы не тово...

Коряга подрублена Ее слегка надламываютъ, и Андрей Андреичъ, къ великому своему удовольствію, чувствуетъ, какъ его пальцы лѣзутъ налиму подъ жабры.

— Тащу, братцы! Не толпитесь... стойте.. тащу!

На поверхности показывается большая налимья голова и за нею черное, аршинное тѣло. Налимъ тяжело ворочаетъ хвостомъ и старается вырваться.

— Шалишь... Дудки, братъ. Попался? Ага!

— По всѣмъ лицамъ разливается медовая улыбка. Минута проходитъ въ молчаливомъ созерцаніи.

— Знатный налимъ! — лепечетъ Ефимъ, почесывая подъ ключицами.— Чай, фунтовъ десять будетъ...

— Н-да...— соглашается баринъ. — Печенка-то такъ и отдувается. Такъ и претъ се изъ нутра.

А... ахъ!

Налимъ вдругъ неожиданно дѣлаетъ рѣзкое движеніе хвостомъ вверхъ и рыболовы слышатъ сильный плескъ.. Всѣ растопыриваютъ руки, но уже поздно: налима—поминай какъ звали.

А. П. Чеховъ.

Пасхальный перезвонъ.

Пэнъ-пьянъ! Красныя яички.
Пьянъ-панъ! Красные носы.
Били-бьютъ! Радостныя личики.
Бьютъ-били! Груды колбасы.

Далъ-дамъ! Праздничныя взятки.
Дамъ-далъ! И этимъ, и тѣмъ.
Пили-ѣли! Визиты въ перчаткакъ.
Ѣли-пили! Водка и кремъ.

Панъ-пьянъ! Наливка и студни.
Пьянъ-панъ! Боль въ животѣ.
Били-бьютъ! И снова будни.
Бьютъ-били! Конецъ мечтѣ.

Саша Черный.

Переутомленіе.

(Посв. исписавшимся „популярностямъ“).

Я похожъ на родильницу,
Я готовъ скрежетать...
Проклинаю чернильницу,
И чернильницы мать!

Патлы дыбомъ взлохмачены,
Отупѣлъ, какъ овца,
Ахъ, всѣ риѳмы истрачены
До конца, до конца!..

Мнѣ, правда, нечего сказать, сегодня, какъ всегда,
Но этимъ не былъ я смущенъ, повѣрьте, никогда.
Рожалъ словечки и слова, и риѳмы къ нимъ ро-
жалъ,
И въ жизнерадостныхъ стихахъ, какъ жеребенокъ
ржалъ.

Параличъ спинного мозга?
Врешь, не сдамся! Пень-мигрень,
Бебель-стебель, мозга-розга,
Юбка-губка, тѣнь-тюлень,

Риѳму, риѳму! Изсякаю —
Къ риѳмѣ тему самъ найду...
Ногти въ бѣшенствѣ кусаю
И въ безсильномъ трансѣ жду.

Изсякъ. Что будетъ съ моей популярностью?
Изсякъ. Что будетъ съ моимъ кошелькомъ?
Назоветъ меня Пильскій дешевой бездарностью?
А Ваксъ Калошинъ разбитымъ горшкомъ...

Нѣтъ, не сдамся... Папа—мама,
Дратва—жатва, кровь—любовь,
Драма—рама—панорама,
Бровь, свекровь, морковь... носки!

Саша Чорный.

Природа, вино и любовь.

(Трагедія изъ былыхъ временъ).

Л И Ц А.

поэтъ, редакторъ, цензоръ.

ДѢЙСТВІЕ I. ПРИРОДА.

ПОЭТЪ (въ своей комнатѣ пишетъ и читаетъ):

Пришла весна. Увы! Любовь
Не манитъ въ тихія дубравы!
Нѣтъ! негодующая кровь
Зоветъ меня на бой кровавый!

РЕДАКТОРЪ (въ своемъ кабинетѣ поправляетъ)

Пришла весна. Опять любовь
Раскрыла тысячу объятій,
И я бы кажется готовъ
Расцѣловать всѣхъ меньшихъ братій.

ЦЕНЗОРЪ (въ своемъ кабинетѣ поправляетъ):

Пришла весна. Но не любовь
Меня влечетъ подъ сѣнь дубравы,
Не плоть, а духъ! Я вижу вновь
Творца во всемъ величьи славы.
(Подписываетъ: „одобрено цензурою“):

ДѢЙСТВІЕ II. ВИНО.

ПОЭТЪ.

Люблю вино. Въ немъ не топлю,
Подобно слабенькимъ натурамъ,
Скорбь гражданина—а коплю
Вражду съ проклятымъ самодуромъ!

РЕДАКТОРЪ (поправляетъ):

Люблю вино. Въ немъ не топлю
Свои гражданскія стремленья,
И видитъ Богъ, какъ я терплю,
И какъ тяжелъ мой крестъ терпѣнья.

ЦЕНЗОРЪ (поправляетъ):

Люблю вино. Но какъ люблю?
Какъ сладкій медъ, какъ скромный танецъ.
Пью рюмку въ день—и не терплю
Косматыхъ нигилистовъ-пьяницъ.

(Подписываетъ).

ДѢЙСТВІЕ III. ЛЮБОВЬ.

ПОЭТЪ.

Люблю тебя. Любовь одна
Даетъ мнѣ бодрость, духъ и силу,
Чтобъ, чашу зла испивъ до дна,
Непобѣжденнымъ лечь въ могилу.

РЕДАКТОРЪ (поправляетъ):

Люблю тебя. Любовь къ тебѣ
Ведетъ такъ сладко до могилы —
Въ неравной роковой борьбѣ
Мои погубленныя силы.

ЦЕНЗОРЪ (поправляетъ):

Люблю тебя. И, не скорбя,
Подобно господамъ писакамъ,
Обязанъ вѣкъ любить тебя,
Соединясь законнымъ бракомъ

(Подписываетъ).

В. Курочкинъ.

А. Аверченко.

Двойникъ.

Молодой человѣкъ Колесакинъ называлъ самъ себя застѣнчивымъ весельчакомъ.

Пріятели называли его забавникомъ и юмористомъ, а уголовный судъ, если бы веселый Колесакинъ попалъ подъ его отеческую руку, разошелся бы въ оцѣнкѣ характера веселаго Колесакина и съ нимъ самимъ и колесакиновыми пріятелями.

Колесакинъ сидѣлъ на вокзалѣ небольшого провинціальнаго города, куда онъ пріѣхалъ на одинъ день по какому-то вздорному порученію старой тетки.

Его радовало все: и телячья котлета, которую онъ ѣлъ, и вино, которое онъ пилъ, и какая-то заблудшая дѣвица въ голубенькой шляпкѣ за со-

сѣднимъ столикомъ — все это вызывало на пріятномъ лицѣ Колесакина веселую благодушную улыбку.

Неожиданно за его спиной раздалось:

— А-а! Сколько зимъ, сколько лѣтъ!!

Колесакинъ вскочилъ, обернулся и недоумѣвающе взглянулъ на толстаго краснаго человѣка, съ лицомъ, блестѣвшимъ отъ скупого вокзальнаго свѣта, какъ мѣдный шаръ.

Красный господинъ привѣтливо протянулъ Колесакину руку и долго трясъ ее, будто желая вытрясти все колесакинское недоумѣніе.

— Ну, какъ же вы, батенька, поживаете?

— Чортъ его знаетъ,—подумалъ Колесакинъ,— можетъ быть, дѣйствительно, гдѣ-нибудь познакомились. Неловко сказать, что не помню.

И отвѣтилъ:

— Ничего, благодарю. Вы какъ?

Мѣдный толстякъ расхохотался.

— Хо-хо! А что намъ сдѣлается!? Ваши здоровеньки?

— Ничего.. Слава Богу, — неопредѣленно отвѣтилъ Колесакинъ и, изъ вѣжливаго желанія поддержать съ незнакомымъ толстякомъ разговоръ, спросилъ:

— Отчего васъ давно не видно?

— Меня-то что! А вотъ вы, дорогой, забыли насъ совсѣмъ. Жена и то спрашиваетъ.. Ахъ, чортъ возьми—вспомнилъ! Вѣдь вы меня, навѣрное, втайнѣ ругаете?

— Нѣтъ, — совершенно искренно возразилъ Колесакинъ.—Я васъ никогда не ругалъ.

— Да, знаемъ... хитро подмигнулъ толстякъ.— А за триста-то рублей! Куріозно! Вмѣсто того, чтобы инженеръ бралъ у поставщика, инженеръ далъ поставщику! А вѣдь я, батенька, въ тотъ же вечеръ и продулъ ихъ, признаться.

— Неужели?

— Увѣряю васъ! Кстати, что вспомнилъ... Позвольте разсчитаться. Большое мерси!

Толстякъ вынулъ похожій на обладателя его,

такой-же толстый и такой-же мѣдно-красный бумажникъ и положилъ передъ Колесакинымъ три сотенныхъ бумажки.

Въ Колесакинѣ стала просыпаться его веселость и юморъ.

— Очень вамъ благодаренъ, — сказалъ онъ, принимая деньги.—А скажите... не могли бы вы— услуга за услугу — до послѣзавтра, одолжить мнѣ еще четыреста рублей? Платежи, знаете, разсчетъ срочный... послѣзавтра я вамъ пришлю, а?

— Сдѣлайте одолженіе! Пожалуйте! Въ клубѣ какъ-нибудь столкнемся — разсчитаемся. А, кстати: куда дѣвать тѣ доски, о которыхъ я вамъ писалъ? Чтобы не заплатить намъ за полежалое.

— Куда? Да свезите ихъ ко мнѣ, что-ли. Пусть во дворѣ полежатъ.

Толстый господинъ такъ удивился, что высоко поднялъ брови, вслѣдствіе чего маленькіе заплывшіе глазки его впервые, какъ будто, глянули на свѣтъ Божій.

— Что вы! Шутить изволите, батенька? Это три-то вагона?

— Да!—рѣшительно и твердо сказалъ Колесакинъ.—У меня есть свои соображенія, которыя... Однимъ словомъ, чтобы эти доски были доставлены ко мнѣ—вотъ и все. А пока позвольте съ вами раскланяться. Человѣкъ! Получи. Женѣ привѣтъ!

— Спасибо! — сказалъ толстый поставщикъ, тряся руку Колесакина.—Кстати, что Эндименовъ?

— Эндименовъ? Ничего, по прежнему.

— Рипается?

— Ого!

— А она что?

Колесакинъ пожалъ плечами.

— Что жъ она... Вѣдь вы сами, кажется, знаете, что своего характера ей не передѣлать.

— Совершенно правильно, Вадимъ Григорьичъ! Золотыя слова. До свиданья.

Это былъ первый веселый поступокъ, совершенный Павлушей Колесакинымъ. Второй посту-

покъ совершился черезъ часъ въ сумеркахъ деревьевъ городского чахлаго бульвара, куда Колесакинъ отправился послѣ окончанія несложныхъ теткиныхъ дѣлъ.

Навстрѣчу ему со скамейки поднялась стройная женская фигура и послышался радостный голосъ:

— Вадимъ! Ты! Вотъ ужъ не ждала тебя сегодня! Однако, какъ ты измѣнился за эти двѣ недѣли! Почему не въ формѣ?

— А она прехорошенькая! —подумалъ Колесакинъ, чувствуя пробужденіе своего неугомоннаго юмора.—Моему двойничку инженеру живется, очевидно, превесело.

— Надоѣло въ формѣ! Ну, какъ ты поживаешь?—любезно спросилъ веселый Колесакинъ, быстро овладѣвая своимъ страннымъ положеніемъ. — Поцѣлуй меня, дѣточка.

— Ка-акъ? Поцѣлуй? Но вѣдь тогда ты говорилъ, что намъ самое лучшее и честное разстаться?

— Я много передумалъ съгѣхъ поръ, — сказалъ Колесакинъ дрожащимъ голосомъ, —и рѣшилъ, что ты должна быть моей! Сядемъ вотъ здѣсь.. Тутъ темно. Садись ко мнѣ на колѣни..

— А знаешь что — продолжалъ онъ потомъ, тронутый ея любовью,—перѣзжай послѣзавтра ко мнѣ! Заживемъ на славу.

Дѣвушка отшатнулась.

— Какъ къ тебѣ?! А.. жена?

— Какая жена?

— Твоя!

— Ага!.. Она не жена мнѣ. Не удивляйся, милая! Здѣсь есть чужая тайна, которую я не вправѣ открыть до послѣзавтра... Она моя сестра!

— Но вѣдь у васъ же двое дѣтей!

— Пріемныя! Остались послѣ одного нашего друга. Старый морской волкъ.. Утонулъ въ Индійскомъ океанѣ. Отчаянію не было предѣловъ.. Однимъ словомъ, послѣзавтра собирай всѣ свои вещи и прямо ко мнѣ на квартиру.

— А... сестра?

— Она будетъ очень рада. Будемъ воспиты-

вать вмѣстѣ дѣтей.. Научимъ уважать ихъ память отца!.. Въ долгіе зимніе вечера... Поцѣлуй меня, мое сокровище.

— Господи... Я, право, не могу опомниться .. Въ тебѣ есть что-то чужое, ты говоришь такія странныя вещи...

— Оставь. Брось... До послѣзавтра... Мнѣ теперь такъ хорошо... Это такія минуты, которыя, которыя . . . . . .

. . . . . .

Въ половинѣ одиннадцатаго ночи весельчакъ Колесакинъ вышелъ изъ сада, утомленный, но довольный собою и, по прежнему, готовый на всякія веселыя авантюры.

Кликнулъ извозчика, поѣхалъ въ лучшій ресторанъ и, войдя въ освѣщенную залу, былъ встрѣченъ низкими поклонами метръ-д'отеля.

— Давненько не изволили .. забыли насъ, Вадимъ Григорьичъ. Николай! Столъ получше господину Зайцеву. Пожалуйте-съ!

На эстрадѣ игралъ какой-то дамскій оркестръ.

Рѣшивъ твердо, что завтра съ утра нужно уѣхать, Колесакинъ сегодня разрѣшилъ себѣ кутнуть.

Онъ пригласилъ въ кабинетъ двухъ скрипачекъ и барабанщицу, потребовалъ шампанскаго, винограду и сталъ веселиться...

Послѣ шампанскаго показывалъ жонглированіе двумя бутылками и стуломъ. Но когда разбилъ нечаянно бутылкой трюмо, то разочаровался въ жонглированіи и обрушился съ присущимъ ему въ пьяномъ видѣ мрачнымъ юморомъ на рояль: билъ по клавишамъ кулакомъ, крича въ то же время:

— Молчите, проклятыя струны!

Въ концѣ концовъ, онъ своего добился: проклятыя струны замолчали, за что буфетчикъ увеличилъ длинный и печальный счетъ на 150 рублей...

Потомъ Колесакинъ танцовалъ на столѣ, покрытомъ посудой, граціозный танецъ неизвѣстнаго наименованія, а когда въ сосѣднемъ кабинетѣ воз-

мутились и попросили вести себя тише, то Колесакинъ отомстилъ за свою поруганную честь тѣмъ, что, схвативши маленькій барабанъ, прорвалъ его кожу и нахлобучилъ на голову поборника тишины.

Писали протоколъ. Было мокро, смято и печально. Всѣ разошлись, кромѣ Колесакина, который, всѣми покинутый, диктовалъ околодочному свое имя и фамилію:

— Вадимъ Григорьичъ Зайцевъ, инженеръ.

Счетъ на 627 рублей 55 коп. Колесакинъ велѣлъ отослать къ себѣ на квартиру.

— Только, пожалуйста, послѣзавтра!

Уѣзжалъ Колесакинъ на другой день рано утромъ, веселый, ощущая въ карманѣ много денегъ и въ головѣ пріятную тяжесть.

Когда онъ шелъ по пустынному перрону, сопровождаемый носильщикомъ, къ нему подошелъ высокій щеголеватый господинъ и строго сказалъ:

— Я васъ поджидаю! Мы, кажется, встрѣчались... Вы — инженеръ Зайцевъ?

— Да!

— Вы не отказываетесь отъ того, что говорили на прошлой недѣлѣ на журфиксѣ Заварзѣевыхъ?

— У Заварзѣевыхъ? Ни капельки! — твердо отвѣтилъ Колесакинъ

— Такъ вотъ вамъ. Получите!

Мелькнула въ воздухѣ холеная рука и прозвучала сильная глухая пощечина.

— Милостивый государь! — вскричалъ Колесакинъ, пошатнувшись,—за что вы деретесь?..

— Я буду бить такъ всякаго мерзавца, который станетъ утверждать, что я нечестно играю въ карты!

И, повернувшись, сталъ удаляться. Колесакинъ хотѣлъ догнать его и сообщить, что онъ не Зайцевъ, что онъ пошутилъ... Но рѣшилъ, что уже поздно.

Когда ѣхалъ въ поѣздѣ, деньги уже не радо-

вали его и безпечное веселье потускнѣло и съежилось...

И при всей смѣшливости свой натуры, — веселый Колесакинъ совершенно забылъ потѣшиться въ душѣ надъ страннымъ и тяжелымъ положеніемъ инженера Зайцева на другой день.

А. Аверченко.

Каллистратъ.

Жилъ Каллистратъ
И былъ Богу радъ,
И въ сорокъ лѣтъ
Цвѣлъ, что маковъ цвѣтъ.
Бородка хоть рѣденька,
Да не сѣденька,
А усъ—черноусъ,
Хоть на барскій вкусъ.
Жилъ Каллистратъ
Сорокъ лѣтъ подрядъ
На селѣ Снохачи
Въ избѣ на печи,
Въ кабакъ не хаживалъ,
Дѣвокъ не глаживалъ,
Постился постомъ
Да крестился крестомъ.
Пять лѣтъ Каллистратъ
Былъ на бабѣ женатъ;
На шестомъ году
Попался въ бѣду.
Въ ночь подъ Фрола
Жена умерла,
И безъ всякой причины
Только поѣла калины.

Повылъ Каллистратъ
Сорокъ день подрядъ,
Надѣлъ армякъ
И пошелъ въ кабакъ.
Цѣлый годъ утѣшался,
Цѣлый годъ напивался,
Проклиналъ судьбу,
Пропивалъ избу.
Послѣ тѣхъ растратъ
Попалъ Каллистратъ
Въ Питеръ градъ,
Гдѣ мосты мостятъ.
Мостилъ, подмащивалъ,
Животъ отращивалъ.
Мостовъ не замостилъ,
Живота не отростилъ.
Съ хулиганомъ связался —
Въ карты проигрался.
Съ горя напился
И въ Невѣ утопился.
Плыветъ картузъ
Въ немъ трефонный тузъ
Уголкомъ подрыгиваетъ,
Прохожимъ подмигиваетъ,
Дескать, будь умнѣй:
Не ходи съ бубней.

Потемкинъ.

Коклэнъ.

Изъ неизданныхъ монологовъ Коклэна Старшаго.

1) Влюбленъ.

Поздравьте меня, я влюбленъ... И на этотъ разъ серьезно. Я не сплю, не ѣмъ, я сохну. Я все время плачу... (плачетъ) Но я счастливъ, такъ счастливъ... Какъ хорошо любить .. О, какъ я ее люблю...

Знаете, вѣдь это случается со мной въ первый разъ, а мнѣ уже сорокъ пять лѣтъ. Войдите въ мое положеніе.. Впрочемъ, виноватъ, вы еще, пожалуй, подумаете, что я всѣ свои сорокъ пять лѣтъ оставался... гм... Какъ бы это выразиться?.. Нѣтъ нѣтъ... Успокойтесь... Ничего подобнаго... Только

все это было такъ — шалость... вздоръ. А теперь я влюбленъ по настоящему... Право, боюсь даже сойти съ ума отъ любви... Она такъ прелестна, такъ хороша... Что за носикъ.. Какіе глазки. Ротикъ... Одинъ восторгъ.. Представьте себѣ высокую блондинку, пожалуй, нѣсколько полноватую... но я, знаете, предпочитаю полныхъ, онѣ всѣ такія добрыя...

Она вдова, бездѣтна, такъ что можетъ вполнѣ сойти за барышню. Положимъ, дѣти у нея были, пятеро, но они всѣ умерли. Сколько все-таки въ жизни необычайнаго... Подумайте, я познакомился съ ней въ конкѣ... Я стоялъ на площадкѣ, она сидѣла внутри — но какъ только увидѣла меня, моментально уступила мнѣ мѣсто. Я разумѣется сѣлъ. Да, несомнѣнно, я поразилъ ее съ перваго взгляда.. Сходя съ конки, я, въ благодарность, пригласилъ ее обѣдать.. Она съ очаровательной улыбкой... о, эта улыбка... приняла предложеніе и даже... сама заплатила за обѣдъ... Тогда мнѣ все стало ясно... эта женщина любитъ меня.

Въ день моего рожденія она подарила мнѣ вотъ эти часы (показываетъ) съ цѣпочкой. И это кольцо (показывая). Посмотрите, какое очаровательное кольцо... Я любуюсь имъ все время... (поочередно надѣвая на каждый палецъ). Ея подарокъ..

Что бы тамъ ни говорили, но чувствовать, что тебя любятъ, тебя самого вотъ за эту хорошенькую мордашку (похлопываетъ себя по лицу)—большое удовольствіе...

Мнѣ кажется, мы будемъ съ ней очень счастливы. Только вотъ одно: я ревнивъ, какъ тигръ... Да вотъ сейчасъ... Она сказала, что идетъ навѣстить больную тетку... Но почему я знаю, такъ ли это?.. У тетки ли она?.. А вдругъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ?.. О, какъ это меня терзаетъ.. какъ терзаетъ.. Потому что она уже разъ мнѣ измѣнила... Да, да.. Но я ее простилъ... Онъ иностранецъ, а съ иностранцемъ, оно знаете, не въ счетъ.. Бѣдняжка должна была выйти за богатаго старика — подумайте, на цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ старше ея...

Она служила у него въ гувернанткахъ и такъ мила была съ дѣтьми, что—боясь потерять ее—онъ на ней женился, въ награду за ея преданность... подарилъ ей еще пятерыхъ дѣтей. Теперь ни ихъ, ни старичка нѣту уже въ живыхъ

Что за достойная женщина... Боже, какъ я ее люблю... Міръ еще никогда не видалъ подобной любви. Конечно, многіе любили другъ друга: Павелъ и Виргинія, Ромео и Джульетта, Абеляръ и Элоиза — но это все не то. Моя любовь чистая, возвышенная.. Это куда болѣе поэтично, и менѣе утомительно. До чего я ее обожаю... Я дѣлаю ребячества—чмокаю стулъ, на которомъ она сидѣла... Пью изъ ея стакана, облизываю ея тарелку.. При мнѣ всегда что-нибудь изъ ея вещей (достаетъ изъ кармана подвязку) Вотъ, напримѣръ, подвязка, которая была на ней въ день ея свадьбы.

Это мнѣ подарилъ ея кузенъ. Вотъ ея портретъ. (Достаетъ фотографическую карточку). На колѣняхъ у мужа. О, какъ я ее люблю... (Цѣлуетъ карточку). Вотъ зубъ, который она недавно выдернула. (Показываетъ зубъ). До чего онъ мнѣ дорогъ...

Одно непріятно я боюсь, что мнѣ не удастся на ней жениться. Папаша не соглашается—онъ находитъ, что я еще слишкомъ молодъ. Къ счастью, мамаша ничего не имѣетъ противъ... Вы знаете, всѣ мамаши балуютъ своихъ милыхъ сынковъ. Но я слишкомъ люблю мою крошечку... Если папаша будетъ упорствовать — я поступлю, какъ Ромео — я похищу ее... Она, правда, нѣсколько тяжеловата—но ничего.. Я приглашу на помощь одного изъ своихъ пріятелей, который ей очень нравится... Это ее ужасно обрадуетъ.. О, какъ я ее люблю... Какъ я ее люблю...

(Уходитъ).

2) Самоубійца.

Нѣтъ, довольно... Жизнь мнѣ окончательно опротивѣла. Я больше не могу. Я задыхаюсь.. У меня болитъ голова... Болятъ ноги... Болитъ спина.. Бо-

литъ животъ... Однимъ словомъ—все болитъ... Довольно... Я долженъ покончить съ собой.

Но вотъ вопросъ — какъ это сдѣлать?

Отравиться? (очень весьлымъ тономъ) Да, да, великолѣпно...

Но чѣмъ? Мышьякомъ? Отъ него полнѣютъ... Пикутой, какъ отравился Сократъ? Нѣтъ, старо и не въ модѣ. Французской зеленью? Но ею травятъ тараканов — и кромѣ того я — патріотъ и не желаю прибѣгать ни къ чему иностранному.

Стрихниномъ? Но это годится только для собакъ. И потомъ отъ него темнѣешь, а я очень дорожу моимъ цвѣтомъ лица. Итакъ, ядъ не годится... Но что-же, что же тогда? Выброситься изъ окна? А вдругъ упадешь прямо въ помойную яму? Да еще влѣзешь въ протоколъ, придется заплатить рублей десять... Нѣтъ, нѣтъ, это мнѣ не улыбается. Да и слишкомъ дорого...

Постойте. Сѣсть въ ванну и вскрыть себѣ вену?.. Это ужъ вполнѣ современно. Хотя рискуешь потерять много крови и запачкать ванну... Некрасиво. Нечистоплотно...

Надо что-нибудь другое...

Но что-же, чортъ возьми, что? Можетъ быть, кинжалъ?.. Великолѣпно... Какой эффектный жестъ.. (дѣлаетъ видъ, что втыкаетъ себѣ кинжалъ) Только... его такъ трудно втыкать... еще поранишь себя. Нѣтъ, не надо кинжала...

Броситься подъ трамвай?.. Не дурно. А вдругъ раздавитъ ногу?..

Въ воду? (дѣлаетъ видъ что бросается) Буллькуль-буль-буль... Вода наберется въ ротъ и того и гляди, что проглотишь какую-нибудь бактерію... Это теперь-то, въ холерное время... А я уже сказалъ, что отравляться не желаю.. Не желаю.. Въ запасѣ еще угаръ.. Отлично... Надо запереться въ маленькую комнатку, вытопить печь и закрыть трубу... черезъ нѣсколько минутъ вамъ ужъ дурно... Вы бросаетесь въ двери, ищете ключъ — не находите... Нѣтъ, и это не то...

Отправиться въ Зоологическій садъ? И прыг-

нуть въ клѣтку къ медвѣдямъ? Хорошо, но кто поручится за этихъ скверныхъживотныхъ. Съ какой части они начнутъ васъ кушать?.. Можетъ быть, съ ногъ?. Тогда на чемъ же я убѣгу?.. Нѣтъ, и медвѣди не годятся. Пистолетъ?.. Или лучше шестиствольный револьверъ? Только это штука сомнительная. Вдругъ убьетъ съ перваго выстрѣла?.. А?.. Что тогда?..

Развѣ повѣситься? Но сколько трудовъ, сколько приготовленій.. Надо обвязать себѣ веревку кругомъ шеи, раскачиваться... Еще, пожалуй, закружится голова... Или васъ обворуютъ... Стянутъ въ это время сапоги, а вы не будете даже въ состояніи закричать „караулъ“... Благодарю покорно— это не по мнѣ... Но что же, что же тогда?.. Больше ничего, кажется, не осталось... А, нашелъ: сдѣлать себѣ харакири, по-японски (жестъ) вскрыть животъ сверху до низу (смотритъ себѣ на животъ). Тоже задача не изъ легкихъ и какая тутъ масса кишекъ—еще зацѣпишь какъ нибудь...

Вообще — ужасно трудно покончить съ собой. Я еще немного подумаю, можетъ быть, что-нибудь и изобрѣту. А пока — пойду попытаю счастья въ лото (уходитъ).

Дипломатъ.

Играя въ куклы у камина,
Не по годкамъ умна,
Однажды услыхала Нина,
Какъ папа съ мамой у окна,
Читая новую газету,
Сказали слово „дипломатъ“.

Тутъ ничего худого нѣту,
Но Нина подняла набатъ:
— Дипломатъ, дипломатъ,
Что такое дипломатъ?
Взобравшись къ папѣ на колѣни,
Уткнулась въ папу головой
И, въ ожиданьи объясненій,
Играетъ цѣпкой золотой.
Стыдитъ напрасно мама Нину:
— Нинуся, обернись назадъ!
Скорѣй бѣги, скорѣй къ камину,
Смотри-ка, куклы ѣсть хотятъ!
— Дипломатъ, дипломатъ,
Что такое дипломатъ?
Папаша страшно оконфуженъ,
Отвѣтъ Нинусѣ очень нуженъ,
А какъ Нинусѣ объяснить?
Въ нетерпѣливыхъ пальцахъ дочки
Брелоки гнутся и трещатъ;
Глядитъ папаша на брелочки,
И безнадеженъ этотъ взглядъ.
— Дипломатъ, дипломатъ,
Что такое дипломатъ?
— Нинуся, это представитель
Иль государства иль страны;
Всегда недремлющій блюститель
По дѣлу мира и войны.
Онъ человѣкъ, который словомъ
Свой замыслъ норовитъ прикрыть,
Онъ и сѣдымъ и чернобровымъ
Одновременно можетъ быть...
— Дипломатъ, дипломать,
Что такое дипломатъ?
Но, не понявъ ни слова, дочка
Не вѣритъ бѣдному отцу.
Ужъ три отъ слезъ мокры платочка,
А все кричитъ:—Узнать хочу!.
И вотъ, пришлось отправить къ нянѣ
Нинусю плакать и рыдать,
Но даже тамъ, среди рыданій,
Нинусѣ нужно было знать:

— Дипломатъ, дипломатъ,
Что такое дипломатъ?
Весьма догадливая нянька
Надѣла на себя пальто
И такъ сказала:—Ну-ка, глянь-ка!
Вотъ дипломатъ-то, вотъ онъ что!
И вдругъ улыбка показалась,
И веселъ у Нинуси взоръ.
И навсегда у всѣхъ осталась
За нянькой кличка съ этихъ поръ:
— Дипломатъ, диплолатъ,
Въ дипломатѣ дипломатъ.

Потемкинъ.

Въ кине-мато-скопо-біо-фоно и проч.-графѣ.

— Пожалуйста, господинъ объяснитель, не перепутайте опять катушекъ, какъ въ тотъ разъ.

— Что такое въ тотъ разъ? Я васъ не понимаю.

— А то, что на экранѣ изображался Вильгельмъ и спускъ броненосца, а вы валяли изъ естественной исторіи о какой-то тамъ бабочкиной пыльцѣ. Могутъ выйти крупныя непріятности, не говоря ужъ о томъ, что платить даромъ деньги я не желаю. Вы — прекрасный ораторъ, я не спорю, и великолѣпно знаете свое дѣло, но нужно иногда поглядывать и на экранъ.

— Я не могу становиться спиной къ публикѣ. Это болванъ машинистъ путаетъ, — ему и говорите.

— Можно скосить глазъ. Словомъ, будьте осмотрительнѣе. Пора начинать.

Дзз... зашипѣлъ фонарь. Объяснитель отка-

шлялся и, ставъ спиной къ экрану, подставилъ прямо къ свѣту свое вдохновенное лицо.

— Милостивые государи и милостивыя государыни!—началъ онъ.—Передъ вами почтеннѣйшая рѣка сѣверной Америки, такъ называемая Амазонкой за пристрастіе тамошнихъ прекрасныхъ дамъ къ верховой ѣздѣ. Амазонка катитъ свои величественныя волны день и ночь, образуя водопады, истоки и притоки, подъ плескъ которыхъ совершаются различныя событія. Кусты, деревья, песокъ и прочія разнообразности природы окаймляютъ ея живописные берега.

Теперь одинъ мигъ.. и вотъ, мы присутствуемъ при мрачныхъ развалинахъ Колизея. Ужасъ охватываетъ члены и приковываетъ вниманіе. Здѣсь могущественный тиранъ демонстрировалъ свое жестокосердіе. *(Гм... мыльный, что ли, не вѣкъ же!..)* Ну-съ, теперь, какъ по манію волшебнаго жезла, мы переносимся въ дивную Грецію и останавливаемся передъ статуей святой Киприды, поражающей уже много вѣковъ граціей осанки. (Ну?) А вотъ и почтеннѣйшій городъ Венеція, превышающій своими красотами игру самаго опытнаго соображенія.

Дззз...

Вотъ раскопки Помпеи. Трупъ собаки и двое влюбленныхъ, поза которыхъ доказываетъ изумленнымъ зрителямъ, что наши предки умѣли такъ любить, какъ и наши потомки.

Дззз... *(А? Отстаньте! Самъ знаю).*

Теперь сдѣлаемъ временное отступленіе въ область естественной исторіи. Передъ вами картина, которую можно наблюдать при помощи чудо-микроскопа, гордости XX вѣка. Онъ показываетъ мельчайшіе, невидимые глазу анатомы, блоху величиною со слона и инфузорію въ кускѣ сыра. Много есть необходимаго въ природѣ, и люди, сами того не подозрѣвая, носятъ цѣлые міры подъ ногтемъ любого изъ своихъ пальцевъ.

Теперь взглянемъ на Везувій. Что можетъ быть величественнѣе этой извергающейся картины

приро... *(Что? А—мнѣ какое дѣло! Самъ виноватъ. Не я катушки путалъ. Ставь слѣдующую! Слѣдующую! О, чортъ!)* Передъ вами, милостивые государи, рѣдкій экземпляръ живородящей рыбы. Природа въ своемъ щедромъ разнообра... *(зачѣмъ же Везувій, когда я началъ про рыбу? Ужъ держи что нибудь одно. Поправился! Я тебѣ поправлюсь)*! Дымъ валитъ изъ грандіознаго жерла въ видѣ воронки и живописно вырисовывается на лазурной синевѣ южнаго неба. Еще одно мановеніе волшебнаго жезла *(долго будешь копаться?)*.. и вотъ, мы на берегу Неаполя, дивнѣйшаго города въ мірѣ. Тысячу разъ права пословица *(не перебивай!)* говорящая: „Кто не пилъ воды изъ Неаполя, тотъ не пилъ ничего“ *(Что? ископаемое? Кто же тебѣ велѣлъ! Мѣняй катушку, чтобъ тебя!..)* Передъ нами Пигмальонъ, оживившій при помощи своего вдохновенія *(какъ свинья? Зачѣмъ свинья? Вѣчно лѣзете не въ ту коробку! Отложите въ сторону!)* гм... дивную мраморную скульптуру, которую онъ собственноручно высѣкъ *(Да я же вамъ сказалъ, отложите въ сторону! Вы думаете, что если покажете свинью хвостомъ впередъ, то это уже будетъ Пигмальонъ)* изъ тончайшаго мрамора. Есть много чудесъ природы, но чудеса искусства отъ этого не дѣлаются хуже.

Дззз...

И вотъ, второй образецъ дивнаго творчества неизвѣстныхъ рукъ — досточтимая всѣми Венера Милосская. Причислявшая свою красоту къ лику боговъ, она, тѣмъ не менѣе, обнаруживаетъ стыдливость, *(такъ я же говорилъ... Зачѣмъ поправлять! Нужно прямо снять и отложить въ сторону. Нельзя же свинью, когда я говорю о другой катушкѣ!)* что показываетъ скромность, присущую древнимъ грекамъ даже на самыхъ высокихъ ступеняхъ общественной лѣстни... *(а вы таки свое! Это прямо какой-то крестъ на моей жизни!)* лѣстницы. А вотъ еще одно мгновеніе... отъ этой группы неизвѣстнаго рѣзца мы перекидываемся въ необъятную степь нашего великаго и

грознаго оте... *(если вы хотите показывать свою свинью двѣнадцать разъ подрядъ, то лучше сдѣлать антрактъ, потому что публика можетъ потребовать деньги обратно. Каждый заплатилъ и имѣетъ право потребовать. Я вамъ говорю, лучше погасите лампу. Что? Господинъ директоръ разберетъ—кто!)* А теперь, милостивые государи и милостивыя государыни, сдѣлаемъ перерывъ на десять минутъ, послѣ котораго снова пустимся въ наши далекія странствованія по бѣлу свѣту, которыя такъ развиваютъ умственныя способности и душевныя свойства нашей натуры, несмотря на то, что мы свершаемъ ихъ, сидя на комфортабельныхъ стульяхъ. (*Болванъ! Вы, вы болванъ*) Итакъ, до свиданія на островѣ Целебесѣ среди мѣстныхъ нравовъ и поражающей обстановки.

Тэффи.

(Сатириконъ).

М. Н. Розенъ-Санинъ.

Изъ неизданныхъ монологовъ Коклэна Младшаго.

Доктора-Спеціалисты.

Переводъ З. Б.

Господа—есть между вами спеціалисты? Я хочу сказать—врачи спеціалисты?... Нѣтъ?.. Такъ это очень жаль и вамъ необходимо, какъ можно скорѣе, исправить свою ошибку. Если вы желаете разбогатѣть—станьте спеціалистомъ. Вы меня спросите какимъ именно?.. Какимъ угодно — только объявите себя спеціалистомъ—это всегда произво-

дитъ эффектъ — и карьера ваша готова. Къ тому же вамъ предоставляется очень широкій выборъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: каждый докторъ — спеціалистъ по той или другой части тѣла; имѣются даже спеціалисты для лѣвой почки и для правой, т. ч. въ наше время безпокоиться нечего, — разъ вы заболѣли васъ вылечатъ удивительнѣйшими, новѣйшими средствами... только .. только надо самому знать, чѣмъ именно страдаешь... иначе, т. к. всѣ доктора стали спеціалистами,—вы не угадаете, къ которому обратиться и вамъ остается умереть... гм!.. Здѣсь оно, конечно, не совсѣмъ пріятно — но подождите и на это явятся спеціалисты, только въ будущемъ, въ счастливомъ будущемъ!.. Хотя и теперь уже въ этомъ направленіи сдѣланы кое-какіе шаги... Напр., у меня есть другъ, которому посчастливилось найти прекрасную спеціальность: онъ спеціалистъ по песку... знаете — песокъ?.. т. е. я хотѣлъ сказать—болѣзни съ пескомъ, не съ камнями, а съ пескомъ?.. Ну, вы меня понимаете. Онъ изумительно лечитъ эти болѣзни!.. Прежде всего не даетъ совѣта меньше, чѣмъ за 25 руб. Какъ хотите, а это одно уже доказываетъ... что онъ беретъ дорого, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ довѣріе!.. Затѣмъ онъ не любитъ ломать себѣ голову по пустому и предписываетъ всегда и всѣмъ одно и то же. Какъ только является къ нему паціентъ, онъ моментально велитъ ему раздѣться и заставляетъ выпить три большихъ стакана морской воды... ну и, разумѣется, больному сейчасъ же становится лучше!.. Онъ воображаетъ себя на морскихъ купаньяхъ и совершенно правъ, потому что понимаете — морская вода, песокъ — это тотъ же пляжъ только, къ сожалѣнію, безъ курзала... ну и такимъ образомъ онъ зарабатываетъ до 50.000 рублей въ годъ. А?! Вотъ это — такъ настоящій спеціалистъ!.. То же скажу и насчетъ хирургіи. Всѣ эти антисептики, терапевтики и камъ тамъ ихъ еще называютъ — дѣлаютъ поразительные успѣхи, такъ что теперь ни одинъ больной не умираетъ во время операціи... онъ всегда умираетъ послѣ нея, но

не въ томъ суть; разъ операція удалась, то это не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. А Х-лучи!.. Что за изумительное открытіе!.. Подумайте только: вы можете видѣть все тѣло насквозь, такъ что въ наши дни положительно съ удовольствіемъ получаешь пулю, проглатываешь булавку или шпильку—даже изъ тѣхъ, которыми наши дамы такъ часто выкалываютъ намъ глаза, ложку, вилку, машину Ремингтонъ — что угодно: добыть изъ вашего желудка всѣ эти предметы сущій вздоръ!.. По крайней мѣрѣ въ больницахъ теперь сплошь и рядомъ производятся опыты такого сорта: больного усыпляютъ, а затѣмъ стрѣляютъ ему въ животъ, держатъ пари насчетъ того—гдѣ именно застряла пула и съ помощью Х-лучей ихъ отыскиваютъ, достаютъ — а больной даже ничего и не почувствовалъ. Говорю вамъ—одинъ восторгъ!..

Но величайшее изъ открытій хирургіи—это по моему человѣческая прививка. Вы удивлены?.. А между тѣмъ нѣтъ ничего проще. Представьте себѣ—теперь людей прививаютъ, какъ деревья Можетъ быть носъ у васъ толстоватъ?.. Вамъ прививаютъ другой, поизящнѣе. У васъ подгуляли уши?.. Не печальтесь, ступайте къ спеціалисту и онъ посадитъ вамъ другія. Однимъ словомъ, если вы некрасивы, то исключительно по собственному желанію,—приложите маленькія усилія и вы станете красавцемъ. Въ нашемъ семействѣ всѣ сдѣлали себѣ такія прививки. У меня, напр., была вотъ здѣсь (показываетъ ладонь) бородавка, такъ я отправился къ спеціалисту и онъ срѣзалъ мнѣ всю ладонь, а на ея мѣстѣ привилъ тюленьей кожи. Преудобная и преэкономная, скажу вамъ, вещь!. Перчатокъ не надо!.. Также вотъ и зять мой страдалъ бѣдняга сильнѣйшими мигренями, пока не обратился къ спеціалисту. Тотъ вскрылъ ему черепъ и привилъ мозгъ гусака... Да, да—обыкновеннаго гусака!.. Что значитъ наука!.. Только тутъ требуется цѣлое гусиное стадо и называется такая операція.. погодите--дайте вспомнить... Тре... трепанація и обходится весьма дорого. Ну и что

же вы думаете?!.. Послѣ этой прививки зять пользуется превосходнѣйшимъ здоровьемъ!.. Со своимъ новымъ мозгомъ онъ даже не понимаетъ что такое болѣзнь... хотя надо сознаться превратился въ совершеннѣйшаго идіота; чуть только увидитъ хорошенькую женщину, сейчасъ и загогочетъ по гусиному: га! га!.. га!.. Такъ вотъ до чего дошли спеціалисты!..

Лекція.

(Кафедра и стаканъ воды) Милостивыя государыни и милостивые государи. Прежде всего объявляю вамъ, что я выбралъ себѣ новую профессію: сталъ лекторомъ. Пожалуйста, не воображайте, что это такъ легко!.. Прежде всего не „приссепетывать", ни „за...за...и...и...ка..ка...каться" тутъ нельзя: предпочтительнѣе также выговаривать всѣ буквы алфавита. Затѣмъ нельзя быть слишкомъ толстымъ—вы знаете, толстяки постоянно потѣютъ, (вытираетъ себѣ лобъ), задыхаются, утомляются и утомляютъ другихъ — такъ что иногда толстый лекторъ еле-еле доползаетъ до конца лекціи. Впрочемъ не хорошо быть и слишкомъ тощимъ; въ такомъ случаѣ, когда вы говорите, на шеѣ у васъ обрисовываются всѣ жилы, а Адамово яблоко—цѣлыхъ два часа ходитъ взадъ и впередъ, будто маятникъ. Отвратительно!.. Однимъ словомъ, лекторъ долженъ обладать пріятной наружностью и средней полноты—какъ разъ вродѣ меня... Поэтому, взвѣсивъ всѣ свои шансы, я и рѣшился стать лекторомъ. Разумѣется, существуетъ много такъ называемыхъ „ученыхъ" лекторовъ. Но подумать только, какихъ трудовъ стоитъ имъ эта ученость!.. Даже слеза пробиваетъ смотрѣть — до чего мучается человѣкъ... роется въ книгахъ, по ночамъ... А результаты?!.. Вѣдь ученый лекторъ никогда не производитъ ни малѣйшаго эффекта: отъ его лекціи пахнетъ школой, учительствомъ, тогда какъ у ме-

ня все вдохновенно, неожиданно, до такой степени неожиданно, что вотъ сейчасъ, напримѣръ, я и самъ не знаю, о чемъ собственно буду съ вами говорить... Но умѣть говорить обо всемъ вообще и ни о чемъ въ особенности — это великое искусство!.. И доступное весьма немногимъ, увѣряю васъ!.. Кажется, мнѣ пора отхлебнуть сахарной воды; пить воду необходимо, это знаете-ли придаетъ лекціи вѣсъ и торжественность. Сейчасъ я сдѣлаю себѣ лимонаду (выжимаетъ лимонъ въ стаканъ и мѣшаетъ ложкой). Я очень люблю лимонадъ—для лектора это самый подходящій напитокъ. Только почему, спрашиваю я васъ, когда вы заказываете себѣ лимонадъ въ ресторанѣ, вамъ приносятъ какую то ужасную, приторную гадость?.. Почему?.. Того и гляди испортишь себѣ желудокъ. Ну, а тутъ для лектора постарались!.. (пьетъ) Превосходно!.. Какъ это освѣжаетъ!..

Теперь вниманіе. О чемъ бы мнѣ съ вами поговорить?.. Гм... (задумывается). Ага!.. Нашелъ!.. Поговоримъ о Марокко. Хотя тутъ слѣдуетъ соблюдать большую осторожность, иначе могутъ возникнуть какія нибудь непріятности этакого знаете (полушепотомъ) политическаго свойства!.. Подождите немножко, я сначала загляну въ свои замѣтки (перебираетъ бумаги и находитъ счетъ, который просматриваетъ). Ахъ это не то, извините пожалуйста... Я ошибся—это счета моей жены... Я ихъ постоянно ношу при себѣ, чтобы всегда знаете можно было провѣрить... потому что плачу то за нихъ я!.. Я очень щедръ, увѣряю васъ, но люблю во всемъ точность. Все таки, скажите, знаете ли вы что нибудь нелѣпѣе женскаго мотовства?.. Если вы женаты —то навѣрно знаете... Смотрите, вотъ, напр., счетъ модистки (читаетъ). Бѣлая, фетровая шляпа со страусовымъ перомъ натуральной завивки — 70 руб. А?! 70 р?.. Конечно, шляпа эта очень красива и жена въ ней прехорошенькая. Вы видѣли—такая большая, круглая шляпа съ загнутыми полями и громаднымъ перомъ вокругъ (дѣлаетъ широкіе круги у себя надъ головой), но

70 р. все-таки дороговаго! А ужъ эта мнѣ натуральная завивка. Богъ съ ней!.. При малѣйшей сырости она расходится—а за подвивку изволь платить каждый разъ по 10 р... И къ тому же представьте—для того чтобы получить эту натуральную завивку—ощипываютъ живыхъ страусовъ!.. Бѣдныя птицы! Положимъ, въ тѣхъ мѣстахъ еще не имѣется общества покровительства животнымъ... Неправда ли, страусъ преинтересное животное?.. Я ужъ не говорю о его замѣчательной силѣ и удивительномъ желудкѣ — это извѣстно каждому, не буду также упоминать о его привычкѣ прятать голову, воображая, что тогда его никто не видитъ—нѣтъ, я только хочу сказать, что напрасно страусовъ считаютъ глупыми. Наоборотъ, они очень умны, потому что несутъ яйца на дорогахъ и заставляютъ самцовъ высиживать ихъ и ухаживать за птенцами - а сами въ это время кокетничаютъ и флиртуютъ. Ну развѣ это глупо? Развѣ не похоже на нашихъ женъ?.. А это видите (беретъ другой счетъ). Это счетъ куаффера. (читаетъ) Маленькій фронъ натуральной завивки—50 р. Опять натуральная завивка!.. Никуда мнѣ отъ нея не уйти!.. И опять та же исторія, что со страусовыми перьями:—она постоянно развивается, выцвѣтаетъ и за поправку платишь каждый разъ по 10 р!.. Что говорить—женщинамъ очень къ лицу разные тамъ локончики. Это придаетъ имъ такой плутовской видъ!.. Можетъ быть, они пошли бы и мужчинамъ, а, какъ вы думаете?.. Я себѣ тоже заказалъ накладку — только сюда... (хлопаетъ себя по лысинѣ): и—повѣрите-ли—за эту штуку съ меня спросили 100 р. Цѣлыхъ 100 р!

А это что?.. (разсматриваетъ). А, корсетница. До чего нынче дороги корсеты, господа!.. (читаетъ). Корсетъ „тайна", отдѣланный кружевами — 95 р. Ужасно!.. Тутъ уже нѣтъ натуральной завивки—зато есть настоящія кружева!.. Вчера я сказалъ женѣ: послушай, милочка, вѣдь это же безуміе—пришивать настоящія кружева туда, гдѣ ихъ все равно никто не видитъ!.. (удивленно, женскимъ голо-

сомъ). „Какъ — никто не видитъ!..“ и нѣсколько минутъ спустя сердито прибавила: „ихъ вижу я сама—и этого достаточно“. Я, признаться, смутился, но—согласитесь—я былъ неправъ!.. Конечно, она немножко кокетка, но въ глубинѣ души—это вѣрная, преданная жена... и такая хорошенькая!.. Однако, извините, ради Бога—я васъ тутъ посвящаю въ свои семейныя дѣлишки, а вы ждете лекціи. Сейчасъ, сейчасъ—я возвращаюсь къ своей темѣ. Итакъ—я уже имѣлъ удовольствіе вамъ сообщить—главное достоинство лектора—это—умѣть выбрать интересную тему. Мнѣ удалось найти одну еще нетронутую и захватывающаго интереса — именно: о ростѣ человѣческихъ ногтей. Но я требую полнаго вашего вниманія и прошу сосредоточиться, ибо тема эта нѣсколько суха. Слушайте же меня хорошенько — и, если у васъ имѣется карандашъ, записывайте мои слова—вы объ этомъ не пожалѣете!...

По настоящему предмету уже были сдѣланы кое какія изслѣдованія—хотя слишкомъ поверхностныя. Я же—первый докопался до истинной сути вещей. Итакъ — ноготь начинаетъ расти еще въ утробѣ матери, но съ момента рожденія до пяти лѣтъ ростъ его очень незначителенъ. Съ пяти до тридцатилѣтняго возраста развитіе человѣческаго ногтя достигаетъ апогея—именно: одиннадцать сотыхъ миллиметра въ день и доходитъ даже до 14-ти сотыхъ — у брюнетовъ. Съ тридцати до 60-ти лѣтъ быстрота роста еще удовлетворительна, хотя и не превышаетъ девяти сотыхъ миллиметра въ день. Замѣчено, что средній палецъ правой руки уступаетъ въ быстротѣ роста остальнымъ пальцамъ. Какъ я уже упоминалъ (кажется, упоминалъ, а?!.) ноготь растетъ медленно, незамѣтно, но постоянно—живы вы или мертвы — ногтю нѣтъ до этого никакого дѣла. Однимъ словомъ—ноготь имѣетъ натуру скорѣе эгоистическую, антипатичную—вѣроятно потому его такъ преслѣдуютъ и все время уничтожаютъ. Ну что, видите? — всѣ вы внимательно слушаете мою лекцію. А почему, спрошу я васъ?!..

Только потому, что я выбралъ дѣйствительно интересную тему, которая держитъ публику въ подавленномъ,—то бишь напряженномъ — состояніи!..

Впрочемъ—я не желаю злоупотреблять вашимъ вниманіемъ... къ тому же вопросъ этотъ слишкомъ абстрактенъ и мы совершенно достаточно его разработали. Въ слѣдующей лекціи я поговорю съ вами о бородавкахъ. Это не менѣе захватывающая тема.

(Кланяется и уходитъ).

Визитъ.

Первый день Пасхи. Молодой нѣмецъ является съ визитомъ къ молодой дамѣ.

— Марья Ифановна! Посфольте поздравляйтъ фасъ съ такой великій тень...

— Благодарю васъ Карлъ Фердинандовичъ, садитесь пожалуйста, не угодно-ли закусить?

— Блягодару фасъ. (Садятся).

— Кушайте пожалуйста. (Наливаетъ ему рюмку водки).

— Блягодару фасъ. (Пьетъ). Марья Ифановна, я тольженъ разсказайтъ фамъ утифительный происшествій...

— Кушайте пожалуйста. (Наливаетъ).

— Блягодару фасъ. (Пьетъ). Утифительный происшествій. Это произошоль фчера...

— Кушайте пожалуйста. (Наливаетъ).

— Блягодару фасъ. (Пьетъ). Утифительный происшествій!.. Фчера мы опѣтали у каспадина Дитрихъ...

— Кушайте пожалуйста. (Наливаетъ).

— Блягодару фасъ. (Пьетъ). Такъ, какъ фи

ситите, Марья Ифановна, ситѣлъ каспадинъ Дитрихъ, а такъ какъ я сижу, ситѣлъ каспадинъ Дидрихсонъ...

— Кушайте пожалуйста.

— Блягодару фасъ. (Пьетъ). Такъ ситѣлъ каспадинъ Дитрихъ..

— Кушайте пожалуйста.

— Блягодару фасъ. (Пьетъ). Такъ ситѣлъ.. Дитрихъ, а такъ.. ситѣлъ.. каспадинъ Дит... рихъ... сонъ.

Кушайте пожалуйста.

— Бля-го-да-ру фасъ.. Такъ ситѣлъ... Дит... рихсонъ.. а такъ си... ситѣлъ... Дит... Дит... Дитрих-сонъ..

— Кушайте пожалуйста.

— Бля.. бля.. блягодару-у... фасъ... Такъ ситѣлъ... си...

— Кушайте пожалуйста.

— Бля.. года-а... ррру.. фасъ... Такъ.. такъ си... ситѣлъ... си-тѣлъ... мм...

— Кушайте пожалуйста.

— Такъ ситѣлъ ку... кушайте пожалюста.. а такъ си... ситѣлъ.. бля... блягодару фффасъ!..

Андреевъ Бурлакъ.

И. В. Лерскій.

Ревнивый актеръ.

(Монологъ).

Дѣйствующее лицо:—Даринъ, актеръ.

(Ремарка для исполнителя: Даринъ, выходя изъ-за кулисы, получаетъ записку отъ театр. служителя, идетъ на аванъ-сцену и, становясь въ позу чтеца, произноситъ: „Грѣшница, поэма графа Толстого". Пауза. Д. раскрываетъ ротъ, чтобы начать чтеніе, но, увидавъ почеркъ адреса на конвертѣ записки, забываетъ все и нервно обращается къ публикѣ).

Ага! Прекрасно, такъ-съ!.. Вотъ кстати, господа,
Вы—люди умные и ходите сюда
Комедіи смотрѣть, а можетъ быть и драмы, —
Извольте посудить! Вотъ вамъ письмо отъ дамы,
Съ которой я пять лѣтъ.. да что я за дуракъ?
Безъ предисловія, поймете все и такъ.

Ну-съ, кто она?—вамъ говорить не нужно,—
Жена моя, но жили съ ней мы дружно
И вдругъ...—Вчера былъ отмѣненъ
Внезапно водевиль и пьесой замѣненъ,
Въ которой вашъ слуга не занятъ. Я домой
Конечно побѣжалъ, и съ радости такой
Печенья накупилъ, мечтая о свиданьи,
О самоварѣ, о... ну, словомъ, въ ожиданьи
Вещей пріятнѣйшихъ—и попадаю вдругъ
Что курица во щи: предъ Вѣрочкой мой другъ...
Ну, имени его я называть не буду,
Но этого ему во вѣки не забуду!..
Да, правду говорятъ, что мы судьбы не знаемъ:
Ушелъ Парисомъ я, вернулся... Менелаемъ!
Скрестивши руки такъ, съ улыбкою презрѣнья,
Я молча сталъ въ дверяхъ. Они просить прощенья
Хотѣли, можетъ быть, но я, махнувъ рукой,
Оставилъ навсегда квартиру и... покой!
Съ недоумѣніемъ они мнѣ въ слѣдъ смотрѣли,
Она звала меня!.. Ну, что бы вы хотѣли,
Чтобъ сдѣлалъ я? Вернуться къ ней опять?
Слуга покорный, нѣтъ!! Дороги нѣту вспять,
Конецъ всему, разрывъ—и полный—и на вѣкъ.
О, женщина! Шекспиръ—великій человѣкъ
И зналъ, что говорилъ! (Пауза и злобная усмѣшка)
Онъ передъ ней стоялъ
Вотъ—на конѣняхъ такъ: Одной рукой обнялъ
Ее за талію, въ другой держалъ бумагу...
(Съ горечью). Должно быть что стихи! Онъ тутъ-
же далъ бы тягу,
Да некогда! Опять—и стыдно вѣроятно...
Одно тутъ, признаюсь, мнѣ не совсѣмъ понятно,
Какимъ-же образомъ... Эхъ, да не все-ль равно!
Все это кончено, забыто ужъ давно!
Нѣтъ, какова она? Вы скажете: актриса
Не то, что всякая кухарка Василиса
Или Матрена... Гмъ... положимъ, что талантъ,
Ну, нервы тамъ, ну... Нѣтъ! Хорошъ и этотъ
франтъ!
Туда-жъ, въ любовники! Невѣжа, пустомеля,
На сценѣ года съ три,—ну, безъ году недѣля,—

И ужъ въ любовники! Въ „Блуждающихъ Огняхъ“
Играетъ Макса онъ у насъ на этихъ дняхъ.
Хорошій будетъ Максъ! Куда ему въ актеры,
Ему по глупости идти въ... антрепренеры!
Нѣтъ, до чего у насъ вся публика глупа?
Вѣдь хлопаетъ ему безмозглая толпа!
Не можетъ онъ сыграть, не прочитавши роли,
А въ маѣ мѣсяцѣ поѣдетъ на гастроли!
Она должно за нимъ увяжется теперь,
Сначала въ Озерки, потомъ заѣдутъ въ Тверь,
А тамъ и на Кавказъ... Туда имъ и дорога!
Нѣтъ, что за женщина, скажите ради Бога!
Умна, талантлива, актриса, хоть куда,
Вы сами видѣли, конечно, господа;
И средства есть—и голосъ, ну, и—ростъ,
И все такое—да вотъ мужъ немножко простъ,
Не досмотрѣлъ дуракъ... Охъ, этими руками
Вотъ такъ бы я ее на мѣстѣ задушилъ!
А онъ-то—вотъ свинья! Третьеводни просилъ
Пройти съ нимъ Макса, а? Вѣдь Лидію жена
Должна была играть, такъ будто-бы она
Желаетъ, молъ, со мной пройти всю сцену эту
Въ послѣднемъ дѣйствіи. „Диковскаго“-де нѣту
Мнѣ равнаго нигдѣ, такъ ото всѣхъ въ секретѣ
Пройдемъ весь пятый актъ въ моемъ мы кабинетѣ.
Вы помните — тамъ Максъ предъ Лидой на колѣнахъ
Читаетъ монологъ. На нѣкоторыхъ сценахъ
Ведется иначе, Максъ на словахъ „такъ любишь!“
Встаетъ съ колѣнъ. Я говорю: погубишь
„Ты этакъ монологъ, а стой ты, какъ стоялъ,
„И нужно, чтобы ты ее за талью взялъ
„При словѣ: „будь весь міръ“.. Позвольте, что такое...
Э, нѣтъ! Не можетъ быть, сомнѣніе пустое!
Однако-же прочтемъ записочку жены.. (распечатываетъ конвертъ).
А тамъ судите всѣ и страстью полны,
Свой дайте приговоръ! Написано: „д-у-р-а-къ“!
И восклицательный большой поставленъ знакъ,
А подпись „Лидія“... Теперь все это ясно!

И кипятился я и буйствовалъ напрасно.
Вѣдь самъ-же я просилъ его зайти
И сцену Лидіи съ движеніемъ пройти —
Бумага-же въ рукѣ—то роль была, понятно!
Тьфу, Господи, ну какъ явлюсь я къ ней обратно?
И стыдно и смѣшно. Ахъ, вонъ она стоитъ;
Неужто слышала? Смѣется и манитъ.
(Торопливо). Простите, господа... она вонъ въ той кулисѣ...—
(идетъ, но потомъ вдругъ возвращается).
А все-же... не дай вамъ Богъ жениться на актрисѣ!
(Убѣгаетъ).

Графъ Ѳ. Соллогубъ.

На концертѣ.

(Монологъ).

Артистъ во фракѣ выходитъ на эстраду, окидываетъ публику иронически-сострадательнымъ взглядомъ, отвѣшиваетъ традиціонный поклонъ, долго блуждаетъ разсѣяннымъ взоромъ по рядамъ зрителей, вздыхаетъ и, наконецъ, голосомъ, въ которомъ звучитъ горькая нотка, произноситъ:

— На концертъ пришли... господа, ну что-жъ пришли такъ пришли... Сидите, сидите... Ваше дѣло. Но, ей-Богу, я вамъ не завидую... Одинъ вродѣ вашего покорнаго слуги выходитъ на эстраду и поретъ дичь... Гришку вѣшаетъ, хоронитъ по четыремъ разрядамъ, пилюли вертитъ, даже оперу всю представляетъ, другая выводитъ трели или воетъ сердцещипательные романсы и непремѣнно подъ Вяльцеву или усядется вотъ туда (указывая на стоящій на эстрадѣ рояль) и дуба-

ситъ болѣе или менѣе громко по роялю... А то еще выйдетъ какая-нибудь толщенная особа другой разъ и старается во что бы то ни стало насолить Савиной или Стрѣльской... За что—неизвѣстно... а публика сидитъ въ духотѣ, тѣснотѣ, точно приклеенная къ стульямъ. . Да и стулья тоже здѣсь, я вамъ доложу: на-дняхъ я тоже сѣлъ въ публику и разорваль себѣ... вотъ здѣсь, а вещь все-таки денегъ стоитъ... Удивительно остроумная штука эти всѣ концерты... У насъ почему-то это все называютъ духовнымъ развлеченьемъ. (Пауза. Поглядываетъ сострадательно на зрителей, зѣваетъ). Бѣдные вы мои, бѣдные... Да и мнѣ не лучше, если не хуже—что ужъ говорить. Что-жъ дѣлать... Терпѣть, такъ ужъ вмѣстѣ... На миру и смерть... какъ это говорится... (Смотритъ на часы). Ай, яй, яй, яй... Ну вотъ посмотрите: уже (столько-то) Поздно вѣдь... Сидѣть бы себѣ дома, чайку бы съ лимончикомъ, а то и съ вареньемъ, или такъ просто со знакомымъ поговорить, книжку хорошую почитать... Куприна тамъ или Андреева... Мало ли кого... А потомъ тихо, мирно: айда бай-бай .. Не вредно, а полезно. Правда, вѣдь. Однако зачѣмъ я это все вамъ говорю: вы, я вижу, не совсѣмъ со мной согласны, да и не для нашего брата-артиста эта идиллія... Покой намъ недоступенъ, запретный плодъ, такъ сказать... Когда всякій приличный гражданинъ задаетъ храповицкаго — ты тутъ какъ неприкаянный торчи во фракѣ, дѣлай веселую физіономію и.. „бреши", какъ говорятъ въ Хохландіи.

Что? Вы полагаете глупости... Т.-е. какъ? Я говорю ерунду и я скученъ? Вѣрно, вотъ что правда, то правда. Самъ знаю, чувствую. Что же мнѣ дѣлать... И радъ бы, да долженъ говорить, говорить и по программѣ говорить. Вотъ что съ. Вы полагаете не долженъ, если ничего въ запасѣ веселаго нѣтъ. А вы думаете другой будетъ веселѣе меня. Обманъ-съ, иллюзія, фантасмагорія. Ему также не весело, не сладко, онъ только смѣшную рожу лучше меня дѣлаетъ... Вѣрь-

те — поддѣлка, фальсификатъ. Такая ужъ наша несчастная профессія.. См-м-мѣйся, паяцъ... Ночному сторожу у Гостинаго двора, положимъ, еще хуже: онъ только подъ утро сможетъ заснуть... Но, вы, господа, какъ вы... Ей-Богу, я васъ не понимаю.. Съ какой стати вы добровольно лишаете себя покоя, домашняго уюта или пріятной бесѣды съ пріятелемъ. Непостижимо. Стоитъ развѣ цѣлый вечеръ провести въ концертѣ. Сиди и даже поговорить съ сосѣдомъ нельзя: не знакомъ да и не принято у насъ. Зашипятъ сейчасъ со всѣхъ сторонъ... Виноватъ, не знаю вашего имени отчества, ну скажите по совѣсти, развѣ вамъ ужъ такъ пріятно и весело это? Хорошо, а почему же вы ужъ разъ шесть зѣвнули—я замѣтилъ. Да и не вы одни. Я изъ артистической и тамъ зѣваютъ, а Таскинъ (Дуловъ-фамилія аккомпаніатора) тотъ уже спитъ на диванѣ. Серьезно... „Пока, говоритъ, твой номеръ будетъ идти—я, братъ, вздремну"... Однимъ словомъ вездѣ зеленая скука... Ну, я понимаю, если бы можно было слушать всѣ номера въ халатѣ, если бы здѣсь въ залѣ былъ буфетъ, что ли, вездѣ мягкіе диванчики. Да вотъ, разъ ужъ пошло на откровенность — я вамъ признаюсь — мнѣ ужасно ѣсть хочется... Что-то животное пробуждается во мнѣ... Такъ и съѣлъ бы кого-нибудь изъ васъ: вотъ напр. васъ, мадемуазель. А все почему — не успѣлъ пообѣдать. Хотѣлъ было захватить изъ дому этакій бутербродъ гигантъ изъ калача со сливочнымъ масломъ, съ холодной бараниной съ горчичкой... Нельзя, не принято... Какъ видите—я такой же рабъ общественныхъ формъ, какъ и вы. Ха, ха, ха, ха... Воображаю, что за гвалтъ подняли бы завтра товарищи переплетчики, виноватъ, господа рецензенты. Сколько свѣжаго матеріала для статей на тему: „О некультурности Актёровъ, черезъ Ѣ" далъ бы я имъ на недѣлю и все изъза бутерброда.. Какъ Купринъ бы возликовалъ!..

Знаете что, господа, пойдемте-ка мы домой. Сегодня я именинникъ?..

Потанцовали бы малость, закусили. Почему

здѣсь танцевъ нѣтъ?.. Ахъ да, концертъ, я забылъ: неприлично. А ночь превращать въ день прилично. А заводить знакомства, которыя начавшись концертомъ, кончаются бракомъ—это хорошо. (Вздыхаетъ) Почему я вздыхаю? А потому, что изъ-за одного изъ такихъ концертовъ я самъ въ одинъ прекрасный день оказался состоящимъ въ бракѣ... Да что говорить... Когда-нибудь я вамъ объ этомъ разскажу,а теперь устроимъ баллотировку. Кто изъ присутствующихъ согласенъ съ тѣмъ, что пора домой—прошу сидѣть, кто противъ: прошу встать. Всѣ сидятъ - значитъ всѣ со мной согласны Очень радъ. Ну, а теперь в с т а в а й т е, айда до дому — смотрите, капельдинеръ уже спитъ, а то заставятъ насъ лампы тушить.

Ив. Лерскій.

Приняли.

(Переводъ съ еврейскаго).

Вагонъ 3-го класса. Ежеминутно мѣняются передъ вами новые типы; одинъ входитъ, другой выходитъ; недавно лишь, по ту сторону Барановичей, я легъ спать съ цѣлой „холястрой", кажется, все знакомыхъ лицъ, а проснулся — новыя физіономіи, новыя платья, новые типы!..

На дворѣ свѣтаетъ, и синяя полоса пробивается въ окно, но тусклый огонь въ вагонномъ фонарѣ еще мерцаетъ, отдавая тяжелымъ и непріятнымъ запахомъ. Публика, въ общемъ, еще спитъ. Я открылъ полузакрытые глаза и увидѣлъ предъ собою въ концѣ скамьи двухъ евреевъ.

Одинъ сидитъ, опершись головой о стѣнку, съ закрытыми глазами, чешется подъ жилетомъ и зѣваетъ, а другой, наоборотъ, сидитъ, наклонивши голову внизъ, смотритъ на концы своихъ ногъ, третъ руками колѣни и всѣмъ корпусомъ шатается.

Оба они говорятъ однимъ тономъ, не то высокимъ, не то низкимъ, и говорятъ не другъ съ другомъ, а каждый, какъ будто бы, говоритъ съ самимъ собою.

Нехотя, я прислушиваюсь къ ихъ разговору.

— Куда они лѣзутъ? вѣдь не допускаютъ, гонятъ ихъ какъ собакъ, палками гонятъ. Нѣтъ! Такъ имъ все-таки хочется только латынь. Говорю я моему,—на какого чорта вамъ это, не лучше было бы уже, говорю я, за это время научиться, говорю я, какому-нибудь ремеслу?

— То же самое, что съ моимъ!

— Странный какой-то міръ... Недавно лишь, кажется, были заняты собраніями, засѣданіями, митингами, носились съ красными флагами, и, вотъ,— на-те вамъ совсѣмъ латынь!

— То-же самое, что съ моимъ: онъ поглотилъ бы весь міръ. День и ночь, день и ночь — географія...

— Я только хотѣлъ бы знать, что изъ этого будетъ? Допустимъ на минуту, что ихъ уже допустили и они уже хорошо выдержали, гладко, хорошо и прекрасно, все кругомъ, какъ слѣдуетъ, ну, а дальше? Дальше что? Нѣтъ, я васъ спрашиваю, что будетъ дальше? Если бы они хоть были богатые, а то они всѣ—капцаны! Вамъ нужно было бы видѣть этихъ юношей у насъ: оборванные, ободранные, голодныя дѣти портныхъ и сапожниковъ.

— У меня то-же самое. Мой, кромѣ того, что достаточно возится съ собою, имѣетъ еще учениковъ—трехъ бѣдныхъ парней.

— Я уже давно плюнулъ бы: чортъ тебя возьми, выбивайся изъ силъ! — что мнѣ въ самомъ

дѣлѣ до этого? Моей головы я на тебя не посажу, и что я могу сдѣлать? Могу ходить, надоѣдать, просить. Сначала я имѣлъ протекцію и сильную протекцію. Нашъ главноуправляющій обѣщалъ мнѣ письмо къ правителю канцеляріи попечителя округа, и я началъ ходить къ нему за письмомъ. День за днемъ, день за днемъ, и каждый разъ онъ откладываетъ на завтра, завтра—на послѣ-завтра, такъ что это порядочно мнѣ надоѣло. На силу-то, послѣ долгихъ мытарствъ, я выплакалъ у него письмо и отправился съ нимъ къ правителю канцеляріи. Пріѣзжаю я къ правителю канцеляріи попечителя округа, оказывается, что правитель канцеляріи уже не состоитъ правителемъ канцеляріи, а попечитель округа уже получилъ должность губернатора и, говорятъ, со временемъ сдѣлается министромъ народнаго просвѣщенія. Но пока что—мнѣ плохо.

— То-же самое, что у меня. У насъ былъ нѣкій Маршакъ, который объѣхалъ весь міръ и нигдѣ не былъ допущенъ, такъ онъ взялъ и совсѣмъ отравился...

— А что-же? развѣ можно перенести это горе съ процентами и циркулярами? Что день, то новый циркуляръ. Сколько еврейскихъ юношей — столько циркуляровъ.. Вотъ вы увидите, дождемся мы того, что совсѣмъ перестанутъ принимать. Напримѣръ, возьмите Шполу. Шпола — еврейскій городъ? Не такъ-ли?

— Или, напримѣръ, въ Ананьевѣ. Въ Ананьевѣ ежегодно принимали не менѣе трехъ евреевъ.

— Для чего вамъ Ананьевъ? Возьмите лучше Томашполь. Въ Томашполѣ, говорятъ, въ этомъ году не приняли ни одного еврея.

— А у насъ въ этомъ году приняли 18 евреевъ.

Этотъ послѣдній голосъ раздался сверху. Мои оба еврея (и я также), оглянувшись, посмотрѣли на верхнюю полку, и глазамъ нашимъ представилась пара ногъ въ висячемъ положеніи, одѣтыхъ въ глубокія резиновыя галоши. Ноги принадлежали

еврею съ всклокоченной головой и заспаннымъ, какъ будто опухшимъ лицомъ.

Оба собесѣдника, глядя на заспаннаго еврея, положительно ѣдятъ его глазами, какъ будто онъ рѣдкое явленіе, оба вмѣстѣ сразу оживляются, съ искрящимися отъ радости глазами спрашиваютъ у верхняго:

— У васъ, говорите, приняли 18 евреевъ?

— 18 штукъ, какъ одного, въ томъ числѣ и моего.

— Вашего также приняли?

— Еще какъ приняли!

— Гдѣ, гдѣ?

— У насъ таки, въ Малой Перещепеной?

— Въ какой Перещепеной? Гдѣ это Перещепена?

Оба поднимаются на ноги, переглядываясь другъ съ другомъ, и во всѣ глаза смотрятъ на субъекта съ верхней полки. Послѣдній, насупившись, глядитъ внизъ.

— Малую Перещепену вы не знаете? Есть городокъ такой. Вы совсѣмъ никогда не слыхали? Есть двѣ Перещепены: Большая Перещепена и Малая Перещепена, такъ я самъ изъ Малой Перещепены.

— Если такъ, то слѣзьте, пожалуйста, сюда; что вы тамъ будете сидѣть одни подъ потолкомъ?

Владѣлецъ ногъ въ резиновыхъ галошахъ медленно и кряхтя слѣзаетъ къ двумъ собесѣдникамъ, которые раздвигаются, очищая для него мѣсто и, какъ голодная саранча, набрасываются на него.

— Такъ вы говорите, что вашего приняли?

— Еще какъ приняли!

— Скажите же любезный, какъ это случилось и какимъ образомъ? У васъ, повидимому, берутъ...

— Деньги, вы думаете? Боже упаси! О деньгахъ нельзя даже упоминать! Т. е., когда-то у насъ, положимъ, брали деньги, и еще какія деньги! О-го-го! Бывало, ѣздили къ намъ даже изъ окруж-

ныхъ мѣстъ, зная уже, что Перещепена—это городокъ, гдѣ берутъ.. Но уже года два, какъ донесли (на мое счастье)—и перестали брать и у насъ деньги.

— А что-же? протекція?

— Какая тамъ протекція? Они разъ навсегда постановили: какъ только еврей, такъ и принять! „Принимать и никакихъ!"

— И это правда? Что вы говорите? Вы, повидимому, издѣваетесь надъ нами.

— Какія тамъ издѣвательства? Я вовсе на это не способенъ

Всѣ трое подозрительно смотрятъ другъ на друга, какъ будто каждый хочетъ прочесть, что у другого на лицѣ написано, но такъ какъ на ихъ лицахъ ничего рѣшительно не написано, то прежніе двое спрашиваютъ третьяго:

— Постойте, какъ вы сказали? Откуда вы сами?

Третій уже начинаетъ какъ бы немного негодовать.

— Я же вамъ уже три раза сказалъ, что изъ Перещепеной , Малой Перещепеной.

— Простите насъ, мы впервые слышимъ городъ съ такимъ названіемъ.

— Ха-ха-ха! Перещепена—городъ? Вотъ тебѣ тоже городъ! Перещепена—не городъ, а городокъ, можно сказать, деревня.

— А все—таки, по вашимъ словамъ, имѣется у васъ тамъ... гимназія!

Перещепенскій еврей сурово и пристально смотритъ на нихъ.

— Кто же вамъ сказалъ, что у насъ въ Перещепеной имѣется гимназія?

Мои оба еврея въ свою очередь удивленно смотрятъ на третьяго.

— Вы же говорите, что вашего приняли у васъ таки, въ Перещепеной?

Перещепенскій еврей смотритъ на нихъ разбойничьими глазами, затѣмъ онъ встаетъ и кричитъ имъ прямо въ лицо:

— Въ солдаты его приняли! Въ солдаты! Въ солдаты!

Шоломъ-Алейхемъ.

Наши за-границей.

Изъ повѣсти Н. А. Лейкина.

Переѣхали русскую границу. Показался прусскій орелъ, изображенный на щитѣ, прибитомъ къ столбу. Поѣздъ подъѣхалъ къ станціонному зданію. Русскіе кондуктора въ послѣдній разъ отворили дверь вагоновъ. Послышалась нѣмецкая рѣчь. Стояли два откормленные нѣмца въ черныхъ военныхъ плащахъ съ множествомъ пуговицъ по правую сторону груди и въ каскахъ со штыками. „Ейдкуненъ"! возгласилъ кто-то, проглатывая слова. Виднѣлись вывѣски со стрѣлами и съ надписями „Herrn", „Damen". Пассажиры стали снимать съ полокъ ручной багажъ и начали выходить изъ вагоновъ, въ числѣ ихъ былъ и молодой купецъ съ женой, купеческое происхожденіе котораго сказывалось въ каждой складкѣ, въ каждомъ движеніи, хотя онъ и былъ одѣтъ по послѣдней модѣ. Прежде всего онъ ударилъ себя ладонью по дну шляпы котелкомъ и сказалъ женѣ:

— Ну-съ, Глафира Семеновна, пріѣхали въ за границу. Теперь слѣдуетъ намъ свое образованіе доказывать. Сажайте иностранныя слова! Сажайте безъ всякихъ стѣсненіевъ. Жарьте во всю.

Молодая супруга, одѣтая тоже по послѣдней модѣ, смутилась и покраснѣла.

— А какая это земля?—спросила она.

— Знамо дѣло—Нѣметчина. Нѣмецъ всегда на границѣ стоитъ. Помимо нѣмца ни въ какую чу-

жую землю не проѣдешь. Забирайте свою подушку-то. Мнѣ три не протащить сквозь двери. А насчетъ саквояжей мы носильщика крикнемъ. Какъ носильщикъ-то на нѣмецкій манеръ?

— Я, Николай Иванычъ, не знаю, насъ этимъ словамъ въ пансіонѣ не обучали. Да и вообще я по-нѣмецки очень плохо... Когда учитель-нѣмецъ приходилъ, то у меня всегда зубы болѣли.

— Какъ же это такъ... А говорили, что обучались.

— Я и обучалась, а только комнатныя слова знаю. Вотъ ежели что въ комнатѣ или съ кѣмъ поздороваться и спросить о погодѣ.

— Странно... самъ же я слышалъ, какъ вы стихи читали на иностранномъ діалектѣ.

— То по-французски. Вотъ ежели по-французски придется, то я больше знаю.

— Какъ тутъ въ нѣмецкой землѣ по-французски! Здѣсь за французскій языкъ въ участокъ могутъ сволочь. Нѣмецъ страхъ какъ француза не любитъ. Ему французъ—что тараканъ во щахъ. Эй, носильщикъ! - кричитъ купецъ. — Гутъ моргенъ... какъ васъ?.. Коммензи... Наши чемоданы. Брингензи... Саквояжи...

— Вотъ видишь, ты и самъ нѣмецкія слова знаешь.

— Десять-то словъ! На этомъ не много уѣдешь. Хмельного я самъ попрошу по-нѣмецки, потому хмельныя слова я знаю, а остальныя ни въ зубъ. Эй, херъ носильщикъ! Херъ—это по ихнему господинъ. Поучтивѣе, такъ, можетъ, лучше... Херъ носильщикъ! Несетъ, подлецъ! Въ другой вагонъ проперъ. Неужто самому придется переть?.. Вытаскивай подушки, а я саквояжи... Тащи? Чего же стала?

— Да видишь, главная подушка не пролѣзаетъ. Надо по одной штукѣ...

— И къ чему только ты три подушки съ собой забрала!

— Да я не могу на одной спать. Голова зате-

кастъ. И наконецъ, вѣдь, не знаешь, куда ѣдешь Можетъ быть, тамъ и вовсе безъ подушекъ...

— Брось подушки. Давай, я ихъ вытащу... Ну, пропихивай сзади, пропихивай... Вотъ такъ.. Вѣдь таможня здѣсь. Не стали бы нѣмцы подушки распарывать и искать въ нихъ? Вѣдь цѣлыя перины мы притащили. Не сочли бы за мѣшки съ товаромъ. Хоть сказать имъ, что это подушки. Какъ подушки-то по-нѣмецки?

— Не знаю.

— Здравствуйте! А сейчасъ хвасталась, что всѣ комнатныя слова знаешь. Вѣдь подушка—комнатное слово.

— Знала, да забыла. И чего вы на меня сердитесь. Вѣдь вы и сами не знаете!

— Я другое дѣло. Я спеціалистъ по хмельнымъ словамъ. Вотъ въ буфетѣ я въ лучшемъ видѣ... „Биръ-тринкенъ... Шнапсъ-тринкенъ... Зейдель... фляше... бутербродъ“ .. и, наконецъ, я въ пансіонѣ не обучался. Нѣмецкимъ словамъ я выучился у нѣмцевъ-колонистовъ, которые пріѣзжаютъ къ намъ въ лавку веревки, парусину и гвозди покупать. „Ейнъ, цвей, дрей, фиръ, фиръ рубль, цванцигъ копекенъ“. Считать по-нѣмецки тебѣ что угодно высчитаю, а другихъ я словъ не знаю. Ну, постой тутъ около подушекъ, а я саквояжи вытащу. Эй, херъ носильщикъ! Нумеръ ейнъ ундъ цванцигъ! Комензи!—снова началъ кричать купецъ и манить носильщика.

Носильщикъ, наконецъ, подошелъ, взялъ вещи и понесъ ихъ. Купецъ и его супруга тащили сзади подушки, зонтики, пледъ и ватное одѣяло

— Sollamt... jetct ist Sollamt... Rosser haben Zie, mein Herr? спрашивалъ носильщикъ купца.

— Чортъ его знаетъ, что онъ бормочетъ! — воскликнулъ купецъ. — Глафира Семеновна, понимаешь?—обратился онъ къ женѣ.

— Да должно быть на чай проситъ. Дай ему,— отвѣтила та.

— Ну, народъ! Даже двугривеннаго не хотятъ повѣрить и впередъ деньги требуютъ. Бери, бери...

Вотъ три гривенника. Не надувать сюда пріѣхали. Мы въ Петербургѣ въ полномъ довѣріи. У меня по банкамъ на полтораста тысячъ векселей гуляетъ...

Носильщикъ денегъ не бралъ и говорилъ:

— Nacher, nacher werden Zie sahlen...

— Глаша! Не беретъ. Неужто двухъ пятиалтынныхъ мало?—недоумѣвалъ купецъ. — Иль, можетъ быть, ему нѣмецкія деньги надо?

— Да, конечно же, онъ нѣмецкія деньги требуетъ.

— Дейчъ гельдъ хочешь? Дейчъ надо размѣнять. Понимаешь? Ничего не понимаетъ. Глаша! Да скажи ему по-нѣмецки, какъ васъ учили. Чего ты стыдишься-то! Ну, какъ по-нѣмецки мѣняльная лавка? Сади!

— Ахъ, Боже мой! Ну, что ты ко мнѣ пристаешь-то!

— Ничего не знаетъ! А еще у мадамы училась.

— Мѣняльную лавку вы найдете въ вокзалѣ. Тамъ еврей вамъ и размѣняетъ, — послышалось сзади по-русски.

Говорилъ какой-то господинъ въ войлочной дорожной шапочкѣ. Купецъ обернулся и сказалъ:

— Мерси васъ.. Удивительно, какъ трудно безъ нѣмецкаго языка... Ничего не понимаютъ. Будьте добры сказать этой колбасѣ, что онъ на чай въ лучшемъ видѣ получитъ, какъ только я размѣняю русскія деньги. Ну, вотъ... Еще мерси васъ... Извините... А какъ по-нѣмецки мѣняльная лавка, чтобы я могъ спросить?

— Векселъбуде.. По еврей, который будетъ мѣнять вамъ деньги, говоритъ по-русски.

— Анкоръ мерси васъ... Векселъбуде, векселъбуде,—твердилъ купецъ. — Запомни, Глаша, какъ мѣняльная лавка называется, а то я, впопыхахъ-то могу забыть. Векселъбуде, векселъбуде.

У дверей въ вокзалѣ стояли прусскіе жандар-

мы и таможенные чиновники отбирали паспорты и пропускали пассажировъ по очереди.

— Эхъ, слѣдовало бы захватить съ собой въ дорогу Карла Адамыча для нѣмецкаго языка, — говорилъ купецъ.—Онъ хоть пропойный человѣкъ, а все-таки съ языкомъ. Пріодѣть бы его въ мое старое пальтишко, такъ онъ и совсѣмъ бы за барина сошелъ. Только вѣдь дорога, да выпивка, а ѣстъ онъ самые пустяки. Положительно слѣдовало бы его взять, и въ лучшемъ бы видѣ онъ по-нѣмецки бормоталъ.

— Такъ отчего же не взялъ?—сказала жена.

— А не сама ли ты говорила, что я съ нимъ съ круга сбиться могу? Я на твое образованіе надѣялся, думалъ, что ежели ужъ у мадамы въ пансіонѣ училась и нѣмецкіе стихи знаешь, такъ какъ же нѣмецкихъ-то словъ не знать; а ты даже безъ того понятія, какъ подушка по-нѣмецки называется.

— Тебѣ вѣдь сказано, что я политичныя слова знаю, а подушка развѣ политичное слово.

— Врешь! Ты даже сейчасъ хвасталась, что комнатныя слова знаешь.

— Фу, какъ ты мнѣ надоѣлъ! Вотъ возьму да на зло тебѣ и заплачу.

— Да плачь. Чортъ съ тобой!

Жена слезливо заморгала глазами. Купецъ проталкивалъ ее впередъ.

— Пассъ!—возгласилъ жандармъ и загородилъ ей дорогу.

— Глаша! Что онъ говоритъ? Чего ему нужно!—спрашивалъ у жены купецъ.

— Отстань. Ничего не знаю.

— Пассъ!—повторилъ жандармъ и протянулъ руку.

— Ну, вотъ извольте видѣть, словно онъ будто въ винтъ играетъ: пассъ да пассъ.

— Отдайте свой паспортъ. Онъ паспортъ требуетъ,—сказалъ кто-то по-русски.

— Паспортъ? Ну, такъ бы и говорилъ, а то пассъ да пассъ... Вотъ паспортъ.

Купецъ отдалъ паспортъ и проскользнулъ

сквозь двери. Жену задержали и тоже требовали паспортъ.

— Глаша! Чего жъ ты?.. Иди сюда... Глафира Семеновна! Чего ты стала?—кричитъ купецъ.

— Да не пускаютъ. Вонъ онъ руки распространяетъ, отвѣчала та.—Пусти же меня!—раздраженно рванулась она.

— Пассъ! возвысилъ голосъ жандармъ.

— Да вѣдь я отдалъ ейный паспортъ. Жена при мужѣ... Жена въ моемъ паспортѣ... Паспортъ у насъ общій... Это жена моя... Послушайте, херъ... Такъ не дѣлается .. Это безобразіе... Ейнъ паспортъ на цвей,—возмущался купецъ.

— Я жена его... Я фрау, фрау... А онъ мужъ... Это мой мари... монъ мари... бормотала жена.

Наконецъ ее пропустили.

— Ну, народъ! — воскликнулъ купецъ. — Ни одного слова по-русски... А еще, говорятъ, образованные нѣмцы! Говорятъ, куда ни плюнь, вездѣ университетъ или академія наукъ. Гдѣ же тутъ образованіе, спрашивается?! Тьфу, чтобы вамъ сдохнуть!

Купецъ плюнулъ.

Н. Лейкинъ

Не сошлись характерами.

Сцена изъ пьесы А. Н. Островскаго.

(На галлереѣ).

КАРПЪ КАРПЫЧЪ И УЛИТА НІКИТИШНА (садятся у стола на галлереѣ).

Улита Никитишна (заваривая чай).

Нынче все муаръ-антикъ въ моду пошелъ.

Карпъ Карпычъ.

Какой это муаръ-антикъ?

Улита Никитишна.

Такая матерія.

Карпъ Карпычъ.

Ну и пущай ее.

Улита Никитишна.

Да я такъ... Вотъ кабы Серафимочка замужъ вышла, такъ ужъ сшила бы себѣ, кажется.. Всѣ дамы носятъ.

Карпъ Карпычъ.

А ты нешто дама?

Улита Никитишна.

Обыкновенно дама.

Карпъ Карпычъ.

Да вотъ можешь ты чувствовать, не могу я слышать этого слова... когда ты себя дамой называешь.

Улита Никитишна.

Да что же такое за слово—дама? что въ немъ.. (ищетъ слова) постыднаго?

Карпъ Карпычъ.

Да коли не люблю! Вотъ тебѣ и сказъ!

Улита Никитишна.

Ну, а Серафимочка дама?

Карпъ Карпычъ.

Извѣстно дама, та ученая, да за барином ъ была. А ты что? Все была баба, а какъ мужъ разбогатѣлъ, дама стала. А ты своимъ умомъ дойди..

Улита Никитишна.

Да нѣтъ! Все-таки... какъ-же!

Карпъ Карпычъ.

Сказано—молчи, ну и баста! (молчаніе).

Улита Никитишна.

Когда было это сраженіе?

Карпъ Карпычъ.

Какое сраженіе?

Улита Никитишна.

Ну вотъ недавно-то. Развѣ не помнишь, что ли?

Карпъ Карпычъ.

Такъ что же?

Улита Никитишна.

Такъ много изъ простого званія въ офицеры произошли.

Карпъ Карпычъ.

Вѣдь не бабы же. За свою службу каждый получаетъ, что соотвѣтственно.

Улита Никитишна.

А какъ же вотъ, къ намъ мѣщанка ходитъ, такъ говорила, что когда племянникъ курсъ выдержитъ, такъ и она будетъ благородная.

Карпъ Карпычъ.

Да, дожидайся.

Улита Никитишна.

А говорятъ, въ какихъ-то земляхъ изъ женщинъ полки есть.

Карпъ Карпычъ (смѣется).

Гвардія! (молчаніе).

Улита Никитишна.

Говорятъ, грѣшно чай пить.

Карпъ Карпычъ.

Это еще отчего?

Улита Никитишна.

Потому, изъ некрещеной земли идетъ.

Карпъ Карпычъ.

Мало ли что изъ некрещеной земли идетъ.

Улита Никитишна.

Вотъ тебѣ примѣръ: хлѣбъ изъ крещеной земли, мы его и ѣдимъ во время; а чай — когда пьемъ? Люди къ обѣднѣ, а мы за чай! вотъ теперь вечерня, а мы за чай. Вотъ и значитъ грѣхъ.

Карпъ Карпычъ.

А ты пей во-время.

Улита Никитишна.

Нѣтъ все-таки...

Карпъ Карпычъ.

Все-таки молчи. Ума у тебя нѣтъ, а разговаривать любишь. Ну и молчи! (молчаніе).

Улита Никитишна.

Какая Серафимочка у насъ счастливая! Была за бариномъ—барыня стала; и овдовѣла—все-таки барыня. А какъ теперь, если за князя выйдетъ, такъ, пожалуй, княгиня будетъ.

Карпъ Карпычъ.

Все-таки по мужѣ.

Улита Никитишна.

Ну, а какъ за князя выйдетъ, неужто я такъ-таки ничего? Вѣдь она мое рожденіе.

Карпъ Карпычъ.

Съ тобой говорить, только мысли въ головѣ разбивать. Я было объ дѣлѣ задумалъ, а ты тутъ съ разговоромъ да съ глупостями. Вѣдь вашего, бабьяго, разговору всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебѣ: молчи! такъ вотъ дѣло-то короче будетъ (задумывается. Молчаніе Вбѣгаетъ Матрена).

Матрена.

Матушка, Улита Никитишна, Серафима Карповна пріѣхала.

Улита Никитишна.

Ахъ, батюшки! (быстро встаетъ и уходитъ съ Матреною).

Кабы на бабъ да не страхъ, съ ними бы и не сообразилъ. Есть свое дѣло, такъ нѣтъ, давай лѣзть въ чужое. Пристаетъ къ мужу: скажи свое дѣло и свою тайну, и прельщаетъ его прелестью и лукавствомъ, и осклабляетъ лицо свое—и все на погибель. И кто имъ скажетъ свое дѣло, онѣ наущаютъ и соблазняютъ: дѣлай не такъ, а вотъ такъ, по моему желанію. И многіе мужи погибли отъ женъ. Молодой человѣкъ, который и неопытный, можетъ польститься на ихъ прелесть, а человѣкъ, который въ разумъ входитъ и въ лѣта постоянны,—для того женская прелесть ничего не значитъ, даже скверно.

А. Островскій.

Тинскій.

О горничныхъ.

Я бросаю проклятіе холостяка на всѣхъ горничныхъ, безъ различія возраста и національности.

И вотъ почему.

Онѣ всегда кладутъ подушки по другую сторону газоваго рожка, такъ что, читая и куря передъ сномъ, — а это — старинная и весьма милая привычка холостяковъ, — мы вынуждены держать книжку высоко надъ головою, чтобы защитить себя отъ рѣзкаго свѣта.

Когда же онѣ на слѣдующій день замѣтятъ, что подушки лежатъ на другомъ концѣ кровати, онѣ не обратятъ рѣшительно никакого вниманія на это и безъ всякаго состраданія къ вашей безпомощности снова положатъ на старое мѣсто по-

душки и въ глубинѣ души смѣются надъ вашимъ гнѣвомъ и страданіями, вызванными ихъ тираніей.

И всякій разъ, когда онѣ замѣтятъ переложенныя на другой конецъ кровати подушки, онѣ нарочно перекладываютъ ихъ на прежнее мѣсто и такимъ образомъ отравляютъ Богомъ данную вамъ жизнь.

Если онѣ не могутъ передвинуть газовый рожокъ такъ, чтобы свѣтъ вамъ рѣзалъ глаза, онѣ отодвигаютъ кровать, лишь бы вамъ насолить.

Если мы поставимъ нашъ сундукъ на разстояніи шести сантиметровъ отъ стѣны, чтобы при открываніи крышка его опирала ь о стѣну, онѣ его непремѣнно придвинутъ къ стѣнѣ.

Дѣлаютъ онѣ это съ умысломъ

Если вы поставите плевательницу на удобное вамъ мѣсто, онѣ никогда не согласятся и непремѣнно поставятъ на другое мѣсто.

Вторую пару вашихъ башмаковъ онѣ непремѣнно запрячутъ въ какой-либо отдаленный уголъ.

Истинное удовольствіе доставляетъ имъ, когда имъ удается запрятать ихъ далеко подъ кровать.

Дѣлаютъ онѣ это затѣмъ, чтобы заставить васъ ползать на четверенькахъ и въ темнотѣ разыскивать ихъ при помощи палки.

Коробку со спичками онѣ всегда кладутъ на другое мѣсто, а вмѣсто нихъ ставятъ бутылку или какой-либо другой хрупкій предметъ.

А дѣлаютъ онѣ это затѣмъ, чтобы вы, разыскивая въ темнотѣ спички, непремѣнно разбили стаканъ или что-либо въ этомъ родѣ.

Вѣчно онѣ заняты перестановкой мебели въ вашей комнатѣ.

Если вы вернетесь домой поздно ночью, то можете быть увѣрены, что письменный столъ вы найдете тамъ, гдѣ утромъ стоялъ шкафъ.

А если вы утромъ при уходѣ оставите кресло у окна, а умывальникъ у дверей, то вы можете быть увѣрены, что вечеромъ вы натолкнетесь на кресло у двери и сядете на умывальникъ у окна

Для насъ это все — вещи непріятныя, а имъ это доставляетъ удовольствіе.

Если вы куда-либо положите какой-либо предметъ, онѣ при первомъ же случаѣ переложатъ его въ другое мѣсто.

Ужъ такова ихъ натура.

Притомъ ваше раздраженіе доставляетъ имъ неимовѣрное удовольствіе.

Онѣ предпочли бы, пожалуй, умереть, чѣмъ измѣнить образъ своихъ дѣйствій.

Клочки брошенной вами бумаги онѣ самымъ старательнымъ образомъ собираютъ съ пола и кладутъ на столъ и въ то же время преспокойно топятъ печи вашими рукописями.

Если вы пожелаете избавиться отъ какой-либо старой, отвратительной, засаленной бумажки и швырнете ее на полъ, онѣ самымъ старательнымъ образомъ положатъ ее обратно на столъ.

Это доставляетъ имъ удовольствіе.

Помады онѣ употребляютъ въ шестеро больше, чѣмъ мужчины.

А если вы ихъ обвините въ томъ, что онѣ пользуются вашей помадой, онѣ безъ зазрѣнія совѣсти отпираются.

И зачѣмъ имъ совѣсть?

Излишняя роскошь.

Если вы для удобства оставите вашъ ключъ въ двери, онѣ его непремѣнно отнесутъ къ швейцару.

Онѣ это дѣлаютъ яко-бы подъ предлогомъ охраны вашей собственности отъ кражи.

На самомъ же дѣлѣ ими руководитъ единственное намѣреніе—заставить васъ, когда вы вернетесь измученный домой, снова взбираться по лѣстницѣ или же послать за ключомъ мальчика, которому вы должны за это дать на чай.

А горничныя, повидимому, дѣлятся съ нимъ.

Вѣчно онѣ хотятъ оправлять кровать прежде, чѣмъ вы встанете, и такимъ образомъ не даютъ вамъ возможности пользоваться сладкимъ утреннимъ сномъ.

Но лишь только вы встали, онѣ не показываются на глаза до слѣдующаго дня.

Въ общемъ онѣ распоряжаются самымъ жестокимъ образомъ, такъ, какъ имъ на умъ взбредетъ, и доставляютъ вамъ непріятности изъ одного лишь злорадства, а не по какой-либо другой причинѣ.

Никакія человѣческія чувства не въ состояніи тронуть горничныхъ.

Если бы я могъ провести законопроектъ, въ силу котораго горничныя были бы стерты съ лица земли, я бы это непремѣнно сдѣлалъ...

Чортъ.

Новый годъ я встрѣчалъ у Овсовыхъ—милая семья, зубной врачъ. Это тотъ самый, котораго въ разсказѣ Чехова „Лошадиная фамилія“, никакъ не могъ вспомнить приказчикъ. Однако, къ подобному происшествію Овсовъ относится добродушно. Жена его впослѣдствіи родила двойню.

Собрались все свои. Указали мнѣ на Хорошева: изящная фрачная пара, глаза блестятъ, сыплетъ новостями. Елена Шумская его невѣстой считалась. Хорошевъ потомъ разсказывалъ, что у нихъ все было сговорено, на утро къ отцу собирался ѣхать.

За ужиномъ старикъ Мессопотамскій наклонился ко мнѣ и сказалъ:

— А вѣдь Хорошевъ свою душу чорту продалъ.

Я посмотрѣлъ на Мессопотамскаго — не улыбается.

— Какую душу?

— Какъ обыкновенно продаютъ: по уговору. Ну, Фауста помните?

Въ словахъ Мессопотамскаго чувствовалось нѣчто мрачное

— Для чего это дѣлается? — спросилъ я, невольно понизивъ голосъ.

— Для красоты, для счастья... Желаютъ красивѣе быть. Примѣты есть—продолжалъ онъ. — Вы замѣчайте: Хорошевъ самъ не ѣстъ и не пьетъ, все другихъ угощаетъ. А, если и выпьетъ рюмку, то салфеткой грудь прикростъ, словно простудилъ. Танцовать ни подъ какимъ видомъ не будетъ. А самая вѣрная примѣта: какъ только свѣтать начнетъ, обязательно исчезнетъ.

— Исчезнетъ? Зачѣмъ?

— Да ужъ, видно, нужно. Какъ утро—обязанъ явиться чорту. Вродѣ повѣрки: дескать, не удралъ-ли?

У меня мелькнула дикая мысль.

— Давайте посидимъ до утра и задержимъ Хорошева.

Мессопотамскій посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза:

— Вы берете все на себя?

— А развѣ страшно?

— Увидите сами.

За ужиномъ съ шампанскимъ и тостами я наблюдалъ за Хорошевымъ: дѣйствительно, онъ ѣлъ мало и все время прикрывалъ грудь салфеткой...

Послѣ ужина мы перешли въ гостиную.

— Танцовать! — крикнула Шумская. Я буду танцовать только съ вами, — шепнула она Хорошеву.

Я это слышалъ, и слышалъ далѣе, какъ Хорошевъ, опустивъ голову, замялся и пробормоталъ, краснѣя:

— Простите... Я не могу... не могу танцовать.

Тутъ я не вытерпѣлъ. Вскочилъ съ мѣста и два раза обойдя рояль (послѣ ужина съ тостами, казалось, что это кратчайшая дорога), приблизился къ нему и ехидно отрѣзалъ:

— Конечно, не можетъ танцовать. Человѣкъ, который беретъ на-прокатъ ради тщеславія ..

Я былъ взбѣшенъ, я хотѣлъ сказать, что стыдно порядочному молодому человѣку хорошей фамиліи брать у чорта напрокатъ его милости; что отвратительно, продавъ свою душу дьяволу, домогаться руки очаровательной христіанской дѣвушки. Хорошевъ схватилъ меня за руку и, утащивъ въ уголъ, шепнулъ:

— Ради Бога! Умоляю тебя. Ты меня убьешь! Ради Бога!

Этотъ чернокнижникъ еще осмѣливался произносить имя Божіе!

Я улучилъ моментъ и сказалъ хозяину, что слѣдуетъ немедленно дать знать полиціи или духовной консисторіи.

— Бѣдная Елена Шумская,—объяснялъ я ему. Бѣдный статскій совѣтникъ Шумскій! Растилъ, холилъ дочку — и для чего? Чтобы выдать за человѣка, который продалъ чорту свою душу!

Хорошева рѣшено было задержать во что бы то ни стало. Подъ видомъ фанта у него отняли часы, и для вѣрности Месссопотамскій спряталъ ихъ въ банку вишневаго варенья. Часы переставили во всемъ домѣ и они били двадцать минутъ третьяго вмѣсто шести.

Утро занялось какъ-то неожиданно; посвѣтлѣли окна, поблѣднѣли всѣ лица, Хорошевъ въ мигъ заволновался.

— Мнѣ пора домой, — говорилъ онъ, пробуя улыбнуться.

Его удерживали.

— Теперь, вѣрно, восьмой часъ, объявилъ Хорошевъ, копаясь ложкой въ вишневой банкѣ.

Онъ вырвался, поцѣловалъ руку Шумской, сдѣлалъ общій поклонъ и бросился къ дверямъ. Ахъ! Онѣ были заперты на ключъ!

Онъ увидалъ мое злорадно-улыбающееся лицо и понялъ, что попалъ въ ловушку. Блѣдный, не говоря ни слова, онъ сѣлъ. Что-то неслышно, какъ дуновеніе вѣтра иного міра, пронеслось въ ком-

натѣ. Почему-то сразу погасло электричество. Жалобно дрогнула басовая струна рояля.

Хорошевъ заметался изъ угла въ уголъ, натыкаясь на стулья, спотыкаясь на гладкомъ полу и бормоча что-то непонятное. Глаза его горѣли, предчувствуя бѣду.

И я подумалъ тогда, что гдѣ-то—Богъ знаетъ гдѣ, подъ землей или подъ водой — тщетно ждетъ чортъ своего новаго слугу и скрежещетъ зубами, и сердито бьетъ копытомъ... А онъ, этотъ чортовъ слуга, мечется въ отчаяніи по комнатѣ, безсильный отозваться на зовъ страшнаго хозяина.

Вдругъ внизу что-то застучало, хлопнуло и смолкло.

Хорошевъ перемѣнился въ лицѣ; онъ быстро подбѣжалъ къ двери и, затаивъ дыханіе, сталъ слушать.

Прошли двѣ минуты, и мы всѣ, сидящіе даже въ самыхъ отдаленныхъ углахъ, ясно услышали шаги... медленные... ровные... тяжелые шаги... ближе... ближе...

Я не могу передать того выраженія ужаса, съ какимъ Хорошевъ крикнулъ, схватившись за волосы:

— Пришелъ! пришелъ сюда! за мной!

Страхъ охватилъ меня съ ногъ до головы; говорятъ, я крикнулъ еще громче и страшнѣе Хорошева.

Онъ метался по комнатѣ и говорилъ, какъ въ бреду:

— Это онъ! Не отпирайте дверей, не отпирайте, или я погибъ!

Шаги смолкли, и видно было, какъ подалась ручка двери: кто-то пробовалъ войти

Всѣ, сколько насъ было, вскочили и, стоя въ оцѣпенѣніи, не произносили ни слова.

Хорошевъ бросился къ окну и закрылся гардиной: бѣдняжка — онъ еще надѣялся на спасеніе!

Мессопотамскій громко спросилъ:

— Кто тамъ?

Никакого отвѣта.

Гардина щелкнула зубами.

— Дайте мнѣ ключъ! — сказалъ Мессопотамскій.

Я машинально вынулъ, подалъ. Гардина трепетала въ конвульсіяхъ.

Мессопотамскій отперъ дверь. Онъ вошелъ.

Онъ вошелъ и сказалъ:

— Нѣтъ такого порядка, чтобы за пять рублевъ держать фрачную пару до восьми утра, да еще тащись въ чужой домъ пять лѣстницъ. Сказано въ семь часовъ отдать, ну и отдай. Фракъ да жилетъ рублевъ пятьдесятъ стоятъ, а онъ за пять на-прокатъ беретъ, да еще таскайся.. Я къ утру другому доставить долженъ. Да, вотъ онъ самъ, баринъ — и его палецъ торжественно указалъ на меня.

Словомъ, вы понимаете, что это былъ портной, у котораго Хорошевъ взялъ напрокатъ фракъ для встрѣчи Новаго года.

Вы понимаете также, что романъ съ Шумской вылетѣлъ въ трубу, и она черезъ два мѣсяца вышла за драгунскаго офицера.

Я же навсегда пересталъ бывать у Овсовыхъ.

О. Дымовъ.

Новоселье.

Квартира только что снята. Почти всѣ вещи распакованы. Звонки, правда, уже дѣйствуютъ, но зато также установлено, что пропали безъ вѣсти: шуба съ „бобровымъ“ воротникомъ изъ шкуры кошки, выкрашенной подъ медвѣдь и проданная, какъ сусликъ, черное платье жены съ кружевами,

зеркальце, привезенное изъ-за границы контрабандой, столовые часы, восемнадцать банокъ варенья, плодъ долгой лѣтней работы, и — что всего обиднѣе—дорогой письменной столъ—настоящій орѣхъ.

Какимъ образомъ вышло, что безслѣдно исчезъ огромный письменный столъ — такъ и не удалось выяснить. Послѣдній разъ его видѣли на возу, рядомъ съ кухаркой.

Что потомъ случилось -неизвѣстно. Кухарка прибыла въ нѣсколько помятомъ видѣ, а столъ „обронили".

Мужъ выпросилъ въ дворницкой ящикъ изъ-подъ апельсиновъ, накрылъ его клеенкой и сѣлъ писать свои донесенія и заявленія.

Знакомымъ былъ разосланъ новый адресъ и... тутъ-то началось!

Два дня было тихо. На третій, съ утра, послышался звонокъ. Явился посыльный; у него въ рукахъ была довольно большая картонка, скрывавшая что-то тяжелое.

Катя съ Колей выбѣжали въ переднюю.

— Это начальникъ станціи, — рѣшила Катя, взглянувъ на его красную фуражку.

— Начальникъ станціи, — обратился къ нему Коля,—а зачѣмъ ты пассажировъ давишь? Что они тебѣ сдѣлали?

Но начальникъ станціи, не отвѣчая на тяжкое обвиненіе, сказалъ:

— Посылаютъ съ Гороховой.

Въ картонѣ былъ тортъ.

Это Лошадинскіе поздравляли съ новосельемъ.

Посыльный потребовалъ на чай. Получивъ двугривенный, онъ снялъ фуражку и произнесъ:

— Съ новосельемъ!

— Спасибо,—поблагодарили хозяева.

— Съ новосельемъ. Отъ себя, значитъ, поздравляю... съ морозцемъ...

Пришлось опять дать двугривенный. Больше онъ не поздравлялъ.

Черезъ полчаса, чернымъ ходомъ, явилась чужая горничная.

— Жеребцовы прислали къ новоселью тортъ,— сказала мама и начала развязывать картонку.

Тортъ былъ шоколадный. Катя едва успѣла ткнуть въ самую мякоть указательнымъ пальцемъ, какъ явился Троечкинъ.

Дядя Троечкинъ былъ молодой человѣкъ съ такими длинными руками, что могъ, обхвативъ маму за талію, свободно скручивать папиросу. Вѣроятно, папа не любилъ его папиросъ, потому что при немъ онъ этого не дѣлалъ и курилъ безъ таліи мамы.

Троечкинъ поздравилъ съ новосельемъ и поднесъ тортъ, очень большой и красивый. Сверху сахаромъ была надпись:

— Вспоминайте о сладкомъ.

Надпись онъ самъ выдумалъ и даже утверждалъ, что это его почеркъ. Но ему не вѣрили, а за тортъ благодарили. А папа не говорилъ о томъ, что есть люди, которые должны деньги, но не отдаютъ.

Послѣ Троечкина явилась Телѣгина. Она была толста и богата, и поэтому мама съ папой ее очень любили, и мама цѣловалась съ ней при встрѣчѣ и прощаніи—сколько могла.

Затѣмъ опять пришелъ посыльный и принесъ песочный тортъ. Ему дали тридцать копѣекъ и одинъ гривенникъ фальшивый—всего сорокъ. Потомъ — другой посыльный съ тортомъ „мокка“. Потомъ одновременно позвонили съ парадной и черной лѣстницы, и Катя съ Колей съ радости не знали, куда бѣжать. Поздравили также два торта кремовыхъ, совершенно одинаковыхъ; потомъ дворникъ принесъ „бабу“, неизвѣстно отъ кого. Еще посыльный. Еще горничная. Супруги Овсовы. Дворникъ отъ Подсѣдѣльниковыхъ съ сыномъ. Посыльный.

Звонки и визиты кончились поздно вечеромъ. Въ одиннадцать часовъ кто-то стучался въ дверь, но всѣ притворились спящими, и его не впустили. Черезъ нѣсколько минутъ осторожно отперли дверь и увидѣли на лѣстницѣ большой свертокъ...

— Мама, — крикнулъ Коля, — тебѣ аистъ маленькаго сына принесъ. Надо сказать папѣ.

— Это не маленькій сынъ, — возразила Катя, — а шоколадный тортъ на новоселье.

Стали подсчитывать полученные торты. Семь кремовыхъ, три песочныхъ, одинъ „мокка", шесть яблочныхъ, пять шоколадныхъ, одна „баба" и одинъ неопредѣленнаго наименованія. Всего двадцать четыре штуки.

Мама въ изнѣможеніи сѣла. Папа въ ужасѣ посмотрѣлъ на столъ и тихо произнесъ:

— Что съ ними дѣлать?

Съ утра встали рано. Булокъ къ чаю не покупали, и весь домъ питался тортами. Катя съ Колей набросились на печенія, какъ коночная лошадь на овесъ. Кухарка сидѣла въ кухнѣ на табуретѣ и приговаривала:

— Хорошіе господа, нельзя сказать. Господа-то хорошіе.

Дворникъ принесъ дрова и ему дали четверть „бабы".

Обѣда не варили и ѣли тортъ. Меню было такое: къ супу тортъ песочный, къ жаркому тортъ яблочный и огурцы, къ сладкому тортъ шоколадный.

Вечеромъ ѣли тортъ. Жевали неохотно, закусывая хлѣбомъ и сардинками.

Къ слѣдующему дню шесть тортовъ, слава Богу, оказались съѣденными. Папа ужъ начиналъ подумывать о побѣдѣ и о томъ, что къ слѣдующему воскресенью можно будетъ заказать котлеты, какъ вдругъ явились съ поздравленіями Подпруговъ, Жеребцовы и Подковичъ. Такимъ образомъ, убыль въ тортахъ въ полъ часа была пополнена.

Наступили третьи сутки. Было похоже на то, что въ домѣ холера, или, по крайней мѣрѣ, вся квартира потерпѣла кораблекрушеніе.

Мама стонала въ спальнѣ и на всю квартиру кричала, что она ошиблась выборомъ — ей надо было выйти за Троечкина. Папа посылалъ къ чорту ее, Троечкина, и всю квартиру. Коля ревѣлъ, Ка-

тя ревѣла. Кухарка, стоя у холодной плиты — ее все время не топили—ворчала:

— Ну, и господа! Ну, и пишша...

Всѣ звонки испортились, и можно было подумать, что они тоже объѣлись тортомъ. Вѣроятно, звонили и другіе визитеры, но имъ ужъ никто не отпиралъ.

На пятый день подохла канарейка. Она одна съѣла два яблочныхъ торта, потому что сѣмя, приготовленное для нея, ночью сожрала кухарка. Неизвѣстно куда дѣлась и канареечная кость. Все, что было въ домѣ съѣстного, давно было уничтожено.

— Хлѣба! Папа, хлѣба! — кричала Катя, и ея крикъ безъ перерыва длился уже вторыя сутки.

Коля былъ весь въ жару. Папа едва держался на ногахъ, поставилъ ему подъ мышки барометръ и получилъ показаніе:

— Вѣтренно, къ вечеру снѣгъ.

— Плохо, подумалъ онъ:—умретъ: такой температуры еще не было въ медицинской практикѣ...

Изъ спальни жены доносилось причитываніе:

— Извергъ. Вспоминайте о сладкомъ! Подлецъ! Всѣ мужчины одинаковыя! Я должна была выйти замужъ за Телѣгину. Я каталась бы на собственныхъ рысакахъ, а не ѣла бы черствый тортъ!

— Плохо,—опять подумалось мужу,—Умретъ: такого бреда еще не бывало.

Спустилась ночь, забрезжилъ разсвѣтъ и опять потянулся длинный, страшный день. Звонки по прежнему не дѣйствовали, электричество коптѣло, растенія въ цвѣточныхъ горшкахъ увяли, канарейка, объѣвшись тортами, лежала, вытянувъ свою мертвую головку.

Послѣ обѣда, т. е. послѣ времени, назначеннаго на обѣдъ, потому что его не варили, явился современный нищій.

Собственно говоря, у него было въ банкѣ на текущемъ счету 2,000 рублей; онъ собирался обобрать квартиру, но, увидѣвъ папу и принявъ его за привидѣніе, пустился бѣжать.

Папа на колѣняхъ умолялъ его спасти семью. Нищій — онъ также когда-то былъ женатъ и даже вдовъ—сжалился.

За пятнадцать рублей онъ согласился съѣсть всѣ восемь оставшихся тортовъ, причемъ одинъ былъ кремовый.

Кончилъ онъ работу вечеромъ. Ему дали на чай три рубля, и онъ, шатаясь, отправился звать доктора.

Черезъ двѣ недѣли всякая опасность миновала.

Но Коля — такъ говоритъ докторъ — на всю жизнь останется идіотомъ.

О. Дымовъ.

Дневникъ дамы.

Дама томнаго свойства отправляется путешествовать по Волгѣ отъ Твери, до Астрахани. Она скучаетъ, хандритъ, она очень нервна. Она не можетъ ничѣмъ заняться и отъ тоски начинаетъ писать свой дневникъ.

...4 Іюня. Сѣла на пароходъ въ Твери, ѣду до Астрахани. Небо сѣрое, публика сѣрая. Я одна совсѣмъ одна.

...5 Іюня. Тоскую ужасно. Не съ кѣмъ знакомиться, всѣ какіе-то монстры! Буду отъ тоски записывать расходъ, сдѣланный наканунѣ отъѣзда. Что я истратила? Да, по хозяйству: коробка шпилекъ—15 коп., булавки — 10 коп., крахмалъ 11 к., свѣча въ кухню—6 коп., новая кость для тюрнюра—35 к. не помню куда... 87 руб. Итого 87 руб. 77 коп. Фу, и это надоѣло!..

...6 Іюня. Я замѣтила, что... капитанъ парохода совсѣмъ не дуренъ: прелестная блондинная

борода и восхитительные голубые глаза... Мнѣ будетъ весело!

...7 Іюня. Капитанъ познакомился со мной; мы цѣлый день болтали; онъ, кажется, за мной ухаживаетъ.

..8 Іюня. Капитанъ не отходитъ отъ меня, я сильно его интересую; онъ и мнѣ нравится... къ тому же природа, вода, луна!

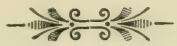
...9 Іюня. Капитанъ совсѣмъ влюбленъ; онъ ѣстъ меня глазами; онъ не даетъ мнѣ проходу. Какой онъ пылкій мужчина!

...10 Іюня. Капитанъ окончательно потерялъ голову. Онъ сдѣлалъ мнѣ сегодня признанье и проситъ рѣшительнаго отвѣта: да или нѣтъ, грозя, въ случаѣ отказа, взорвать на воздухъ пароходъ со всѣми пассажирами. Бѣдные пассажиры! Бѣдные оставшіеся родственники!

...11 Іюня. Капитанъ входитъ ко мнѣ въ каюту за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Боже! Что мнѣ дѣлать, что дѣлать?

...12 Іюня. Уфъ!.. Пассажиры спасены!..

П. И. Вейнбергъ.



Практическіе совѣты.

1.

Рядъ практическихъ совѣтовъ, всѣмъ понятныхъ
въ двухъ словахъ,
Передать тебѣ, читатель, я хочу въ своихъ стихахъ.

2.

Кто родился человѣкомъ — человѣкомъ долженъ
быть,
Еслибъ даже человѣкомъ не пришлось ему служить.

3.

Кто желаетъ ѣсть отлично — и, при этомъ каждый
день —
Позабыть обязанъ только—или совѣсть, или лѣнь.

4.

Тотъ, кто женщиной красивой пожелаетъ обладать:
На такое дѣло много денегъ долженъ издержать.

5.

Тотъ, кто прочнаго почета пожелаетъ отъ людей,—
Экипажъ имѣть обязанъ и хоть пару лошадей.

6.

Не судите слишкомъ строго въ этомъ мірѣ ни о
комъ:
Человѣкъ, глупцомъ рождаясь, умираетъ дуракомъ.

7.

Жить, какъ всякому извѣстно, наслажденье... Міръ —
банкетъ,
Только, жаль, на семъ банкетѣ кой-кому прибо-
ровъ нѣтъ.

8.

Кто глупцовъ не хочетъ видѣть... одиноко долженъ жить
И при томъ въ своей квартирѣ даже зеркало раз-
бить.

9.

Кто радушье хочетъ встрѣтить, не рискуя впасть
въ обманъ,—
Тотъ зайти при деньгахъ можетъ пообѣдать въ
ресторанъ.

10.

Человѣкъ съ нужды не гибнетъ—и всегда ему дадутъ
Подъ залогъ вещей немного въ гласныхъ кассахъ ссудъ.

11.

За услугу жизни каждый—призъ имѣетъ даровой.
(Эти призы фабрикуетъ всякій мастеръ гробовой).

12.

Все порядкомъ заведеннымъ въ жизни искони идетъ,
И изъ чистаго ребенка выростаетъ взрослый скотъ.

13.

Кто задумаетъ серьезно на людей и жизнь смотрѣть —
Долженъ—или не родиться, или съ горя умереть.

Пр. Преображенскій.

Въ кустахъ.

Темнота... Все жгучей мглой объято—
Чуть видны калитка и плетень. .
Вдругъ... въ кустахъ мелькнула чья-то тѣнь...
Чья?.. Не вижу чья, но чья-то...
Тишина... Все тѣснымъ сномъ одѣто—
Садъ застылъ съ молчаньемъ на устахъ...
Чу... тамъ шопотъ, кажется, въ кустахъ...

Гдѣ... не слышу гдѣ, но гдѣ-то...
Ничего не слышно и не видно:
Кто? и съ кѣмъ? и какъ? и почему?
Ничего я ровно не пойму,
Но мнѣ все-таки... завидно..

Гр. Бенгальскій.

В. А. Бороздинъ.

Покаянное.

Старуха-нянька, живущая на покоѣ въ генеральской семьѣ, пришла отъ исповѣди.

Посидѣла у себя въ уголку и обидѣлась: господа обѣдали, пахло вкуснымъ.

— Тьфу! Страстная, не страстная имъ все равно.

Вошла горничная и удивилась.

— И штойто вы, няничка, тутъ сидите? Ровно кукла! Ей-богу—ровно кукла!

— Думай, что говоришь-то!—огрызнулась нянька. Эдакіе дни, а она божится. Развѣ показано божиться въ эдакіе дни. Человѣкъ у исповѣди былъ, а на васъ глядючи, испоганиться успѣешь.

— Виновата, няничка! Поздравляю васъ исповѣдамшись.

— „Поздравляю"!— Нынче развѣ поздравляютъ! Нынче норовятъ, какъ бы человѣка изобидѣть да упрекнуть. Давеча наливка ихняя пролилась. Кто ее знаетъ, чего она пролилась. Тоже умнѣй Бога не будешь.

А маленькая барышня и говоритъ: „Это, вѣрно, няня пролила!" Съ эдакихъ лѣтъ и такія слова.

— Удивительно даже, няничка! Такія маленькія и такъ уже все знаютъ!

— Нонѣшнія дѣти, матушка, хуже акушеровъ! Вотъ они какія нонѣшнія то дѣти. Мнѣ что! Я не осуждаю. Я вонъ у исповѣди была, я теперь до завтрашняго дня маковой росинки не глону, не то что.. А ты говоришь поздравлять. Мнѣ что! Я не осуждаю. Я завтра причащаться иду, я только къ тому говорю, что не хорошо и довольно стыдно.

— Вамъ бы, няничка, отдохнуть! — лебезила горничная.

— Вотъ ужо ноги протяну, належусь въ гробу. Наотдыхаюсь. Будетъ вамъ время нарадоваться. Давно бы со свѣту сжили, да вотъ не даюсь я вамъ. Молодая кость на зубахъ хруститъ, а старая поперекъ горла становится. Не слопаете.

— И что это вы, нянечка! И всѣ васъ только и смотрятъ, какъ бы уважить.

— Нѣтъ уже ты мнѣ про уважителей не говори. Это у васъ уважители, а меня и смолоду никто не уважалъ, такъ подъ старость мнѣ срамиться ужь поздно. Ты вонъ лучше кучера пойди спроси, куды онъ барыню намедни возилъ... Вотъ что спроси.

— Ой и что вы, няничка! Куды-жъ это онъ возилъ? Я вѣдь ей-Богу никому...

— А ты не божись. Божиться грѣхъ! За божбу, знаешь, какъ Богъ накажетъ! А въ такое мѣсто возилъ гдѣ шевелющихъ мужчинъ показываютъ. Шевелятся и поютъ. Простынищу разстелаютъ, а они по ей и шевелятся. Мнѣ маленькая барышня разсказала. Самой виши мало, такъ она и

дѣвченку повезла. Самъ бы узналъ, взялъ бы хворостину хорошую да погналъ бы вдоль по Захарьевской! Сказать вотъ только некому. Развѣ нынѣшній народъ бѣду понимаетъ. Нынче каждому только до себя и дѣло. Тьфу! Что ни вспомнишь, то и согрѣшишь, Господи прости!

— Баринъ человѣкъ образованный, конечно, имъ трудно до всего доглядѣть. Они народъ миловидный.

— Знаю я барина твоего! Съ дѣтства знаю! Кабы не идти завтра къ причастію, разсказала бы я тебѣ про барина твоего! Люди къ обѣднѣ идутъ—нашъ еще не продрыхался. Люди изъ церкви идутъ—нашъ чаи съ кофеями пьетъ. И какъ его только лежебоку, дармоѣдину Матерь Святая до генерала дотянула — ума не приложу! Ужъ думается мнѣ—укралъ онъ себѣ этотъ чинъ! Гдѣ ни на есть, а укралъ! Вотъ допытаться только некому! А я ужъ давно смѣкаю, что укралъ. Они думаютъ—нянька старая дура, такъ при ней все можно! Дура-то можетъ и дура. Не всѣмъ же умнымъ быть, надо кому-нибудь и глупымъ.

— Утромъ-то рано въ церкву пойдете!

— Я можетъ и совсѣмъ ложиться не буду Хочу раньше всѣхъ въ церкву придти. Чтобъ всякая дрянь впередъ людей не лѣзла. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

— Это кто-же лѣзетъ-то?

— Да старушонка тутъ одна. Ледащая, въ чемъ душа держится. Раньше всѣхъ, прости Господи, мерзавка въ церкву придетъ, а позже всѣхъ уйдетъ. Кажинный разъ всѣхъ перестоитъ. Чего пялиться! Развѣ указано, чтобы пялиться. Вотъ приду, завтра раньше всѣхъ да перестою ее, такъ небось форсу посбавитъ. Стою сегодня на колѣнкахъ, а сама все на нее смотрю. Ехида ты, думаю, ехида! Чтобъ тебѣ водянымъ пузыремъ лопнуть! Грѣхъ вѣдь это—а ничего не подѣлаешь.

Ты чего тутъ разсѣлась? Шла бы лучше да подумала: „какъ это я такъ живу, и все не по хорошему?“ Дѣвушка ты молодая! Вонъ воронье

гнѣздо на головѣ завила! А подумала ли ты, какіе дни стоятъ. Въ эдакіе дни эдакъ себя допустить. И нигдѣ отъ васъ безстыдницъ проходу нѣтъ! Исповѣдамшись пришла, дай—думаю—посижу тихонько. Завтра вѣдь причащаться идтить. Нѣтъ. И тутъ доспѣла. Пришла, натурчала всякой пакости, какая ни на есть хуже.

Чортова мочалка, прости Господи. Ишь пошла съ какимъ форсомъ! Не долго матушка! Все знаю! Дай срокъ, все барынѣ выпою!

— Пойтить отдохнуть. Прости Господи, еще кто привяжется!

Тэффи.

Мужъ то сердится;
Привязалъ онъ тонку нитку за соломинку.
Ужъ какъ въ первый разъ хлестнулъ,
Онъ по полочкѣ попалъ;
А второй отъ разъ хлестнулъ,
Онъ по мнѣ младѣ попалъ.
Ужъ какъ съ этихъ то побоевъ
Я въ постелюшку слегла —
Семь недѣль я пролежала.
На восьмую то недѣльку стала сбраживаться.
Стала сбраживаться, сѣла ужинать.
Ужъ я съѣла молода семилѣтняго вола,
Овцу яловицу,
Козу ябедницу,
Еще семьдесятъ утенковъ,
Девяносто поросенковъ;
Семь ушатовъ молока пястью выхлебала;
Ужъ я сѣла, молода, да пораздумалася:
Куда все это вошло? Что не разорвало?

Народная.

Канитель.

На клиросѣ стоитъ дьячокъ Отлукавинъ и держитъ между двумя вытянутыми, жирными пальцами огрызенное гусиное перо. Передъ нимъ на рыжемъ переплетѣ Цвѣтной Тріоди лежатъ двѣ бумажки. На одной написано „о здравіи“ на другой „за упокой“ и подъ обоими заглавіями по ряду именъ... Около клироса стоитъ маленькая старушонка съ озабоченнымъ лицомъ и съ котомкой на спинѣ. Она задумалась.

— Дальше кого?—спрашиваетъ дьячокъ, лѣниво почесывая за ухомъ.—Скорѣй, убогая, думай, а то мнѣ некогда. Сейчасъ часы читать стану...

— Сейчасъ, батюшка... Ну, пиши... О здравіи рабовъ Божіихъ: Андрея и Дарьи со чады... Митрія, опять Андрея, Антипа, Марьи...

— Постой, не шибко... Не за зайцемъ скачешь, успѣешь...

— Написалъ Марію? Ну, теперя Кирилла, Гордѣя, младенца новопреставленнаго Герасима, Пантелея... Записалъ усопшаго Пантелея?

— Постой. Пантелей померъ?

— Померъ... вздыхаетъ старуха.

— Такъ какъ же ты велишь о здравіи записывать? сердится дьячекъ, зачеркивая Пантелея и перенося его на другую бумажку. — Вотъ тоже еще... Ты говори толкомъ, а не путай! Кого еще за упокой?

— За упокой? Сичасъ... постой... Ну, пиши... Ивана, Авдотью, еще Дарью, Егора... Запиши воина Захара... Какъ пошелъ на службу въ четвертомъ годѣ, такъ съ той поры и не слыхать...

— Стало быть, онъ померъ?

— А кто-жъ его знаетъ! Можетъ, померъ, а можетъ и живъ.... Ты пиши...

— Куда же я его запишу? Ежели, скажемъ, померъ, то за упокой, коли живъ, то о здравіи... Поймн вотъ вашего брата!

— Гм.. Ты, родименькій, его на обѣ записочки запиши, а тамъ видно будетъ. Да ему все равно, какъ его не записывай: непутящій человѣкъ.. пропащій... Записалъ? Теперя за упокой Марка, Левонтія, Арину.. ну, и Кузьму съ Анной.. болящую Ѳедосью...

— Болящую-то Ѳедосью за упокой? Тю!

— Это меня-то за упокой? Ошалѣлъ что-ли?

— Тьфу! Ты, кочерыжка, меня запутала! Не померла еще, такъ и говори, что не померла, а нечего въ заупокой лѣзть! Путаешь тутъ! Изволь вотъ, теперь Ѳедосью хѣрить и въ другое мѣсто писать... Всю бумагу загадилъ! Ну, слушай, я тебѣ прочту... О здравіи Андрея, Дарьи со чады, паки Андрея, Антипія, Маріи, Кирилла, новопреставленнаго младенца Гер... Постой, какъ же сюда этотъ Герасимъ попалъ? Новопреставленный, и вдругъ—о здравіи! Нѣтъ, запутала ты меня, убогая! Богъ съ тобой, совсѣмъ запутала!

Дьячекъ крутитъ головой, зачеркиваетъ Герасима и переноситъ его въ заупокойный отдѣлъ.

— Слушай! О здравіи Маріи, Кирилла, воина Захарія... Кого еще?

— Авдотью записалъ?

— Авдотью? Гм... Авдотью... Евдокію... просматриваетъ дьячекъ обѣ бумажки.- Помню, записывалъ ее, а теперь шутъ ее знаетъ... никакъ не найдешь. Вотъ она! За упокой записана;

— Авдотью-то за упокой? удивляется старуха —Году еще нѣтъ, какъ замужъ вышла, а ты, на нее ужъ смерть накликаешь!.. Самъ вотъ, сердешный, путаешь, а на меня злобишься.. Ты съ молитвой пиши, а коли будешь въ сердцѣ злобу имѣть, то бѣсу радость... Это тебя бѣсъ хороводитъ да путаетъ...

— Постой, не мѣшай... Авдотью, стало быть, долой отсюда.. -а записать ее туда... Такъ? Постой... Ежели ее туда, то будетъ о здравіи, ежели же сюда, то за упокой.. Совсѣмъ запутала баба! И этотъ еще воинъ Захарія встрялъ сюда... Шутъ его принесъ... Ничего не разберу! Надо съизнова...

Дьячекъ лѣзетъ въ шкафчикъ и достаетъ оттуда осьмушку чистой бумаги...

— Выкинь Захарію, коли такъ... говоритъ старуха.—Ужъ Богъ съ нимъ, выкинь...

— Молчи! Я ихъ всѣхъ гуртомъ запишу, — а ты неси къ отцу дьякону... Пущай дьяконъ разберетъ, кто здѣсь живой, кто мертвый: онъ въ семинаріи обучался, а я этихъ самыхъ дѣловъ... хоть убей ничего не понимаю.

А. Чехонте.

Опосля.

Къ заставѣ губернскаго города подъѣхала телѣга, въ которой сидѣлъ дьяконъ, а впереди его свѣсивъ ноги съ передка, мужикъ въ кафтанишкѣ. Разговоръ, начавшійся фразой возницы: „Вотъ ты таперича и въ семинаріи учился и дьяконъ, а кто же надъ тобой таперича старшой будетъ?“ — близился къ концу.

— Что-жъ, таперича, а надъ архіереями кто же начальникъ?—спрашивалъ возница.

— Надъ ними митрополиты, — отвѣчалъ дьяконъ:—все это устроено по примѣру небесной іерархіи, о которой я тебѣ говорилъ на постояломъ дворѣ.

— Митрополиты! Вѣдь вотъ подишь-ты, а ты вотъ вѣкъ живешь, ничего не знамши. Ну, а выше губернахтора кто будетъ?

— Есть и выше .. а ты вотъ что, Еремѣй: пріѣдемъ на постоялый дворъ, я пойду въ консисторію, а ты тутъ спроси себѣ обѣдать; тамъ, у насъ, въ кулькѣ есть хлѣбъ, такъ ты со своимъ хлѣбомъ обѣдай.

— Слушаю... ужъ, знамо со своимъ... на что же?.. развѣ я не знаю? харчи въ городѣ дорогіе — все дорого!..

Пріѣхавъ на постоялый дворъ, дьяконъ одѣлся въ рясу и отправился въ консисторію; а мужикъ пришелъ въ кухню, гдѣ готовился обѣдъ.

Часа черезъ два пришелъ дьяконъ; онъ позвалъ къ себѣ мужика въ комнату и началъ:

— Ну, Еремѣй, пора намъ ѣхать домой. Ну, что же, ты обѣдалъ?..

Мужикъ стоялъ среди комнаты, глядя внизъ.

— Обѣдалъ, или нѣтъ? — повторилъ дьяконъ, держа въ рукахъ счеты.

— Да я обѣдать-то обѣдалъ... да такъ... хоть бы и не обѣдалъ.

— Отчего?

Мужикъ молчалъ.

— Ну, однако, что ты ѣлъ?. вѣдь мнѣ надо деньги отдавать. Ну что подавали?.. хлебалъ ты что-нибудь?..

— Хлебать то хлебалъ...

— Небойсь, квасъ сперва?..

И дьячекъ занесъ руку надъ счетами.

— Подавали это квасъ... какъ же...

— Пустой, что ли? вѣдь, небойсь, не пустой?

— Да, подавали...

— Ну, что подавали? Говори же скорѣй! Этакъ мы съ тобой до ночи провозжаемся... Что еще подавали?

— Да подавали студень не студень, да такъ... жидкій... не знамо что...

— Да это пускай жидкій, все-равно деньги надо платить. Ну, за студенемъ что? небойсь щи? Хлебалъ, что-ли щи-то?

— Хлебать-то хлебалъ...

— Такъ что же?

— Да такъ... хоть бы и не хлебалъ...

Дьяконъ принялъ суровое выраженіе и рѣшительно продолжалъ:

— Ну, при щахъ что было? небойсь, кусокъ какой подавали?

— Подавали и кусокъ, да жи...и...ир...рный. .

— А все-таки ѣлъ его? Ну, только, что-ль? Аль каша была?

— Нѣтъ, было опричь... кашу опосля...

— Такъ похлебку, что-ли, подавали?

— Да, подавали и похлебку... да съ какими-то ножками... Богъ знаетъ что..

Мужикъ почесался.

— Съ ножками! а вѣдь ты ѣлъ?

— Да много-ль я ѣлъ-то?

— До этого дѣла нѣтъ! Кто будетъ смотрѣть за тобой, много-ль ты поѣлъ? Ну, теперь каша, что-ль?

Мужикъ молчалъ.

— Или еще что было? Ну, кашу съ чѣмъ?

— Да тутъ, окромя каши, кажись, что-то было.

— Лапша, что-ль?

— Кажись, что лапша.

— Ну, при лапшѣ, что подавали?

— Обыкновенно, они ужъ подаютъ ситный хлѣбъ, да что? черствый...

— Ну, кашу-то съ чѣмъ?

— Каша опосля была.

— Послѣ чего?

— Да подавали Богъ знаетъ что...

— Что такое?

Мужикъ началъ разводить руками.

— Да... телятина не телятина... такъ что-то, бѣлая какая-то...

— Тьфу! да вѣдь ты, небойсь, ѣлъ ее?

— Да я ѣлъ, да она засохла...

— Ну, пусть!.. Только, что-ль?

Мужикъ молчалъ.

— Когда же каша-то?

— Каша опосля.

— Послѣ чего?

Молчаніе.

— Да что ты, въ самомъ-дѣлѣ?

— Индюшка, что-ли... или баранина.

— Еще что?

— Да медъ подавали... только съ дѣткой...

— Ладно! За эту дѣтку счиститъ хозяинъ!.. Все теперь или каша была?

— Нѣтъ, каша опосля.

Дьяконъ бросилъ счета, и запустивъ руки въ карманы полукафтанья, принялся ходить по комнатѣ.

Спустя немного, вошелъ хозяинъ постоялаго двора.

— Хозяинъ! сказалъ дьяконъ: что положите съ моего работника за обѣдъ?

— Онъ полный обѣдъ ѣлъ? спросилъ хозяинъ.

— Должно-быть, полный, сказалъ дьяконъ.

— Такъ доставайте рубль серебромъ.

Дьяконъ, недовольный, вынулъ цѣлковый; а Еремѣй, тоже недовольный, стоялъ въ углу.

Проѣхавъ городскую заставу и очутившись въ полѣ, дьяконъ версты двѣ молчалъ.

Мужикъ, желая убѣдиться, сердится-ли онъ еще на него, спросилъ;

— А что, небойсь, и выше становыхъ даже есть кто-нибудь.

— Дуракъ,—не глядя на него крикнулъ дьяконъ.

— Ду-ракъ... Вѣдь вотъ подишь ты, вѣкъ прожилъ, а до сихъ поръ не знамши!

Н. Успенскій.

Минскій.

Интервью.

Онъ захотѣлъ написать интервью и для этого рѣшилъ посѣтить всѣ квартиры по парадной лѣстницѣ.

Онъ позвонилъ въ первомъ этажѣ.

Его приняли въ большой полутемной гостиной со стильной мебелью.

— Сотрудникъ „Сѣвернаго Листка".

— Здравствуйте! Я рада видѣть васъ.

— Чѣмъ вы заняты въ настоящую минуту?

— До боли хочется, мучительно хочется сыграть „Даму съ камеліями".

— Видѣли-ли вы въ этой роли Элеонору Дузе?

— Да я видѣла ее, но, въ сущности, она не дала ничего новаго. Эту роль во всѣхъ деталяхъ я обработала, когда еще была подросткомъ.

— Какъ вы себя чувствуете въ нашемъ климатѣ? Вы, кажется, пріѣзжая?

— Да, силы мои куда-то падаютъ, я слабѣю съ каждымъ часомъ.

— Не смѣю больше васъ задерживать.

Онъ позвонилъ въ бель-этажъ.

Его приняли въ маленькой свѣтленькой гостиной, изобилующей пуфиками.

— Здравствуйте, дуся! Фу, какой нехорошій! Отчего раньше не пріѣзжали познакомиться? И газета ваша нехорошая! Я получила премію на первомъ конкурсѣ ногтей, а вы ни слова не напечатали объ этомъ! Знаете что, дуся? У меня сейчасъ генералъ сидитъ: я не могу съ вами долго разговаривать, а вы пріѣзжайте лучше въ нашъ театръ и ожидайте меня, ну гдѣ бы? Ну, хоть у входа въ entrée! Поѣдемъ ужинать и генерала съ собой возьмемъ. А какую роль я получила! И для нея dessous изъ Парижа: розовое, зеленое и голубое. Ну, зеленое ко мнѣ идетъ — прелесть! Такъ до свиданья, дуся! У входа въ entrèe, не забудьте.

Онъ позвонилъ въ третьемъ этажѣ, гдѣ жилъ знаменитый ученый.

— Сотрудникъ „Сѣверн..

— Кто такой-съ?!

— Сотрудн...

— А кто такой?!

— Сотр...

— Кто такой?! Карточку! О, Господи! О, глупости-то какія на свѣтѣ! Что угодно-съ? Въ двухъ словахъ, покороче и мое почтенье!

— Я Ваше превосх...

— А! Покороче-съ!

— Я хотѣлъ поинтересоваться только, какого вы мнѣнія о радіи?

— О-о-х-хо-хо! О-о, Господи! Охъ, Боже ты мой. А-а-ахъ, глупости-то, глупости какія! Да какъ же я, батенька, съ вами разговаривать-то стану? Вѣдь вы ни черта не понимаете?! Ну, впрочемъ, вотъ возьмите брошюру мою о радіи. Поймете — слава Богу, а не поймете — такъ ужъ не пишите! Ну-съ, мое почтеніе-съ!

— Еще одинъ вопросъ, профессоръ, какъ вы

пришли къ идеѣ, изложенной въ вашей диссертаціи?

— О-о-о! Господи Боже ты мой! О-о! глупости какія? А-а-а-а! Да не такъ, какъ вы, батенька Не пятакъ за строчку! не пятакъ за строчку! Я вѣдь надъ ней двадцать лѣтъ, можетъ, думалъ! А вы думаете пятакъ за строчку и готово! Ну-съ, все-съ? Мы тутъ дѣломъ заняты, работаемъ, а вы съ пустяками .. Время-то, время-то уходитъ! Мое почтеніе...

– Разрѣшите еще одинъ вопросъ, профессоръ. Чѣмъ заняты вы въ настоящую минуту?

— А-а? Письмо-съ пишемъ!

— Какое письмо?

— А-а-а? Любовное-съ!!!

Онъ быстро вышелъ

На другой день въ „Сѣверномъ Листкѣ“ можно было прочитать:

„Желая всесторонне изучить вопросъ о возрастающемъ числѣ самоубійствъ, мы рѣшили обратиться, какъ къ представителямъ искусства, такъ и науки. Мы посѣтили г-жу Большепальскую. Молодая артистка родилась въ Ватиканѣ и выросла въ Римѣ. Свое драматическое образованіе она закончила въ парижской консерваторіи по классу Сары Бернаръ, за что и была удостоена Нобелевской преміи. Дузе во многомъ подражаетъ нашей соотечественницѣ, но это не мѣшаетъ ей оставаться недосягаемой въ „Дамѣ съ камеліями“.

„На интересующій насъ вопросъ, артистка отвѣтила, что каждый артистъ и каждая артистка непремѣнно кончаютъ самоубійствомъ, выбравъ для этого подходящій моментъ въ пьесѣ. Нашъ климатъ убійственно дѣйствуетъ на нѣжное дарованіе, подтачивая и безъ того чуткіе нервы“.

„Далѣе мы посѣтили г-жу Мизинчикову. Даровитая артистка отказалась отвѣчать на нашъ вопросъ, такъ какъ буквально завалена ролями, перешедшими къ ней отъ менѣе талантливыхъ подругъ. Только въ нашемъ присутствіи пришелъ изъ

Парижа транспортъ изящнѣйшихъ dessous суммою на 40,000 франковъ".

„Кстати, артистка получила премію на первомъ конкурсѣ ногтей"!

„Мы посѣтили съ этой же цѣлью и великаго ученаго. Мы позвонили. Намъ отворилъ двери привѣтливый ассистентъ".

„Попрошу васъ въ кабинетъ, дружелюбно кивнулъ знаменитый ученый и усадилъ насъ въ покойное кресло. Мы сѣли".

„Какого мнѣнія вы о радіи? Сразу приступили мы къ интересующему насъ вопросу".

„Я очень благодаренъ вамъ, что вы обратились съ этимъ вопросомъ, именно, ко мнѣ. У меня уже имѣются на этотъ счетъ кое-какіе взгляды, которыми я охотно подѣлюсь"...

Далѣе слѣдуютъ ковычки и триста строкъ изъ брошюры профессора. Ковычки закрыты.

— „Не помните-ли вы, спросили мы энергичнаго ученаго, что привело васъ къ вашей диссертаціи?

— Трудненько отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтилъ ученый, протягивая намъ душистую сигару. Это вѣдь было двадцать лѣтъ назадъ.

— А чѣмъ вы заняты въ настоящее время?

— Пишемъ съ ассистентомъ письмо.

— Какое?—полюбопытствовали мы.

— Любовное,—мягко пошутилъ профессоръ, но сейчасъ же детально изложилъ намъ все содержаніе своего дружескаго письма къ Французской Академіи Наукъ.

— Заходите и просто поболтать, — повторялъ, провожая насъ въ передней, гостепріимный ученый и долго кивалъ намъ изъ окна на улицу".

О. Озаровская.

Пріемныя испытанія на оперно-драматическихъ курсахъ.

(Набросокъ углемъ).

Дѣйствующія лица:

Предсѣдатель экзаменаціонной комиссіи.
Почетный членъ.
Секретарь.
Бабичъ
Вавичъ
Дадичъ
Зазичъ
Баронесса Гильзенъ-Пильзенъ.
Армянинъ
} Экзаменующіеся

Предсѣдатель. Сюда, сюда, ваше превосходительство, пожалуйте... осторожнѣе, вотъ сюда... Милостивыя государыни... э-э-э и милостивые государи! м-м-м желая дать русскому искусству э-э-э контингентъ вполнѣ подготовленныхъ, такъ сказать, кадръ артистовъ, мы рѣшили въ виду этого открыть оперно-драматическіе курсы. За недостаткомъ времени мы принуждены экзаменовать здѣсь э-э-э. И желающіе могутъ не покидать зала! Ваше Превосходительство, прошу васъ... сюда не угодно-ли? (садятся).

Почетный членъ (смотря въ публику). Я говорю, много хорошенькихъ! А-а? Хорошенькія!

Предсѣдатель. Да, да! Владиміръ Ардальоновичъ, прочитайте, пожалуйста.

Секретарь. Со дня открытія оперно-драматическихъ классовъ по настоящее число, т. е. въ теченіе трехъ сутокъ подано прошеній: отъ лицъ женскаго пола 1273.

Почетный членъ. Очень хорошо!

Секретарь. И отъ лицъ 'мужескаго пола—17...

Почетный членъ. Многовато.

Секретарь. Итого 1290 прошеній. Желая со всѣмъ вниманіемъ отнестись къ экзаменующимся, комиссія постановила допустить сегодня къ испытаніямъ лишь пять особъ женскаго пола, г-жъ: Бабичъ, Вавичъ, Дадичъ, Зазичъ и баронессу Гильзенъ-Пильзенъ.

Почетный членъ. (смотря въ публику). Есть хорошенькія, я говорю! Это все экзаменующіяся?

Предсѣдатель. Нѣтъ, ваше превосходительство, это публика! Экзаменующіяся вотъ здѣсь.

Почетный членъ. А-а! Очень хорошо, очень хорошо! похвально!

Предсѣдатель. Разрѣшите начать, ваше превосходительство?

Почетный членъ. Что начать? Начинайте, да, начинайте!

Предсѣдатель. Г-жа Бабичъ! Сколько вамъ лѣтъ?

Бабичъ. Шестнадцать.

Предсѣдатель. Вы уже играли?

Бабичъ. Да.

Предсѣдатель. Имѣли большую практику?

Бабичъ. Да.

Предсѣдатель. Гдѣ вы играли?

Бабичъ. Да.

Предсѣдатель. Т. е. какъ да? Въ какомъ театрѣ вы играли?

Бабичъ. Да... Въ институтѣ... стихи...

Предсѣдатель. Въ институтѣ стихи играла, ваше превосходительство. Я думаю, пусть прочтетъ какую-нибудь басню? Прочтите басню!

Почетный членъ. }
Бабичъ. } (вмѣстѣ) Д-да! Да.

Предсѣдатель. Не волнуйтесь, не волнуйтесь! Мы имѣемъ въ виду, что вы первая ..

Почетный членъ. Произнесите... Она молоденькая!

Бабичъ. Да...

Стрекозунья-попрыга...
Приказунья сострига...
Лѣто красное пропѣла
Успѣнуться не оглѣла,
Какъ зима глазитъ въ кота...
Почистѣло мертво пеле,
Нѣтъ цвѣтовъ тѣхъ яркихъ болѣ,
Какъ подъ листымъ ей каждкомъ
Былъ столовъ и готъ и домъ.
Все прошло. Съ зимой холодной
Нужда—голодъ станаетъ,—
Поеза ужъ не стрекётъ,
И уму же въ кумъ придетъ
На голудокъ пѣть желудный.
Злой друкой утолщена
Къ ползовью мурвётъ она;
„Не кумавь меня, ставъ милый,
„Дай ты мнѣ собраться съ силой
„И до днешнихъ только вей
„Проморги и обмокрѣй“!
— Страннушка, мнѣ кумно это,
Да работала-ль ты лѣто?
Муравитъ ей говорей.
„Да голубь, товольчикъ, было?
„Въ муркихъ мяхковахъ у насъ
„Пѣсни, рѣзность, чацкій квасъ,
„Такъ что кружеву всгловило“...
— А такъ ты... Я безъ души...
Цѣло лѣтое все пѣла...
— Ты все сѣла? Тѣло-бѣло,
Такъ пляши-же попади!

Почетный членъ. Очень мило! она по итальянски?

Предсѣдатель. Нѣтъ, это она отъ волненія, ваше превосходительство, волнуется.

Почетный членъ. А-а! Волнуется! Она молоденькая—принять по моему...

Предсѣдатель. Г-жа Вавичъ? Вы въ какой классъ экзаменуетесь?

Вавичъ. Въ Оперный. Въ партіи Тамары.

Почетный членъ. Это цыганская Тамара? Я люблю Тамару.

Предсѣдатель. Нѣтъ, ваше пр—во, это она изъ оперы будетъ, изъ Демона...

Вавичъ. (къ аккомпаніатору) Могу васъ попросить: „Ночь тэпла, ночь тиха"!

Почетный членъ. Хорошенькая!

Вавичъ (поетъ съ цыганскимъ пошибомъ)

Ночь тиха, ночь тэпла,
Нэ могу я уснуть!
Ха—и онъ тутъ прэдо мной,
Кто-бъ онъ былъ, кто-бъ онъ былъ?
Кто, кто, кто-бъ онъ былъ?
Кто, кто, кто-бъ онъ былъ?

Я нэ могу дальше пэть съ такимъ аккомпанымэнтомъ.

Почетный членъ. Очень хорошо! Принять! Я люблю...

Секретарь. Съ большимъ шикомъ исполнено, ваше превосходительство!

Предсѣдатель. Есть, есть этакое entrain! Г-жа Дадичъ! Васъ какія роли влекутъ къ себѣ?

Дадичъ (съ южно-русскимъ акцентомъ). Трагическія. Играла на Голой Пристани около Херсона.

Предсѣдатель. Что у васъ приготовлено?

Дадичъ. Монологъ Медеи съ Еврипида. „О презрѣннѣйшій! Не нахожу другого слова, чтобы высказать тебѣ всю твою робкую низость. Ты думаешь, что смотрѣть въ глаза человѣку, которому причинилъ столько зла, что это храбрость! Это только одно безстыдство! Сколько разъ ты пожи-

малъ эту руку и сколько разъ обнималъ эти колѣни, и теперь ты задумалъ жениться на другой, имѣя отъ меня двоихъ дѣтей. Хорошаго и вѣрнаго мужа имѣетъ Медея, когда я одна пойду скитаться по Греціи, совершенно одна, только съ двоими дѣтьми. И хорошаго, вѣрнаго жениха пріобрѣтаетъ невѣста, когда я одна пойду слоняться по Греціи, а ты заболѣешь сердцемъ".

Почетный членъ. Это она про меня?

Предсѣдатель. Нѣтъ, ваше превосходительство, это она играетъ. Трагическая она.

Секретарь. Серьезный выборъ, ваше превосходительство.

Почетный членъ. А метрическое у нея въ порядкѣ?

Предсѣдатель. Какъ же, какъ же! Г-жа Зазичъ!

Зазичъ. Я ученица Мейерхольда! Можетъ быть, меня освободятъ отъ испытаній?

Предсѣдатель. Она уже училась, ваше пр—во, брала уроки. У Мейерхольда!

Почетный членъ. Кто такой Мейерхольдъ?

Предсѣдатель. Потрудитесь объяснить его превосходительству, кто такой Мейерхольдъ?

Зазичъ. Это великій учитель, который вѣчно ищетъ стилизаціи.

Почетный членъ. Какая стилизація?

Предсѣдатель. Объясните, что такое стилизація.

Зазичъ. Это страшное переживаніе на одной струнѣ! Внутренняя ритмичность красокъ... Я прочту стихотвореніе Андрея Бѣлаго.

Почетный членъ. Почему бѣлаго? Сѣдой?

Предсѣдатель. Нѣтъ, это псевдонимъ, ваше превосходительство.

Зазичъ (въ одну ноту декламируетъ):

Ни ночь, ни день,
Ни день, ни ночь,
Ни день, ни тѣнь,
Ни сѣнь, ни день,
Ни день, ни ночь,
Ни жизнь, ни смерть,
И ты все съ ней!
Она съ тобой,
Зоветъ съ мольбой
Мольбой, мольбой.
Ты вдаль, ты прочь,
Она съ тобой
И ты все съ ней.
И ты пойдешь
Искать сквозь сонъ,
Сквозь чудный сонъ,
Искать свой сонъ,
Волшебный сонъ.

(Во время этого исполненія Секретарь шепчетъ: „Обратите вниманіе, ваше превосходительство,—на одной струнѣ"!)

Почетный членъ. Мнѣ нравится на одной струнѣ. Принять!

Предсѣдатель. Баронесса Гильзенъ-Пильзенъ!

Почетный членъ. А вы не родственница пинскимъ Гильзенъ-Пильзенамъ?

Баронесса (грасируетъ) Это родной двоюродный братъ beau frère'a моего папа!

Почетный членъ. А-а! Какъ-же, какъ-же! Я васъ этакой еще помню... и вы тогда уже пѣли. Помню, помню!

Баронесса. Я всегда пѣла. Меня такъ и называли въ дѣтствѣ—„девять музъ".

Почетный членъ. Помню, помню... (обращаясь къ членамъ комиссіи, строго) — Принять!

Предсѣ'датель. Неудобно, ваше прево-

сходительство! Для проформы хотя-бы — необходимо.

Секретарь. Только для проформы.

Предсѣдатель. Вы, баронесса, въ какой классъ экзаменуетесь?

Баронесса. У меня драматическое дарованіе и голосъ открылся, такъ что я въ оба...

Предсѣдатель. Будьте любезны намъ что-нибудь прочитать.

Баронесса. У меня лирическое дарованіе и всѣ знакомые говорятъ, что у меня ужъ лицо свѣтлаго луча въ темномъ царствѣ, такъ что ужъ я... „Катерину". Когда Катерина одна... совершенно одна.

„Ахъ, Боже мой, какія слова онъ мнѣ говорилъ? Ахъ всѣ забыла! Pardon, сейчасъ... да. Ахъ, брошусь въ постель, какъ въ могилу темную... Издалека только пѣнье похоронное доносится. Гдѣ ты, радость, откликнись! Ахъ, вѣтры буйные, унесите всю мою тоску-печаль, ахъ-ахъ-ахъ"!..

Вотъ плакать я еще не выучилась...

Почетный членъ. И не надо плакать! Никогда не плачьте! Принять!

Предсѣдатель. Баронесса хотѣла еще намъ что-то спѣть?

Баронесса (аккомпаніатору). Будьте любезны—„Ночь" Рубинштейна (поетъ и кончая самодовольно улыбается).

Комиссія (апплодируетъ).

Предсѣдатель (секретарю). Прочтите! (Уходитъ съ почетнымъ членомъ, на ходу апплодируя).

Секретарь (читаетъ). По постановленію экзаменаціонной комиссіи признаны вполнѣ удовлетворяющими ея требованія и потому приняты въ оперно-драматическіе классы г-жи: Бабичъ! Вавичъ! Дадичъ! Зазичъ! и баронесса Гильзенъ-Пильзенъ!

Баронесса. Merci.

Армянинъ. Хотя я прашэнья нэ подавалъ, но позвольтэ мнэ тоже прàэкзамыноватса! Въ такомъ случаи я прочытаю стыхотворэнье довольно извэстнаго русскаго пàэта Михъаила Лермонтова.

Въ минуту жизни трудную,
Тэснитця-ль въ сэрдцэ грусть,
Адну малитву чудную
Твэржю я нàизусть.
Есть сыла блàгодàтная
Въ созвучъи словъ живыхъ
И дышитъ нэпонятная,
Святая прэлэсть въ ныхъ.
Съ души, какъ брэмя скатытця,
Сомнэнья далеко
И вэритця, и плачитця,
И такъ лѐхко, лéхко, лѐхко!

О. Озаровская.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

АВТОРЫ.

Аверченко, А

Двойникъ 489.
Рыцарь индустріи, 435.

Allegro.

Какой покой глубокій, безмятежный, 237.
Царевичъ, 293.

Амфитеатровъ, А.

Покаяніе Филиберта, 94.

Анда, Г.

Чародѣй-Соловей, 463.

Андреевъ-Бурлакъ.

Визитъ, 514.

Андрусонъ, Л.

Въ глухую ночь моей печали, 148.
За работой, 318.

Апухтинъ, А.

„Она была твоя...", 284.

Балтрушайтисъ.

Есть среди грезъ одинокихъ одна, 303.

Бальмонтъ, К. Д.

Доброй ночи (Изъ П. Шелли), 150.

Колыбельная пѣсня, 337.
Лебедь, 394.
Мертвые корабли. 219.
Мостъ вздоховъ (Изъ Т. Гуда), 307.
На рубежѣ, 183.
Правда, 336.
Смерть (Изъ П. Шелли), 144.
Человѣчки, 292.
Шиповникъ, 348.

Барыкова.
Предъ разсвѣтомъ (Изъ В Гюго), 288.

Башкинъ, В.
Зачѣмъ такъ грустно въ безмолвномъ небѣ, 204.
Златокудрая осень, 205.

Бенгальскій.
Въ кустахъ, 553.

Блокъ, А.
Пляска, 203.
Сомнѣнья нѣтъ, 306.
Старыя мысли, 164.
Тѣни на стѣнѣ, 149.

Брюсовъ, В.
И ляжемъ мы въ вѣкахъ, 250.
Искатель, 143.
Искушеніе, 407.
Кубокъ, 278.
Мечты любимыя, завѣтныя мечты, 295
Одиночество, 154.
Первыя встрѣчи, 163.
Прощальный взглядъ, 260.
Чудовища, 331.

Буниинъ, И.
Въ сторонѣ, далекой отъ родного края, 236
Крестъ въ долинѣ при дорогѣ, 259
Лѣсная дорога, 194.

Буренинъ, В.
Праздникъ Нерона, 267.
Сонетъ (Изъ Ф. Петрарки), 150.
Сонъ Евгенія Арама (Изъ Т. Гуда), 385.

Бухарова, З.

Изъ осеннихъ мелодій, 301.

Бѣлый, А.

Каторжникъ, 371.

Вейнбергъ, П. И.

Греза пловца (Изъ М. Арндта), 275.
Дневникъ дамы. 550.
Молодость, 283.
Свободный человѣкъ, 447.
Сумерки боговъ (Изъ Г. Гейне), 172.

Веселовскій, Ю.

Если-бъ розы весной (Изъ П. Туріана), 157.

Воиновъ, В.

Женская непослѣдовательность, 473

Вяткинъ, Г.

Гимнъ юности, 158.

Галина, Г.

Весна, опять весна на родинѣ моей, 316.
Пускай погибшими мечтами, 392.

Гальперинъ, М.

Огоньки, 246.
Сынъ часовщика, 175.

Гамсунъ, К

Александръ и Леонарда, 103.
Кольцо, 28

Гейне, Г.

Атта Тролль, 207.

Гербановскій, М.

Въ паркѣ (изъ В. Гомулицкаго), 200.
Semper idem (изъ А. Асныка), 158.

Гете, В.

Баядерка (индійская легенда), 129.

Гиппіусъ, З.
Все кругомъ, 396.
Гоголь, Н. В.
Жизнь, 56.
Голенищевъ-Кутузовъ.
Зачѣмъ кипитъ въ груди негодованіе, 332.
Снилось мнѣ... 322.
Гольцъ-Миллеръ.
Euthanasia (изъ Байрона), 365.
Гомулицкій, В.
Поцѣлуй, 87.
Городецкій, С.
Русь, 224.
Гофманъ, В.
У меня для тебя, 402.
Гриневская, И.
Сѣдокъ, 443.

Додэ.
Легенда о человѣкѣ съ золотымъ мозгомъ, 66.
Достоевскій, Ѳ. М.
Случай съ чиновникомъ Макаромъ Дѣвушкинымъ (изъ ром. „Бѣдные люди"), 3.
Дымовъ, О.
Новоселье, 545.
Поэтъ и она, 120
Чортъ, 541.

Жемчужниковъ.
Чувствъ и думъ несмѣтный рой, 227.
Жуковскій.
Три путника (изъ Уланда), 270.

Золя, Э.
Кризисъ, 19.

Коклэнъ Старшій.

Изъ неизданныхъ монологовъ, 497.

Коклэнъ Младшій.

Изъ неизданныхъ монологовъ, 507.

Коринфскій, А.

Жизнь и смерть, 340.
Пѣсня бѣдняка (изъ Конопницкой), 138.

Короленко, В. Г.

Старый звонарь, 71.

Красновъ, П.

Минулъ день (изъ Г. Лонгфелло), 355.

Кречетовъ, С.

Алкоголь, 281.

Крыловъ, И.

Парнасъ, 453.

Купринъ, А. И.

Демиръ-Кая, 30.

Курочкинъ, В.

Природа, вино и любовь, 487.
Тоска по родинѣ (изъ П. Беранже), 235.

Лагерлефъ, С.

Сигридъ Сторреда, 42.

Лейкинъ, Н.

Наши за границей (отрывокъ), 527.

Лермонтовъ, М.

Я не хочу, что-бъ свѣтъ узналъ, 233.

Лерскій, И.

На концертѣ, 519.
Похороны по четыремъ разрядамъ, 465.

Лохвицкая, М. А.

Въ моемъ незнаньи такъ много вѣры, 263.
Не забыть никогда, 146.

Спящій лебедь, 218.
Умѣй страдать, 284.

Луговой, А.

Силуэтъ, 415

Льдовъ, К.

Городъ полуночной грезой объятъ, 305.

Майковъ, А.

Жрецъ, 360.
Сонъ въ лѣтнюю ночь, 252.

Маковскій, С.

Будь юной, дерзкою царицей, 391.
Гитана, 136.
Ожиданіе, 395.

Мей, Л.

Цвѣты, 298.

Мережковскій, Д.

Парки, 276.
Пойми-же, наконецъ, пойми, 377.

Миличъ, Е. М.

Я голубю сказалъ... (изъ Ф. Коппе), 133

Минскій, Н. М.

Быть можетъ, міръ прекраснѣй былъ когда-то, 247.
Она, какъ полдень, хороша, 251.
Прокаженный, 215.
Пророкъ, 367.
Серенада, 280.
Ты вершины достигъ, 254.

Минъ, Д. И

Сонетъ (изъ ф. Петрарки), 171.

Мирэ.

При лунномъ свѣтѣ, 26.

Михайлова, О.

Жрецъ богини Герты, 161.

М-ва, О.
Звѣздная ночь (изъ С. Петефи), 261.
М-новъ, А.
Послѣдняя роза (изъ Т. Мура), 324.
Навроцкій, А.
Утесъ на Волгѣ, 317.
Надсонъ, С.
Грезы, 403.
Мнѣ снилось вечернее небо, 277.
Умерла моя муза, 412.
Некрасовъ, Н.
Хмѣль, 354.
Немировичъ-Данченко, В.
Монологъ, 228.
Странникъ, 289.
Я шелъ кремнистою дорогою, 369.
Никитинъ, И. С.
Бѣдная молодость, дни невеселые, 393.
Когда одинъ, въ минуты размышленія, 338.
Портной, 229.
Пѣсня бобыля, 273.
Никифоровъ, Н.
Влюбленные, 455.
Ниркомскій.
Розы, 115.
Норманскій, С.
Розы, 323.
Н. Н.
Кому я хочу и не хочу нравиться (изъ Г. Лессинга), 450
Н. Ч.
Городъ (изъ Э. Верхарна), 374.
Озаровская, О.
Интервью, 565.
Пріемныя испытанія на оперно-драматическихъ-курсахъ, 569.

Островскій.
Не сошлись характерами, 533.

Павловъ, К.
Небо блещетъ бирюзою, 238.
Ночлегъ Витикинда, 310.

Петровскій, Н.
Прочь съ глазъ моихъ (изъ А. Мицкевича), 345.

Плещеевъ, А.
Жаль мнѣ тѣхъ—чья гибнетъ сила, 264.
Разстался я съ обманчивыми снами, 265.

Пожарова, М.
Качели, 342.

Полонскій, Я.
Голодъ, 335.
Колокольчикъ, 383.

Потемкинъ.
Дипломатъ, 501.
Каллистратъ, 495.
На балъ, 461.

Преображенскій, П.
Практическіе совѣты, 551.

Прутковъ, К.
Станъ и голосъ, 454.

П. Я.
Благословеніе (изъ Ш. Бодлэра), 187.
Веселый лучъ, 382.
Весенняя сказка, 151.
Флаконы, 191.

Растопчина, графиня.
Три любви, 199.

Ратгаузъ, Д.
Уснуло все, 358.

Розенгеймъ, М. П.
Гремячая башня, 195.

Рославлевъ, А.
Гусляръ, 413.
Игрушки, 410.

Салтыковъ, М. (Щедринъ).

Вѣрный Трезоръ, 36.
Коняга, 33.

Сафоновъ, С.

Не грезилъ я, 401.

Серафимовичъ, А.

Сцѣпщикъ, 112.

Символистъ.

Скрытый талантъ, 428.

Скиталецъ.

Сказка, 285.
На могучемъ конѣ кто-то гнался за мной, 296.

Сладкопѣвцевъ, В.

По свадебному дѣлу, 457.

Случевскій, К. К.

Свадьба, 192.

Соймоновъ, М.

Пойдемъ! 342.

Сологубъ, Ѳ.

Восходъ солнца, 278.
Колыбельная, 201.
Люблю блуждать я надъ трясиною, 175.
По жестокимъ путямъ бытія, 323.
Ревнивый актеръ, 516.
Родникъ, 255.

Соловьевъ, С.

Коснись рукой до струнъ, 396.

Стражевъ, В.

Блаженны мирно спящіе, 287.
Бродитъ мальчикъ, 359.

Стружкинъ.

Неудачная мысль, 447.

Танъ, В. Г.

Весна, 233.
Легкій сумракъ мягкой дымкой (изъ М. Конопницкой), 160.
Судьба (изъ А. Негри), 135.

Твэнъ, М.

Анекдоты и великодушіи, 419.

Телешовъ, Н.

Если-бъ я былъ, 27.

Тетмайеръ, К.

Юбиляръ, 51.
Роза, 124.

Толстой, Л.

Дѣтство, 23.

Толстой, А.

Грѣшница, 325.
Змѣй-Тугаринъ, 167.
Курганъ, 244.
Правда, 363.
Слѣпой, 350.
Соломенный женихъ, 440.

Трефолевъ, Л.

Грамотка, 460.

Тулубъ, П.

Зимняя ночь, 241,

Тургеневъ, И. С.

Сонъ, 206.

Тхоржевскій, И.

Вѣнокъ (изъ А. де-Ренье), 347.
Кто умеръ отъ любви (изъ С. Прюдома), 400.
Къ Италіи (изъ. Д. Леопарди), 139.
Пантера (изъ С. Прюдома), 331.
Самому себѣ (изъ Д. Леопарди), 189.
Тѣла и тѣни (изъ С Прюдома), 238.

Тэффи.

Въ кине-мато-скопо-біо-фоно и проч.-графѣ, 503.
Покаянное, 555.
Свой человѣкъ, 475.

Тютчевъ, Ѳ.

Какъ надъ горячею золой, 249.
Она сидѣла на полу, 399.
Silentium, 339.
Съ поляны коршунъ поднялся, 249.

Уайльдъ, О.

Ваятель, 123.
Поэтъ, 29.
Судъ, 92.
Счастливый принцъ, 8.

Урванцовъ, Л.

То было, 468.

Успенскій, Г.

Опосля, 561.
Прошлое Ивана Босыхъ, 77.
Расправа, 430.

Фетъ, А.

Какъ мошки зарею, 250.
Какъ ясность безоблачной ночи, 305.
Мелодія, 291.
На зарѣ ты ея не буди, 320.
Однимъ толчкомъ согнать ладью живую, 251.
Тайна, 248.
Шопотъ. Робкое дыханіе, 203.

Фофановъ, К. М.

Вечерняя звѣзда, звѣзда моей печали, 144.
Далекіе міры, какъ огненныя зерна, 163.
Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя, 134.
Ищите новые пути! 296.
Мелодія, 202.
Пѣсня, 239.
Я зналъ, 177.

Фругъ, С.
Весною, 320.
Грядущее, 136.
Зачѣмъ, 379.

Черниговецъ, Ф. В.
Къ Еленѣ (изъ Э. Поэ), 155.

Черный, С.
Въ гостяхъ, 456.
Культурная работа, 473.
Пасхальный перезвонъ, 485.
Переутомленіе, 485.

Чеховъ, А.
Горе, 59.
Налимъ, 479.

Чехонте, А.
Канитель, 559.

Чюмина, О.
Даль (изъ Я. Броунингъ), 411.
Изъ „Пятнадцати пѣсенъ", 400.
Подобно ловчему, сѣдому старику (изъ Ф. Коппе), 253.
Сходство (изъ С. Прюдома), 293.

Ч-скій, Ѳ.
Ночь-ли, горящая ризою звѣздною (изъ А. Теннисона), 279.
Я тихо брелъ въ тѣни задумчиваго сада (изъ Т. Мура), 282.

Шоломъ-Алейхемъ.
Приняли, 522.

Щепкина-Куперникъ, Т.
Изъ женскихъ писемъ, 178.
Неугасимая лампада, 190.
Ода солнцу (изъ „Шантеклера" Ростана) 333.

Эллисъ.
Грустная бесѣда (изъ П. Верлэна), 274.

Эллисъ.

За окномъ, словно въ рамкѣ картины (изъ П. Верлэна), 133.
Рожденіе арфы (изъ Т. Мура).

Яхонтовъ, А.

Все для него она забыла, 257.

Ѳедоровъ, А.

Въ вечерній часъ я тихо степью брелъ, 258.
Нынче ночью кто-то одинокій, 226.
Первая любовь, 262.
Сфинксъ, 398.

ЧАСТЬ I.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА.

Александръ и Леонарда. К. Гамсунъ, 103.

Ваятель.—О. Уайльдъ, 123.
Вѣрный Трезоръ.—М. Салтыковъ, 36.

Горе.—А. П. Чеховъ, 59.

Демиръ-Кая.—А. И. Купринъ, 30.
Дѣтство.—Л. Н. Толстой, 23.

Если-бъ я былъ...—Н Телешовъ, 27.

Жизнь.—Н. В. Гоголь, 56

Кольцо (изъ Кнута-Гамсуна). Пер. С. Поляковъ, 28.
Коняга.—М. Салтыковъ (Щедринъ), 33.
Кризисъ.—Э Золя, 19.

Легенда о человѣкѣ съ золотымъ мозгомъ.—А. Додэ, 66.

Покаяніе Филиберта.—А Амфитеатровъ, 94
Поцѣлуй.—В. Гомулицкій, 87.
Поэтъ и она. О. Дымовъ, 120.
Поэтъ.—О. Уайльдъ, 29.
При лунномъ свѣтѣ.—Мирэ, 26.

Прошлое Ивана Босыхъ.—О. Успенскій, 77.

Роза.—К. Тетмайеръ, 124.

Сигридъ-Сторреда.—С. Лагерлефъ, 42.
Случай съ чиновникомъ Макаромъ Дѣвушкинымъ изъ романа „Бѣдные люди". — Ѳ. М. Достоевскій, 3.
Старый звонарь.—В. Г. Короленко, 71.
Судъ.—О. Уайльдъ, 92.
Сцѣпщикъ.—А. Серафимовичъ, 112.
Счастливый принцъ.—О. Уайльдъ, 8.

Юбиляръ.—К. Тетмайеръ, 51.

ЧАСТЬ II.—ПОЭЗІЯ.

Алкоголь. С. Кречетовъ, 281.
Атта Тролль.—Г. Гейне, 207.

Баядерка (Индійская легенда).—В. Гете, 129.
Благословеніе (изъ Ш. Бодлэра).—П. Я., 187.
Блаженны мирно спящіе.—В. Стражевъ, 287.
Бродитъ мальчикъ.—В. Стражевъ, 359.
Будь юной, дерзкою царицей.—С. Маковскій, 391.
Быть можетъ, міръ прекраснѣй былъ когда-то.—Н. Минскій, 247.
Бѣдная молодость, дни невеселые. — И. Никитинъ, 393.

Весенняя сказка. П. Я., 151.
Веселый лучъ.—П. Я., 382.
Весна.—Танъ, 233.
Весна, опять весна на родинѣ моей. – Г. Галина, 316.
Весною.—С. Фругъ, 320.
Вечерняя звѣзда, звѣзда моей печали.—К. М. Фофановъ, 144.
Восходъ солнца. – Ѳ. Сологубъ, 278.
Все для него она забыла.—А. Яхонтовъ, 257.

Все кругомъ.—З. Гиппіусъ, 396.
Въ вечерній часъ я тихо степью брелъ. — А. Ѳедоровъ, 258.
Въ глухую ночь моей печали. - Л. Андрусонъ, 148.
Въ моемъ незнаньи такъ много вѣры. — М. Лохвицкая, 263.
Въ паркѣ (изъ В. Гомулицкаго). — М. Гербановскій, 200
Въ сторонѣ, далекой отъ родного края. — И. Бунинъ, 236.
Вѣнокъ (изъ А. де-Ренье). — И. Тхоржевскій, 347.

Гамлетъ (Дѣйствіе III, сцена I), 315.
Гимнъ юности.—Г. Вяткинъ, 158
Гитана.—С. Маковскій, 136.
Голодъ.—Я. Полонскій, 335.
Городъ (изъ Э. Верхарна).—Н. Ч., 374.
Городъ полуночной грезой объятъ. К. Льдовъ, 305.
Греза пловца (изъ М. Арндта).—П. Вейнбергъ, 275.
Грезы.—С. Надсонъ, 403.
Гремячая башня.—М. П. Розенгеймъ. 195.
Грустная бесѣда (изъ П. Верхарна).—Эллисъ, 274.
Грядущее.—С. Фругъ, 136.
Грѣшница.—А. Толстой, 325.
Гусляръ. А. Рославлевъ, 413

Далекіе міры, какъ огненныя зерна. — К. Фофановъ, 163.
Даль (изъ Я. Броунингъ).—О. Чюмина, 411.
Доброй ночи (изъ П. Шелли).—К. Д. Бальмонтъ, 150.

Если бъ розы вешней (изъ П. Туріана).—Ю Веселовскій, 157.
Есть среди грезъ одинокихъ одна. — Ю. Балтрушайтисъ, 303.
Euthanasia (изъ Г. Байрона). — И. Гольцъ-Миллеръ, 365.

Жаль мнѣ тѣхъ — чья гибнетъ сила. — А Плещеевъ, 264.
Жизнь и смерть.—А. Коринфскій, 340.
Жрецъ.—А. Майковъ, 360.
Жрецъ богини Герты.—О. Михайлова, 161.

За окномъ, словно въ рамкѣ картины (изъ П. Верлэна). Пер. Эллисъ, 133.
За работой.—Л. Андрусона, 318.
Зачѣмъ?—С. Фругъ, 379.
Зачѣмъ кипитъ въ груди негодованіе.—А. Голенищевъ-Кутузовъ, 332.
Зачѣмъ такъ грустно въ безмолвномъ небѣ. — В. Башкинъ, 204.
Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя. — К. Фофановъ, 134.
Звѣздкая ночь (изъ С. Петефи). О. М-ва, 261.
Зимняя ночь,—П. Тулубъ, 241.
Златокудрая осень.—В. Башкинъ, 205.
Змѣй Тугаринъ —Л. Толстой, 167.

Игрушки.—А. Рославлевъ, 410.
Изъ женскихъ писемъ.—Т. Щепкина-Куперникъ, 178.
Изъ осеннихъ мелодій.—З. Бухарова, 304.
Изъ „Пятнадцати пѣсенъ".—О. Чюмина, 400.
И ляжемъ мы въ вѣкахъ.—В. Брюсовъ, 250.
Искатель.—В. Брюсовъ, 143.
Искушеніе.—В. Брюсовъ, 407.
Ищите новые пути!—К. Фофановъ, 296.

Какой покой глубокій, безмятежный —Allegro, 237.
Какъ мошки зарею.—А. Фетъ, 250.
Какъ надъ горячею золой.—Ѳ. Тютчевъ, 249.
Какъ ясность безоблачной ночи.—А Фетъ, 305.
Каторжникъ.—Андрей Бѣлый, 383.
Качели —М. Пожарова, 342.
Когда одинъ, въ минуты размышленія. - И. Никитинъ, 338.
Колокольчикъ.—Я. Полонскій, 383.
Колыбельная.—Ѳ. Сологубъ, 201.
Колыбельная пѣсня.—К. Бальмонтъ, 337.
Крестъ въ долинѣ при дорогѣ.—И. Бунинъ, 259.
Коснись рукой до струнъ.—С. Соловьевъ, 396.
Кто умеръ отъ любви (изъ С. Прюдома).—И Тхоржевскій, 400.
Кубокъ.—В. Брюсовъ, 278.
Курганъ.—А. Толстой, 244.
Къ Еленѣ (изъ Э. Поэ).—Ф. Черниговецъ, 155.

Къ Италіи (изъ Д. Леопарди).—И. Тхоржевскій, 139.

Лебедь.—К. Бальмонтъ, 394.
Легкій сумракъ, мягкой дымкой (изъ М. Конопницкой).—Танъ, 160.
Люблю блуждать я надъ трясиною. — Ѳ. Сологубъ, 175
Лѣсная дорога.—И Бунинъ, 194.

Мелодія.—К. М. Фофановъ, 202.
Мелодія.—А. Фетъ, 291.
Мертвые корабли.—К. Бальмонтъ, 219.
Мечты любимыя, завѣтныя мечты.—В. Брюсовъ, 295.
Минулъ день .. (изъ Г. Лонгфелло) П. Красновъ, 355.
Мнѣ снилось вечернее небо.—С. Надсонъ, 277.
Молодость.—П. Вейнбергъ, 283.
Монологъ.—В. Немировичъ-Данченко, 228.
Мостъ вздоховъ (изъ Т. Гуда). К. Бальмонтъ, 307.

На зарѣ ты ея не буди.—А. Фетъ, 320.
На могучемъ конѣ кто-то гнался за мной. — Скиталецъ, 296.
На рубежъ.—К. Бальмонтъ, 183.
Небо блещетъ бирюзою.—К. К. Павловъ, 238.
Не грезилъ я.—Сафановъ, 401.
Не забыть никогда.—М. Лохвицкая.
Неугасимая лампада. Т. Щепкина-Куперникъ, 190.
Ночлегъ Витикинда.—К. Павловъ, 310.
Ночь-ли, горящая ризою звѣздною (изъ А. Теннисона).—Ѳ. Ч-скій, 279.
Нынче ночью кто-то одинокій.—А. Ѳедоровъ, 226

Огоньки.—М. Гальперинъ, 246.
Ода солнцу (изъ „Шантеклера" Ростана).—Т. Щепкина-Куперникъ, 333.
Одиночество.—В. Брюсовъ, 154.
Однимъ толчкомъ согнать ладью живую.—А. Фетъ, 251.
Ожиданіе.—С. Маковскій, 395.
Она была твоя.—А. Апухтинъ, 284
Она, какъ полдень, хороша.—Н. Минскій, 251.
Она сидѣла на полу.—Ѳ. Тютчевъ, 399.

Пантера (изъ С. Прюдома) – И. Тхоржевскій, 331.
Парки.—Д. Мережковскій, 276.
Первая любовь.—А. Ѳедоровъ, 262.
Первыя встрѣчи.—В. Брюсовъ, 163.
Передъ разсвѣтомъ (изъ В. Гюго). — А. Барыкова, 288.
Пляска.—А. Блокъ, 203.
Подобно ловчему, сѣдому старику (изъ Ф. Коппе). О. Чюмина, 253.
По жестокимъ путямъ бытія.– Ѳ. Сологубъ, 323.
Пойдемъ!—М. Соймоновъ, 342.
Пойми-же, наконецъ, пойми. – Д. Мережковскій 377.
Портной.—И. Никитинъ, 229.
Послѣдняя роза (изъ Т. Мура). — А. М-новъ, 324.
Правда.—К. Бальмонтъ, 336.
Правда.—А. Толстой, 363.
Праздникъ Нерона.—В. Буренинъ, 267.
Прокаженный —Н. Минскій, 215.
Пророкъ.—Н. Минскій, 367.
Прочь съ глазъ моихъ (изъ А. Мицкевича). — Н. Петровскій, 345.
Прощальный взглядъ.—В. Брюсовъ, 260.
Пускай погибшими мечтами.—Г. Галина, 392.
Пѣсня.—К. Фофановъ, 239.
Пѣсня бобыля.—И. Никитинъ, 273.
Пѣсня бѣдняка (изъ М. Конопницкой). — А. Коринѳскій, 138.

Разстался я съ обманчивыми снами. — А. Плещеевъ, 265.
Родникъ.—Ѳ. Сологубъ, 255.
Рожденіе арфы (изъ Уланда) В. Жуковскій, 277.
Розы.—Никомскій, 145.
Розы.– С. Норманскій, 323.
Русь.– С. Городецкій, 224.

Самому себѣ (изъ Д. Леопарди). — И. Тхоржевскій, 189.
Свадьба.—П. Я., 192.
Semper idem (изъ А. Аснык).—М. Гербановскій.158.
Серенада Н.—Минскій, 280.
Silentium.—Ѳ. Тютчевъ, 339.

Силуэтъ.—А. Луговой, 415.
Сказка.—Скиталецъ, 285
Слѣпой.—А. Толстой, 350.
Смерть (изъ П. Шелли).—К. Бальмонтъ, 144.
Сонетъ (изъ Ф. Петрарки).—В. Буренинъ, 150.
Сонетъ („ „ „)—Д. Минъ, 171.
Сонъ.—И. С. Тургеневъ, 208.
Сонъ въ лѣтнюю ночь.—А. Майковъ, 252.
Сонъ Евгенія Арама (изъ. Т. Гуда). — В. Буренинъ, 385
Сонъ часовщика.—М. Гальперинъ, 175.
Сомнѣнія нѣтъ.—А. Блокъ, 306.
Снилось мнѣ.—Голенищевъ-Кутузовъ, 322.
Спящій лебедь.—М. Лохвицкая, 218.
Старыя мысли.—А. Блокъ, 164.
Странникъ.—В. Немировичъ-Данченко, 289.
Судьба (изъ А. Негри), В. Танъ, 135.
Сумерки боговъ (изъ Гейне).—П. И. Вейнбергъ, 172.
Сходство (изъ С. Прюдома).—О. Чюмина, 293.
Сфинксъ.—А. Ѳедоровъ, 398.
Съ поляны коршунъ поднялся.—Ѳ. Тютчевъ, 249.

Тайна.—А. Фетъ, 248.
Тоска по родинѣ (изъ П. Беранже). — В. Курочкинъ, 235.
Три любви.—Графиня Растопчина, 199.
Три путника (изъ Уланда).—В. Жуковскій, 270.
Ты вершины достигъ.—Н. Минскій, 254.
Тѣла и тѣни (изъ С. Прюдома).—И. Тхоржевскій, 238.
Тѣни на стѣнѣ.—А. Блокъ, 149.

У меня для тебя.—В. Гофманъ, 402.
Умерла моя муза.—С. Надсонъ, 412.
Умѣй страдать.—М. Лохвицкая, 284.
Уснуло все...—Д. Ратгаузъ, 358.
Утесъ на Волгѣ.—А. Навроцкій, 314.

Флаконъ.—П. Я., 191.

Хмѣль.—Н. Некрасовъ, 354.

Царевичъ.—Allegro, 293.
Цвѣты.—Л. Мей, 298.

Человѣчки.—К. Бальмонтъ, 292.
Чувствъ и думъ несмѣтный рой. — В. Жемчужниковъ, 227.
Чудовища.—В. Брюсовъ, 331.

Шиповникъ.—К. Бальмонтъ, 348.
Шопотъ. Робкое дыханіе.—А. Фетъ, 203.

Я голубю сказалъ (изъ Ф. Коппе).—Я. Миличъ, 133.
Я зналъ.—К. Фофановъ, 177.
Я не хочу, что-бъ свѣтъ узналъ. — М. Лермонтовъ, 233.
Я тихо брелъ въ тѣни задумчиваго сада (изъ Т. Мура).—Ѳ. Ч-скій, 282.
Я шелъ кремнистою дорогой. — Немировичъ-Данченко, 369.

ЧАСТЬ III.

ЮМОРИСТИКА.

Анекдоты о великодушіи.—М. Твэнъ, 419.

Визитъ.—Андреевъ-Бурлакъ, 514.
Влюбленные.—Никифоровъ, 455.
Въ гостяхъ.—Саша Черный, 456.
Въ кине-мато-скопо-біо-фоно — и проч.-графѣ. — Тэффи, 503.
Въ кустахъ.—Бенгальскій, 553.

Грамотка.—Л. Трефолевъ, 460.

Двойникъ.—А. Аверченко, 489.
Дипломатъ.—Потемкинъ, 501.
Дневникъ дамы.—П. Вейнбергъ, 550.

Женская непослѣдовательность.—В. Воиновъ, 473.

Изъ неизданныхъ монологовъ Коклэна Старшаго, 497.

Изъ неизданныхъ монологовъ Коклэна Младшаго, 507.
Интервью.—О. Озаровская, 565.
Истинная дружба.—Старый Воробей, 418

Каллистратъ.—Потемкинъ, 495.
Канитель.—А. Чехонте, 559.
Кому хочу и не хочу нравиться (изъ Г. Лессинга).—Н. Н., 450.
Культурная работа.—Саша Черный, 473.

Мужъ-то сердится.—Народная, 558.

На балъ.—Потемкинъ, 461.
На концертѣ.—И. Лерскій, 519.
Налимъ.—А. Чеховъ, 479.
Наши за границей (Отрывокъ).—Н. Лейкинъ, 527.
Не сошлись характерами. — Сцена изъ пьесы. А. Островскаго, 533.
Неудачная мысль.—Стружкинъ, 447.
Новоселье.—О. Дымовъ, 545.

О горничныхъ, 538.
Опосля.—Успенскій, 561.

Парнасъ.—И. Крыловъ, 453.
Пасхальный перезвонъ.—Саша Черный, 485.
Переутомленіе.—Саша Черный, 485.
Покаянное.—Тэффи, 555.
По свадебному дѣлу.—В. Сладкопѣвцевъ, 457.
Похороны по четыремъ разрядамъ. — И. Лерскій, 465
Практическіе совѣты.—Преображенскій, 551.
Пріемныя испытанія на оперно-драматическихъ курсахъ.—О. Озаровская, 569.
Приняли.—Шоломъ.—Алейхемъ 522.
Природа, вино и любовь.—В. Курочкинъ, 487.

Расправа.—Успенскій, 430.
Ревнивый актеръ.—Ѳ. Соллогубъ, 516.
Рыцарь индустріи.—А. Аверченко, 435.

Свободный человѣкъ.—П. Вейнбергъ, 447.
Свой человѣкъ.—Тэффи, 475.

Скрытый талантъ.—Символистъ, 428.
Соломенный женихъ.—А. Толстой, 440.
Станъ и голосъ.—К. Прутковъ, 454.
Сѣдокъ.—И Гриневская, 443.

То было.—Л. Урванцовъ, 468.

Чортъ.—О. Дымовъ, 541.

ПОРТРЕТЫ.

Аверченко, 489. — Адашевъ, 435. — Амфитеатровъ, 94.

Байронъ, 365.—Баратовъ, 377.—Бодлэръ, 187. Бороздинъ, 555. — Брюсовъ, 154.—Булатовъ, 350. — Буниnъ, 259.

Вишневскій, 167.—Вульфъ, 303.

Гамсунъ, 103. — Гейне, 207. — Гете, 129. — Гомулицкій. 87.—Городецкій, 224.—Гюго, 267.

Додэ, 66. — Достоевскій. 3. — Дымовъ, 120.

Жвирблисъ, 146.

Золя, 19.

Коклэнъ, 497.—Конне, 253.—Коринфскій, 340.—Кречетовъ, 281.

Леонидовъ, 325.—Лепковскій, 229. — Лерскій, 516.—Лоренцо-ди, 139.—Лужскій, 450.

Минскій, 565. — Миронова, 272. — Мицкевичъ, 345.—Муромцевъ, 244.

Немировичъ-Данченко, 369.

Падаринъ, 479.—Пасхалова, 218. — Потоцкая, 178.—Пржибылко-Потоцкая, 160.

Ратгаузъ, 358.—Розенъ-Санинъ, 507.— Ростанъ, 333. — Рудницкій, 385.

Савина, 192. — Салтыковъ, 36. — Самойловъ, 393.—Серафимовичъ, 112.—Стражевъ, 287.

Твэнъ, 419. — Тинскій, 538. — Тулубъ, 241. — Тэффи, 475.

Уайльдъ, 8.—Успенскій, 77.

Шуваловъ, 315.

Южинъ-Сумбатовъ, 298.

Яворская, 322.

Ѳедоровъ, 398.